

**ГЕРМЕТИКОН
ВАДИМ ПАНОВ**

Новая книга от автора «Тайного Города»
www.germeticon.ru

ЭКСМО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 1200.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 6 (220)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

41 Борис РУДЕНКО

ОСТРОВ, КОТОРОГО НЕТ

Что же ищет необычная троица путешественников на этой захудалой планетке?

163 Майк РЕЗНИК

ШЕСТЬ СЛЕПЦОВ И ЧУЖАК

Находка, сделанная экспедицией в снегах Килиманджаро, подвигла ее участников на творчество, достойное пера самого Папы.

3 Юджин МИРАБЕЛЛИ

ДВОРЕЦ В ОБЛАКАХ

Каналы Венеции - опрокинутое небо. Или небо - простор для свободного плавания?

21 Брэд ЭЙКЕН

СИСТЕМА ОТВЕТОВ

Эта медицинская система не допускает врачебной ошибки. Ведь и врачам в ней, по сути, не место.

95 Николай РОМАНЕЦКИЙ

ТРЕТИЙ ВИРАЖ

Космический волк промахнулся. Цену этой ошибки ему еще предстоит узнать.

119 Пол КОРНЕЛЛ

ИСЧЕЗНУВШИЙ ПРУССАК

Средь шумного бала, случайно... А может быть, не случайно?

145 Франк ХАУБОЛЬД

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

«Остановись, мгновенье!..» В отличие от Фауста герой вовсе не желал произносить эти слова.

105 Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

ЧЁРНЫЙ КОТ БУЛГАКОВА

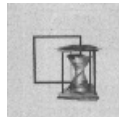
...или Долгая дорога к зрителю.

112 Аркадий ШУШПАНОВ
ВЕНГР В ГОЛЛИВУДЕ

...или Мастер «тюремного кино».

109 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

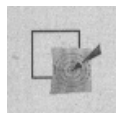
...или Пришельцы в фэндоме.

235 Вл. ГАКОВ

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Судьба капризна. Этот писатель не' был корифеем жанра, он стал его легендой.

241 Сергей ШИКАРЕВ

РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

И критики, и читатели на удивление единодушны: Нью-Корбюзон - один из самых запоминающихся миров в НФ последнего десятилетия.

244 РЕЦЕНЗИИ

Книг в традиционной рубрике немного, но каждая из них должна быть в библиотеке всякого уважающего себя фэна.

266 КУРСОР

Компартия Китая всерьез занялась фантастикой. С одной стороны, запрещаются фильмы о путешествиях во времени, с другой - выделяются огромные бюджеты на кино.

248 Анатолий ПЕХОВ

ВСЕЛЕННАЯ В АРЕНДУ

Межавторские проекты, столь популярные сегодня... Совместно с читателями известный писатель назвал все «за» и «против».

252 «РОСКОН-ГРЕЛКА»

Представляем рассказ, оказавшийся, по мнению редакции, лучшим среди лидеров конкурса.

268 ПЕРСОНАЛИИ

ДЖИН МИРАБЕЛЛИ

ДВОРЕЦ В ОБЛАКАХ

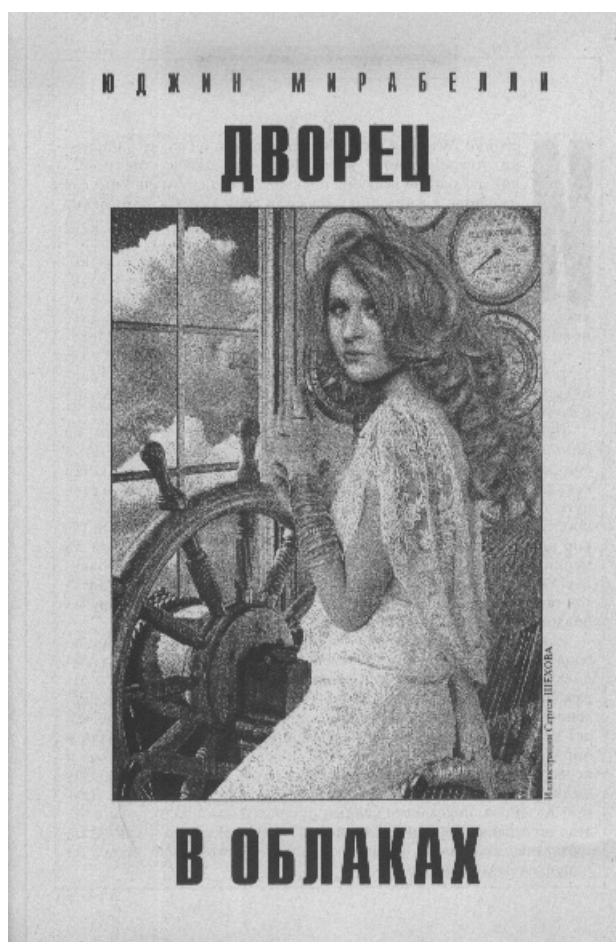

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

1.

История того, как город Венеция вырос на водах Адриатики, представляется вымыслом, чистойшей романтической сказкой. А ведь она правдива. Когда рухнула Римская империя, когда ушли и бросили свои аванпосты римские армии, варвары Севера хлынули грабить и жечь города италийского побережья, насилуя и убивая всех, кто попадался на пути. Тех, кто бежал из дымящихся развалин, преследовали до моря, загоняли в болота, лагуны и топи. Когда захватчики ушли, уцелевшие неуверенно вернулись восстанавливать свои дома, но вскоре на них обрушились новые орды. Грабежи и боины

повторялись снова и снова. Историки считают, что зверское нашествие гуннов Аттилы в 452 году заставило, наконец, несчастных распротиться с надеждой вернуться на материк. И они предпочли заново строить свою жизнь в лагунах.

Первые обитатели Лагуны жили, подобно морским птицам, на циновках из плетеного камыша. Преследовавшие их вооруженные воины по колена проваливались в жидкую грязь и тонули, когда накатывал прилив. А местные жители тем временем находили себе пути в коварном лабиринте безопасных мелких протоков, петляющих через топи, учились рыбачить и ловить птиц. Они строили узкие плоскодонки, на которых, отталкиваясь шестом, плавали по мелким ручьям. Они преуспели и заселили близлежащие островки: кое-какие были едва-едва больше песчаной банки. В 466-м десяток таких поселений объединился, и эта дата не хуже любой других подходит для основания Венеции.

Рожденный из моря город - та самая Венеция пышных дворцов, борделей и разукрашенных церквей, поднимающихся из безмятежного моря, Венеция фресок и расписных потолков, сияющих в отраженном водой солнечном свете, хлопотливая Венеция прославленных купцов и куртизанок, поэтов и художников, - вырос как раз из лагунных поселений. Венецианцы все дальше заплывали в Адриатическое и Средиземное моря; они стали великими купцами и первопроходцами. Один ее сын, Марко Поло, прошел по Великому шелковому пути до восточного края земли, до страны Китай. Другой, Казанова, похвалялся своими путешествиями из будуара в будуар по странам Западной Европы. Из всех государств и княжеств, составлявших Италию, не было такого же богатого или такого же гордого и независимого.

2.

Когда я был совсем мальчишкой, мой дядя Винченцо катал меня в своем открытом двухместном биплане, чудесном старомодном самолетике из дерева, проволоки и ярко расписанной желтой парусины. Вторая мировая война закончилась всего несколько месяцев назад, и я предпочел бы оказаться в истребителе P-40 с акульими зубами на воздухоприемнике, как у «Летающих тигров» например, но дядя бесконечно упивался полетами на рискованном старомодном бипланчике. А для меня даже подняться в воздух было чудесно.

Мы взлетели с травяного поля в Массачусетсе и кругами поднялись в безмятежно голубое небо. Все в тот день меня зачаровывало: миниатюрные домики далеко под нами, облака, превращавшиеся в прохладный туман, когда мы пролетали сквозь них, синие горы на горизонте. Мы направлялись к искристому, сверкающему белому

облаку, величественно громоздящемуся пухлыми белыми уступами. Дядя Винченцо направил биплан к проему между двумя огромными грядами, и тут - все еще в облаке, но без укрывающего тумана - мы замедлили ход, и биплан мягко ткнулся о причал. Мотор кашлянул несколько раз, потом повисла тишина.

- Ха-ха! Мы приземлились на горе! - удивился я.

Мой дядя был автогонщиком (серьезный перелом носа и искореженная левая рука тому свидетели) и все делал быстро. Теперь, выпрыгнув из кабины, он обошел самолет.

- Идем, - сказал он, расстегивая ремень поперек моих коленей. - Presto! - произнес он, поднимая меня из кабины, чтобы поставить на ноги, и добавил: - И авиаторские очки уже можно снять.

- Но они мне нравятся, - запротестовал я. В кожаном шлеме и выпуклых очках легче играть в авиатора.

- Ладно, пусть остаются. Идем.

Он убрал во внутренний карман летной куртки блокнот, здоровой рукой взял мою и пошел быстрым шагом. Мы ступали словно по накрахмаленной скатерти между стен из белого шелка.

- Это не гора, - заявил я. - Совсем.

- Верно, - отрезал он и, волоча меня за собой, взлетел по короткой лестнице.

- Вот Лючия, - сказал он, широким жестом указав на молодую женщину с золотисто-рыжими волосами. - Лючия, это мой племянник Джейсон.

Она подала руку со словами:

- Привет, Джейсон.

Я поздоровался. Рука у нее была мягкая и теплая. Лючия повернулась к дяде.

- Рада тебя видеть. Даже с опозданием на два дня. Но ты что, с ума сошел?

- Я все могу объяснить, - ответил дядя.

- Да, Винченцо, ты всегда можешь... Принести аперитив?.. И как насчет тебя, Джейсон? Хочешь стакан лимонада? Можешь снять очки: здесь, наверху, нет ветра, сам знаешь. Облако - как парусник.

- Это не облако, - сообщил я ей. - Облака сделаны из тумана. А это воздушный шар, или парашют, или еще что.

Она улыбнулась и промолчала.

- Смышленный парнишка, - весело сказал ей дядя.

- Смышленный, - согласилась Лючия. - И ты сошел с ума, раз привез его сюда.

- Где все?

Пожав плечами, Лючия пренебрежительно отмахнулась.

- Зио Доменико в рубке, следит за приборами. Остальные спустились вниз. Карло и Гвидо нашли работу, поэтому, разумеется, Миранда и Аззура отправились с ними. Антонио возвращается на выходные, но в

будни остается внизу. Ну и ладно. Пусть поступают, как знают. Их всех в болото тянет.

- Ты хочешь сказать: на твердую землю.

- Да, в грязь, - согласилась она. - Это ударяет им в головы. Проработав там несколько лет, Антонио возомнил, что все, чему его учили, - ложь. Вся наша долгая история - сказки. Про пропеллеры, про строительство новой рубки... по его словам, это выдумки. Он даже утверждает, что судовые журналы - подделка.

Дядя Винченцо набрал в грудь побольше воздуха, но промолчал.

- Они считают сумасшедшей меня, а я - их, - продолжала Лючия. - Поэтому чувства взаимные. Что бы ни случилось, - добавила она, - я останусь здесь.

- Сколько раз мы это обсуждали?

- Слишком часто.

- Одна ты тут не справишься.

- Ты так думаешь? - Лючия как будто вызывала его на спор.

Мой дядя открыл было рот, но опять передумал.

- Ну... - протянул он.

- Давай не будем об этом.

Из внутреннего кармана летной куртки дядя Винченцо достал то, что я считал книгой: толстый квадратный сверток, как блокнот, только тоньше.

- Это тебе. - Он протянул его Лючии.

Та просияла.

Перекусив пополам ленточку - ух-ты! я никогда не видел, чтобы взрослые так делали, - она быстро разорвала упаковку. Под ней оказались две пластинки в коричневых бумажных конвертах.

- Бесси Смит! - воскликнула Лючия. - И... Ма Рейни! Где ты их нашел? Это чудесно.

- Немало времени понадобилось, - ответил он, явно чем-то довольный.

- Твой дядя хороший человек, - сказала она, поворачиваясь ко мне. - Очень хороший.

Позже дядя и Лючия сидели рядышком на уголке очень длинного стола и пили «чинзано», а я рассматривал картинки и хлипкую старую мебель. По большей части я глядел за окно - дядя не разрешил мне выходить на балкон, - на землю, раскинувшуюся под нами, как раскрашенная пастелью карта. Говорили они тихо, и я уловил медленное мягкое уханье, ритмичное и еле слышное, - какого-то двигателя, наверное. Я проводил глазами крошечный пикап на петляющем проселке, грузовичок двигался быстрее нас и понемногу скрылся из виду. Дядя объяснил Лючии, что ему пришлось взять меня с собой. У моей сестры случился приступ аппендицита, и ее с моими родителями «скорая» срочно увезла в больницу, а меня оставили на попечение дяди Винченцо просто потому, что он жил ближе остальных

к нашему дому.

- Отсюда дома не видно, - пожаловался я.

- Ищи лучше, - посоветовал Винченцо. - Он где-то там.

Я бросил рассматривать ландшафт и начал поглядывать на фрески, изображавшие пухлых розовых женщин, многие были в мятых ночных рубашках, которые соскальзывали с их плеч и рук, и все обедали и пили с сильно загорелыми мужчинами, по большей части голыми, хотя у них на причинных местах имелись виноградные листья. По потолку комнаты, провисшему, как в старой палатке, скользили в облаках поблекшие ангелы. В двух местах неровные длинные куски были заменены пустым белым шелком или похожей на него материей. У одной из женщин на стене были такие же рыжие с золотом волосы, как у Лючии. Сама Лючия была прекрасна, на руках - сверкающие браслеты, позвякивавшие всякий раз, когда она поводила рукой, а когда она смотрела на меня, то улыбалась, точно нас связывала какая-то тайна. Я никогда не видел таких, как она: Лючия просто завораживала.

- Невежливо пялиться, Джейсон, - сказал дядя, вырывая меня из задумчивости. - Нам с тобой пора лететь на землю. Верно?

На том он послал Лючии воздушный поцелуй и, подняв меня на ноги, зашагал к биплану.

3.

Вернемся к невероятной истории Венеции. В 1797 году Наполеон Бонапарт во главе победоносной армии стремительно завоевал Северную Италию и подступил к Венеции. Лагуны и топи защищали город более тысячи лет, но не могли укрыть его от знаменитой артиллерии Наполеона. Венецианские виллы служили домом для картин, книг, золота, драгоценностей, изукрашенных зеркал, гобеленов и фресок, но не пушек. В пятницу 12 мая 1797 года 537 членов Большого совета Венеции сошлись, чтобы обсудить ультиматум Наполеона. Откровенно говоря, венецианцам некуда было деваться.

Среди десятка тех, кто намеревался голосовать против капитуляции, был Джованни Анафесто Паули, более известный как Нино Паули. Его предложение звучало просто. Начал он со слов: «Наши предки ушли в море, чтобы бежать от варваров и на воде построить Венецию, самый прекрасный город на свете». Его речь длилась всего пять минут и завершилась фразами, которые с тех пор стали знаменитыми: «*Nostra volta é arrivata. Dobbiamo andare al cielo per costruire altra Venezia, una città ancor più bella in mezzo delle nubi* - Наше время пришло. Мы должны уйти в небо, чтобы построить вторую Венецию, еще более прекрасный город среди облаков». Предложение выслушали в

меланхоличном молчании, после которого одни советники вздохнули, другие просто хмуро смотрели перед собой. Потом проголосовали. Совет принял условия капитуляции 512 против 20 голосов с пятью воздержавшимися и распустил славную и независимую Венецианскую республику, которая продержалась одну тысячу семьдесят лет.

Нино не пал духом. Торговое предприятие семейства Паули имело отделения по всему Средиземноморскому побережью и Европе, и по роду своих занятий он старался быть в курсе последних политических, социальных и научных новостей. Много лет назад он услышал про братьев Монгольфье и их замечательный воздушный шар, и венецианский купец оказался среди тех тысяч любопытных, которые приехали в Париж посмотреть, как человек поднимется в воздух. Но 19 сентября 1783 года в Версале на глазах у ста тридцати тысяч зрителей братья Монгольфье, используя лишь горячий воздух, отправили в полет только «пассажиров»: гуся, петуха и овцу, - и все трое приземлились целыми и невредимыми в двух милях от места старта. Нино был восхищен и заворожен. Он еще на два месяца задержался в Париже, чтобы посмотреть, как следующий воздушный шар поднимется из Булонского леса.

К концу 1783 года Жозеф-Мишель и Жак-Этьен Монгольфье преодолели преграды, которые ставил разогретый воздух, и поднялись на шаре, заполненном водородом. Воздухоплавание стало популярно по всей Европе, по сути, превратилось в повальное увлечение, и через два года новое развлечение, или наука, или чем бы оно ни было, забрало первые жертвы. Пилатр де Розье упал на землю вместе с шаром, который был наполнен рискованной смесью водорода и разогретого воздуха.

Нино Паули вернулся в Венецию в начале декабря 1783 года и привез с собой мечту о будущем, в котором небеса становились новым всемирным морем, чьи воды бороздят огромные, груженые товарами воздушные корабли. Четырнадцать лет спустя, произнося свою речь на последнем собрании Большого совета, он имел в виду как раз их.

4.

С Лючией Винченцо познакомился случайно, за много лет до того нашего полета, когда ненадолго улизнул из Бостона, чтобы съездить в Монреаль. В Бостон он приехал из Европы, потому что именно в этом городе жили все мы: мои родители, бабушка, все дядья и тетки.

- Бостон построен пуританами и всех, кто здесь живет, превращает в пуритан. Я еду в Монреаль, - заявил он.

- Время года для Монреаля неподходящее, - ответил ему мой папа.

- При чем тут времена года? В Монреале говорят по-французски, и,

уверен, там живут не пуритане. Монреаль - романтический город. Даже название у него романтическое.

Монреаль в ноябре оказался маленьким, холодным и сырым. Дома построены из серого камня, небо - серое, сам воздух был серым. Винченцо провел три дня, устало бродя по городу, и три ночи - знакомясь с женщинами-непуританками, частыми посетительницами монреальских баров и ресторанчиков. Однажды он возвращался к себе в отель в ледяном тумане, настолько пав духом, что уперся подбородком в грудь, как - бах! - из-за угла выбежала девушка и буквально налетела на него.

- Прощу прощения! - вежливо сказала она, проскользнув мимо и оставив по себе легкий аромат духов и сигаретного дыма.

Винченцо отцепил от лацкана ее сережку, но к тому времени девушка уже растворилась в тумане.

- Ваша серьга! - крикнул он по-французски, устремляясь за ней.

Нагнав девушку, он увидел ее темный силуэт на фоне освещенного дверного проема, и как раз в это мгновение и она сама, и розоватое освещенное помещений за ней поднялись в туман. И Винченцо, который нырнул за ней, - тоже.

- Уверен, это ваша, - сказал он, протягивая ей серьгу.

Серьга походила на миниатюрную люстру из жемчужин. Девушка в панике оглянулась по сторонам - ей было лет семнадцать, может, девятнадцать, - потом круто повернулась, распахнула какую-то дверь и бросилась в соседнюю комнату. Винченцо ринулся было за ней, но резко остановился, когда от длинного стола к нему повернулись два ряда удивленных лиц. Мужчины и женщины начали подниматься, но медленно и осторожно, так как (теперь Винченцо понял) по большей части были очень стары.

- Прощу прощения, - выдавил Винченцо. - Я всего лишь хотел... Сгорбленный старец во главе стола заслонил девушку и теперь наставил на Винченцо древний пистолет.

- Это еще что? - удивился Винченцо. Он рассмеялся. - Пожалуйста, сэр, уберите эту штуку, пока она не взорвалась и не оторвала вам руку.

- Бред какой-то, - сказал по-итальянски один мужчина помоложе. - Как раз поэтому нужно прекратить это безумие, это, это... - он помахал рукой в воздухе.

- Этот фарс, - пробормотала по-итальянски пожилая женщина, заканчивая его фразу. - Он явно джентльмен, - добавила она, имея в виду Винченцо. - Жаль, что нос у него сломан.

- Простите, что прерываю ваш...

Винченцо помешкал, оглядываясь по сторонам. Некоторые женщины носили одеяния, чересчур уж напоминавшие музейные экспонаты, то же можно было сказать и про иных мужчин.

- Прощу прощения, что прерываю ваш маскарад, - завершил он. -

Извините.

Комната чуточку качнулась, потом твердо стала на место.

- Уходи! - каркнул старик, рука с наставленным на Винченцо древним оружием дрожала.

- Полагаю, мы вернулись на землю, - сказал Винченцо. Он бросил серьгу девушке, которая поймала ее налету, потом шагнул в Монреаль и по пустынным улицам пошел к себе в отель, напевая без слов арию из «Джанни Скикки»^{*1}. Столь счастливым он не чувствовал себя вот уже год, и все потому, что увидел такую хорошенькую девушку.

Вернувшись в Бостон, Винченцо, любивший рассказывать истории о своих приключениях, развлекал моих родителей повествованием о Монреале.

- На следующее утро я вернулся в то место и раз пять прошелся по улице, - говорил он. - Но девушка так и не появилась. Мне осталось только воспоминание о дыме французских сигарет в ее волосах. А улица... Ну, при дневном свете стало видно, что она упирается в гору битого асфальта и щебня как раз там, где был освещенный дверной проем.

- Ты все еще считаешь Монреаль романтическим городом? - спросил папа.

Винченцо рассмеялся.

- Как ты и сказал, время года неподходящее.

- А мне история кажется романтической, - сказала мама. - Девушка, живущая на дирижабле.

- Подозреваю, это была просто большая гондола, прикрепленная к воздушному шару, - отозвался Винченцо. - Думаю, они были цирковой труппой. Видела бы ты, во что они были одеты... с миру по нитки, довольно кричаще, вычурно.

- Может, цыгане? - предположила мама.

- Или карманники из сомнительного бродячего цирка, - пробормотал папа.

5.

С 1797 по 1814 год Венецию контролировали сперва Наполеон, потом австрийцы, затем снова Наполеон и снова австрияки. То правительство или другое - не составляло большой разницы для Нино Паули, который продолжал экспериментировать с различными конструкциями воздушных шаров и подвесных гондол. Все, что нам известно о конструкциях, которые создавал или пытался создать

¹ * *Одноактная опера Дж. Пуччини, единственная комическая опера композитора. (Здесь и далее прим. перев.)*

Паули, почерпнуто из трех бухгалтерских книг, куда он заносил покупки для претворения в жизнь своего плана.

Старые гроссбухи были обнаружены во время уборки после наводнения. В последние годы Венеция пережила несколько наступлений «aqua alta», или «высокой воды», когда приливы и ветра гнали воды Адриатики на площади и пьядцы города. Особые разрушения произвели наводнения 1966 года, и группа аспирантов университета Ка'Фоскари помогала осушать и расчищать затопленные помещения, она-то и наткнулась на разбухшие от воды гроссбухи Паули.

Книги высушили и со временем идентифицировали как принадлежащие купцу Джованни Анафесто Паули, чье дело и род понемногу угасли к концу девятнадцатого века. В них содержались перечни различных пород дерева, тканей, смол, красок и так далее, количество поставленного товара, стоимость и дата покупки, иногда встречались и страницы геометрических каракулей. Иными словами, они как будто не имели большой исторической ценности.

Тем не менее один аспирант - из тех, кто нашел книги, - по имени Сальваторе Бруни раз за разом возвращался к их страницам, заинтригованный большими партиями шелка и любопытным разнообразием пород дерева (кое-какие привозили из самой Индонезии), которые приобретал Паули. Из гроссбухов следовало, что купец никогда не перепродавал материалы. Молодой Бруни увидел то, о чем не сумел догадаться ни один исследователь из университета Ка'Фоскари: Нино Паули накапливал материалы, «чтобы построить вторую Венецию, еще более прекрасный город среди облаков». Более того, Бруни стало ясно еще кое-что: вроде бы бессмысленные геометрические каракули на некоторых страницах гроссбухов были на самом деле чертежами воздушных кораблей, не настоящими, а, скорее, схематичными набросками к тому, что можно будет претворить в конечную конструкцию.

Согласно недавно вышедшей монографии (S.Brani, 2001. *Evoluzione degli disegni strutturale per dirigibile di Giovanni Anafesto Pauli. Serie di Storia Venezia Pub. 7 Università Ca'Foscari di Venezia*)*², первые варианты Нино Паули состояли из воздушного шара или серии воздушных шаров, к которым была подвешена прямоугольная конструкция из легкого дерева, плетеного ивняка и ткани. Более поздние чертежи предусматривали воздушные шары разного размера, помещенные в огромные белые шелковые мешки (sacchi di seta), чтобы более напоминать облака, а в окончательных вариантах

² * С. Бруни. *Эволюция чертежей воздушных кораблей Джованни Анафесто Паули. Серия «История Венеции», т. 7. Университет Ка'Фоскари ди Венеция, 2001 г.*

огромные отрезки белого газа маскировали саму постройку, или villa, где располагались жилые помещения.

6.

Через несколько дней после первого полета мы с дядей снова поехали на травянистый аэродром, неслись всю дорогу, словно наперегонки с невидимым соперником, но, когда прибыли, могли только стоять в старом ангаре и хмуро смотреть на занявшийся вдруг дождь.

- В этом супе нам не подняться, - пробормотал дядя скорее самому себе, чем мне. Он стоял, сложив руки на груди, расхаживал взад-вперед, снова стоял, заложив руки за спину, вздыхал и все время смотрел на серую морось. Наконец он сказал: - Мы застряли Джейсон. Придется перенести на завтра.

Он пробормотал пару ругательств на итальянском, сходил поговорить с механиком, после чего мы отправились домой.

- Почему ты не женился? - спросил я.

Он рассмеялся.

- Ну и вопрос! Не знаю, почему я никогда не женился. Просто так получилось.

Какое-то время мы ехали молча, слышались только рык мотора и шорох дворников по стеклу.

- Лючия милая, - объявил я.

- Да, это точно, - мирно согласился он. - И у нее к тому же удивительный джазовый голос.

- Почему ты на ней не женился?

Он глянул на меня, потом перевел глаза на дорогу.

- Знаешь ли, престранные вопросы ты сегодня задаешь. Я слишком стар, Джейсон. А она молода. Молодые женщины любят молодых мужчин, особенно тех, у которых две здоровые руки и нос не сломан.

На мгновение мне стало жалко дядю Винченцо. В Италии он учился на метеоролога, но на жизнь зарабатывал как учитель фехтования, потом был проводником и спасателем в Альпах, а после - автогонщиком французской автомобильной компании. Если верить фотографиям, он был красавцем, пока другая гоночная машина не врезалась в его. Вскоре после переезда в Штаты он выучился летать, и с тех пор самолеты стали его любовью. Когда началась Вторая мировая война, он пошел добровольцем в военно-воздушные силы США, но не пилотом истребителя, а метеорологом - составлять прогнозы погоды для Северо-Восточного побережья.

- И вообще, твоя жизнь была полна приключений, - сказал я ему. - Это самое главное. Женщинам такое нравится, я думаю.

- Если быстро подрастешь, - сказал он с улыбкой, - может, она тебе достанется.

Следующий день выдался серым, с плевками дождя, а затем хлынуло еще сильнее. «Классическая северо-восточная», - сказал мой дядя и объяснил, почему погода в Новой Англии такая. На следующее утро воздух был свежим, небо - голубым и безоблачным, в точности как предсказывал дядя. Луг совсем раскис от дождя, и земля словно бы льнула к нашим колесам и отпустила, лишь когда мы достигли кустов на краю взлетного поля. Мы задели брюхом верхушки деревьев, взмывали все выше и выше, потом выровнялись для прямого полета к выцветшим холмам и низким горам на горизонте. И со временем приблизились к мягко-округлым сизым горам. Поднялись в одну прекрасную долину, потом в другую и в третью, и наконец я углядел одиночное облако, замешкавшееся на фоне зеленого склона. Мы пролетели над ним, потом, развернувшись по широкой дуге, заскользили все медленнее, следуя изгибу склона, и в последний момент нырнули в облако и остановились.

Дядя Винченцо расстегнул ремни и, достав меня из кабины, погнал впереди себя по белому коридору в комнату, где мы виделись с Лючией, но ее там не было. Он прошел в следующую, ухватив меня здоровой рукой и все время чертыхаясь в полголоса, потом поднял на что-то вроде стремянки, протолкнул в открытый люк и подтянулся сам, быстро провел по другому белому коридору в комнату с окнами на три стороны. Там и оказалась Лючия, ее рука лежала на рулевом колесе, таком большом, что оно достигало ее груди.

- Я слышала, как ты поднялся на борт, - сказала она; за спиной у нее было большое плетеное кресло, болтами привинченное к полу. - Извини, что не смогла тебя встретить.

- Где все? - голос у Винченцо был напряженный.

- Ушли, - просто ответила она, словно бы ей это было безразлично. - Ушли навсегда. Они где-то на плоской земле. И у них есть все свидетельства и документы, чтобы доказать, что они всегда там жили.

Лючия была прекрасна, как принцесса из сказки, и мне хотелось смотреть на нее вечно, но в то же время меня притягивало множество сверкающих циферблатов и измерительных приборов, кое-какие были большими, как часы в классе, и все обрамлены в начищенную латунь.

- Ты беспечная идиотка, - сказал ей дядя Винченцо.

- Тому виной мои дурные знакомства. - Она рассмеялась, но смех вышел коротким. - Я слишком много времени провела с тобой.

- Брось дурачиться, Лючия! Ты не можешь одна управлять этой машиной. Никто не способен сделать это в одиночку. Да и те дурацкие ветряки, которые ты называешь пропеллерами, просто разваливаются. Ты разобьешься в этой штуковине.

- Эта «штуковина» - последний гектар независимой республики

Венеция. Я здесь родилась. Это мой дом. Тут я и хочу быть.

- То есть торчать на этом сморщенном воздушном шаре, прилепившемся к склону горы в богом забытой долине, пока бриз не развеет твою побрякушку на части? Ты этого хочешь?

- Вовсе нет. Я собираюсь увести виллу туда, где ей место.

- Да? И где же, о, где же это благословенное место?

- На высоте четырех тысяч. И не нуди про свои радары. Антонио только о них и говорил.

- Радары будут повсюду. Ты можешь оставаться здесь - и тебя разможит о гору, как муху, или подняться на четыре тысячи метров - и тебя засекут радаром.

- Это больше тринадцати тысяч футов, - объявил я.

Оба посмотрели на меня так, словно я материализовался из воздуха.

- Четыре тысячи метров это больше тринадцати тысяч футов, - повторил я.

- На тринадцати тысячах футов твою связку воздушных шаров просто разорвет, - сказал Винченцо, снова поворачиваясь к Лючии.

Они продолжали спорить. Я насчитал пятнадцать циферблатов и одни часы, большой морской компас (с крылатым львом посередине и забавными завитушками вокруг букв С, В, Ю, З), пять манометров, три термометра и - над головой - две изогнутые латунные штуковины, похожие на секстанты с маятниками. В середине комнаты имелся стол с большой картой под толстым стеклом; на карте были изображены Новая Англия и часть штата Нью-Йорк, а если присмотреться внимательно, можно прочесть пометки крошечными буквами, испещрившие реки Коннектикут и Гудзон и даже часть реки Святого Лаврентия. Я сел в одно из больших плетеных кресел. Не знаю, сколько прошло времени, но тянулось оно медленно.

- Что это? - спросил я, поскольку только что углядел латунную воронку, присоединенную к шлангу.

- Это переговорная труба, - ответил дядя. - Через нее Лючия может отдавать приказы несуществующему экипажу.

- Твой старый дядя - жестокий человек, - сказала, поворачиваясь ко мне, Лючия. - Он никогда мне не верил, только притворялся.

- Я верю, что ты погибнешь, если останешься тут.

- Ты никогда не видел эту виллу высоко в кучевых облаках, не видел, как она плывет среди них, - возразила она. - Ты не знаешь, как все было раньше, какой она была раньше: снаружи ослепительно белая с бледно-голубыми тенями в шелке и все плывет, парит. Ты не знаешь, каково это... когда я была маленькой и видели весь город разом... О да, это были только великолепные останки, но множество облаков, дрейфующих вместе, иногда так близко друг к другу, что мы могли переговариваться с корабля на корабль, а у некоторых - огромные террасы, уступы, арки и облачные башни, все белое, все парящее. Ты

не понимаешь, каково это - чувствовать себя свободной! Мгновение мой дядя молчал.

- Ты живешь в какой-то жюль-верновской фантазии, а я не могу до тебя достучаться... - произнес он. - Пошли, Джейсон. Нам пора.

7.

К концу недели моя сестра настолько оправилась после удаления аппендикса, что мои родители приехали к Винченцо и забрали меня и мою грязную одежду. По дороге домой я рассказал, как дядя дважды катал меня на своем биплане и оба раза мы гостили у Лючии, которая живет на облаке. Родители, сидевшие бок о бок на переднем сиденье машины, долго молчали после того, как я закончил.

- Он возил тебя на тот желтый воздушный змей? - с нажимом спросил папа.

Я ответил: да.

- Господи боже! - пробормотал он. Потом добавил со вздохом: - По крайней мере, ты цел.

- Не помню никакой Лючии, - сказала мама.

- Винченцо не про все свои любовные похождения рассказывает. Главное, Джейсон снова с нами.

- Облако было ненастоящим, - объяснил я. - На самом деле оно из воздушных шаров.

- На самом деле это просто туманное поле в Бергшире, - сообщил мне отец. - Он уже летал туда раньше.

- Думаю, ему не следует знакомить Джейсона со своими женщинами, - сказала мама.

- Да нет же, папа, это не облако. Это... как парусник. Я был в рубке.

- Особенно с такими, про которых он нам не рассказывает, - добавила она.

Вскоре я понял, что, когда начинаю говорить про полеты, родители сердятся на дядю, поэтому я перестал. И вообще, сама история слишком фантастична, чтобы в нее поверить, а у меня было чем себя занять.

8.

Три гроссбуха, сохранившиеся в университете Ка'Фоскари, продолжают историю, которая началась с предложения Джованни Анафесто Паули «построить вторую Венецию, прекрасный город среди облаков». Их страницы показывают - настолько, насколько вообще способен документ, - что Нино Паули действительно сконструировал

суда легче воздуха, воздушные виллы из сказки. Согласно так называемому монреальскому аффидавиту, засвидетельствованному Санта-Лючия Дольфино, Паули создавал и испытывал корабли легче воздуха с начала 1797 года. В 1810 году семнадцать «облачных кораблей», имея на борту в общей сложности шестьсот душ, собрались над Адриатикой, и пассажиры, как их предки в 466 году, провозгласили себя Венецианской республикой. Воздушную республику возглавлял Нино Паули до своей смерти в 1837-м, ему наследовал племянник Козимо Гримани, который ушел со своего поста в 1879-м, а его преемниками стали сперва Алессандро Дольфино, а после Козимо Дольфино. С годами община уменьшалась; рождений было мало, а многие попросту уходили. Козимо умер в 1940-м, к тому времени суда разбросало, и большинство венецианцев бросили рассеянную и все более немощную республику, тихонько ускользнув в другие общины на твердой земле.

К сожалению, помимо этих скудных документов мало что сохранилось - только домыслы и мифы. Согласно легендам, Паули построил то ли пять, то ли сотню кораблей на воздушных шарах. Один пылающий «облачный корабль», говорят, рухнул метеором у побережья Далмации и потонул со всеми, кто был на борту, другой вроде бы упал в итальянских Альпах, похоронив под лавиной богатое собрание произведений искусства и драгоценностей. Если верить самой фривольной байке, некая «облачная вилла» приземлилась в Париже, где была превращена в *maison close*, элегантный бордель, разукрашенный ню Тициана, а также большими зеркалами и изысканными безделушками, плодами трудов стеклодувов Мурано.

Разумеется, есть два артефакта, найденные моим дядей Винченцо: старое живописное полотно и латунный предмет - то ли морской телескоп, то ли подозрительная труба. Эти свидетельства, если они таковыми являются, Винченцо нашел после исчезновения Люции.

Года через три после того, как мы в последний раз покинули облачную виллу, мой дядя отправился на машине к верховьям реки Коннектикут. Тогда он работал метеорологом на одной радиостанции. Он полагал, что Люция отправилась обычным своим курсом: на север над Гудзоном, потом на восток над рекой Святого Лаврентия, на юг над рекой Коннектикут и снова на запад к Гудзону. Иногда корабль следовал обратным маршрутом, но какой бы путь ни выбрала Люция, мой дядя был уверен, что рано или поздно ветры на большой высоте разбили «виллу» о горы, обрамляющие эти реки.

Сильная любовь может превратить жизнь мужчины в отчаянную романтическую фантазию, особенно если мужчина вообще склонен к приключениям: Винченцо налил в серебряную фляжку бренди и выехал в безумной надежде, что найдет свою Люцию на улице какого-нибудь городка на реке Коннектикут или, как он говорил в более трезвые

минуты, хотя бы какие-то указания, где упал воздушный шар. Вдоль Коннектикута он ничего не нашел. Поэтому пересек Вермонт к Гудзону, остановился на ланч в Берлингтоне и, выходя из машины, увидел подозрную трубу, сияющую золотом в витрине антикварного магазинчика. Владелица магазинчика сообщила, что купила ее около года назад у человека, который проезжал тут на мотоцикле.

Это была простая латунная подозрная труба без надписей или клейм, которые доказывали бы, что она происходит с венецианского воздушного корабля. На кожухе тут и там имелись вмятины, но главным для Винченцо был окуляр. Первоначальный окуляр подозрной трубы, которым он сам пользовался на воздушном корабле, был поврежден в девятнадцатом веке и заменен на новый. На той трубе, которую он выкупил в антикварной лавке, Винченцо смог указать на незначительные зазоры между окуляром и кожухом. Этих мелких дефектов хватило, чтобы убедить моего дядю, что подозрная труба происходит с воздушного корабля, который, как он теперь уверился, был разорван в клочья где-то над Гудзоном.

На следующее лето Винченцо совершил отчаянную поездку вверх по Гудзону, по дороге прочесывая все до одной антикварные лавки. Он не нашел ничего с воздушного корабля и оказался у истоков Гудзона, маленького озера под названием Слеза Облаков, где заплакал и выпил остатки бренди. На следующий день он двинулся на север вдоль берега озера Шаплейн, как можно точнее следуя курсу, которым некогда ходил корабль Лючии. Перед тем как исследовать реку Святого Лаврентия, он заскочил в забегаловку в Платтсбурге, чтобы наполнить свою фляжку, и над стойкой бара увидел черноватый стяг: на полотне был изображен бородач с виноградными листьями в волосах, который протягивал хрустальный кубок вина уступчивой женщине со смугло-розовыми грудями. Винченцо был уверен, что видел эту картину на борту венецианской виллы.

Владелец сказал, что стяг висел тут, когда он купил таверну полгода назад у дочери предыдущего владельца; она прилетела из Калифорнии, чтобы продать заведение вскоре после смерти отца. Винченцо вернулся в Бостон с семифутовой картиной, покоящейся на спинках первого и второго сидений. По словам реставратора Вустерского художественного музея, основа и краски позволяли датировать полотно концом восемнадцатого столетия; рваные края указывали, что картина вырезана ножницами из большего произведения. Холст шелковый, большая редкость. Фигуры, как предположил реставратор, возможно, скопированы у Джорджоне, Тициана или Беллини либо, что вероятнее, у одного из имитаторов. Винченцо пришел к выводу, что воздушный корабль разорвало над Платтсбургом и обломки, большая их часть, потонули в глубоких водах озера Шамплейн.

9.

Воздушный корабль действительно упал над озером Шамплейн, но не в Платтсбурге, штат Нью-Йорк, а по другую сторону, недалеко от Берлингтона, штат Вермонт. И его не порвало на части. Стояла безветренная ночь конца марта, когда случился сильный и влажный снегопад, такой мягкий и тихий, что Лючия проснулась, лишь когда воздушный шар под весом снега начал ложиться с ужасными стонами на нагромождение ломаных льдин озера Шамплейн. Льдины и прикончили ее корабль, размололи все и вся, так что к утру не осталось ни палки, ни куска ткани.

На следующий год после находки в забегаловке Винченцо вернулся в Платтсбург и поехал по берегу Шамплейна в Канаду. Шамплейн тянется на север и изливается в реку Ришелье, которая затем продолжает свой путь еще дальше на север, где впадает в реку Святого Лаврентия под Монреалем. Лючия пела в «Голубом ангеле», тесном и дымном подвальном блюз-клубе в Монреале, там и нашел ее Винченцо. Он наткнулся на стул у одного из столиков в конце зала и сел смотреть, как поет Лючия, надеясь, что ухающее старое сердце не разорвется у него в груди. Когда она закончила выступление, он резко встал, нечаянно опрокинув столик. Лючия обернулась на шум. Она быстро стряхнула то, что сочла обманом зрения, но потом все же медленно пошла к нему, просто чтобы удостовериться. Она увидела, что это ее Винченцо, его сломанный нос, но в то же время не поверила своим глазам.

- Что ты тут делаешь? - шепнула она так, словно расспрашивала призрака.

- Ищу тебя, - ответил он. - А что ты делаешь здесь, под землей?

- Тут мое место.

- Нет, - сказал он. - Твое место в небе. И я хочу помочь тебе туда вернуться.

Она почти улыбнулась.

- Ах, Винченцо, ну и кто теперь фантазер?

- Пошли, - сказал он. Он направился к двери, обняв ее за плечи. - Поехали отсюда.

Они вышли из «Голубого ангела», сели в его машину и всю ночь без остановки гнали на юг, пока не прибыли в Сент-Олбанс в Вермонте.

Винченцо и Лючия жили счастливо - не до конца своих дней, конечно, но еще очень и очень долго. У них был дом на восточном берегу Шамплейна, в глухом местечке, где Винченцо построил ей воздушный корабль, который они окрестили «Крылатый лев», символ Венеции. На корабле была единственная просторная комната, окруженная и

подпираемая пухлыми и белыми шелковыми облаками.

Лючия пережила Винченцо лет на пятнадцать. Она никогда не могла сказать наверняка, происходила ли старая подзорная труба, которую он нашел в антикварной лавке, с ее «облачного корабля». Но она была уверена, что семифутовый кусок расписного шелка был вырван из потолка одной из комнат побольше. Более того, она настаивала, что это роспись кисти Тициана.

- Кто еще мог это написать? - говорила она словно подстегивала ей возразить. - Он был величайшим художником Венеции. Конечно же, это работа Тициана.

И если я осмеливался сказать:

- Тициан умер в тысяча пятьсот семьдесят шестом году, а эксперты говорят, что ткань была соткана около тысяча семьсот пятидесятого, не раньше.

Она отвечала:

- Ясно же, что ошибаются эксперты. - Потом смеялась и раскидывала руки так, что позвякивали все ее браслеты, и добавляла: - Ну, и кому ты поверишь? Мне или экспертам, которые не разглядят Тициана, даже когда он у них перед носом? Нужно уметь верить. А теперь отдай швартовы и поднимаемся. Винченцо всегда любил подниматься в это время дня.

И я развязывал перлинь, или привязь, и мы медленно взмывали в сумеречное небо, темно-синее на востоке, светло-голубое над нами и красное с золотом на западе.

- Твой дядя был великим человеком, - говорила она.

Потом мы плыли над темнеющей гладью озера, чьи берега очерчивало мерцание многих сотен огней в домах на берегу, а она рассказывала мне про свои эскапады с Винченцо или про прекрасный флот белых воздушных замков, парящий высоко в небесах, когда она была девочкой.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Eugene Mirabelli. The Palace in the Clouds. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

БРЭД ЭЙКЕН

СИСТЕМА ОТВЕТОВ

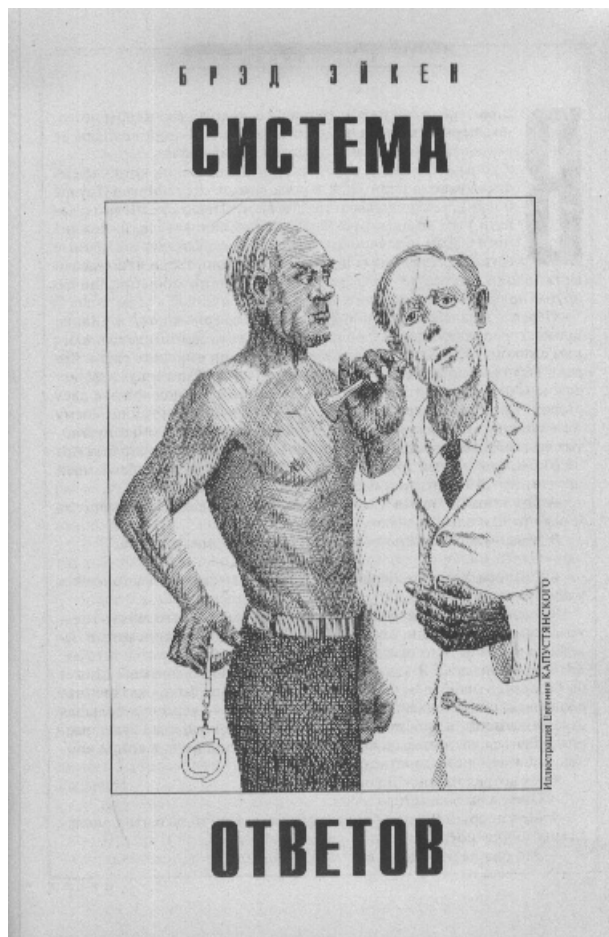

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

В этом зрелище не было ничего такого уж необычного, но впервые я видел это своими глазами - они сцапали не кого-то незнакомого, а одного из моих коллег. Я только что вошел через вращающиеся двери, которые выплевывают посетителей в роскошный холл «Метро-Тауэрс билдинг», словно дозатор пастилок «Пец», ежедневно с девяти утра до пяти вечера. В дальнем конце зала, выложенного белым итальянским мрамором, сгрудились съемочные группы всех главных новостных компаний: они явно засели в ожидании какого-то соблазнительно-ужасного события, ничто другое не привлекло бы такого внимания.

Перед собравшейся толпой разъехались двери лифта, и сияние прожекторов залило кабину, обнаружив человека средних лет с коротким ежиком седых волос, отворачивающего лицо от яркого света. Его руки были скованы за спиной наручниками, два облаченных в форму офицера федеральной полиции крепко держали его под локти с двух сторон. Когда он повернулся в мою сторону, я ощутил, как по моему позвоночнику пробежала холодная дрожь при виде знакомых кустистых седых бровей, румяного лица и объемистого брюшка: это был Арни Хирш, мой старый друг, семь лет назад присоединившийся к моей практике в 13-й окружной медицинской клинике.

- Отклонился от ответного дерева, - неожиданно прозвучал за моим

правым плечом знакомый голос.

Я повернулся к своей новой ассистентке Карме Джонсон.

- Что?

- Доктора Хирша забирают за нарушение «дерева ответов». Это у него уже в третий раз.

Я, конечно же, знал, о чем речь. Нам позволялось говорить только определенные вещи, давать лишь специально предписанные ответы на вопросы, которые всегда были вариациями одного и того же: «Что со мной, док? Я ведь выздоровлю? Чем мне лечиться? Может быть, сканер ошибся?». С первого же дня работы было сказано, что позволять нам отвечать по своему разумению - чересчур большая ответственность и что любое нарушение этой политики будет рассматриваться как федеральное преступление; мы ведь, в конце концов, работаем в государственной клинике.

Я посмотрел на мисс Джонсон.

- Откуда вы знаете?

- Моя подруга Ванда - его ассистентка. Она только что прислала мне сообщение.

- Это она на него донесла?

Я почувствовал в голосе женщины короткое замешательство:

- Нет, это не Ванда. Она никогда бы так не поступила.

Мое внимание вновь переключилось на Арни, который рывкнул на репортера:

- И я сделаю это снова, черт подери! Меня тошнит от необходимости смотреть, как мои пациенты страдают только из-за того, что я должен слушаться какой-то треклятой машины!

Я прекрасно понимал его чувства. Мы говорили об этом за ланчем по меньшей мере дюжину раз. И сам я умудрился избежать неприятностей лишь потому, что у меня не хватало духу поступить, как Арни. Я испытывал к бедняге жалость, но в то же время восхищался им.

Толпа последовала за моим коллегой и окружавшими его офицерами на улицу, где его ждал черный седан. Я ненавидел себя за малодушие, но как я мог помочь коллеге?

Мы стояли в опустевшем зале возле вращающихся дверей, наблюдая за сценой через стекло.

- Пожалуй, нам лучше приступить к работе, - сказал я.

Карма ответила коротким кивком, и мы отправились к себе на тридцать седьмой этаж, чтобы заняться нашими повседневными делами. К тому времени как я облачился в лабораторный халат и добрался до смотровой, ассистентка уже начала первое сканирование. Через несколько минут из пасти гигантской машины выдвинулся белый пьедестал.

- С добрым утречком, док! - приветствовал меня мистер Уинторп.

Держась одной рукой за загрибок, он приподнялся из-за смотрового стола, появившегося из трубы нашего «Медтрона-3000».

Мисс Джонсон подняла глаза от контрольного монитора сканера.

- Нерезкостей не обнаружено, доктор. Сейчас подготовлю отчет.

- Спасибо.

Я взглянул на первого из своих сегодняшних пациентов.

- Доброе утро, мистер Уинторп. Я доктор Дженкинс. - Я не протянул ему руку для пожатия.

Он взглянул на стену, где висел мой диплом - текст едва можно было различить за поблекшим желтым уретановым покрытием.

- Сентервиль, выпуск две тысячи двенадцатого, э-э... - По-видимому, диплом произвел впечатление на посетителя. - Хороший колледж!

- Да... был. - Я уже давно не глядел в сторону этого клочка бумаги.

- Ну, так и что же вы собираетесь делать с моими болями?

Я проглядел отчет, появившийся на мониторе.

- Сканер диагностировал у вас язву желудка и уже отправил рецепт в аптечную систему.

- Язву желудка? Док, у меня болит шея!

Я достал электронный блокнот, чтобы свериться с инструкцией компании, и прокрутил текст до надлежащей схемы ответа.

- Прошу прощения, но сканер говорит, что ваша проблема - язва желудка. О шее он умалчивает.

- Но с моим желудком все в порядке!

Я прокрутил текст дальше. Хотя к этому времени я уже выучил наизусть большинство ответов, лучше было Соблюдать осторожность, особенно когда в лаборатории присутствовала новая ассистентка, ловившая каждое мое слово.

- Некоторые болезни не имеют различимых признаков, - процитировал я.

Уинторп был так занят, потирая шею, что даже не заметил, как я читаю с экрана.

- Ну ладно, может, язва у меня и есть, но сюда-то я пришел из-за этой чертовой боли в шее, а не из-за желудка!

- В любом случае, если вы не примете выписанный рецепт, страховая компания исключит вас из своей программы.

Мистер Уинторп надул щеки, сделавшись похожим на рыбу-собаку, и издал тяжелое «Пф-ф-ф!». Он знал, что спорить с медицинским сканером не имеет смысла.

- Ладно, но может быть, вы просто глянете на мою шею? Эта боль меня добивает.

Брови на молодом, свежем лице мисс Джонсон заметно приподнялись.

- Прошу меня простить, мистер Уинторп, - послушно продекламировал я, - но нам строго противопоказан физический контакт с пациентами.

- Да бросьте, док! Я никому не скажу.

Мой голос смягчился.

- Ах, мистер Уинторп, ну вы же сами знаете, что такое невозможно. Я рискую потерять лицензию.

Он покачал головой - с трудом - и вышел за дверь.

Я чувствовал жалость к бедолаге. Пару лет назад я пренебрег бы правилами и действительно взглянул на его шею. Но это было до того, как многих моих коллег затаскали по судам и довели до банкротства как раз из-за таких вот вещей или того хуже - увезли в наручниках, как Арни Хирша.

Теперь мы жили в другом мире. Когда тридцать три года назад я окончил престижный Сентервильский медицинский колледж, ничто не могло бы вызвать у меня большей гордости. Сэр Уильям Ослер однажды сказал: «Превращение непрофессионала во врача - удивительнейшее превращение во Вселенной»; по крайней мере, так нам рассказывал наш первый наставник в клинике. И мы верили ему, мы считали себя особенными. В конце концов мы перестали быть сопливыми учениками и сделались трудоголиками, которые ежедневно, с утра до ночи, решают вопросы жизни и смерти. Такие вещи меняют человека. Меняют так, что ты этого не видишь, не ощущаешь, не замечаешь, а потом в один прекрасный день просыпаешься, смотришь на свой старый портрет и думаешь: «Неужели я действительно был таким наивным?».

Но это одновременно и изматывает. Перераспределяет приоритеты. Не позволяет сохранить в себе обычное человеческое сочувствие - хотя большинству все же удается. Это то, что делает нас хорошими профессионалами.

Точнее, делало.

Мисс Джонсон заглянула через мое плечо - я стоял в двери, глядя, как мистер Уинторп выходит из офиса.

- И часто вам попадают такие вот? - спросила она.

- Да нет. Обычно сканер выдает то, что нужно... ну, в смысле то, что вызывает симптомы.

- Не могу поверить! Он действительно хотел, чтобы вы до него дотронулись? - Она содрогнулась, со злостью выплюнув это слово.

Я молчал. Всем было известно: Совет по медицине внедряет вместе с молодыми практикантами своих агентов, чтобы вычислить тех докторов, которые пренебрегают правилами, - а я еще почти совсем не знал мою новую ассистентку.

Она повернулась и поглядела на меня.

- То есть я еще могу понять, когда так думает кто-нибудь из старшего поколения; они привыкли к этому с детства. Но ведь Уинторпу всего сорок два! Он-то с какой стати решил, будто доктор может обнаружить у него что-то, чего не определил сканер?

Бедняга просто искал хоть какого-то облегчения, которого мы ему не дали; Карма не могла этого не видеть. Однако я не из тех, кто клюет на такую наживку.

- Должно быть, некоторым людям просто очень не хватает предмета для ностальгии, - сказал я. - Истории, услышанные от родителей, старое кино, нехитрый рассказ, который гуляет по всей Сети... Есть множество возможностей узнать о том, как лечили раньше. Кое-кто до сих пор верит, что тогда было лучше, чем сейчас.

- И вы тоже?

Я поднял бровь, воспользовавшись своим небольшим преимуществом в росте, чтобы дать ей ответ без необходимости прибегать к открытой лжи.

Кажется, она его приняла.

- Они просто не знают, насколько хорошо их сейчас обслуживают!

Я кивнул.

- Это совершенно нелогично! Неужели они не понимают, что люди могут делать ошибки?

- Слова, достойные молодого специалиста, мисс Джонсон.

Ее глаза сузились.

- Вы не согласны?

- Что люди могут делать ошибки? Конечно, согласен!

Она отмахнулась от моего ответа.

- Что машины - единственный способ осматривать пациента! Что нет никакой необходимости прикасаться к больному до тех пор, пока он способен самостоятельно забраться в сканер или хирургический блок!

Я испустил глубокий вздох.

- Сканеры работают быстрее, точнее и полностью лишены эмоций. Им не надо тратить время на чувства пациента.

- Вот именно, - отозвалась она с облегчением.

- Но они не способны сочувствовать, взаимодействовать с духом больного. Боль - нечто гораздо большее, чем механическое раздражение нервных окончаний. Одна и та же патология может у разных людей вызывать различные симптомы, различную степень боли.

Она широко раскрыла глаза, и я почувствовал, как по моей коже побежали мурашки. Я выдавил смешок и сказал:

- Что, поверили?

Ее взгляд стал спокойнее, но настороженное выражение осталось.

- Нет уж, ходили мы по этой дорожке, - продолжал я. - Вы не поверите, сколько времени уходит на возню с чужими эмоциями, а еще больше - на эмоциональное напряжение, которое деформирует вас самих. Я в любую минуту готов предпочесть всему этому наш сканер!

Я ласково похлопал «Медтрон-3000» по холодному титановому боку.

- Благодаря вот этим малышам и тем ребятам, что выдумали систему

ответов, современная медицина поднялась на совершенно иной уровень.

- Да и смена кончается гораздо быстрее. - Мисс Джонсон с облегчением вернулась к прежней закадычно-дружеской манере.

Я сверкнул в ее сторону улыбкой - к этому времени я изрядно поднаторел в этой игре. Я тоже вышел на совершенно иной уровень: инстинкт выживания - серьезная вещь.

- Мисс Джонсон!

Она обернулась.

- Пригласите следующего пациента.

- Хорошо, доктор.

«Доктор»... Будь я проклят, если еще чувствовал себя доктором.

* * *

Отбыв очередную смену, я наконец вышел на улицу - стоял конец октября, было довольно прохладно и ветрено, - и, прищурясь, поднял глаза на сверкающий на солнце стеклянный фасад «Юнити Хелс Иншуранс билдинг», что возвышался над всей деловой частью города. Я подтянул воротник повыше и плотно прихватил уголки рукой, спасаясь от ветра. Мне предстояла недолгая прогулка до дома.

Я жил в центре уже почти пять лет. В тот самый день, когда Нэн сообщила, что больше не может выносить меня в своем доме, я решил подыскать себе жилье на расстоянии нескольких минут ходьбы от клиники. Безрадостные толпы, теснящиеся на станциях и в поездах метро, не могли способствовать умственному здоровью кого-либо, тем более людей моего поколения; кроме того, мне нравилась возможность дышать... ну, конечно, теперь это вряд ли можно было называть свежим воздухом, но я любил атмосферу чумазных улиц центра города, предпочитая ее стерильным интерьерам современных зданий.

Я прошел мимо «Хот Бинз» - местечка, где по утрам пил кофе; дразнящие запахи замедлили мой шаг, но мысль о последующем возвращении на улицу, после того как я согреюсь, удержала меня на пути. Я свернул за угол и подошел к парадной двери моего дома, над которой была вмонтирована видеокамера.

- Впустить, - приказал я.

Непомерно большие стеклянные двери распахнулись, и я поспешил убраться внутрь с холода, к которому мое тело привыкнет лишь по мере превращения осени в зиму. Я кивнул аниматронному регистратору в холле, который приветствовал меня по имени, и вызвал лифт. Когда я вошел в кабину, ко мне обратился превосходно поставленный голос, наподобие тех, что слышишь в шестичасовых новостях:

- Направляетесь к себе, доктор Дженкинс?

- Да, к себе.

- Очень хорошо. - Дверь закрылась, меня препроводили на тринадцатый этаж, где я вышел из лифта и прошел по коридору до двери, а новая команда «Впустить» открыла доступ в мое маленькое убежище.

Я бросил пальто на один из обитых клетчатой тканью стульев, прошел в гостиную и взглянул на невзрачный кусочек Сентениел-парка, открывавшийся за большими, от стены до стены, окнами, которые и придавали комнате ее прелесть.

- Музыка, - приказал я, плюхаясь в свое любимое мягкое черное кожаное кресло у окна; я нажал на маленькую черную кнопку возле правой руки, и подставка для ног поднялась до нужной высоты. - «Петрушка».

Когда музыка заиграла, я закрыл глаза, позволяя ей унести меня назад, к тому дню, когда был записан этот альбом - концерту, на котором моя дочь сыграла короткое, но широко известное и характерное соло на трубе, прославившее эту пьесу; это был ее дебют в Чикагском симфоническом оркестре. Тем днем я гордился, наверное, больше, чем каким-либо другим - а в моей тогдашней жизни было немало моментов, которыми я имел право гордиться.

Медицинский колледж, женитьба на однокашнице, трое замечательных детей, уютный домик в пригороде. Казалось, все эти картины из чьего-то чужого прошлого. Я должен был увидеть, как это надвигалось, должен был заметить признаки, но меня ослепляло стремление преуспеть, и я не обращал внимания на то, как меняется мир вокруг. Изменения происходили постепенно, они подкрадывались ко мне подобно старости, понемногу, по одной морщинке. А потом, в один несчастный день, Нэн попросила меня уйти. Только в этот день я действительно осознал, насколько всё переменилось - всё, кроме меня. Наши дети подросли и рассеялись по стране; каждый добился успеха в своем деле, но ни один из них больше не был частью нашей жизни. Нэн сумела остаться в одном ритме с пульсом города, она занялась общественной деятельностью на добровольных началах и приносила много пользы, она делала то, что имело значение для людей.

А я был всего лишь тенью того человека, которым являлся когда-то, меня все больше разочаровывала наша медицинская система, давным-давно развалившаяся, утратившая способность делать то, для чего была предназначена - заботиться о людях. Горечь настолько переполнила меня, что я отравлял жизнь Нэн, но сам понятия об этом не имел до того дня, когда она разрушила мой мир.

Лишь в этот день я осознал, что Нэн была единственной константой в моей жизни, благодаря которой вещи оставались реальными, она

служила мне щитом от бесконечных изменений, трансформировавших мир вокруг нас. Это она все эти годы заботилась обо мне, а не наоборот, как я всегда полагал.

И когда этот день пришел, со мной было покончено.

* * *

После развода у меня ушло несколько лет на то, чтобы взять себя в руки и снова начать жить. Не радость, это нельзя было так назвать, но понемногу я начинал обнаруживать вещи, которые заполняли мое существование, приносили удовольствие, придавали смысл. Мне казалось, что я снова могу жить спокойно - вплоть до того дня, когда Арни Хирша уволокли в наручниках. После чего вопросы о том, что я делаю со своей жизнью, снова принялись рвать меня на части.

Неуверенной походкой я вошел в «Хот Бинз», намереваясь перекусить - подобные субботние вылазки я предвкушал всю неделю, - но только я переступил порог, как услышал возглас: «Дженкс!». Уже давно меня так никто не называл.

Я поднял взгляд и слабо улыбнулся.

- Дуг! Как твои дела?

Дуг Барнс поступил в колледж вместе со мной, и вскоре после выпуска мы с ним открыли совместную практику. Некоторое время она процветала, но в конечном счете бюрократия нас доконала. Страховые компании соглашались подписывать контракты только с теми врачами, которых могли контролировать, а мы не желали играть в эти игры. Мы думали, что выше этого, однако время шло, мы понемногу вымотались и в конце концов были вынуждены ликвидировать практику и подыскивать себе работу в клиниках. Я не видел его уже многие годы.

- Лучше, чем у тебя, судя по твоему виду, - ответил мне Дуг, жестом приглашая за столик. - Ты ужасно выглядишь.

Я и не знал, что мое отчаяние настолько очевидно. Мы уселись за маленький круглый столик лицом к лицу. Я бледно улыбнулся.

- Ничего себе совпадение, вот так наткнуться здесь на старинного друга...

Он улыбнулся уголком рта.

- Не такое уж совпадение. Это карма. - Я уставился на приятеля поверх очков. Взмахнув руками, он засмеялся и пояснил: - Да нет, Карма Джонсон, твоя ассистентка!

- Вот как? Мисс Джонсон?

Он кивнул:

- Она из наших.

- Из наших?

- Позволь, я объясню.

И он рассказал, что после того, как мы закрыли практику, он застрял в одной из городских клиник, которую нашел столь же безрадостной, как и я свою, так что единственной причиной, по которой он продолжал каждый день туда приходить, была нужда в деньгах. Знакомая история, однако я по-прежнему не понимал, какое место в ней занимает Карма Джонсон.

Дуг бегло оглядел помещение и наклонился поближе ко мне.

- Так вот, есть группа людей; мы собираемся каждую неделю. Ты понимаешь: я говорю о тех, кто думает так же, как ты и я.

- И мисс Джонсон тоже состоит в этой группе?

Он коротко кивнул.

- В основном это практикующие врачи, но к нам присоединились также несколько сиделок и лаборантов. Мы называем себя «Клуб старых чудаков», хотя привлекли и несколько молодых выпускников вроде Кармы, которые считают, что пришли в медицину по тем же старомодным соображениям, что и мы с тобой.

- И что же вы можете сделать, черт возьми, кроме того, чтобы ныть и жаловаться друг другу?

- Мы организовали клинику в дальней части торгового комплекса в округе Либертивиль.

Мои глаза широко раскрылись. Отношение федеральных властей к подпольным клиникам нельзя было назвать снисходительным.

- Это отличный рабочий район, преступность там низкая, так что и копов немного. Мы направляем туда отдельных пациентов, тех, кому наверняка можем доверять. Все как в старые добрые времена: мы лечим пациентов так, как нас учили, а не так, как нам предписано это делать сейчас.

- Боже всемогущий, Дуг! А что если вас поймают?

- Проклятье, дело стоит того, чтобы рискнуть! Это возможность стряхнуть ржавчину, снова почувствовать себя полезным. Почему бы и тебе не попробовать? Нам бы не помешал такой человек, как ты.

Я прекрасно понимал его чувства. Если не занимаешься ничем, кроме бумагомарательства, непременно наступает момент, когда чувствуешь, что начинаешь загнивать. Предложение выглядело заманчиво.

- И как вы прячетесь?

- Как только можно. Не говорим об этом с незнакомыми людьми и не упоминаем на работе даже в разговоре с теми, кому доверяем. У стен есть уши.

- Мне можешь не рассказывать. Каждый раз, когда у нас в конторе появляется новенький, я целый день только и делаю, что оглядываюсь через плечо. Эти новоиспеченные выпускники колледжа... нынче им промывают мозги с малолетства.

Дуг рассмеялся.

- Карма действует тебе на нервы, а?

- Еще бы. Я мог бы поклясться, что ее к нам внедрила федеральная полиция.

- Да нет, это она просто тебя прощупывала. Но свою роль она играет хорошо, как ты считаешь?

Я не мог не согласиться. Меня она вычислила, ничем не показав, что у нее на уме.

- Ну так что скажешь, Дженкс? Следующая встреча сегодня вечером. Может, придешь?

Я потер пальцем грязное пятно на столешнице. Мне хотелось сказать «да», но перед моими глазами стоял образ Арни Хирша, которого волокли прочь в наручниках.

- Ну, по крайней мере подумай. - И Дуг скинул информацию мне на коммуникатор.

* * *

Оставшуюся часть дня я думал. Слова старого друга задели некую струну. При мысли о том, чтобы снова работать в настоящей клинике, кровь в моих жилах начинала бежать так, как не текла уже давным-давно.

Я приехал по тому адресу, что дал мне Дуг. Торговый комплекс в тихом квартале. Витрина - «Одежда на заказ»; я подозревал, что ателье держал какой-нибудь родственник одного из членов «Клуба старых чудаков». Информация, которую скинул мне Дуг, включала и пароль, открывавший доступ в клинику позади магазина.

Я подъехал ко входу и какое-то время сидел в машине с включенным мотором, уставившись на витрину невидящим взглядом. Моя машина была довольно новой, однако никакой кондиционер не был способен остановить пот, пропитавший рубашку. Приемные часы в клинике были с шести до девяти; у меня еще оставалось время для решения.

По пути домой я остановился у «Старбакса» и прихватил гамбургер, крем-соду и чипсы в пакете на вынос. К тому времени как я добрался до своего жилища, продукты успели нагреться, но я предпочитал стены собственного дома пунктам быстрого питания. Я жадно проглотил привезенное, а затем залез в душ.

Большинство людей в душе поют. Фактически, именно там ко мне приходят мои лучшие идеи. Но сейчас даже горячий пар, клубящийся вокруг тела, не мог разогнать туман внутри головы.

«Это же так просто, - думал я. - Подъехать к торговому центру, войти в клинику и получить шанс снова стать настоящим врачом».

Я представил себя в наручниках.

«Ты что, спятил?»

«Да ладно, Дуг ведь занимается этим уже бог знает сколько времени.

Неужели это так уж опасно?»

Затем меня посетила ужасная мысль:

«А может, он просто пытается меня подставить?»

«Побойся бога, это же Дуг!»

«Ну, я ведь не знаю, чем он занимался последние десять лет».

«Ладно, и что в таком случае ты собираешься делать - продолжать гнить в Тринадцатой до конца жизни? Мужик, покажи, на что ты способен!»

Я вытерся и посмотрел на часы. Время принимать решение.

В четверть седьмого я покинул свое жилище и снова отправился к «Одежде на заказ». С каждым поворотом мое сердце колотилось все сильнее, а когда я сворачивал на парковку, руль выскользнул из моих влажных пальцев - лишь установленная в машине тормозная система с функцией распознавания близких объектов помогла мне не пропахать ряд машин. Какое-то время я тупо слушал электронный голос, выговаривавший мне за небрежное вождение, потом наконец пришел в себя настолько, чтобы отключить систему безопасности, выправил курс и пополз вдоль витрин, пока не заметил пустое место прямо напротив ателье.

Я поколебался... а потом нажал на газ и вырулил с парковки, ни разу не оглянувшись. Через полчаса я был дома.

Этим вечером мне составила компанию бутылка вина. Я медленно цедил напиток, уставившись в стену, пока в конце концов не решил отправиться в кровать независимо от того, ждет меня в ближайшем будущем сон или нет. Я лежал, задремывая и снова просыпаясь, а через мое сознание скользили обрывки грез: медицинский колледж, старая практика, Карма Джонсон, врывающаяся в мой кабинет с командой агентов в форме. Дуг, правда, убеждал, что она на нашей стороне, однако сновидения не всегда основываются на фактах, а эмоции не стираются так быстро.

Чуть позже полуночи меня вырвал из сна пронзительный сигнал вызова от неизвестного абонента. Я ткнул в телефон пальцем, скорее стремясь утихомирить его, нежели действительно желая узнать, кто звонит.

- Дженкс? Дженкс, это ты? Почему у тебя отключен экран?

- Я всегда его отключаю перед тем, как раздеться, - хрипло проговорил я.

- Что? Ах, да... - Я видел напряженные морщинки вокруг глаз Дуга, его взгляд скользнул в нижнюю часть телефона, проверяя время. - Боже мой, я и не знал, что уже так поздно! Прости. - Он оглянулся через плечо. - Слушай, я не знаю, много ли у меня времени...

Я сощурил заплывшие глаза, пытаюсь разобрать выражение его лица.

- Ты был прав.

- Насчет чего?

- Насчет Кармы. Она нас сдала. Копы устроили на нас облаву сегодня вечером, перед самым закрытием. Я вышел на минутку глотнуть воздуха, а когда вернулся, перед входом стояло полдюжины полицейских машин. Пытаюсь затаиться, но бродить по улицам долго не получится. Теперь это всего лишь вопрос времени... - Я услышал в трубке звук приближающихся сирен. - О боже! Мне пора. Будь осторожен, Дженкс.

Я дотянулся до пульта на ночном столике, щелкнул кнопкой, включая экран монитора, подвешенный на дальней стене, и поискал в Сети местные новости.

- Дерьмо!

Вот оно, ясно и недвусмысленно: группу докторов и сиделок выволакивают в наручниках из той самой двери, на которую я глядел всего лишь несколько часов назад, сидя в безопасности своей машины, - той самой двери, в которую я чуть было не вошел, поддавшись бунтарскому порыву.

- Боже, как я мог быть таким идиотом? О чем я только думал?

Я был слишком ошеломлен, чтобы осознавать слова диктора; затем картинка сменилась сценой погони в реальном времени - погони за машиной Дуга. Я выключил телевизор и швырнул пульт на стол. У меня не было желания наблюдать неизбежную развязку.

Я упал на кровать и уставился в потолок. Проблеск надежды на более яркое, более продуктивное существование, появившийся у меня впервые за очень долгое время, был раздавлен и размазан по всей Сети. Все, что мне оставалось отныне, это 13-я окружная клиника.

Телефон зазвонил. Снова номер Дуга.

- Дуг, это ты?

- Доктор Дженкинс? - Монотонный, безмятежный голос, явно не принадлежащий Дугу.

- Да?

На экране появилось лицо - ничем не примечательное лицо опрятного молодого человека, увенчанное полицейской фуражкой.

- Офицер Харви Корнелл, Включите ваш экран, сэр.

Я обернул вокруг себя простыню и повиновался. Он мог видеть в своем телефоне лишь мое лицо, однако я все же чувствовал смущение, сидя голышом и разговаривая по видеофону.

- В чем дело, офицер? С доктором Барнсом ничего не случилось?

- Он в порядке, сэр. Ваш номер был последним, по которому он разговаривал всего несколько минут назад. Мы хотим знать - почему?

- Почему бы вам не спросить у него самого?

- Его версию мы уже знаем, сэр. Нам хотелось бы услышать вашу.

Я не сомневался, что они проверят расшифровку телефонных звонков Дуга. «Не будь идиотом», - напомнил я себе и ответил:

- Он мой старый напарник. Я случайно встретил его вчера, впервые за

долгие годы, и дал ему свой номер - видимо, он оказался наверху в списке его последних вызовов. По его голосу я понял, что у него какие-то неприятности. Очевидно, он спешил позвонить кому угодно, и мой номер оказался первым, который он набрал.

- Скажите, сэр, что вы знаете о клинике?

- Э-э, вчера он говорил мне о ней - видите ли, мы рассказывали друг другу, чем мы теперь живем...

Я боролся с инстинктивным желанием вытереть со лба пот. Экран был маленьким; возможно, коп не заметил блеска... Я отвернулся от света.

- И вы не сообщили в полицию?

- Я хотел дать ему шанс исправиться самому. Я предупредил его насчет одной из его сотрудниц - что она честный человек. Похоже, он не внял моему совету, верно?

- Вам нужно будет зайти в участок, сэр. Через десять минут я подъеду и заберу вас.

- Но...

Разговор прервался. Десять минут. Дерьмо.

Я влез в какие-то джинсы и относительно чистую рубашку, почистил зубы, избавляясь от прокисшего винного запаха, и уже топтался перед дверью, когда прозвенел звонок, при звуке которого мое сердце чуть не разбилось о грудную клетку.

- Включить интерком. - Рядом с дверью вспыхнул зеленый огонек. - Кто там?

- Доброе утро, доктор Дженкинс, - приветствовал меня аниматронный регистратор из холла. - Здесь офицер Корнелл, который желает вас видеть. Должен ли я его впустить?

- Да. Благодарю вас.

- Не стоит благодарности, доктор.

Я промокнул пот на лбу и вытер ладони о штаны. Звонок прозвенел снова.

- Да?

- Доктор, это я, офицер Корнелл.

- Входная дверь, открыть, - приказал я.

Дверь послушно распахнулась, и офицер Харви Корнелл вошел внутрь, предваряемый слабым ароматом мускуса. Аккуратно выглаженная темно-синяя униформа подчеркивала его атлетическое сложение.

- Доктор Дженкинс, - сказал он, снимая фуражку и приглаживая аккуратно подстриженные черные волосы, слегка уложенные гелем. - Вы готовы, сэр?

- Я арестован?

- Пока нет, сэр.

- Тогда почему мы не можем поговорить прямо здесь?

Он указал на дверь.

- Вам следует пройти со мной, сэр.

Порой отсутствие ответа само по себе является ответом.

Аниматронный регистратор весело пожелал нам всего хорошего, когда мы проходили мимо, направляясь к машине без опознавательных знаков, стоящей перед главным входом. На водительском месте, выпрямившись, сидела женщина в полицейской форме. Корнелл открыл передо мной заднюю дверь, и я нырнул внутрь. Дверь захлопнулась, и я инстинктивно подергал ручку, которая, разумеется, не шелохнулась.

Корнелл уселся рядом с водителем и по пути до участка не сказал мне ни слова. Я видел, что они разговаривают по ту сторону разделявшего нас прозрачного барьера, но я не умею читать по губам. В качестве компании мне оставалось лишь бормотание моих собственных мыслей.

Я сидел на заднем сиденье, и передо мной мгновенными вспышками разворачивались всевозможные сценарии. Может быть, они заметили, как я днем разглядывал клинику? Однако этого недостаточно, чтобы меня арестовать. Должно быть, они видели, как я подъехал позже, вечером, и едва не зашел внутрь. Но «едва» - тоже не основание для ареста, ведь верно? Черт побери, у них же нет ровным счетом ничего, что можно на меня повесить! Все эти годы в клинике я вел себя как чертов бойскаут - ненавидел себя за это, но не дал им ничего, что можно было бы подшить к делу. Действительно, что у них есть? Мое имя в телефоне Дуга, его звонок, то, что я проехал в машине мимо торгового центра во время приемных часов клиники? Все это совершеннейшее ничто. И тем не менее они могли серьезно испортить мне жизнь, если бы захотели. Проклятье, я разыгрывал из себя пай-мальчика, образцового сотрудника системы окружных клиник, хотя прекрасно знал, что это подрывает мое душевное здоровье, - и все равно они до меня докопались! Великолепно!

Всполохи паники в моих мыслях вытеснил звук останавливающейся машины. Мы припарковались возле участка. Корнелл открыл дверь и провел меня через лабиринт кипящих деятельностью клетушек в изолированную комнату для допросов. Здесь не было зеркальных стекол, но не было и сомнения, что наш разговор записывается.

Офицер уселся лицом ко мне по другую сторону рабочего стола из полированной стали, однако его взгляд был направлен исключительно на монитор компьютера справа от него. Он молча что-то читал, время от времени касаясь пальцем экрана. На лице - ни одной эмоции.

Я откашлялся - совершенно без какого-либо намека, - и был пронзен взглядом с той стороны стола, говорившим: «Больше так не делай».

Спустя несколько минут Корнелл откинулся на спинку стула.

- М-да, доктор, ваше положение выглядит неважно.

- Что именно выглядит неважно? В чем вы меня обвиняете - в том, что я дружил с доктором Барнсом?

- Вы должны осторожнее выбирать знакомства.

- С каких пор это стало преступлением?

Он поглядел на меня еще немного, вдавливая взглядом в сиденье, а затем вышел из комнаты. Я внимательно огляделся, пытаюсь понять, где расположена камера.

«Боже мой, не могут же они меня задержать только за то, что я подумывал, не пойти ли мне в эту чертову клинику?»

Я вытащил из кармана бумажную салфетку и промокнул лицо. «Спокойнее», - уговаривал я себя, но тело не слушалось. Я как раз засовывал мятую влажную салфетку в карман, когда дверь распахнулась, и снова появился офицер Корнелл.

Усевшись, он прикоснулся к экрану, три или четыре мучительно долгие секунды рассматривал меня, после чего вновь сосредоточил внимание на мониторе.

Я ерзал на холодном стальном сиденье своего стула, тщетно пытаюсь устроиться поудобнее.

Корнелл снова поднял глаза.

- Вот что, доктор. Позвольте мне говорить откровенно.

Наконец-то! Я бы предпочел, чтобы меня арестовали, лишь бы не сидеть на этом стуле перед машиной, называющей себя офицером Корнеллом.

- У нас есть материалы видеонаблюдения, показывающие, как вы сегодня днем крутились возле клиники Барнса, а затем приехали еще раз вечером, как раз перед тем, как туда явились мы.

Я ощутил волну жара, поднимающуюся вверх по моему телу под рубашкой, и возблагодарил свою счастливую звезду, что Корнелл не подключил меня к автономному монитору, который мог бы зарегистрировать мою нервозность. Впрочем, ему это и не требовалось.

- Он был моим другом. Мне было просто интересно.

- Не оскорбляйте мои умственные способности, доктор.

Я открыл рот, но не издал ни звука.

- Послушайте. У нас, может быть, и нет ничего, в чем вас можно было бы обвинить, но учитывая это видео, телефонный звонок и вашу связь с доктором Барнсом... ну, скажем прямо, остается мало сомнений относительно ваших намерений. У вас ведь было более чем серьезное искушение присоединиться к его лавочке, не так ли?

Прежде чем я успел ответить на этот полный опасности вопрос, он остановил меня:

- Этим вечером вам чертовски повезло, но не рассчитывайте на то, что удача вам улыбнется и во второй раз. Пространство под радаром, в котором вы до сих пор летали, только что значительно сузилось.

Напряжение, пронизывавшее все фибры моего существа, начало ослабевать. Им все-таки придется меня отпустить!

- Значит, я теперь ваш новый подопечный?

- Даже если бы у меня было время за вами бегать - а у меня его нет, - я не считаю допустимым методом провоцировать людей на противоправные поступки. Однако я не единственный, кто владеет этой информацией. Считайте нашу сегодняшнюю беседу дружеским предупреждением.

Ну, без такой дружбы я вполне мог и обойтись. Я почувствовал озноб - пот на моей коже начал высыхать.

Офицер Корнелл поднялся с места.

- Вы можете идти. Мне пора приниматься за эти чертовы отчеты. Вот наказание за работу в Федеральной оперативной группе по охране здоровья: бумажная работа способна свести тебя с ума. - Он указал мне на выход. - Мы можем послать кого-нибудь, чтобы вас довезли до дома, если хотите.

- Спасибо, доберусь на такси.

- Я так и думал. - Он пошел было к комнатке справа от допросной, но заколебался и вновь повернулся ко мне. - Будьте благоразумны, доктор.

Не могу передать, как я спешил убраться оттуда.

* * *

Как всегда неизбежно наступило утро понедельника. Я поднялся на тридцать седьмой этаж, где меня уже ожидала мисс Джонсон.

- Значит, вы все же не клюнули, - кисло произнесла она.

- Нет. Не клюнул. Вы же знаете, такие вещи не для меня.

- Теперь знаю. Хотя готова была поклясться, что вы купитесь - а я довольно хорошо разбираюсь в людях.

Отныне моя задача стала вдвойне обременительной. Я чувствовал, что работаю под еще более мощным микроскопом, чем прежде. Но я сносил всё. И думал о Дуге - постоянно.

Пару недель спустя, в пятницу утром, снова заявился мистер Уинторп, которого по-прежнему мучили боли и который по-прежнему умолял меня осмотреть его шею. Ему было некуда больше идти - его поставщиком медицинских услуг был назначен я. И снова я отказал ему, и это грызло меня изнутри.

Становилось все труднее смотреть на себя в зеркало, труднее принимать то, во что я превратился, после того как увидел, что есть другой путь для тех, кто хочет делать свое дело. Да, конечно, они схватили Дуга, но существовали десятки других клиник, которые умудрялись продолжать свою деятельность под радаром - если верить

блогам. Я никогда не верил. Но сейчас отчаянно хотел поверить.

И тем не менее предупреждение офицера Корнелла было трудно игнорировать.

Этой ночью я лежал в постели, молясь о том, чтобы на меня снизошел милосердный сон, а в моей голове в сотый раз прокручивались разнообразные «за» и «против». В кои-то веки я желал, чтобы под рукой оказалось «дерево ответов», которое могло бы подсказать решение стоявшей передо мной проблемы.

В два часа я внезапно проснулся, словно от удара. «Дом дока Трэймера... ну конечно!» Образ стоял у меня перед глазами, ясный как день: некролог в субботней газете - мой старый семейный врач, который, бывало, осматривал меня в своем домашнем кабинете, скончался в почтенном возрасте девяноста семи лет. Абзац с восхвалениями и выражение сожаления относительно того, что у него не осталось наследников; его дом собирались выставить на продажу.

На следующее утро я первым делом откопал номер знакомой риэлторши, выписал его, оставил на столе и пошел варить себе кофе. Я жевал рогалик и прихлебывал из чашки, а мой взгляд все время отрывался от новостей на мониторе, возвращаясь к маленькому листку бумаги.

«Но они следят за тобой!»

«Чепуха! Ты действительно считаешь себя настолько важной птицей? Да у них нет времени на возню с тобой - это была просто тактика запугивания».

«И что же, ты готов рискнуть?»

Я опрокинул чашку, высасывая последние капли кофеина, начал подниматься из-за стола...

«А, черт с ним!»

Я развернулся и схватил листок.

* * *

Когда я подъехал к дому старика Трэймера, риэлтор уже ждала возле крыльца. Док удалился от дел пару десятков лет назад, но его домашний кабинет был по-прежнему в полном порядке - истинный храм той медицинской эры, в которой я вырос. Было очевидно, что старик с большой гордостью заботился о нем вплоть до последних нескольких лет, когда ему, разумеется, пришлось заняться более насущным делом - выживанием.

Это было просто великолепно. Кабинет был снят с учета задолго до того, как система окружных клиник впервые забрезжила в мозгу тех ослов, которые ее выдумали; федеральная полиция вообще понятия не имела о его существовании.

В воздухе висел запах гнили, и вообще дом выглядел ужасно: сползающие со стен выцветшие обои, архаичная бытовая техника, древние лампы накаливания - не дом, а кошмар риэлтора. Однако с большей частью косметических операций я мог справиться самостоятельно. Я тут же сделал свое предложение - она едва успела составить контракт.

* * *

Уикенды всегда были для меня желанным временем, а прогулки на вольном воздухе - излюбленным времяпрепровождением. Бродил я по городу, разглядывая людей, или сбегал в небольшую парковую зону, что еще оставалась в пределах досягаемости от города, эти дни всегда проходили в попытках общения с теми вещами, благодаря которым жизнь стоила того, чтобы жить.

Однако теперь у меня появилось идеальное убежище. Старое гнездышко пристроилось по соседству с парком, и из окошка хозяйской спальни на втором этаже открывался прекрасный вид на древесные кроны. Я стал проводить там уикенды, и ремонтные работы продвигались быстрым темпом. Уже через месяц я был готов принимать первых посетителей.

Еще немного, и скука и безопасность сменятся чувством выполненного долга и манией преследования.

Я оставил убранство дома насколько можно более старомодным. Стены в фойе утеплили фальшивые дубовые панели; кожаные диваны были настоящими. Я пребывал в восхищении перед собственной работой, готовясь к первому субботнему вечернему приему. Приняв к сведению провалившуюся попытку Дуга, я решил вести свое дело в одиночку.

Откинувшись на мягкую потертую спинку дивана и с наслаждением вдыхая тонкий аромат плесени от древнего покрывала, которое я откопал на барахолке, я сложил спортивный раздел январского выпуска «Нью-Йорк таймс» - последней газеты, которая еще выходила в печатном виде. Ежемесячное издание даже не пыталось угнаться за событиями, которые с успехом освещались в Сети, однако детальные очерки из жизни людей таили в себе немалое очарование; к тому же едва ли можно было чем-то заменить волшебное ощущение ломких газетных страниц, шуршащих под пальцами.

Ностальгия по старым временам, когда все было проще и человечнее, приносила умиротворение моей душе.

Я сидел, наслаждаясь минутой покоя, когда мелодичный звон старинного колокольчика обратил мое внимание на двойную парадную дверь, где на встроенном сбоку мониторе виднелось знакомое лицо

мистера Уинторпа.

С улыбкой я нажал кнопку, впуская его в дом.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Brad Aiken. Questioning the Tree. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Аналог» в 2010 году.

БОРИС РУДЕНКО

ОСТРОВ, КОТОРОГО НЕТ

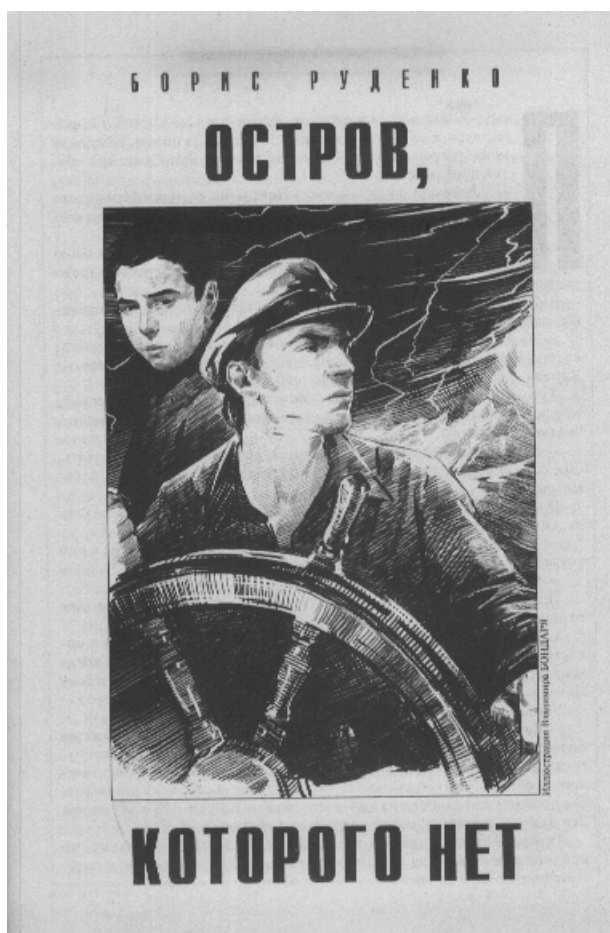

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Пента-Водка вошел в кабачок, потоптался на высоком пороге, щурясь со света на дымный полумрак, а потом, разглядев меня, устремился к моему столу и уселся напротив, не спросив приглашения.

- У тебя нет денег, - сказал Пента-Водка, и прозвучало это не как вопрос, а как утверждение, отчего мне сразу захотелось шархнуть его

кружкой по башке.

А в этот момент в погребке Фарнифа я спокойно ел свою кашу из овощей с моллюсками, запивая горячее варево глотками пива.

- Взаймы не дам, - ответил я и отставил кружку от Пенты подальше, дабы избежать соблазна.

- Да я и не прошу, - ощерился он, показав острые ровные зубки, которые неведомо как сохранил целыми при своей наглой морде. - Капитан, это как раз я хочу помочь тебе заработать деньги.

Тут я потянулся к кружке с возобновленным желанием расколоть ее о череп Пенты-Водки; он догадался и поспешно спрятал ухмылку, заодно сменив тон.

- Есть трое сумасшедших из столицы, которые хотят тебя нанять, они сейчас сюда придут. Я тебя познакомлю, если пообещаешь комиссионные.

Я начал подниматься, намереваясь вышвырнуть Пенту из-за стола. Он заговорил быстро и едва ли не жалобно:

- Это правда, правда! Они сейчас придут, у них есть деньги, и они хотят нанять судно!

- Почему именно мое?

Прежде чем ответить, Пента-Водка на всякий случай отодвинулся от меня подальше.

- Потому что ты такой же сумасшедший, как они. Им нужно попасть на Золотой остров. Они искали капитана Герсебома, но когда узнали, что он умер, стали спрашивать, кто бы смог отвезти их к Зеву Дьявола.

Увидев мою кривую ухмылку, Пента-Водка замахал руками.

- Знаю, знаю! Но тебе же вовсе не обязательно доставлять их на Золотой остров. Если кому-то вздумалось покататься по океану, пусть их. Да и Герсебом, в конце концов, был твоим давним приятелем. В общем, они хотят нанять «Клео» и готовы хорошо заплатить. Ты понимаешь? Просто нужно взять деньги вперед... Покажешь им Зев Дьявола издалека, и они потребуют вернуться.

Теперь я понял. В самом деле, потаскать по океану дураков, не представляющих, куда они лезут, несложно. Тем более за наличные, которых мне действительно здорово не хватало. Причем почти всегда.

- Ты получишь свои комиссионные, если оплата будет щедрой, - решил я. - Где клиенты? Веди их сюда.

Пента-Водка приподнялся со скамьи, шлепнулся на прежнее место и показал на вход.

- Вот они!

В это время года в Климбе всегда было немало чужаков: мелкие скупщики и посредники крупных торговых сетей (первые покупали морское мясо последних уловов, вторые заключали с капитанами контракты на следующий сезон), бригады судовых ремонтников, ожидающих подрядов от хозяев вставших на зимний отдых кораблей,

торговцы судовым оборудованием и прочий деловой и рабочий люд. Но отдыхающих и туристов из столицы среди них уже не было, поскольку курортный сезон давно закончился. А новые посетители в столичной одежде выглядели как курортники, поэтому разговоры вокруг ненадолго смолкли, завсегда и беззастенчиво рассматривали вошедших.

Мужчина, женщина и подросток - мальчик или девчонка - в блестящих от дождевой влаги плащах и с одинаковыми заплечными мешками, довольно объемистыми, осматривались. Пента-Водка поднял руку, чтобы привлечь их внимание, но они и сами заметили его и направились к нам. Пента-Водка суетливо принялся их усаживать.

- Вот, - тараторил он, - это тот, о ком я вам говорил. Капитан Якоб. Самый опытный моряк на всем побережье. Вы не пожалеете, что познакомились с ним. Герсебом, кстати, считал Якоба своим лучшим другом.

Они сняли с плеч поклажу, сбросили мокрые плащи и сели.

- Меня зовут Брант, - сказал мужчина. - Это Лотта и Гемм.

Подскочил официант, готовый немедленно принять заказ, но Брант коротким движением руки показал, что следует обождать, и тот отступил на несколько шагов.

Я с немалым любопытством разглядывал гостей. Внешне Брант выглядел лет на пятьдесят. Короткие, густые, когда-то сплошь черные волосы запятнали неровные седые отметины. Морщины на задубелой, обветренной коже лица. Свитер грубой вязки не мог скрыть могучего сложения, а толстые запястья не оставляли сомнений в невероятной мощи рук. Женщина могла быть его супругой, равно как и дочерью - огромные глаза на прекрасном матовом лице не позволяли даже загадывать о возрасте. Подросток, на вид лет тринадцать-четырнадцать, не был похож ни на него, ни на нее: просто худой мальчишка с растрепанными волосами цвета прошлогодней соломы. Самый обыкновенный мальчишка, кабы не необычный взгляд. Он словно был устремлен внутрь самого себя, а окружающим доставалось лишь то, что отразилось от зеркала его души. При этом он не казался больным или убогим - только странным. Я внезапно испытал ощущение, что эти трое отнюдь не столичные жители - они лишь похожи на них. Из каких они мест - я не знал, зато мог сказать точно, что в тех местах мне бывать не приходилось.

- Надеюсь, вам уже известно, что нам нужно? - спросил Брант.

- Не уверен, - покачал я головой. - Но если Пента объяснил ваше желание точно, отвечу сразу: такое вряд ли возможно.

- О чем ты говоришь, Якоб! - возмущенно воскликнул Пента-Водка. - Всем известно, что только ты способен, это сделать!

- Заткнись, - оборвал я его и повернулся к пришельцам: - Не знаю, кто распускает обо мне такие слухи, но я не собираюсь водить вас за нос и

выманивать деньги за гнилой товар. Никто и никогда не сможет попасть на Золотой остров. А сейчас туда и близко соваться нельзя. Зев Дьявола уже набрал полную силу. Он разнесет любое судно еще далеко до линии рифов. Но даже если этого не случится, рифы все равно не преодолеть.

Они, все трое, переглянулись, как мне показалось, с некоторым разочарованием. Но я готов был поклясться, что разочарование это было вызвано не моим объяснением, а исключительно отказом. Может, они не поверили? Или просто не знают, что такое Зев Дьявола?

Брант придвинулся к столу ближе и заговорил мягко и спокойно:

- Нам не нужен никакой Золотой остров, - начал он. - И если ваш товарищ отчего-то так решил, то неправильно нас понял.

- Он мне не товарищ, - проворчал я, зыркнув на Пенту.

- В любом случае, мы ценим вашу откровенность, - продолжал Брант.

- А предложение наше вообще-то звучит немного иначе: согласитесь ли вы отвезти нас к Зеву Дьявола, следуя маршрутом, который мы вам укажем, и в то время, которое назовем?

- Подозреваю, что это плавание окажется для меня последним, - хмыкнул я. - И для вас, кстати, тоже.

- Мы не самоубийцы и не собираемся подвергать риску вас, - покачал головой Брант. - Давайте договоримся так: мы идем к Зеву Дьявола, но вы поворачиваете обратно, как только пожелаете.

- Тогда зачем вам я? Прокатить вас по морю и показать Зев Дьявола издали сможет любой лодочник.

- Нам известно, что вы хорошо знаете эти воды. Может быть, лучше всех.

Слова эти были мне приятны, но на мое решение повлиять не могли.

- К тому же мы хорошо оценим ваш труд, - внезапно вмешалась женщина. - И готовы внести плату вперед.

Чарующая красота ее голоса меня поразила. Оттого я помедлил с ответом, а тем временем она расстегнула куртку, вытащила из внутреннего кармана и положила передо мной на стол толстенную пачку ассигнаций.

Мне показалось, что в погребке снова установилась тишина. Денег было действительно много, видеть их сейчас никто не мог, но я физически ощутил, как со всех сторон на нас устремились заинтересованные взгляды, а потом понял почему: слова «большие деньги» ярко пылали на лице проклятого Пенты-Водки.

И тут я внезапно понял, что соглашусь. Нет, не из-за денег... хотя из-за них тоже. Эти трое выглядели как дичь, на которую устроена охота. Правда, дичь разной породы. Лотта - хрупкая беспомощная лань. Брант - смертельно опасный хищник, способный выпустить кишки не одному загонщику. Гемм... Про него я ничего не мог сказать - кроме того, что сейчас он находился в стае, на которую ведется гон.

- Уберите, - сказал я. - Заплатите, когда мы вернемся. Если вернемся. Впрочем, дайте сотню Пенте - он это заслужил.

Женщина спрятала пачку, а Пента, схватив купюру и бормоча слова благодарности, выбежал из погребка. Я принялся доедать остывшую кашу, а Брант позвал официанта и сделал заказ, который очень скоро появился на столе, и тогда я увидел, что все трое были очень голодны. Некоторое время мы просто молча поглощали еду.

- Мы можем отплыть завтра утром, - сказал я, сделав последний глоток из кружки.

- Нет, - отрицательно качнул головой Брант. - Отплывать нужно послезавтра, не раньше. Может, вы все же возьмете задаток?

- Хорошо, значит послезавтра, - ответил я, оставляя без внимания его предложение. - Других заказов у меня нет и не будет. На пристанях Климба наступает мертвый сезон. Но не забудьте о главном условии нашего договора.

- Вы на самом деле хорошо знали Герсебома? - неожиданно спросила Лотта.

- Он был моим другом. А вы его тоже знали?

- Нет, - отрицательно повела она головой. - Я о нем только слышала. Отчего он умер?

- От жизни, - пожал я плечами. - Герсебому перевалило за седьмой десяток.

Она коротко переглянулась с Брантом, потом, словно машинально, достала из кармана странную вещицу - серебряный диск размером с половину ладони на цепочке. В диске был вырезан сектор примерно в тридцать градусов. Не сводя с меня взгляда, Лотта вертела украшение в руках. Я глянул на вещицу лишь мельком, никак не показав, что она меня заинтересовала. Мне почудилось, что на лицах Лотты и Бранта проступило разочарование. Лотта вздохнула и спрятала вещицу.

- Как мы найдем ваш корабль? - спросил Брант.

- Мое судно называется «Клео», оно стоит в самом конце седьмого причала. Там и встретимся послезавтра на рассвете.

Они быстро доели, расплатились с официантом (слава Небесам, не из той огромной пачки, а из кошелька Бранта) и, попрощавшись, вышли из погребка. Ну, а я заказал еще кружку, решив немного посидеть в тепле. И тут же увидел, что сидевшая неподалеку компания из трех человек поднялась из-за стола и неторопливо направилась к выходу. Я тоже встал и с такой же неторопливостью зашагал к двери в сортир. Вопросительно взглянувшему на меня официанту я знаком показал, что мой последний заказ остается в силе, и он успокоенно кивнул, увидев, что моя куртка осталась лежать на скамье.

Но вместо того чтобы занять кабинку, я скользнул по тесному коридорчику к выходу во внутренний двор и выбежал в проулок. Дождь на время прекратился, холодный ветер гнал по улице всякий мусор.

Моих клиентов следовало предупредить об опасности.

На главной улице в этот час на них не нападут. Скорее всего, грабители объявятся на пустыре сразу за ярмарочными рядами. Туда я и побежал, намереваясь перехватить и предупредить неосторожных гостей. Я мчался изо всех сил и, наверное, успел бы вовремя, кабы не налетел на тележку зеленщика, которую тот выкатил из-за угла прямо мне под ноги.

От тележки в результате столкновения остались лишь колеса да щепки, от зелени - суп из лужи с уличной грязью. Пока я под вопли торговца поднимался, смиряя боль в ушибленном колене, а потом ковылял с проворством хромой утки, минуты текли, и, конечно же, я опоздал. Когда выбежал на освещенную закатом площадку за складской стеной, все было кончено. Два налетчика валялись на земле тряпичными куклами, третий, согнувшись, убегал прочь, выписывая зигзаги. И тут же мое горло и предплечье сжали стальные тиски. Меня встряхнули так, что лязгнули зубы, и притиснули к стене, едва не расплющив.

- Это ты их послал? - лицо Бранта оказалось рядом с моим, и написанное на нем выражение не обещало ничего хорошего.

Лишенный возможности ответить, я лишь попытался отрицательно мотнуть головой и тогда сжимавшие меня тиски слегка ослабли.

- Я... просто не успел предупредить, - прохрипел я.

Несколько секунд Брант смотрел мне в глаза, потом разжал руки.

- Они живы? - спросил я, кивнув на лежащих.

- Не думаю.

- Тогда очень жаль, что третьему удалось уйти, - сказал я, потихоньку массируя горло. - Это люди Локуфы. Он не прощает обид. Вас будут искать и наверняка скоро найдут.

- Кто такой Локуфа?

- Ночной король Климба и окрестностей.

- Бандит, - хмыкнул Брант.

- Думаю, немного больше, чем просто бандит, - уточнил я. - А вы здесь чужие. Потому он для вас очень опасен. Где вы остановились?

- Пока нигде, - пожал плечами Брант. - Пента подвернулся нам, едва мы сошли с паровика. Он что-то говорил насчет гостиницы.

- Никакой гостиницы! - воскликнул я. - Там вас будут искать в первую очередь. Идите сразу на причал. На судне мой помощник, его зовут Горан. Покажете ему вот это, - я стянул с левой руки медный браслет и передал Бранту. - Может, каюта покажется вам тесноватой, но там тепло и безопасно. Постарайтесь никому не попадаться на глаза. А я должен вернуться в погребок...

Боль в колене почти прошла, и обратный путь я проделал достаточно быстро. На мое счастье, дождь так и не начался, поэтому в погребок я вернулся сухим. Вышел из коридорчика и скользнул на свое место.

Подвальчик к этому времени был заполнен народом, и на меня никто не обратил внимания. Кружка с пивом уже стояла на столе, на ней я и сосредоточился. Я подозревал, что мое одиночество окажется недолгим - так оно и произошло, - но нарушили его вовсе не жаждущие мщения люди Локуфы.

Два чужака в одинаковых темных дождевиках подошли к стойке. После короткого разговора с буфетчиком устремились ко мне и уселись за стол. Средних лет, сильные и крепкие, с решительными лицами профессиональных солдат.

- Капитан Якоб? - спросил тот, что выглядел постарше, с белой полоской шрама на подбородке.

Я молча ждал.

- Мы ищем наших друзей, - продолжал человек со шрамом, - мужчину, женщину и мальчика. Они приехали в Климб с дневным паровиком. Буфетчик сказал, что вы с ними знакомы.

- Не более, чем с вами, - я равнодушно пожал плечами и хлебнул из кружки. - Они были здесь, но я никогда не видел их прежде.

- Однако они искали именно вас.

- Так сказал буфетчик? - удивился я. - В таком случае, он вводит вас в заблуждение. Вначале они искали капитана Герсебома, а потом просто корабль, который мог бы отвезти их в Северную Гавань.

- Кто такой Герсебом? Что им нужно в Северной Гавани? - оба вопроса прозвучали почти одновременно, но первый чуть раньше, и я ответил на них в порядке очередности.

- Герсебом был таким же капитаном, как и я, и многие другие в Климбе. Он умер год назад. А насчет их намерений относительно Северной Гавани мне ничего не известно, потому что я не согласился.

- Вот как? - первый недоверчиво поднял брови. - Вы так легко отказались от выгодных клиентов?

- Мое судно вряд ли отойдет от причала до весны. Этот сезон закончился и нужно готовиться к следующему. Я уже наполовину разобрал судовую машину.

Тот, что помоложе, что-то негромко сказал на ухо человеку со шрамом, и он так же тихо ответил.

- Куда они пошли? - услышал я новый вопрос.

- Этого я не знаю. Может, в порт, искать другое судно. Хотя вряд ли у них что-нибудь получится... Или в гостиницу. А может, на станцию, и теперь уже едут на паровике обратно в столицу.

- Надеюсь, вы говорите правду, капитан, - человек со шрамом пристально смотрел мне в глаза, и я спокойно выдержал его взгляд.

- У меня нет причины что-либо скрывать, - сказал я. - Я их не знаю. Как и вас, впрочем.

Он некоторое время размышлял.

- Значит, в Северную Гавань... - проговорил он. - Так вы говорите, что

судно им не найти? Неужели в Климбе не осталось моряков, желающих заработать?

- За всех не поручусь, - ответил я. - Только выходить в океан в сезон ветров, когда любой шквал легко может утащить вас к Зеву Дьявола... Во всяком случае, в погребке Фарнифа сейчас таких нет.

Они еще раз коротко переглянулись и одновременно поднялись.

- Хорошо, капитан, - сказал старший. - Если вы встретите их или что-нибудь о них услышите, сообщите нам. Мы остановились в гостинице возле Соборной площади. Ваша услуга будет щедро вознаграждена.

- Я никогда не отказываюсь от награды, если она заслужена, - кивнул я. - Кстати, отчего бы вам здесь не поужинать? На кухне Фарнифа отлично готовят моллюсков на вертеле.

- Мы еще успеем их попробовать, - сказал человек со шрамом, и они ушли.

Я же вновь откинулся на стуле, прихлебывая пиво и изображая состояние полного покоя и отрешенности от мирской суеты. Так я сидел примерно полчаса, а потом стал неспешно собираться. Оставил чаевые официанту, кивнул на прощание буфетчику и вышел на улицу.

Стемнело. Снова шел дождь, размазывая в бесполезные блеклые пятна свет редких уличных фонарей. Улица была пуста. Точнее, она казалась пустой. Только пока я неторопливо двигался по направлению к дому, испытывал неприятное ощущение чужого присутствия за спиной. В шуме ветра и дождевых струй шаги преследователя - если он действительно существовал - были неразличимы. Несколько раз я оглянулся украдкой, но ничего не заметил, однако ощущение не пропадало. А своим чувствам я привык доверять.

Я зашел в дом, поднялся в свою квартирку и, не раздеваясь, зажег лампу, предварительно почти полностью отлив из резервуара масло. Масло догорит, и лампа погаснет сама собой минут через десять. Для тех, кто следит за моим окном, это должно означать, что я улегся спать.

Однако лечь я не собирался. Через пару минут я уже спускался по стальному стержню громоотвода с другой стороны дома, при этом стукнувшись о стену ушибленным коленом, которое снова противно заныло. Превозмогая боль, стараясь ступать бесшумно и держаться в густой тени, я заковылял в сторону порта.

* * *

Зев Дьявола - это всего лишь ураган. Правда, необычный. Ураганы бывают на всем пространстве океана. Они приходят и уходят, израсходовав свою разрушительную силу. Но Зев Дьявола не прекращается никогда. Он существует вечно и исчезнет лишь вместе

со всем нашим миром. Это зона постоянного сильнейшего шторма диаметром около трехсот миль. Немного стихая летом и набирая полную силу с наступлением зимы, он находится на одном месте сотни, тысячи, а может, и миллионы лет, задолго до появления на этих берегах человека. Я не знаю, почему он такой, да и никто не знает, хотя столичные умники постоянно пытаются придумать какие-то объяснения.

А объяснений нет. Просто ураган - это постоянно распахнутые врата ада, потому его и называли так - Зев Дьявола.

Там, внутри трехсотмильной зоны бурь, действительно есть остров. Молва нарекла его Золотым. Легенды рассказывают о несметных сокровищах, оставленных там основателями мира под защитой бессмертного и несокрушимого сторожевого зверя - Зева Дьявола. Берега Золотого острова иногда можно было увидеть, но только издали. В сезон охоты на каракатиц, в самой середине лета, когда ураган ослабевает и немного смещается в сторону от своего постоянного центра, в зрительную трубу хорошо виден высокий скалистый берег, окруженный пенистой оградой бьющихся на рифах волн. В подвальчике Фарнифа любят почесать языками о том, что неким смельчакам случается преодолеть рифовую гряду, побывать на острове и даже успеть вернуться до возвращения адского сторожа сокровищ. Вот только сокровищ никто в глаза не видел.

Я не участвую в таких разговорах. Может быть, по этой причине некоторые бездельники и трепачи вроде Пенты-Водки считают, что я наведываюсь на Золотой остров как в собственный огород, которого, кстати, у меня никогда не было.

Тех, кто верил сказкам о сокровищах, было немного. Но все же достаточно для того, чтобы раз в несколько лет в сторону Зева Дьявола отправлялось судно, набитое сумасшедшими искателями приключений и богатств. Конечно же, не от причалов Климба - в нашем городке сумасшедшие давно перевелись. Корабли дураков приплывали с юга и севера и лишь заправлялись у нас нефтью да пополняли запасы продовольствия, которое, полагаю, так ни разу и не было съедено до конца. Потому что ни один из этих кораблей никогда не возвращался. Он существовал, этот остров, и в то же время его словно бы не было...

* * *

Я торопился изо всех сил, но не терял при этом осторожности и был уверен, что избежал слезки. Никто не встретился мне по пути: погода сделалась настолько мерзкой, что загнала в укрытия даже вечно голодных и невероятно горластых портовых псов.

«Клео» мирно дремала в конце причала. Лишь на корме тускло мерцало пламя палубного фонаря. Сходни были убраны, поэтому я прыгнул на корму через борт, снова потревожив свое несчастное колено. Стук башмаков о палубу и главным образом громкая ругань - результат вновь испытанной боли - разбудили чутко спавшего Горана. Люк кормовой каюты откинулся, Горан с длинным ножом в руках, словно кошка, выпрыгнул на палубу, но поскольку я не прекращал шипеть и ругаться, он меня узнал раньше, чем собрался прикончить.

- Это вы, капитан, - сказал Горан, опуская нож, и широко зевнул.

- Как наши пассажиры? - спросил я.

- Спят, - ответил Горан. - И я тоже сейчас мог бы спать.

- Боюсь, спать тебе не придется, - огорчил я его. - Мы уходим.

- Куда?

- Уходим из Климба. А остальное решим по пути.

- Хорошо, - только и ответил Горан.

Я знаю Горана уже два года и все это время не перестаю удивляться его фантастическому хладнокровию. До сих пор мне ни разу не удалось вызвать у него хоть какой-то намек на изумление. Полагаю, его прародительницей действительно была холодная Мать-Каракатица, от которой, по легенде, произошли люди Мраморных островов. Правда, согласно той же легенде, почти все они ушли в море. Но некоторые все же предпочли остаться на суше и бродят ныне среди нас, притворяясь людьми.

Я не верю в глупые сказки, но для Горана был готов сделать исключение. Когда Герсебом передал мне «Клео» и я должен был найти помощника, Горан объявился, словно по телеграфному вызову. Не успел еще высохнуть клей на объявлении, что я вывесил у ратуши на главной площади Климба, как он явился на причал. Тогда ему было двадцать четыре, и меня не смутил его возраст, потому что сам я стал помощником Герсебома, когда мне только стукнуло девятнадцать. Я сходил с Гораном в пробный рейс, после чего тут же зачислил его на должность и еще ни разу о том не пожалел.

- Что-то случилось? - услышал я за спиной тихий вопрос и невольно вздрогнул. Брант подошел незаметно. Рядом с ним, придерживая у шеи наброшенный на плечи плащ, стояла Лотта.

- Случилось, - подтвердил я. - Слишком многие ищут с вами немедленной встречи.

- Этот ваш... Локуфа?

- Не только. Хотя и он тоже, не сомневайтесь. В Климбе объявились два чужака: видимо, они приехали с вечерним паровиком. Они спрашивали о вас и мне не понравились.

- Как они выглядят? - спросила Лотта своим волшебным голосом, и замороженный его звучанием я помедлил с ответом.

- Они похожи на гвардейцев епископата, - ответил я после паузы. - И у

старшего вот здесь, - я приложил палец к своему подбородку, - след от удара ножом.

Лотта туже стиснула воротник плаща и отступила на полшага.

- Человек со шрамом на подбородке, - сказала она. - Они нас нашли.

- Они вас не нашли, - возразил я с неожиданной энергией. - Никто вас пока не нашел.

- Что вы намерены предпринять, капитан? - спросил Брант.

Мне понравился тон, которым этот вопрос был задан. Вежливый, доверительный. Отметины железных пальцев все еще горели на моей шее, но сейчас Брант нуждался в помощи, которую мог оказать только я.

- Удирать, - сказал я. - С первым признаком рассвета, каким бы жалким он ни оказался.

- Почему не прямо сейчас?

- Потому что вначале надо разогреть котел и запустить машину, а на это требуется время. К тому же в темноте я не сумею провести «Клео» между волноломами.

- Да, я понял, - быстро сказал он. - Если вам нужна моя помощь...

- Помощь не нужна, - ответил я. - Но если она понадобится, я вас непременно позову. Позаботьтесь о ваших спутниках.

- Поступайте, как считаете нужным, капитан Якоб, - сказал Брант. - Мы надеемся на вас.

Я смотрел, как они прошли на нос, спустились в каюту и захлопнули за собой люк. А волшебный голос Лотты продолжал звучать в моих ушах...

* * *

Топка жадно пожирала нефть, и температура в котле машины поднималась даже быстрее, чем я рассчитывал. Когда восходящее светило разделило океан и небо серой полоской на горизонте, давления пара было достаточно, чтобы отправиться в путь.

Погода предательски переменилась. Ветер стих, дождь прекратился. А труба «Клео» - единственная из всей флотилии кораблей, приткнувшихся к причалам и замерших на рейде в акватории порта, - всю чадил черным дымом, который через полчаса будет виден с любой городской окраины.

Я спрыгнул на причал, отвязал концы от кнехтов, перебросил на борт и вернулся на палубу. Из люка машинного отделения выглянула чумазая физиономия Горана.

- Отваливаем, капитан?

Я забрался в рубку, покачал для пробы штурвал и перевел сектор скорости в положение «малый ход». Винт вспенил воду, и «Клео»

начала неторопливое движение. И в этот момент я увидел, как от берега в нашу сторону бегут две темные фигуры. Полоса воды между «Клео» и причалом достигала не менее десятка метров, когда эти двое добежали до места швартовки. И тогда я узнал вчерашних чужаков.

- Эй, капитан! - крикнул старший. - Возьмите нас в плавание! Я помахал им рукой в знак приветствия, а потом изобразил жестами отказ с глубочайшим сожалением: рад бы, да никак не получается. «Клео» между тем уплывала все дальше, я увеличил скорость и нацелил форштевень судна на выход из акватории порта. Когда мы совершили левый поворот, устремившись в море, я в последний раз взглянул на причал и с удивлением увидел, что народу прибавилось. Те, кто подбежал позже, угрожающе махали руками и разевали в криках рты, но на таком расстоянии разобрать слов было уже нельзя.

Отворилась дверца, и в рубку вошел Брант.

- Кто это? - спросил он.

- Полагаю, все, кто вас ищет, - ответил я. - Те двое, а еще люди Локуфы. Мы отвалили очень вовремя.

- Они погонятся за нами?

- Захотят, - согласился я. - Но прежде им нужно найти судно, потом развести пары, а к этому времени мы будем уже далеко. К тому же догнать «Клео» непросто.

Последнюю фразу я произнес с гордостью. Мой корабль действительно считался одним из самых быстрых на всем побережье.

- Куда мы плывем?

- На Мраморные острова. Где-то ведь нужно переждать эти два дня.

- Но если будет погоня... Какова вероятность того, что нас там смогут обнаружить?

Я пожал плечами.

- Вероятность всегда существует. Но если бы меня попросили за два дня отыскать того, кто скрывается в бухтах и шхерах архипелага, я бы отказался.

- Вы можете показать на карте наш маршрут? - спросил Брант.

- Конечно. Идите в каюту. Я позову к штурвалу Горана и приду через несколько минут.

Котел был разогрет до нормы, а нефть исправно поступала из резервуаров в топку. Убедившись, что все в порядке, Горан перебрался из машинного отделения в рубку, сменив меня у штурвала, а я отправился к пассажирам.

Пассажирская каютка на носу была крохотной, но, на мой взгляд, достаточно удобной. Во всяком случае, четверо гостей могли разместиться на двухъярусных койках, не толкая друг друга в бока. Кто-то из завистников однажды брякнул, что гостевые апартаменты «Клео» похожи на четырехместный гроб, но я даже не стал отвечать на подобную нелепость.

Мои пассажиры не выглядели уставшими, хотя выспаться в эту ночь им, скорее всего, не удалось. Я принес карту, но увидел, что у пассажиров имеется своя, которую они уже разложили на маленьком столике.

Карта гостей была необычной, отпечатанной на белом матовом материале, на ощупь напоминавшем мягкую кожу, но тонком, как бумага. Однако было в ней еще кое-что, сильно меня удивившее. В некотором отношении карта оказалась довольно точной: координаты Климба, линия примыкающей к нему части побережья, а также границы Зева Дьявола были указаны верно. Зато все прочее обозначалось весьма условно. Например, Мраморные острова, располагавшиеся справа от линии, соединяющей порт Климба и центр урагана, выглядели на карте просто стайкой небрежных клякс на теле океана, что с истинным положением вещей имело мало общего. Эта карта не годилась для навигации, ее создавали для чего-то иного.

- Сейчас мы идем примерно сюда, - ткнул я пальцем в чернильные кляксы. - Точнее не покажу, для этого ваша карта не годится. Но у меня есть более подробная, и если хотите...

- Не нужно, - остановил меня Брант. - Сейчас меня интересует другое. Через два дня, теперь уже через полтора, мы должны оказаться в этой точке. Это возможно?

Он указал на тот участок изделия столичных картографов, которому я склонен был доверять.

Я посмотрел и отрицательно покачал головой.

- Если мы там окажемся, то уже не вернемся. Нас разобьет в щепки. Это зона постоянных восьмибалльных штормов. «Клео» - крепкое судно, но такие испытания не для нее.

- Капитан Якоб, я гарантирую, что волнение там в это время не будет превышать трех-четырех баллов, - спокойно и настойчиво сказал Брант.

- Чушь собачья, - фыркнул я.

- Посмотрите внимательно, капитан, - попросил он.

Я пожал плечами и вновь наклонился над картой. То, что я увидел, меня немало удивило и развлекло. Подкрашенное серым пятно, обозначавшее территорию Зева Дьявола, смещалось. Оно слегка передвинулось на север, свернуло на запад, на юг и вновь вернулось на прежнее место, завершив круговое движение, а затем опять начало двигаться по той же траектории. Я протянул руку и коснулся пятна пальцем, но ощутил лишь прохладную и гладкую поверхность. Мое прикосновение не удержало пятно и не замедлило его движения. Я смотрел как замороженный и обнаружил еще одну особенность. Пятно было неоднородным. Внутри имелся фрагмент неправильной формы, закрашенный темнее. Этот фрагмент в процессе эволюции Зева Дьявола оставался неподвижным и в определенные моменты

оказывался то на его границе, то вновь в центре.

- Славные игрушки делают у вас в столице, - проговорил я, не скрывая восхищения. - Никогда не видел ничего подобного. А теперь объясните, как это понимать?

- Очень просто, - Брант с улыбкой переглянулся с Лоттой и мальчиком, которые пока не выказали намерения принять участие в беседе. - Вы же сами прекрасно знаете, что ураган не стоит на месте. Он постоянно движется вокруг некоего центра. С борта корабля это движение трудно заметить, но оно существует. Мы вычислили его и нанесли на карту.

- Это, надо полагать, остров? - показал я на темный фрагмент.

- Верно, - сказал Брант. - Золотой остров. Собственно, туда нам и надо. Вот посмотрите.

Он что-то сделал с картой и движение Зева Дьявола вначале немного ускорилось, а потом прекратилось. В этот момент западная оконечность Золотого острова изрядно выдавалась за границу урагана. А чуть ниже на карте высветились цифры, показывающие день и час, в которые, надо полагать, сюда можно приблизиться.

- Теперь вы понимаете? - Брант внимательно наблюдал за моей реакцией.

- Где делают такие игрушки? - поинтересовался я, огладив пальцами краешек карты. - Может, и для меня найдется такая?

- В одной столичной мастерской. Экземпляров изготовлено немного, буквально единицы. Но если хотите, мы подарим вам карту, как только окажемся на острове. Собственно, вы можете взять ее прямо сейчас.

- А вы уверены, что ваши вычисления верны? - спросил я.

- Уверен.

- Вычисления проверялись много раз, - негромко сказала Лотта. - Им предшествовали годы наблюдений.

- Наблюдений? - посмотрел я на нее. - За все время, что живу в Климбе, я не встречал здесь ни одного столичного наблюдателя.

Мне показалось, что моя реплика ее немного смутила.

- Есть разные методы, - вмешался Брант. - Наука не стоит на месте. Но сейчас важнее другое: сумеете ли вы привести «Клео» в эту точку в назначенное время?

- Это не самое трудное, - сказал я. - Если не секрет: что вы ищете на острове? Неужели вы верите в сказки о несметных сокровищах?

Они переглянулись и негромко рассмеялись.

- Конечно, нет, - сказала Лотта. - Просто нам очень нужно попасть на остров.

- Мы заключили договор, и я намерен его выполнить, - твердо сказал я. - Но и вы не забывайте о главном условии.

Я покинул каюту и вышел на палубу. Океан по-прежнему был пуст и спокоен, «Клео» легко рассекала его воды, все дальше удаляясь от берега. Поглядев в зрительную трубу в сторону порта, я обнаружил, что

какой-то из пришвартованных кораблей чадит черным дымом, разогревая котел. Возможно, просто кто-то из рыбаков решил выйти на последнюю осеннюю ловлю. Но могло быть и так, что наши враги все же решили попытаться удачи и готовятся начать преследование. Меня это не слишком обеспокоило. Я сложил трубу и поднялся в рубку.

Сверившись с курсом, я отпустил Горана отдыхать, чего он, надо сказать, ожидал с большим нетерпением. До Мраморных островов оставалось примерно часа четыре ходу.

* * *

Мраморные острова - архипелаг из нескольких десятков клочков суши и скал. Они необитаемы, человеку здесь делать нечего. Этот мир принадлежал птицам, устроившим свои колонии на скалах, да тюленям, которые служат пищей для каракатиц-гигантов, если оказываются недостаточно проворны. Много лет назад в этих водах добывали самых крупных каракатиц, устраивавших свои гнезда в подводных пещерках, но когда на самом большом острове открыли залежи розового мрамора, удача рыбаков кончилась. Грохочущие и воняющие нефтью морские буксиры и грузовые баржи заполонили архипелаг. Не только тюлени и каракатицы, но и вся прочая морская живность отправилась на поиски новых обиталищ. Нашествию не сдались одни чайки.

Розовый мрамор вырезали из тел островов несколько десятков лет, его доставляли морем в Климб, а оттуда паровиками везли в столицу - именно этому мы обязаны появлением железной дороги, связавшей наше приморское захолустье с центральными районами страны. Однако лет пять назад добычу мрамора прекратили, поскольку где-то на континенте обнаружили огромные залежи этого камня. С тех пор на островах почти никто не бывал - разве что укрывавшиеся в бухточках и проливах от непогоды рыболовные суда.

Здесьние укрытия мне тоже были известны довольно неплохо. Я завел «Клео» в узкий, извилистый проход, разделявший два соседних островка, где намеревался переждать остаток дня и ночь. Вспугнул при этом небольшую семью тюленей, отдыхавших на галечном пляже. Это меня удивило и порадовало: тюленей со времени закрытия мраморных каменоломен я увидел здесь впервые.

Скалы полностью укрывали судно со стороны моря. Топка работала на минимальной тяге, и труба совсем не дымилась. Глубина пролива была достаточной, чтобы «Клео» подошла к скалистому берегу практически вплотную. Горан закрепил на камнях концы и перекинул с борта сходни, по которым мы все вместе сошли на остров. На всякий случай я намеревался устроить где-нибудь повыше наблюдательный

пункт: нам с Гораном, сменяясь, предстояло следить за океаном. Пассажиры решили осмотреться и размять ноги после пребывания в тесной каюте.

Мы с Гораном забрались на плоскую вершину скалы, переполошив обитающих здесь чаек. Покинув гнезда, они взмыли в воздух белой тучей и теперь угрожающе сваливались с небес почти на наши головы с возмущенными воплями, пытаясь изгнать со своей территории. Однако убедившись, что непосредственной угрозы мы не представляем да и уходить не собираемся, постепенно успокоились. С этой точки нам открывался вид на три стороны света. Во всяком случае, ни одно судно, идущее от побережья, незамеченным остаться не могло, а иные меня не интересовали. Но океан был чист, если не считать черной, сверкающей вспышками молний толстой колонны Зева Дьявола, поднимающейся далеко на горизонте.

Вручив Горану зрительную трубу, я отправился на судно: «Клео» нельзя было оставлять без присмотра надолго, поскольку котел следовало держать разогретым. В случае чего мы должны были быть готовы сорваться со стоянки.

Моя вахта была проще и приятнее, чем вахта Горана. В тепле машинного отделения можно было подремать - за прошедшие сутки случилось многое, и сон оставался единственным, чего мне действительно не хватало.

Спустившись на берег, я шел к нашей стоянке, когда вдруг услышал пронзительный крик Лотты. Скалы отразили его со всех сторон, и я не сразу понял, откуда он раздается, а когда сориентировался, бросился со всех ног, выхватив из ножен широкий морской тесак.

На берегу шла схватка. Каракатица - одна из самых огромных, что я видел, - наполовину вывалив трепещущую, голодной алчностью тушу из воды на камни, тянула к себе оплетенного щупальцами мальчишку. Половина из шестнадцати ее щупалец скрывалась под водой, ухватившись за выступ скалы, но и оставшихся восьми вполне хватало для того, чтобы охота завершилась успешно. Брант пытался оторвать от жертвы мускулистые отростки по одному, и ему это удавалось, однако всякий раз на освободившееся место с мокрым шлепком немедленно опускалось новое. Да и самому Бранту грозила гибель. Одно щупальце захватило его ногу, другое сковало левую руку; несмотря на всю мощь Бранта, борьба не могла закончиться в его пользу.

Сухо щелкнули выстрелы: Лотта с напряженным лицом всаживала в тело моллюска пули из небольшого автоматического пистолета. Это было бесполезно. Она не знала, где находятся четыре сердца каракатицы. Свинцовые горошины не способны пробить защищающий мозг мощный череп, а прочие раны каракатице не опасны. Упругая плоть пропускала пули сквозь себя без малейшего вреда для

чудовища, неумолимо подтаскивающего двойную добычу к воде.

Выстрелы смолкли - в пистолете опустела обойма. Пока Лотта ее меняла, я был уже рядом. Увернулся от метнувшегося мне навстречу щупальца, прыгнул и упал на сколький мускулистый мешок, вонзив тесак до рукояти возле выступа, который следовало считать головой животного.

Каракатица почувствовала опасность. По меньшей мере три щупальца хлестали по мне, пытаясь схватить. А я тем временем безжалостно кромсал ее плоть, нащупывая острием в костяной броне отверстие, из которого от мозга по телу разбегались нервные волокна.

Успех в схватке сопутствовал нам обоим. Но мне - мгновением раньше. В тот самый момент, когда щупальце, скользя между подбородком и грудью, обвило мою глотку, тесак попал в цель.

Агонии не было. Щупальца просто опали, превращаясь в гнусные, холодные, но бессильные веревки. То щупальце, что готово было оторвать мне голову, лишь чуть дрогнуло и ослабло.

Я не убил каракатицу. Сделать это вообще непросто. Пока не поврежден мозг, животное остается живым. Надо сказать, это качество твари считается весьма полезным: оно позволяет доставлять моллюсков с побережья в столицу практически свежими. Я ее просто обездвижил: именно так поступают рыбаки, когда в их снасти попадает крупный экземпляр. Правда, иными орудиями и гораздо более безопасным способом.

Однако в любом случае битва была закончена. Лишенная возможности вернуться в океан, каракатица будет жить еще некоторое время, сколько позволит ей чуждая воздушная среда, а потом подохнет и сгниет. Я сполз на камни, поднялся и принялся кое-как очищать одежду от налипшей крови и слизи. Брант выпутывал из потерявших упругость щупалец Гемма. Кажется, никто из них серьезно не пострадал.

Убедившись, что с Геммом все в порядке, Брант тяжело шагнул ко мне. Я не сумел разглядеть на его лице признаки хоть какой-то благодарности за спасение. Наоборот, Брант глядел на меня, будто я был ближайшим родственником этой самой каракатицы.

- Почему ты не предупредил нас о возможной опасности? - спросил Брант тоном, в котором рокотала ярость урагана.

- Я о ней просто не предполагал, - пожал я плечами. - В Климбе известно, что каракатицы давно покинули Мраморные острова.

- Тогда откуда взялась эта тварь?!

- Полагаю, решила вернуться, - нейтрально сказал я, испытывая неприятное ощущение балансирующего на краю пропасти, потому что Брант шагнул еще ближе.

- Гемм едва не погиб!

- Брант! - услышал я голос Лотты. Теперь он звенел, словно металл. -

Ты тоже чуть не погиб. И если бы не капитан Якоб, так бы и случилось. Это он спас Гемма и тебя. Или ты этого не заметил?

Брант не то чтобы смутился. Скорее, раздумал убивать меня немедленно.

- Капитан обязан отвечать за жизнь и здоровье своих пассажиров, - буркнул он и повернулся, намереваясь отойти в сторону, но теперь уже я жестко ухватил его за рукав.

- Все верно, - сказал я. - Но только на борту судна. А если пассажирам вздумалось болтаться там, куда их не приглашали, в ответе тот, кто считает себя самым умным из них.

Полагаю, Брант мог бы освободиться от моего захвата одним движением, но он этого не сделал. Просто стоял и ждал, когда я его отпущу. Я ощутил легкое прикосновение к плечу. Гемм. Они с Лоттой стояли рядом.

- Спасибо, капитан Якоб, - проговорил Гемм. - Вы спасли нам жизнь.

Я разжал пальцы, отпуская рукав Бранта.

- Каракатиц здесь не было лет тридцать, - сказал я. - Они не могут причинить вреда, если не подходить близко к расщелинам, где они любят селиться. Их ловят со стороны моря. Выманивают из пещер стуком под водой, потом гарпунят, вытаскивают на палубу и перерубают нервный ствол топорами на длинных рукоятках. Это совсем не опасно - когда знаешь, что нужно делать; я не слышал, чтобы кто-то из ловцов пострадал.

- Наверное, нам стоит вернуться на корабль, - сказала Лотта.

- Двигайтесь вокруг скалы и больше не подходите к воде, - я подобрал свой тесак и шагнул к слабо подрагивающей туше каракатицы. - Сегодня у нас будет отличный ужин. Не зря же мы так старались.

Лотта и Гемм быстро зашагали прочь. Брант задержался.

- Они этого есть не будут, - сказал он.

- Это мы еще поглядим, - возразил я.

В данный момент я вырезал своим тесаком здоровый кусок самого сладкого мяса каракатицы над правой передней четверкой щупалец. В столичных ресторанах жаркое из такой вырезки не всякому по карману.

- Пожалуй, я пойду, - сказал Брант таким тоном, словно спрашивал разрешения, и я на секунду прервал свое кровавое занятие, чтобы с удивлением на него взглянуть. Однако уходить Брант не собирался.

- Гемм - самое главное.

Брант произнес короткую фразу и превратился в скалу. А я не умею разговаривать со скалами на их каменном языке, поэтому просто закончил работу, взвалил на плечо вырезанный кусок и отправился тропинкой, которой только что ушли Лотта и Гемм. Всего лишь через десяток шагов мое плечо освободилось от тяжести: Брант снял с него ношу и взял себе.

- Я был не прав, - негромко произнес Брант. - Однако прошу наперед:

если существует какая-то опасность для Гемма, я должен знать о ней немедленно.

- Хорошо, - согласился я. - Я тоже виноват. Когда я увидел тюленей, то должен был предположить, что вслед за ними на острова могли вернуться и каракатицы.

* * *

Поспать мне, разумеется, не удалось, потому что спустя короткое время после того, как мы вернулись на «Клео», настала пора менять Горана на посту. Лишь два обстоятельства несколько утешали: во-первых, до темноты оставалось не более двух часов (тарашиться после захода солнца в океанский мрак не было никакого смысла), а во-вторых, возиться на камбузе и готовить жаркое из свежей каракатицы предстояло все же Горану.

К окончанию моей вахты на скале заметно похолодало и поднялся сильный ветер. К счастью, он задувал с севера, а это означало, что в наш проливчик, протянувшийся с востока на запад, попадали лишь слабые отражения поднятых ветром волн и ночью качки не будет.

Освещая путь лампой, которую мне удалось разжечь, лишь укрывшись от ветра в щели меж валунов, я вышел к нашему временному причалу и, еще не ступив на борт судна, ощутил аромат жаркого. Мой рот мгновенно наполнился слюной - я не съел ни крошки с самого утра.

В маленькой кают-компании было тесно, зато тепло и потому вполне уютно. Предположения Бранта насчет того, как Лотта и мальчишка отнесутся к жаркому, не оправдались - оба они ели с таким аппетитом, что, глядя на них, я почувствовал, как мой собственный аппетит увеличивается безмерно, чуть не до дрожи в руках. Горан поставил передо мной тарелку с огромной порцией жаркого, и я принялся его поглощать.

- Вкусно? - спросил я Гемма, прожевав и проглотив первый кусок.

- Очень, - ответил он. - Раньше я никогда не пробовал такого.

- В столице ощущается нехватка мяса каракатиц? - удивился я. - Это упрек нашим рыбакам.

- Мы совсем недолго были в столице, - сказала Лотта. - А там, откуда мы приехали, каракатиц нет.

- Когда мы отправляемся, капитан? - спросил Брант.

- С рассветом. До той точки, которую вы указали на карте, всего несколько часов хода. Мы будем там в назначенное время, если вы его вычислили верно.

- Хорошо, - кивнул он.

Больше мы не разговаривали: скорее всего, потому что устали от произошедшего за последние сутки. Горан попытался было

поддержать застольную беседу и начал рассказывать байки про гигантскую Мать-Каракатицу, но скоро умолк, не ощутив взаимности. Закончив ужин, все отправились по каютам. Я тоже пошел к себе, наказав Горану разбудить меня через четыре часа. Даже не помню, как заснул...

И в ту же секунду, как мне показалось, пробудился от того, что кто-то тряс меня за плечо.

- Капитан! - услышал я негромкий голос Горана. - Ваша вахта.

Я с трудом разлепил глаза и сел. Спать хотелось отчаянно. Неужели четыре часа протекли так быстро? За стеклом иллюминатора по-прежнему царила ночь.

- Что на судне? - спросил я.

- Все в порядке, капитан, - доложил Горан. - Котел в норме, пассажиры спят в своей каюте. Если вы хотите, я на вахте до рассвета.

- Не хочу, - мучительно зевнув, сказал я. - Отдыхай, Горан.

Возражать он не стал и мгновенно рухнул на свою койку, а я выбрался на палубу и стоял с минуту, подставив лицо стылему, пробуждающему ветру. Когда ветер и холод разогнали остатки липкой дремоты и я окончательно пришел в себя, то прежде всего отправился в машинное. Котел и в самом деле был в норме, при необходимости давление можно было поднять до рабочего всего минут за десять-пятнадцать. Запаса нефти в баках тоже хватало, «Клео» была способна совершить два, а то и три перехода, подобных тому, который ей предстоял.

Из машинного я отправился в рубку. Порывы ветра зябко хлестали меня на этом коротком пути, я поспешил забраться внутрь и плотно захлопнул дверцу. В рубке было холодно - обогревать ее, как каюты, было бы сущим расточительством. Однако, по крайней мере, она спасала от ветра. Ткань ночного мрака уже начала понемногу ветшать: я уже различал скалы на противоположной стороне укрывшего нас проливчика. За ночь ветер изменил направление - волнение в узком канале слегка усилилось. Якорные канаты поскрипывали в клюзах, «Клео» мягко и плавно покачивалась на невысокой волне.

Примерно через час развиднелось окончательно, и я решил, что пора отправляться. Горана будить не пришлось: позевывая, он вышел из каюты и спустился в машинное отделение. Легкий дымок над трубой «Клео» загустел. Пока давление поднималось до нужной отметки, я освободил «Клео» от привязи якоря и шестом оттолкнул нос судна от берега.

Хлопнула дверь пассажирской каюты, и на палубу вышел Брант.

- Вам нужна помощь, капитан?

- Пока нет, - вежливо ответил я. - Все в порядке. Хотите подняться со мной в рубку?

Он принял предложение и, устроившись на боковой скамье, с любопытством следил за тем, как я готовлюсь к отплытию.

- Горан, мы отплываем! - сказал я в переговорную трубку. - Даю малый ход.

Винт взбурлил холодные темные воды. Повинуясь движениям штурвала, «Клео» отошла от берега и устремилась к выходу в океан. Совершив положенное число поворотов, мы вышли из проливчика, и я прибавил ход. Ветер был попутным, а волнение не превышало двух баллов, так что на этом этапе наше путешествие проходило как увеселительная прогулка. Горан вновь появился на палубе. Машина работала отлично, и торчать сейчас возле жаркой топки смысла не имело.

Чтобы лечь на курс к Зеву Дьявола, нам нужно было миновать мыс, выдающийся далеко в океан. Я заложил широкую дугу, огибая языки мелей, и в этот момент услышал тревожный крик Горана.

- Капитан, корабль слева по курсу!

Примерно в полумиле по левому борту дымило какое-то судно, идущее нам наперерез. Я навел на него зрительную трубу, но в рассветном полумраке не сумел ни разобрать названия, ни узнать очертаний. Брант тронул меня за плечо, протягивая какой-то предмет.

- Возьмите, капитан! - Предмет был похож на небольшую коробку для сигар, только со стеклами на торцах. - Сюда нужно смотреть обоими глазами.

Повертев коробку в руках, я поднес ее к глазам и невольно вздрогнул: до неизвестного корабля теперь, казалось, можно было дотронуться рукой. Эти столичные гости поражали меня все больше. И хотя названия корабля все равно не было видно - он шел, нацелившись на «Клео» форштевнем, - толстого чернобородого человека, стоящего в рубке рядом со штурвальным, я узнал сразу.

- Этого нам только не хватало, - пробормотал я и крикнул помощнику: - Горан, в машинное! Открой форсунки на полную мощность!

- Что-нибудь серьезное, капитан? - спросил Брант.

- Посмотрите сами, - я вернул ему прибор. - Видите человека рядом с рулевым? Это и есть Локуфа, людей которого вы вчера потрепали. Он не прощает обид. И сам гонится за вами.

- Интересно, как он узнал, что мы на вашем судне?

- От Пенты-Водки, конечно. Все видели, что он встречал вас в погребке Фарнифа. Пенту нашли и вытрясли из него все, что он знал. Хотя сейчас это никакого значения не имеет.

На палубе появились Лотта и Гемм. Брант спустился к ним. Некоторое время они переговаривались, потом Брант вернулся в рубку.

- Что вы будете делать?

Я пожал плечами.

- Удирать.

- Это нам удастся?

- Вполне, - заверил я. - За «Клео» этой лоханке не угнаться.

Моему кораблю такое действительно было вполне по силам. «Клео» считалась одним из самых быстрых судов на побережье. Между тем обстановка пока складывалась не в нашу пользу: у меня не было возможности отвернуть вправо, потому что там нас поджидали отмели. Оставалось рассчитывать лишь на мощь судовой машины.

Брант разглядывал через свой прибор преследователей. Я бы не сказал, что он был уж очень обеспокоен. Возможно, слишком надеялся на свои мускулы и боевые навыки и не осознавал, что, если Локуфа нас догонит, его люди вряд ли пойдут в рукопашную. Они просто расстреляют «Клео» издали или забросают ручными бомбами.

- Полный ход, Горан! - крикнул я в переговорную трубку и тут же ощутил, как корпус корабля задрожал от напряжения.

«Клео» не подвела своего капитана. Прижимаясь почти вплотную к мелям, мы миновали оконечность мыса задолго до того, как преследователи сумели приблизиться к нам на дистанцию эффективной стрельбы. Я положил штурвал резко вправо и уже спустя несколько минут увидел, что судно Локуфы начало понемногу отставать. Закрепил штурвал и повернулся к Бранту.

- Позвольте взглянуть еще раз в ваше устройство!

Прибор был поистине замечательный! Я мог разобрать даже оспины на лбу Локуфы, который крутился на палубе и что-то орал своим бойцам, энергично размахивая огромными кулаками. Видимо, по его команде на носу сгрудились несколько человек с ружьями. Я увидел поднимающийся над ними легкий дымок и услышал ослабленные расстоянием и гулом машины «Клео» звуки выстрелов. Это было не опасно: мы уже слишком далеко ушли. Но все же, высунувшись из рубки, я знаком показал Лотте с мальчиком, чтобы они укрылись в каюте. Спорить они не стали и скрылись с палубы без промедления.

Локуфа тащился за нами довольно долго, он оказался на удивление упрям. И все же его корыто отставало. В принципе, я мог бы выбросить Локуфу из головы, кабы не то обстоятельство, что эти гонки сильно сбили «Клео» с намеченного курса. Чтобы вернуться на него, понадобится не менее двух часов, и к намеченной точке мы прибудем без малейшего запаса времени.

Как бы Локуфа ни хотел, догнать нас он был не в силах. Наступил момент, когда его судно окончательно скрылось за завесой начавшегося дождя, и даже с помощью зрительного прибора Бранта обнаружить его не удалось. Я перебрал штурвал, возвращаясь на курс: проклятый Локуфа вынудил нас сделать огромный крюк. Брант тут же заметил мою обеспокоенность.

- Что-нибудь не так?

- Мы опаздываем, - кратко ответил я.

- Намного?

- Думаю, мы придем на место примерно на час позже намеченного.

- Это не страшно, - недолго поразмыслив, сказал Брант.

- Не знаю, - пробормотал я. - Вот этого-то я пока не знаю...

Имея дело с Зевом Дьявола ничего нельзя сказать заранее. Уходя от погони, мы отделились от него, но теперь он вновь постепенно вырастал из-за горизонта. С такого расстояния ураган был похож всего лишь на стаю темных грозовых туч, готовых пролиться сплошным ливнем, взбаламутить океанские воды коротким шквалом, а потом без следа раствориться в небесах. Так могло показаться. Но только тем, кто ни разу прежде не видел Зева Дьявола во всем его разрушительном могуществе. Брант не видел. Поэтому, когда сизая громада урагана поднялась перед нами бесконечной клубящейся стеной, хладнокровие его покинуло. Тем более что волны уже всю раскачивали «Клео».

- Идите вниз, - сказал я. - Вашим спутникам сейчас понадобится поддержка. Будьте с ними и не выходите на палубу. Сейчас от вас ничего не зависит.

Он на секунду задумался, затем кивнул, соглашаясь. Спустился из рубки на палубу и, хватаясь за натянутый Гораном леер, добрался до каюты, открыл со второй попытки дверь и скрылся.

По мере приближения к Зеву Дьявола ветер и волнение усиливались. Скручиваемые дьявольским водоворотом в тугую воронку волны постоянно меняли направление. Вначале начинающие пениться валы догоняли судно с кормы, затем качка сменилась на бортовую, а еще через короткое время они начали бить в левую «скулу» «Клео». Счастье, что пока еще они не превышали двух-трех метров, оставаясь достаточно пологими. «Клео» переваливалась с боку на бок, но бодро мчалась вперед.

В этой зоне - «прихожей» урагана - я бывал не единожды. Те, кому достало смелости оказаться здесь и забросить «кошелек», не возвращались без богатого улова. Не знаю почему, но молодь каракатиц просто кишела сразу под слоем взволнованной воды. Жаль, что скупщики в этом году здорово сбросили на них цену.

Сейчас я изо всех сил держал норовящий вырваться из рук штурвал. Направление ветра продолжало непрерывно меняться, теперь нам задувало в правый борт. Ветер - посланник Зева Дьявола - вновь перестроил атакующие порядки волн, все больше наполняя их безжалостной тяжестью и несокрушимой мощью, чтобы поскорее разделаться с теми, кто осмелился вторгнуться на его территорию.

Внезапно мне послышался перебой в ровном стуке судовой машины, и я поспешно схватил переговорную трубку:

- Горан! Что у тебя?

- Все в порядке, капитан, - немедленно отозвался помощник. - Я возился с муфтой и прозевал, что первый топливный бак опустел. Только что переключился на второй. Нефть идет как положено.

Давление через минуту будет в норме. Как там, наверху?

- Словно в преисподней. Следи за манометром, Горан!

Помощник не соврал. Минуты не прошло, как машина застучала с прежним старанием. Но, несмотря на все усилия «Клео», мы все же опоздали.

Когда мы достигли расчетной точки, ураган уже возвращался. Нас накрыл настоящий шестибалльный шторм, волны обрушивались на «Клео» со всех сторон, дождь и соленая водяная пыль океана перемешались и залепили смотровое стекло, полностью лишая видимости. Закрепив на минуту штурвал, я бросился к ветровому окну и опустил раму. Ледяной ветер ворвался в рубку, я вымок, до нитки почти в тот же миг, но теперь, по крайней мере, получил возможность хоть что-то разглядеть впереди по курсу. То и дело отирая лицо, я таращился изо всех сил и наконец сквозь сетку дождя и занавесь срываемой ветром с гребней волн пены увидел впереди черные, неколебимые утесы острова. А еще - буруны над полосой рифов, защищающих берег от вторжения извне. Именно на них сейчас мчалась «Клео», напрягая все свои механические силы. Проход был где-то здесь, он должен открыться с минуты на минуту.

Ошибиться я не мог, но разглядеть проход было не суждено. Вернувшийся в свое логово ураган ударил с полной силой, и мы оказались в настоящем аду. Ветер и гигантские волны гнали нас вперед, и теперь от меня уже ничего не зависело. Оставалось лишь удерживать «Клео» на курсе, с которого ей не дано свернуть. На миг я бросил взгляд направо и увидел - или мне только показалось - силуэт корабля на границе пространства, доступного для обзора. Если только это был не фантом, не игра воображения, погибать мы будем не в одиночку...

* * *

То, что наша «Клео» перемахнула клыки рифов на гребне гигантской волны, можно было считать чудом. Но пока обнажившийся винт бесполезно молотил воздух, та же волна мощно притиснула потерявшее скорость и управление судно к скале перед самым входом в горло бухты. Пронзительный скрежет раздираемого металла на какой-то момент заглушил грохот стихии. Нам повезло и в том, что длинная пробоина в правом борту образовалась выше ватерлинии, хотя и совсем чуть-чуть. «Клео» не отправилась камнем на дно, а лишь понемногу прихлебывала океанской воды. Напрягая все свои мускулы, «Клео» выровнялась. Машина выла из последних сил, винт разносил в клочья вспененную сущность разъяренного океана, и судно сумело прорваться в узкий проход, а потом вписаться в поворот, который

спрятал его от следующего удара волны и неминуемой гибели. «Клео» вновь слушалась руля: совершив еще два плавных маневра, мы вошли в бухту. Волнение здесь было совсем небольшим -мощь высоких скал острова превосходила вековую ярость урагана, но и ее хватало, чтобы пустить нас на дно. Я не сбрасывал обороты, потому что с каждым толчком волн в поврежденный борт осадка «Клео» увеличивалась все больше.

Из машинного выскочил Горан.

- В трюме вода! - закричал он. - Она подступает к топке!

- Горан, выводи гостей! - заорал я в ответ и тут же увидел, что Брант, спокойный и сосредоточенный, уже выбрался на палубу, помогая подняться по трапу Гемму и Лотте.

Набирающая воду «Клео» все хуже слушалась руля. Я крутил штурвал, умоляя ее подчиниться, и мое судно медленно, очень медленно развернулось к единственному месту возможной высадки - узкому языку щебенчатой осыпи, вывалившемуся меж отвесных скал, окружавших бухту по всему периметру. Пробоина уже скрылась под водой, но машина все еще продолжала работать. Если вода ворвется в машинный отсек и зальет топку, мы взлетим на воздух. Если этого не произойдет и «Клео» ворвется на мель остатком своего хода, то безнадежно пропорет себе брюхо и останется здесь навсегда...

Я врубил винты на реверс, машина взревела в последний раз и смолкла. Подталкиваемая не до конца погашенной инерцией и невысокими волнами, «Клео» осторожно коснулась дна. Раздвигая килем каменистую рассыпчатость, продвинулась на несколько метров вперед и прочно утвердилась на аварийной стоянке. Немедленная гибель нам уже не грозила. На всякий случай я открыл аварийный клапан. Судно окутали клубы пара, машина издала последний свистящий вздох и смолкла.

Больше в рубке мне нечего было делать. Я плотно задраил смотровое стекло и вышел на палубу.

Она оставалась выше уровня воды, однако волны - даже такие невысокие, как сейчас в бухте, - свободно перекатывались через нее от борта до борта. Прежде всего я попытался оценить повреждения. Полученная «Клео» рана выглядела ужасно. Обшивка правого борта сразу за носовым обводом была вспорота на протяжении около двух метров.

Впрочем, выколотить искореженное железо, а затем залатать пробоину пластырем для нас с Гораном не составит особого труда. Потом, откачав воду и дождавшись, когда ураган в очередной раз отступит и откроет путь от острова в океан, мы смогли бы отправиться куда угодно. Но сейчас ни о каком ремонте не могло быть и речи. Хотя утесы острова смиряли чудовищную силу стихии (здесь, в бухте, ветер превратился лишь в крепкий шторм), раненая «Клео» больше не могла

укрывать нас от холода и непогоды. Надо было уходить с корабля и как можно скорее найти убежище, пока не наступила ночь.

Пока я спускался на воду наш легкий ялик, Горан подтаскивал воду, пищу, одеяла, оружие и все прочее, без чего не обойтись ни одному потерпевшему кораблекрушению. Между тем температура продолжала падать. И столь стремительно, что, когда мы отчалили, надстройки и ванты единственной мачты «Клео» уже покрывала сверкающая наледь. Тяжело нагруженный ялик едва не черпал бортами воду, но от берега нас отделял всего десяток-другой гребков, и вскоре мы уже вытаскивали суденышко на черную базальтовую щебенку, подальше от границы прибойя.

Избежав гибели в волнах, я не собирался погибать от холода. Пока не сгустилась ночная тьма, следовало отыскать хоть какое-то убежище. Миновав прибрежные утесы, окружавшие территорию Золотого острова, словно крепостные стены, мы ступили в скалистую местность и пошли в быстро сгущавшихся сумерках вдоль каменной гряды. Дождь превратился в мокрый снег. Ветер рвал одежду и залеплял глаза снежными хлопьями. Брант шел первым, осматриваясь вокруг, а я замыкал наш маленький отряд, но оказался зорче.

- Брант! - крикнул я. - Пещера! Мы укроемся здесь.

Темное пятно на базальтовой стене было едва различимо сквозь мокрую метель, на глазах наметавшую сугробы.

Вход в пещеру оказался довольно низким и узким; чтобы забраться в убежище, нужно было не просто поклониться скале в пояс, а встать на четвереньки. Брант топтался в нерешительности; я отстранил его и полез первым. Сразу за входом пещера расширялась. Я поднялся, стряхнув каменную крошку с колен, и помог забраться остальным.

Горан попытался разжечь лампу, но намокший кремень не высек искры. Тогда Брант вытащил из куртки стержень длиной с локоть и преломил его. Раздался сухой треск, но стержень, к моему удивлению, не сломался, а засветился молочно-белым, но ярким светом, позволившим нам увидеть лица друг друга и осмотреться. Пещерка была совсем небольшой, совершенно сухой и, по крайней мере, надежно укрывала от дождя, снега и пронизывающего ветра. Устроить костер здесь было негде и не из чего, но когда Горан соорудил из камней и куска брезента нечто вроде двери, а мы, включая Гемма, выпили по глотку крепчайшего самогона из моей фляжки и завернулись в одеяла, все ощутили если не тепло, то вполне достоверную его иллюзию. Впрочем, полагаю, лучше всего каждого из нас согревало осознание того, что мы остались живы.

Гемм с Лоттой очень быстро уснули, как и Горан, а ко мне сон все не шел, несмотря на усталость и двухсуточный недосып. Брант тоже не спал. Он вдруг поднялся со своего места и сел рядом.

- Повезло, что мы так быстро отыскивали убежище, - тихо проговорил

он. - Как вам удалось заметить пещеру? Я был готов пройти мимо.

- У меня хорошее зрение, - ответил я. - Не забывайте, что я моряк.

- Наверное, - согласился Брант. - Но мне отчего-то кажется, что причина не только в этом. Скажите, Якоб, вам уже приходилось бывать на острове? Вы знали, как найти проход в бухту и эту пещеру, не так ли?

- Так, - согласился я.

- Вместе с Герсебомом?

Мне не хотелось лгать, но и отвечать откровенно показалось не ко времени.

- Однажды остров случайно открылся мне во время лова. Примерно так же, как сегодня. Буря, правда, была послабее, и мне удалось провести «Клео» в бухту совершенно целой. А потом пришлось ждать почти две недели, пока Зев Дьявола вновь не ушел в сторону и не позволил нам убраться.

- И это все? - с изрядным недоверием спросил Брант.

- Все.

Мы немного помолчали.

- Могу я спросить: а вам-то что здесь понадобилось? - задал я вопрос, на который Брант ответил не сразу.

- Вы узнаете, капитан, - проговорил он после паузы. - Не сейчас. Чуть позже.

Я не настаивал, потому что ответ мне был примерно известен. Не понимал я лишь того, почему Брант с Лоттой до сих пор продолжают от меня таиться. Полагая, что разговор закончен, я принялся устраиваться поудобнее, рассчитывая все же поспать, но Брант не уходил.

- Все дело в Гемме, - сказал он. - Гемм - это главное. Его жизнь важнее всех наших вместе взятых, прошу понять это, капитан Якоб, и помочь защитить его, если понадобится.

- Капитан судна отвечает за жизнь каждого пассажира, - ответил я.

- Гемм - самое важное, - повторил Брант.

Он отодвинулся, завернулся в одеяло и затих. Теперь и мне можно было попытаться уснуть.

* * *

Открыв глаза, я понял, что наступил день. И настолько яркий, что свет его проникал даже сквозь плотный брезент нашей «двери». Мои пассажиры проснулись раньше меня. Сидя в дальнем углу пещеры, они вели о чем-то неспешный, тихий разговор. Только Горан продолжал храпеть изо всех сил.

- Доброе утро, капитан, - поздоровался Брант, и Лотта с Геммом тоже

пожелали мне доброго утра.

Я ответил на приветствие и принялся будить Горана. Сон его оказался настолько крепок, что мне пришлось изрядно потрясти помощника за плечо, прежде чем он продрал глаза. Но в конце концов это свершилось, Горан рывком сел и некоторое время сонно вертел головой по сторонам, соображая, где находится и зачем. А когда окончательно пришел в себя, то рассмеялся.

- Мне приснилось, что я заснул прямо за столом в погребеке Фарнифа, - сообщил он.

- Тогда тебе и заниматься завтраком, - не совсем логично заключил я.

Завтрак у нас получился немудреным, но сытным. Каждому досталось по огромному ломтю хлеба и куску вчерашнего жаркого, которые мы запили водой из наших запасов. Я не экономил: сколько бы времени нам ни пришлось провести на острове, пищи и воды найдется здесь достаточно. Бухты острова кишели всяческой морской живностью, а в его центре не иссякали источники пресной воды.

Мы по одному выбрались из пещеры, и то, что я увидел, потрясло меня точно так же, как и в самый первый раз, и во второй, и в последующие. С лазурных небес лились ослепительные лучи солнца. Стоял полный штиль. Ни ветерка. Правда, было прохладно - не лето все же. Но когда глаза мои привыкли к яркому свету, в проломах скал я увидел пронизываемые зигзагами молний иссиня-черные стены Зева Дьявола, окружающие остров со всех сторон.

Но Горан, попавший на остров впервые, был просто потрясен.

- Что это?! Почему?.. Здесь так?..

- Это око бури, самый центр урагана, - принялась объяснять Лотта. - В центре никогда не бывает ветров и облаков. Если бы у вас... - тут она запнулась и быстро поправилась, - у нас были аппараты, на которых можно летать, поднявшись высоко над ураганом, остров давно бы перестал быть легендой.

- Ерунда, - засмеялся Горан. - Любой дирижабль ураган сдует, как пушинку, или изломает в клочья.

- Это верно, - вмешался Брант. - Нам пора!

- Куда мы направляемся? - осведомился я.

- Туда, - Брант махнул рукой куда-то в сторону центра острова и принялся навьючивать на себя мешок с припасами.

- Надеюсь, вы знаете, что собираетесь отыскать, - сказал я, пристраивая на плечи свою часть ноши.

Солнце успело подсушить камень, идти теперь было много легче, а скоро хаос скал закончился, сменившись ровной почвой, покрытой пожелтевшей, умершей или уснувшей на зиму травой и несчастным кустарником, который, напротив, сумел сохранить зеленые краски. Кое-где среди кустарника небольшими группами росли высокие деревья.

Возглавлявший отряд Брант шел весьма уверенно. Насколько я

понял, путь он держал к одинокой горе, вершина которой поднималась над кустарником далеко впереди. За Брантом шагала Лотта, потом Горан и Гемм. Я вновь шел позади - за Геммом или рядом с ним, когда позволяла дорога. Мальчишка держался неплохо. Он даже взялся нести кое-что из вещей и категорически запротестовал, когда Брант попытался их отобрать.

- Прости, Гемм, хотел спросить, - сказал я, когда мы слегка приотстали. - Брант и Лотта - кто они тебе?

Гемм сбился с шага, на секунду остановился и заглянул мне в лицо своими странными глазами, не принадлежащими этому миру.

- Они? Просто знакомые... Не знаю.

- Кто твои родители? Где они?

- Они умерли.

Он произнес эти слова совершенно ровным тоном, в котором я не услышал ни печали, ни равнодушия. Так говорят о том, что произошло невероятно давно, с чем свыкся и смирился, сколь ни велика потеря.

- Ты знаешь, куда и зачем мы идем, Гемм? - задал я очередной вопрос, однако ответа получить не успел, потому что Лотта внезапно обернулась и остановилась, внимательно посмотрев на нас.

Она ничего не увидела. Ни я, ни Гемм ничем не показали, будто о чем-то разговаривали, и далось это каждому из нас одинаково быстро и легко. И в этот момент я ощутил возникшую между мной и мальчишкой некую странную связь, а вместе с тем и убеждение, что о существовании этой связи никто, кроме нас, знать не должен. Поэтому я непринужденно замедлил шаг, вроде бы поправляя поклажу, после чего занял свое привычное место м арьергарде отряда, позади Гемма.

Шагать было нетрудно, хотя довольно часто приходилось уходить с прямого направления, огибая особенно густые заросли кустарника. Эти маневры сильно удлиняли маршрут, и когда солнце прошло половину своего дневного пути по небосклону, гора сделалась ближе совсем ненамного. Лотта и Гемм не жаловались на усталость, но я видел, что они заметно выбились из сил, о чем сообщил Бранту.

Привал мы устроили в одной из крохотных рощиц. Мы с Гораном набрали сушняка, имевшегося тут в изобилии, и сложили небольшой бездымный костерок, на котором вскипятили в котелке воду, заварив ее ароматными сушеными травами. Я прикинул: не плеснуть ли туда немного огненного пойла из моей фляжки для всеобщей бодрости, но решил все же этого не делать. Путь предстоял длинный.

Мы вновь сытно поели, и даже Брант, как ни спешил, согласился с моим предложением отдохнуть полчаса. Солнце так разогрело неподвижный воздух, что все предпочли перебраться в тень. Я же решил немного прогуляться и ничуть не удивился тому, что Брант немедленно вызвался составить мне компанию.

- Разве вы не устали, капитан? - спросил он, шагая рядом.

- Немного, - улыбнулся я в ответ. - Но все же не настолько, чтобы окончательно потерять бдительность.

- Чего здесь следует опасаться? - тут же насторожился Брант. - Почему вы не сказали мне сразу?

- Потому что я сам этого не знаю, - сказал я, не скрывая раздражения. - Но вот меня вам опасаться точно не следует, и я удивлен, что вы до сих пор этого не осознали.

Кажется, на его лице проступило выражение, отдаленно похожее на смущение. Впрочем, я мог и ошибиться.

- Я доверяю вам, капитан Якоб, - проговорил он, попытавшись вложить в свои слова максимум искренности. - Но Гемм важнее всех нас, и я всегда должен быть начеку. Надеюсь, вы меня поймете и извините. Кстати, куда мы идем?

- Осмотреться. Когда мы входили в рощу, справа я заметил холм. С его вершины мы сможем наметить маршрут покороче...

Мы вышли из рощи, миновали открытое пространство до начала подошвы холма и начали неторопливо подниматься по пологому склону. Холм был совсем небольшой, его вершина уступала по высоте даже деревьям рощи, но предстоящий нам путь с нее действительно можно было увидеть и скорректировать.

Я поднялся первым и тут же бросился ничком в траву, потянув за собой Бранта.

- Что? - напряженно спросил он, но я молча показал ему, куда следует смотреть.

Всего в двух сотнях шагов от нас, как раз в том направлении, куда нам предстояло отправиться, над кустарниками поднималась едва заметная, почти прозрачная струйка дыма, которую рождает огонь костра, зажженного руками людей.

* * *

- Откуда здесь люди? - жарко зашептал мне в ухо Брант. - Здесь никого не должно быть!

- Кроме тех, кто очень хочет с вами встретиться, - с досадой ответил я.

- Как они могли сюда попасть? Ураган должен был разбить их в щепки.

- Если Локуфа отправился прямо к острову, он мог оказаться здесь даже раньше нас. А на острове достаточно удобных бухт, чтобы укрыться от гнева Зева Дьявола.

- Он сумасшедший, этот ваш Локуфа, если пошел на такой риск из мести, - проговорил Брант.

- Он не сумасшедший, - возразил я. - Здесь что-то другое.

- Что?

- Попытаюсь выяснить, - пообещал я. - Возвращайтесь к остальным и постарайтесь уничтожить следы нашей стоянки. Будьте готовы отправляться немедленно!

Я скатился вниз по склону и пополз среди кустарника. Поднявшийся легкий ветерок пошевеливал кусты, маскируя мое продвижение. Скоро я приблизился к костру достаточно близко, чтобы сквозь сплетение ветвей разглядеть лужайку, на которой расположились около десятка вооруженных ружьями и револьверами людей - одним из них был Локуфа. А чуть в стороне от основной группы я увидел еще двоих - человека со шрамом и его спутника, так настойчиво стремившихся отыскать моих пассажиров. В принципе, больше мне здесь делать было нечего. Я принялся осторожно отползать, а удалившись на безопасное расстояние, поднялся и помчался в обход холма в рощу.

Когда я добрался, все было готово к отправлению. Кострище тщательно затоптано, засыпано землей и замаскировано опавшей листвой. Я не заблуждался по поводу качества такой маскировки: внимательный осмотр непременно обнаружил бы следы нашего пребывания, оставалось лишь надеяться, что преследователи просто не наткнутся на это место.

- Что там? - нетерпеливо спросил Брант.

- Локуфа со своими людьми. Их девять, и они хорошо вооружены.

- Ничего себе! - растерялся Горан. - И как нам теперь быть?

- Это не самое страшное, - пробормотал Брант.

- Но это еще не все новости, - продолжал я. - С ними еще двое - те, которые спрашивали о вас у Фарнифа.

Брант и Лотта переглянулись. В глазах обоих я увидел настоящую тревогу.

- Это те самые люди, которые все время годятся за нами? - спросил Гемм, и Лотта, не отвечая, обняла его за плечи.

- Они не должны нас найти, - произнесла она. - Помогите нам, капитан Якоб!

- Мне кажется, в последнее время я только этим и занимаюсь, - хмыкнул я. - Нужно убираться отсюда как можно быстрее.

- Куда вы нас поведете? - осведомился Брант.

- Боюсь, что они вот-вот обнаружат наши следы. Скоро стемнеет, до этого времени нужно отыскать надежное убежище. Мы отправимся к лагуне, там вокруг множество пещер, мы укроемся в них и подумаем, как быть дальше. Горан, возьми поклажу у мальчика!..

Сейчас мы спешили изо всех сил. Но у Гемма их оставалось не так много. Часа через два я вынужден был объявить короткий привал. Гемм тут же свалился на землю. Я очень надеялся, что у нас перед преследователями есть некоторая фора, и все же нужно было спешить.

Но прежде чем продолжать путь, я намеревался кое-что выяснить,

поэтому попросил Бранта и Лотту отойти со мной в сторонку.

- Помните наш уговор? - спросил я. - Мы поворачиваем обратно, как только я увижу опасность. Так вот, я ее увидел и намерен повернуть.

- К разбитому кораблю? - мрачно ухмыльнулся Брант.

- Пока нет. Мы с Гораном просто спрячемся. Вы можете спрятаться вместе с нами, я не возражаю, но дальше не пойду. Я возвращаюсь.

- Вы не можете так поступить, - сказала Лотта своим волшебным голосом, но в этот момент он на меня не подействовал.

- Могу, - сказал я. - Таков был уговор. И если вы намерены его изменить, то я хочу знать все. Что вы тут ищете, кто ваши преследователи и что, собственно, вообще происходит?

Прежде чем ответить, Брант и Лотта внимательно посмотрели друг на друга.

- Ты должен рассказать, - сказала она.

- Это ошибка, - возразил Брант. - Он просто не поверит.

- Ошибок было сделано достаточно, - настаивала она с удивившей меня твердостью. - Расскажи ему! Он знает остров. В нынешней ситуации на долгие поиски у нас просто нет времени.

- Хорошо, - сдался он. - Я расскажу. Лотта, вернись к Гемму и помоги ему, чем можешь. Через десять минут мы должны отправляться.

- Что вы хотите знать? - спросил он, когда мы остались вдвоем.

- Начнем с ваших преследователей. Кто они?

- Наемники. Ищейки. Опытные и очень опасные.

- Что им нужно?

- Гемм. Вам сложно будет поверить, но вы все же постарайтесь, - скривил он губы в невеселой улыбке. - Гемм не отсюда. И мы тоже, и те двое... Кроме вашего мира существуют и другие. На некоторых точно так же живут люди. А на других есть вечные ураганы, по сравнению с которыми ваш Зев Дьявола - просто жалкий сквозняк.

- Я слышал нечто подобное, - кивнул я. - Особенно про ураган. Если не ошибаюсь, мир, в котором он существует, называется Юпитер?

Брант удивился и не счел нужным скрывать этого.

- Странно, что вы здесь еще это помните.

- Ничего странного, - возразил я. - За четыреста лет истории нашего мира мы ни разу не переписывали учебники, оставленные нам теми, которые оказались здесь первыми. И нам известно: другие миры действительно существуют и с одного из них мы попали на Грету. А то, что вы чужие, мне стало понятно уже через пару минут после того, как вы появились в погребке Фарнифа.

- Вот как! - мрачно сказал Брант. - Ты понял с самого начала, но скрывал это. Что тебе еще известно?

И тут я почувствовал, что раздражение, которое постоянно вызывал у меня Брант, сменяется злостью.

- Не так много, как вам кажется и как хотелось бы мне самому, - сухо

сказал я. - Дело в том, что капитан Герсебом был моим другом. Незадолго до смерти он рассказал, что присматривал кое за чем на Золотом острове, и попросил взять на себя эти обязанности.

- Значит, тебе известно, где находится Станция? - воскликнул Брант. - Почему же ты молчал? Тем более если понял, кто мы такие!

- Такого я не говорил, - возразил я. - Кто вы такие, мне не известно. Я понял, что вы не из столицы - только и всего! Но уж точно, вы не хозяева находки Герсебома.

- Но зритель должен был тебе сказать...

- Он и сказал, - перебил я Бранта. - Что иногда в Климбе будут появляться незнакомцы, которым потребуется помощь, чтобы попасть на Золотой остров. В то место, которое вы называете Станцией. И еще он сказал, что одни будут знать, как об этом попросить, а другие - нет. Но все равно к тем, у кого есть такая штука, как у Лотты, следует отнестись внимательно.

- Понимаю, - Брант с досадой кивнул. - Там, в кабачке, Лотта показала тебе опознаватель, но тогда ты никак на него не отреагировал. Почему?

- Потому что он лишь похож на тот, который оставил мне Герсебом. Вот он!

Я извлек из-под рубашки свой диск. Он совпадал размером с диском Лотты, однако имел не один вырез, а два и совсем небольших, не достававших до центра.

- Значит, вы не хозяева и не гости, - я спрятал диск на прежнее место, - но похожи на гостей.

- Ну конечно же, - с досадой дернул головой Брант. - Поверь, капитан Якоб, мы действительно оказались здесь совершенно случайно, у нас просто не было ни времени, ни возможности идти той дорогой, которую мы наметили с самого начала. Ищейки гнались за нами по пятам, нам ничего не оставалось, как воспользоваться резервным маршрутом. К этому маршруту, как ты уже понял, мы были не вполне готовы. Хотя знали, кто такой Герсебом, где его следует искать, а также примерно представляли, где находится Станция. И ты мог отказать нам в помощи, но все же взялся за дело. И я еще раз спрошу - почему?

Я рассмеялся.

- Вы ведь предложили щедрую плату. А может, у меня просто было такое настроение. Или я почувствовал, что вам действительно нужна помощь. Особенно Гемму. И потом, вы действительно похожи на гостей...

- Мы благодарны тебе, - сказал Брант. - Надеюсь, на тебя и дальше можно рассчитывать?

- Можно, - согласно кивнул я. - Но прежде ты объяснишь все до конца. Кто такой Гемм? Почему он так нужен наемникам? И зачем он нужен вам?

- Да, Гемм... - Брант некоторое время молчал, словно взвешивая неведомые мне «за» и «против», но в конце концов решился продолжить: - Его отец очень крупный ученый. Ему удалось совершить открытие, способное изменить мир.

- Разве такие открытия еще бывают? - усомнился я, и Брант внезапно разозлился.

- Как ты можешь об этом судить в своем жалком мирке с вонючими парходами и дирижаблями, которые боятся даже легкого ветра! Когда я говорю мир - то вовсе не имею в виду Климб, захолустье, которое вы называете столицей, и всю эту планету!

- Ты обещал рассказать, - напомнил я.

Брант глубоко вздохнул.

- Тебе известно, как люди попали на Гретеу?

- Все знают легенду о Большом Корабле, на котором наши предки летели сюда с Земли много десятков лет во сне, ни разу не просыпаясь, - пожал я плечами. - Только я в нее не особенно верю.

- Почему?

- Потому что человек не может спать так долго, - ответил я, и Брант захохотал.

- Как же тогда вы здесь оказались? - поинтересовался он, успокоившись.

- Ну... - я слегка растерялся. - Некоторые считают, что нас сюда перенесли посланцы Бога.

- И ты тоже?

Я сделал вид, что рассердился:

- Рассказывать все же должен ты.

- Ладно. Тогда постарайся поверить, что сказанное мной - правда. Большой Корабль действительно был. И его пассажиры в самом деле спали много десятков лет...

Из того, что он говорил, кое-что мне было известно. Частично - еще со школьной поры, отчасти - из старых легенд, а также от Герсебома, который успел поведать мне то, что знал. Когда ученые стали способны отыскивать во Вселенной планеты, пригодные для жизни, рассказывал Брант, на Земле проживало слишком много людей. Поэтому земляне начали строить Большие Корабли и отправлять на них переселенцев.

Самым неприятным было то, что Большие Корабли не могли вернуться. Дальний полет оказывался настолько труден, что заложенных в конструкцию ресурсов на возвращение не оставалось. Корабли выходили из строя и не годились уже ни на что. А у Земли больше не было сил, чтобы строить новые. Это был абсолютный тупик. Потом на Земле произошли события, из-за которых связь с колониями надолго оборвалась. Колонии постепенно угасали...

- Я не считаю, что мы здесь, на Грете, угасаем! - возразил я. - Каких-то

пятьдесят лет назад у нас не было паровых машин и корабли в океане ходили под парусами.

- Вы утратили знания и технологии, вам пришлось все начинать с чистого листа. Когда-нибудь вы снова откроете, что сжигать топливо внутри двигателя выгоднее чем снаружи, и многое другое. А пока самое высшее достижение вашей цивилизации - жареные щупальца морских тварей.

- Я не хочу с тобой спорить, - заявил я. - Продолжай, пожалуйста.

- Надежда появилась, когда примерно тридцать лет назад мы обнаружили Станции. Мы не знаем, кто их строил, но они есть почти на каждой кислородной планете. Через Станции можно попадать в другие миры без звездных кораблей. И почти сразу нас постигло жестокое разочарование. По неизвестным причинам создатели Станций заложили в них жесткое ограничение: через каждую могут пройти не более двадцати человек в год.

- Ну и сколько из вас побывало в этом году на Грете? - поинтересовался я.

- Нисколько, - ответил Брант. - Это нас и спасло. Наши враги отрезали нам все пути, и лишь единственный - в ваш мир - оставался открытым. Только поэтому нам удалось ускользнуть от ищеек.

- К сожалению, ненадолго, - заметил я. - Ищейки тоже прошли этим путем.

- Потому что Станциями очень просто пользоваться, это доступно каждому, - сказал Брант. - Загадка в том, как они работают. Все эти годы лучшие ученые Земли пытались понять принцип их действия и терпели неудачу за неудачей.

- Любую машину можно разобрать, чтобы понять, как она устроена, а потом собрать в прежнем виде, - возразил я.

- Одну Станцию как-то попытались «разобрать», - презрительно фыркнул Брант. - Теперь в том месте воронка глубиной в сто метров. После того случая пользоваться ими можно только по особому распоряжению правительства. На каждой планете, где они имелись, из числа местных жителей выбрали смотрителей, которые должны помогать добраться до Станции гостям, попавшим в этот мир с другой планеты. Одним из них и был твой друг Герсебом...

Брант на секунду замолчал, а потом продолжил с коротким смешком:

- Кстати, это еще один сюрприз создателей Станций. Тот, кто проходит через нее, попадает не на другую Станцию, но в кабинку, которая работает только на выход. И всегда она расположена далеко от Станции этого мира, с которой можно сделать следующий шаг... Зачем так было задумано - никто не знает. Потому мы с Лоттой и Геммом оказались в каких-то развалинах в пригороде столицы, а не сразу на Золотом острове.

- Чем так важен Гемм? - спросил я.

- Отцу Гемма удалось то, чего не смог сделать никто до него. Он подобрался ближе всех к разгадке. Он понял, как работают Станции. Оставалось совсем немного, чтобы разобраться, как их строить и как открывать для всех, кто захочет ими воспользоваться. Ты понимаешь, что это для нас означало? Не только для нас, но и для вас тоже!

- Понимаю, - кивнул я. - По Климбу будут слоняться толпы пришельцев, цены на жилье вздуются до небес, а на мясо каракатиц - до звезд. Впрочем, последнее меня, пожалуй, устраивает. Но все же при чем тут мальчик?

- Тебе не кажется, что нам пора отправляться? - сказал Брант. - Отвечу на следующем привале.

Он был прав. Задерживаться действительно не стоило. До темноты оставалось всего часа два, и за это время нам предстояло миновать немалое расстояние. К ущелью, в котором скрывалось устройство, называемое Брантом Станцией, можно было добраться двумя путями. Один, строго на север, проходил по ровному, но открытому со всех сторон пространству без единого укрытия. Дорога эта была нам заказана, потому что где-то там рыскали наши преследователи, наткнуться на которых мы могли очень легко. Другой - через скальный хребет в восточной части острова. Но это прерывистая тропа в нагромождении камней, изобилующая крутыми подъемами и спусками, глубокими расщелинами и обрывами, любой из которых мог оказаться для нас последним. Ее показал Герсебом в последнее наше посещение Золотого острова, и я постарался запомнить путь, как запоминал все то, что он поведал мне с той поры, когда объявил о своем решении сделать меня преемником.

Я проходил здесь дважды и вел своих спутников, полагаясь на память, однако, когда мы выбрались из кустарника, понял, что ошибся. Чтобы попасть в нужное место, предстояло пройти по границе кустарника изрядное расстояние. Между тем начинало смеркаться, небо стало покрываться облаками: зона штиля в центре урагана постепенно смещалась от нас в сторону. Я ускорил шаги, некоторое время мы почти бежали. Ни Гемм, ни Лотта не произнесли ни единой жалобы, но оглянувшись на них в очередной раз, я увидел, насколько они выбились из сил, и понял, что очередной короткий отдых им просто необходим.

Взглянув на меня с молчаливой благодарностью, Гемм и Лотта не опустили, а рухнули на траву. Я велел Горану дать им воды, а сам присел рядом с Брантом.

- Так при чем же тут Гемм? - спросил я.

- Об открытии узнали те, кто не должен был знать. Его цена невероятно велика - тот, кто им владеет, владеет космосом. Они похитили отца Гемма вместе со всей семьей. Я не стану рассказывать, как и сколько времени их искали, важно, что в конце концов мы

обнаружили место, где их скрывали, Похитители были готовы на все, чтобы удержать ученого, во время операции по его освобождению погибло много людей. К сожалению, родители Гемма тоже... Но незадолго до этих событий отец Гемма успел спрятать свое открытие в своем сыне.

- Как? - поразился я.

- Я не смогу объяснить, а ты не сможешь понять. Он спрятал информацию в его мозге, и очень глубоко.

- И каким образом ее будут извлекать? Отрезать голову и вычерпывать ложкой?

- Никто никого не станет резать, - возмутился Брант. - Все гораздо сложнее, и деталей я не знаю. Наша с Лоттой задача - доставить Гемма на Землю живым и невредимым.

- Полагаю, у ищеек задача точно такая же, - предположил я. - Только доставить они его должны в какое-то другое место. Скажи, Брант, а вам не жалко парня?

- С мальчиком не произойдет ничего плохого, - проговорил Брант, но в его ответе я не услышал уверенности.

- Вы не сумели уберечь его отца, так почему вы так уверены, что сможете защитить Гемма? Самые страшные ваши тайны очень быстро становятся известны врагам. Почему?

- Хотел бы я знать, - мрачно проговорил Брант. - Но за ними стоят очень мощные силы, совладать с которыми трудно даже правительству.

- Я понял. У вас тоже есть свой Локуфа, - рассмеялся я. - Только он намного опаснее, чем наш.

По выражению лица Бранта я понял, что задел болезненную тему и обсуждать ее он не желает.

- Как мы пойдем дальше? - спросил он.

- Через скалы, мимо лагуны. И нам следует поторопиться. Ваши ищейки знают, что вы здесь. Думаю, им известно, хотя бы примерно, где находится Станция. Мы опережаем их, но не слишком. Значит, все зависит от скорости. Особенно, если им удалось напасть на след. Это вполне возможно: людей у Локуфы достаточно, чтобы прочесать местность.

Итак, через десять минут мы снова пустились бежать. Скалы приблизились, и я наконец узнал то место, где начиналась дорога к лагуне. Почва здесь вздымалась высоким каменным горбом. Нам предстоял затяжной подъем изрядной крутизны, и этот участок пути следовало считать самым легким. Подъем был достаточно крут, и мы двигались намного медленнее: силы у всех, кроме Бранта, были на пределе. Я и Горан немного обогнали остальных. Я вкратце пересказал ему разговор с Брантом. У Горана на языке вертелись десятки вопросов, но у меня не было сил отвечать.

Мы взбирались все выше, а погода меж тем стремительно портилась. Тучи потемнели, приближая наступление ночи, поднялся ветер, а за ним начал капать дождь. Он был совсем не сильным: пожалуй, впервые в жизни я об этом сожалел. Стена сплошного ливня пусть и затруднила бы путь, зато надежно укрыла бы нас от врагов. Шагавший последним Брант периодически останавливался, осматривая окрестности в свое зрительное устройство. Я тоже боялся появления погони, потому что все время подъема по голому склону наш маленький отряд мог легко увидеть любой, кто появился бы из кустарника. Так оно и случилось.

- Они нас обнаружили! - крикнул Брант. - Быстрее! Быстрее!

Я оглянулся, но без прибора Бранта из-за расстояния и сгущавшихся сумерек ничего разглядеть не сумел. Видимо, враги располагали точно такими же зрительными приборами, позволившими нас засечь.

Мы принялись карабкаться вверх со всей возможной быстротой. Брант тащил за собой мальчика, Горан пытался помочь Лотте, но та даже не позволила ему взять поклажу. Словно открыв в себе новый источник сил, она легко двигалась, перепрыгивая с камня на камень. Вершина бугра была уже недалеко. Перевалив через наивысшую точку, мы стали спускаться к лагуне - маленькому внутреннему морю острова, глубоко вдающемуся в сушу и соединенному с океаном узкой, мелкой и извилистой протокой. Кабы не эта подобная ручью протока, пройти которой можно было бы лишь на нашем крохотном ялике, лагуна могла бы стать отличной стоянкой для корабля. Зато для рыб и небольших моллюсков, спасавшихся здесь не только от Зева Дьявола, но и от крупных морских хищников, преградой не была. Воды лагуны кишели живностью круглый год.

Темнота сгущалась, а смоченный дождем камень скользил под ногами, что вынуждало нас двигаться медленнее и осторожнее. Я очень надеялся, что наши преследователи испытывали те же трудности. Во всяком случае, когда с последним отблеском дневного света мы спустились к берегу лагуны, никаких признаков погони я не услышал. Судьба предоставила нам отсрочку: ни ищейки, ни люди Локуфы не смогут обнаружить нас ночью в диком каменном лабиринте, окружавшем залив. Теперь мы шли практически на ощупь. Мне помогли ориентироваться вспышки молний приближавшейся бури, но настал момент, когда я осознал, что двигаться дальше просто невозможно, нужно дожидаться утра.

Ничего, похожего на вчерашнюю пещерку, нам обнаружить не удалось. Кое-как мы расположились на ночь на крохотном пятнышке меж каменных глыб под нависающей скалой, завернулись в одеяла и тесно прижались друг к другу. Быстро возвращался ночной холод, но нельзя было разжигать костер. Нам предстояла нелегкая ночь. Гемм вымотался настолько, что отказался от еды. Да и сам я с немалым

трудом заставил себя разжевать и проглотить свою порцию, запив холодной водой да глотком спиртного из последнего резерва.

Погоня осталась позади. Далеко ли - близко ли, преследователи вряд ли сейчас находились в лучшем положении, но все же мы не рискнули обойтись без дежурства. Я заступил на пост первым. С расчехленным ружьем в руках я до боли в глазах всматривался в кромешный мрак, лишь изредка прорезаемый бликами молний, вслушивался в шум усиливающегося дождя, перекрывающий все прочие звуки, и понимал, насколько бесполезно и бессмысленно мое занятие.

Текли часы. В положенное время меня сменил Брант, и я, плотно завернувшись в одеяло, уснул мгновенно, несмотря на холод.

* * *

Меня разбудил ветер. Холодный и мощный поток сорвал с моего лица одеяло и будто надавал тугих пощечин. Я увидел, что мои спутники тоже проснулись. Над нашими головами низко мчались тяжелые тучи, началась мелкая морось, грозившая обернуться настоящим ливнем. Зев Дьявола продолжал прогулку по извечному маршруту, благодостный и безветренный глаз бури сместился в другую часть острова, а место нашей ночевки оказалось в центре бушующей стихии.

Ветер свистел меж камней и скал с такой силой, что приходилось кричать едва ли не во весь голос, чтобы тебя услышали.

- Горан! - заорал я. - Берем с собой только веревки. Все прочее оставляем здесь.

- Ружье, капитан? - Горан показал на мою самозарядку, но я отрицательно помахал рукой. Ружье нам не понадобится, потому что вряд ли поможет, если мой план не увенчается успехом. Впрочем, я не собирался расставаться со своим оружием навсегда и намеревался сюда обязательно вернуться.

В том случае, если у нас все получится.

Гемм дрожал от холода, но храбро отшвырнул одеяло. Его тут же подхватил ветер, готовясь унести, но Горан ловко поймал и снова укутал плечи Гемма, шепнув ему на ухо что-то ободряющее. Все верно, это одеяло мы успеем выбросить когда угодно. Я обвязался концом веревки, бросил ее Горану, который тут же закрутил веревку вокруг пояса Гемма. Следующим в цепочке был он, за ним - Лотта и последним - Брант. Пригнувшись, мы друг за другом двинулись навстречу ветру, семеня, шатаясь и оскальзываясь, словно опьяневшая многоножка.

Буря сделала утро почти продолжением ночи, я видел путь лишь на несколько десятков шагов вперед. Однако принесенная Зевом Дьявола мгла не помешала мне разглядеть нужный поворот. Мы заползли в

трещину, обе стены которой можно было достать руками. Столкнувшись с мощью камня, ветер здесь потерял силу, очередные двести шагов мы прошли, будто на прогулке. Но трещина мелела, мы постепенно поднимались к ее краям и скоро вновь оказались на открытом пространстве. Ощувив под ногами мокрую и скользкую поверхность выглаженного тысячелетними ветрами камня, я упал на четвереньки, и моему примеру последовали остальные. Гемм сбросил одеяло. Тяжелую от влаги ткань тут же подхватил ветер. Поднять одеяло в воздух ему не достало сил, он просто смел его в обрыв, как швабра сносит мусор с палубы корабля.

Этот участок скалы, похожий на гладкий черепаший панцирь, мы и преодолевали со скоростью черепахи, цепляясь пальцами за малейшие неровности камня. До относительного укрытия было около ста шагов, которые сделались для нас тысячей, и мы их все же проползли. Сгрудившись в крохотной щели под защитой скалы, мы переводили дух и считали потери в виде сорванных ногтей и лоскутьев кожи на ладонях.

Брант что-то прокричал мне, я не сумел разобрать, знаком попросил повторить, но он лишь безнадежно махнул рукой.

Следующий участок пути был немного проще. Мы лезли вверх по естественной каменной лестнице, практически полностью защищенные от ветра. Правда, навстречу нам потоком мчалась вода. То и дело кто-то за моей спиной оскальзывался, и только совместными усилиями, цепляясь за стены, за воздух и друг за друга, мы не скатывались вниз.

Я выполз наверх и оказался в глубокой луже, налитой ливнем в углублении скалы. Гемм и остальные плюхнулись в лужу вслед за мной, зато, преодолев ее, мы получили возможность перевести дух. Выбравшись из воды, я заполз в темную пасть каменной норы, а когда Брант, последний в нашей связке, втянулся под ее своды, я устало сел, ослабил соединяющую всех нас веревку и помог Гемму принять положение, наиболее подходящее для отдыха.

Зев Дьявола неистовствовал снаружи, его гнев плотно запечатывал вход, проступавший на фоне окружавшей нас пещерной темноты мутным светловатым пятном. Но здесь было сухо и почти тихо, если не считать визгливого воя залетающих сюда по ошибке сквозняков.

- Где мы? - услышал я голос Бранта.

- В тоннеле, который выведет нас почти к самой Станции, - ответил я.

- Нам повезло, Брант, нам все удалось. Теперь наш путь пойдет только вниз. Иногда немного в сторону, влево и вправо, но в основном вниз. Правда, придется еще немного поползть на брюхе, но обещаю, что ни в океан, ни на камни нас уже не сдует... Лотта, как вы себя чувствуете?

- Со мной все в порядке, Якоб, - звук ее удивительного голоса взбудрил меня лучше глотка спиртного. - Горан мне очень помог.

- Мы все одинаково помогали друг другу, - усмехнулся в темноте

Горан. - Если бы не вы, Лотта, да не Гемм - летать бы мне уже давно над океаном. Ты слышишь меня, Гемм? Спасибо тебе, дружище!

- Я просто делал, что мог... - Гемм был настолько измотан, что едва шевелил губами.

- Потерпи немного, парень, - тихонько, так, чтобы слышал только он, сказал я. - Скоро все это закончится.

- Ваш корабль уже никогда не будет плавать, - сказал он в ответ так же тихо. - Мне очень жаль, капитан Якоб. Мне очень понравилась ваша «Клео».

- Не беспокойся о судне. С «Клео» все в порядке.

- Ураган снова переместится, - громкий голос Бранта перекрыл и прервал наши перешептывания. - Станция выйдет из зоны бури.

- Конечно, - ответил я. - Так оно скоро и будет.

- Чего мы ждем?

- Там, внизу, лужа, подобная той, в которой мы только что купались, - объяснил я. - Только в двадцать раз шире и раза в три глубже. Она закупорила выход. Пока ливень не кончится и вода не стечет, нам из тоннеля не выбраться, если у вас нет желания поплавать. Поэтому сейчас можно немного перевести дух.

Горан пошевелился, и в его движении я ощутил вопрос и смутную надежду.

- У вас осталось что-нибудь во фляжке, капитан? - спросил он.

- Немного, - я отстегнул фляжку от пояса, взболтнул, чтобы оценить количество содержимого, и передал в ищущую руку Горана. - Пьем до дна. Каждому по два полных глотка.

Что происходило в темноте, я видеть не мог, но, по ощущениям, от своей порции не отказалась и Лотта. Фляжка вернулась ко мне, и я до последней капли допил то, что в ней оставалось. Некоторое время мы сидели во всеобщем молчании, которое мне захотелось нарушить.

- Брант, Лотта, - позвал я. - Все вертится у меня в голове вопрос, который очень хочется задать... Скажите, а какой нам здесь, на Грете, прок от великих перемен, которые наступят, если вам все удастся?

Я услышал, что Лотта тихонько засмеялась. Смех ее был подобен журчанию чистого родника - мне так показалось, несмотря на то что всяческого водяного журчания мы в этот день наслушались на полжизни вперед.

- Разве вам не хочется посмотреть иные миры, капитан Якоб? - спросила она. - И особенно Землю, родину всех людей, откуда прилетели на Грету ваши предки.

- Насколько я понял из рассказа Бранта, родина эта сейчас не такое уж приятное место.

- Нужно увидеть, чтобы оценить, - возразила она. - Зато там есть многое из того, о чем на Грете давно забыли и о чем мы могли бы с охотой вам напомнить. Например, вам хотелось бы иметь более

быстрое, более надежное судно?

- «Клео» - надежное судно, - обиделся я. - И самое быстрое на побережье, в чем вы недавно сами могли убедиться.

- Он просто не понимает, о чем идет речь, - с внезапным раздражением заговорил Брант. - Послушай, капитан! Звездный корабль, на котором сюда прилетели ваши предки, сгнил сотни лет назад, а вместе с ним вы утратили все. Вы разучились лечить болезни, вы совсем недавно узнали, что такое электричество, в качестве топлива вы жжете сырую нефть и вообще живете почти как пещерные люди. Но дело не только в этом. На вашей планете вы не занимаете и тысячной части территории, тогда как существуют миры, населению которых уже не хватает даже воздуха!

- Нашего воздуха хватит на всех, - примиряюще проговорил я. - Мы всегда рады гостям, если только они не возьмутся учить нас жизни.

- Значит, несмотря на все ваши умения и знания, вы не сумели сохранить ваш мир пригодным для существования? - вмешался Горан, которого слова Бранта заделали за живое. - И теперь хотите сделать то же самое с Гретой?

- Никто с вами ничего не сделает, - хмуро сказал Брант. - Люди не настолько глупы, чтобы повторять однажды совершенные ошибки.

- Ну а нам-то какая польза? - допытывался Горан.

- Мы принесем цивилизацию, - возбудился Брант. - Вы за один шаг пройдете сотню лет. Прогресс и цивилизация! Ты узнаешь много новых полезных вещей и очень скоро будешь недоумевать, как же мог обходиться без них прежде. Поверь, так оно и случится!

- Прогресс и цивилизация, - повторил я. - Почему же вы не принесли это раньше? Почему вы не пытались помочь, когда нам приходилось особенно трудно?

- Потому что на Земле хватало своих проблем, - сказал Брант.

- А я думаю, потому что мы не могли вам ничего дать, - с вызовом проговорил Горан.

Брант набрал воздуха, намереваясь ответить, но передумал и лишь буркнул что-то с досадой.

- Что вы будете делать, когда мы вас покинем, капитан Якоб? - спросила Лотта.

- Починим «Клео» и отправимся в Климб.

- Вместе с Локуфой? - саркастически осведомился Брант.

- Мы подождем, пока Локуфа уберется отсюда. Он не будет торчать на острове вечно: вот-вот придет зима. Нас с Гораном он не найдет. А нам спешить некуда. Если мы задержимся с ремонтом, то вполне можем переждать самые злые зимние месяцы. На острове достаточно пищи и воды, чтобы жить тут сколько угодно. Конечно, дело не мое, но я бы и вам посоветовал не торопиться. Опасные времена и обстоятельства лучше пересидеть в спокойном месте. Я сумею укрыть

вас до тех пор, пока ищейкам не надоест тут рыскать.

- Зимовать в пещере? Нет уж, спасибо, - пробормотал Брант. - К тому же у нас есть задание, которое мы обязаны выполнить.

- Это задание называется «Гемм», - прошептал я совсем тихо, и только Брант, который сидел рядом, меня услышал.

Несмотря на свою неисчерпаемую мощь, Брант, кажется, тоже начал уставать. Во всяком случае, продолжать спор он не пожелал. А через некоторое время я услышал ровное дыхание крепко спящего человека.

- Капитан Якоб! - прошептал Гемм. - Это правда, что вы почините «Клео»?

- Правда, - шепнул я в ответ. - На самом деле это не слишком трудно и произойдет очень скоро.

* * *

О том, что преграждавшая дорогу вода ушла, я узнал по движению воздуха в тоннеле. Едва заметный слабый сквозняк превратился в ровный ветерок, дувший нам навстречу, и хотя Брант зажег и передал мне последний из своих светящихся стержней, особой нужды в нем не было: чтобы не сбиться с пути, достаточно двигаться точно на ветер.

Не сказать, что идти по тоннелю было легко: нам приходилось протискиваться в узкие щели сходящихся стен, ползком преодолевать места, где потолок опускался настолько низко, что не удавалось встать даже на четвереньки, однако мы без особых задержек двигались вперед, приближаясь к выходу. Полностью сосредоточившись на этом движении, я потерял счет времени да и не пытался его вести, но настал момент, когда впереди забрезжил свет. Ход постепенно расширялся, и наконец мы вышли на каменный берег дождевого водоема, на противоположной стороне которого светилась щель выхода.

Я ступил в воду первым - ее здесь оставалось примерно по пояс - и осторожно побрел по неровному дну. Однако, чтобы выбраться наружу под низким сводом выхода, пришлось присесть, погрузившись по горло. Очередное купание никому удовольствия не доставило.

Снаружи посветлело. Непогода не кончилась, но мощь уходящей бури ослабла, хотя по небу все так же мчались тучи, то и дело выжимающие из своей призрачной тверди дождевую морось. Вокруг были все те же мокрые скалы, камни и ни единого зеленого ростка.

- Куда теперь? - спросил Брант.

Я осмотрелся. Древний потухший вулкан, в теле которого неведомые создатели спрятали Станцию, был уже совсем рядом, его вершина изредка показывалась в разрывах низких туч. Было холодно, но усилия, которые приходилось затрачивать на преодоление каменных баррикад,

не позволяли нам замерзнуть окончательно. А скоро око урагана вновь одарило нас своей благодатью: дождь прекратился, и стихающий ветер вместе с показавшимся солнцем худо-бедно высушили нашу одежду. А когда холодный камень под ногами кончился и мы вступили в рощу, протянувшуюся до подножия горы, то почувствовали себя почти в безопасности.

Кустарник здесь был слаб и невысок, он не мешал нашему продвижению, и скоро мы вышли к лощине, вырезанной в склоне, словно кусок из пирога. Здесь я остановил наш отряд. Постепенно сужаясь, лощина превращалась в ущелье, заканчивающееся тупиком.

- Брант! - позвал я. - Если нас опередили и устроили засаду, мы попадемся, как тюлень каракатице.

- Я пойду проверю путь, - сказал он. - Ждите меня здесь.

- Нет, - задержал я его. - Мы разделимся. Ты пойдешь по левой стороне лощины, мы с Лоттой - по правой. Пусть Горан с мальчиком ждут нашего возвращения в кустарнике у склона: если с нами что-то случится, он сумеет укрыть Гемма и позаботиться о нем.

Брант ненадолго задумался и согласно кивнул:

- Отправляйтесь через три минуты после меня.

Он исчез мгновенно и бесшумно, будто растворившись среди ветвей. Отсчитав двести ударов сердца, я начал движение, позвав за собой Лотту. Мы осторожно переходили от укрытия к укрытию, стараясь не тревожить ни веточки, ни камешка, и я тут же убедился, что Лотта в этом искусстве превосходит меня многократно. Она скользила неслышно и гибко, а я едва тащился за нею. В конце концов ей это надоело. Лотта дождалась, пока я с ней поравняюсь, и негромко сказала:

- Капитан, оставайтесь здесь. Дальше я пойду одна.

- Хорошо, - согласился я, кое-как переведя дух.

Она собралась двинуться дальше, но я ее удержал, положив руку на плечо.

- Что будет с Геммом?

Я почувствовал, как под моей ладонью ее мышцы напряглись и тут же ослабли.

- Ему не причинят вреда, - нервно ответила она. - С ним ничего не случится, если он попадет к специалистам.

- Что с ним станут делать, чтобы достать из его головы эти самые секреты?

- Я не знаю, Якоб. Это очень сложно и... я не знаю.

- Но есть какая-то опасность?..

- Опасность есть всегда и повсюду, - быстро прервала меня она. - И здесь, сейчас, опасностей намного больше. Я пойду. Ждите меня.

Она двинулась вперед и мгновенно исчезла. А я поднялся и, совершенно не скрываясь, отправился туда, где остались Горан с

Геммом. Впереди никого быть не могло: ни Локуфа, ни ищейки не сумели бы пройти этот путь раньше нас. Все, что я затеял, было задумано лишь для того, чтобы поговорить с Лоттой наедине.

Они вернулись очень быстро.

- Там все чисто, - объявил Брант. Настроение у него заметно улучшилось. - Веди нас, капитан!

Они шли за мной, растянувшись цепочкой. Стены ущелья постепенно сближались, закрывая небеса, и когда наконец сомкнулись неодолимой, уходящей ввысь преградой, я остановился.

- Мы пришли, - объявил я.

- Где же Станция? - с волнением спросил Брант.

Я снял с шеи цепочку с диском, подошел вплотную к скале и принялся искать трещину, которую когда-то показал мне Герсебом. Однако трещин в камне оказалось сколько угодно, и какая служила для моего диска замочной скважиной, хоть убей, я вспомнить не мог. Я ощупывал скалу пальцами, тыкал в трещины ребром диска, но безуспешно. Брант и Лотта с подозрением следили за моими манипуляциями.

- Сейчас, сейчас, - бормотал я и принимался исследовать следующий участок.

- В чем дело, Якоб? - спросила Лотта.

- Я не помню, - признался я. - Не могу найти замок. Мы с Герсебомом были здесь всего один раз, и я...

Теперь мы искали нужную трещину втроем. Лотта и Брант осматривали поверхность скалы с помощью крохотных, толщиной в палец, фонариков, но они помогали мало. Все трещины были похожи друг на друга; ни одна не выглядела как результат человеческого воздействия на тысячелетний камень.

Я почувствовал легкое прикосновение к плечу и обернулся. Рядом стоял Гемм. Он вдруг приложил ладонь к скале и повел тихо и осторожно, словно гладил шершавую поверхность. Отошел на шаг в сторону и повторил то же самое в другом месте. Движение его руки замедлилось...

- Здесь по-другому, - сказал он.

- Что по-другому? - раздраженно осведомился Брант.

- Не знаю... но скала здесь почему-то другая.

Трещина как трещина. Тянулась примерно на полметра, разветвляясь на несколько отростков. Я сунул в нее краешек диска и осторожно повел вниз. Диск двигался без задержки, и вдруг будто кто-то, поджидавший там, внутри каменной тверди, выдернул диск из моих пальцев. От неожиданности я вскрикнул, попытался схватить ускользающий кончик цепочки, но она уже исчезла вместе с диском.

- Что случилось? - воскликнул Брант.

В полной растерянности я стоял перед скалой, не зная, что делать. Брант и Лотта Молча смотрели на меня. В глазах первого загорался

гнев, в глазах Лотты - тревога. Однако слов, которые наверняка приготовил для меня Брант, мне услышать не пришлось, потому что часть скалы мягко, без шума и скрежета отъехала в сторону, открыв проход в рост человека.

- Говорил же, что все будет в порядке, - брякнул я совершенно не к месту и первым шагнул в проход.

Длинный тоннель освещался льющим с потолка неярким светом, гладкие, ровные стены оказались теплыми на ощупь. Тоннель был прямым, без поворотов и ответвлений, и вскоре привел нас к следующей двери, обычной на вид, которая распахнулась от легкого нажатия. За ней открылся большой, круглый зал. В стенах его справа и слева имелись еще две двери, а у противоположной от нас стены стояла Машина.

Брант нетерпеливо отстранил меня и бросился к устройству. Некоторое время он что-то делал, поворачивая выступы.

- Лотта, опознаватель! - крикнул он, принял из ее руки диск с вырезом, ткнул в открывшееся отверстие и отступил на шаг, наблюдая за темными значками, бегущими по засветившейся на передней панели полосе.

- Время активации перехода - тридцать семь минут, - непонятно для меня сообщил он.

Полоса на панели тем временем меняла цвет - то вспыхивала ярче, то становилась более тусклой. Мы завороченно смотрели на это, не оборачиваясь и забыв обо всем прочем.

И совершенно напрасно.

- Все-таки мы успели вовремя, - раздался за нашими спинами голос.

Я обернулся и увидел обоих наемников, тех самых, что подошли ко мне в подвальчике Фарнифа несколько дней назад, ныне довольных и ухмыляющихся. Вслед за ними в подземный зал вбежали вооруженные люди, а последним неторопливо вошел Локуфа - огромный, толстый, с бородой, начинавшейся чуть не от самых глаз, сквозь которую сверкали в довольной ухмылке зубы.

- Брант, неужели ты надеялся от нас уйти? - осведомился старший из ищеек. - Вы все, отойдите от транслятора!

У обоих в руках, словно ниоткуда, появились короткие пистолеты, похожие на тот, что я видел у Лотты. Мы отступили вправо, сгрудившись тесной кучкой. Лотта и Брант закрывали Гемма своими телами.

- Мы не жаждем крови, Брант, - сказал старший. - Вы отдадите нам мальчика и можете отправляться, куда пожелаете. После нас, разумеется. Ресурса этой Станции хватит еще на десяток переходов, так что беспокоиться вам не о чем.

- Вас будут искать по всему космосу, - угрожающе проговорил Брант. - Вы не представляете, какие силы бросит федерация, чтобы наказать

ваших хозяев.

- Это уже не наша забота, - ответил человек со шрамом на подбородке. - Мы всего лишь делаем свое дело. Как и ты, Брант. Именно поэтому я не держу на тебя зла, хотя по твоей вине погибли несколько моих товарищей.

- И моих тоже, - ответил Брант. - По твоей вине.

- Мы оба делали свое дело, - повторил человек со шрамом. - Отдай мне мальчика и отправляйся домой.

Пока происходил этот разговор, люди Локуфы придвигались все ближе, а потом четверо внезапно бросились на ищеек, совершенно не ожидавших нападения со стороны своих союзников, обезоружили их и толкнули к нам. Остальные ружья нацелились на нас и на обоих вчерашних преследователей.

- Локуфа, что ты задумал? - осведомился старший наемник. Страх в его голосе не было - одно лишь спокойное недоумение. - Мы хорошо заплатили тебе и твоим людям. Ты нарушаешь наше соглашение.

- Я его меняю, - ответил Локуфа. - Ты скрыл от меня самое главное. Этот мальчишка стоит намного дороже.

- Сколько ты хочешь?

- Пока не решил, - ухмыльнулся Локуфа. - Я должен подумать. Скажем... в десять раз больше.

- Ты все получишь, - согласился старший наемник. - Деньги будут ждать тебя в Климбе после того, как один из нас уйдет отсюда с мальчиком.

- Нет, не так, - покачал головой Локуфа. - Уходить вы можете хоть все сразу. Но мальчишку мы заберем с собой. Он вернется к вам, как только я получу всю сумму.

- Возьми в заложники меня, - предложил наемник. - Поверь, моя цена достаточно высока.

- Мальчишка останется здесь! - рявкнул Локуфа. - И по-другому не будет.

- Как скажешь, - пожал плечами старший. - Я подчиняюсь твоему решению.

А затем произошло такое, чего я никак не мог ожидать. Все четверо - и преследуемые, Брант и Лотта, и преследователи, человек со шрамом и его напарник, - одновременно взорвались действием, словно единый организм. Трое мужчин бросились в ноги бандитам Локуфы, сбивая подкатом по двое за раз, словно гнилые столбы. Лотта, из ладони которой будто вырос пистолет, с удивительной скоростью и точностью всаживала пули оставшимся в середину лба. И первым, получившим пулю, оказался Локуфа. Брант и наемники-ищейки тем временем сокрушали хребты, шеи и ребра тем, кто делал жалкие попытки сопротивляться. Все совершалось быстро и должно было закончиться меньше чем за минуту, но в течение этого короткого времени я успел

шепнуть на ухо Гемму несколько слов и подтолкнул его к боковой двери, от которой нас отделяло всего несколько шагов...

Последний хрип и последний стон смолкли. От Локуфы и его людей больше ничего в этом мире не осталось. Наемники и Брант взглянули друг на друга с одинаковым выражением одобрения. А потом одновременно посмотрели на нас.

- Где мальчик? - спросил человек со шрамом.

Лотта растерянно повернулась ко мне.

- Гемм побежал туда! - завопил я. - В эту дверь! Скорее! Там пропасть!

И Горан тоже закричал:

- Он побежал туда!

Мы бросились к двери, но Брант и оба наемника оказались быстрее. Отшвырнув нас в сторону, они ворвались в темный коридор, и когда я вбежал туда вслед за ними, то услышал лишь удаляющийся топот ног.

Сильная рука ухватила меня за плечо, развернула и прижала к стене.

- Куда он побежал? - спросила Лотта. Сейчас ее слова звучали не хрупким звоном хрусталя, а голосом смертельно опасной стали. Я осознал, что любая моя попытка сопротивляться будет подавлена решительно и мгновенно.

- Я был там только один раз, - пробормотал я. - Коридор кончается в пещере, там - пропасть без дна. Нужно его остановить...

Дальше слушать она не стала, отпустила меня и исчезла, словно тень. Мы с Гораном поспешили следом. Этот коридор освещала лишь тусклая полоска-путевод на правой стене, да и она кончилась через сотню шагов, и дальше мы брели вслепую, пока не увидели метавшиеся блики фонарей там, где коридор выводил на неровную каменную площадку, за которой была лишь пустота.

Там, внизу, лениво вздыхала океанская вода, проникшая в сердце горы сквозь подземный тоннель. А на краю площадки стоял Брант. Оба наемника были рядом. Старший держал младшего: наклонившись над провалом, тот светил туда фонарем. Я осторожно подошел и заглянул. Свет легко рассекал темноту до медленно колышущейся воды. На ее поверхности плавала куртка Гемма...

* * *

Мы снова стояли в зале, заваленном мертвыми телами.

- У нас с тобой ничего не получилось, Брант, - с коротким смешком сказал старший наемник.

- Это вы его убили! - крикнула Лотта. - Он погиб из-за вас! Ты не понимаешь, что вы совершили.

- Ну-ну, - поднял открытую ладонь старший. - Я прекрасно знаю, что

бы произошло с мальчиком, окажись он в вашей лаборатории.

- Он бы остался жив, - сказала Лотта.

- Только это был бы уже совсем другой мальчик, уважаемая Лотта, разве не так? Вы бы не стали ждать, пока он вспомнит все сам, без посторонней помощи. Ведь это несколько лет, а ждать, как я понимаю, никто не намерен...

- Он бы остался жив, - повторила она.

- Конечно, - улыбнулся человек со шрамом. - Без воспоминаний, без чувств. Полагаю, в некотором отношении можно сказать, что он был бы вполне счастлив.

- А разве вы лучше?

- Я? - удивился человек со шрамом. - Мы должны были только найти Гемма и доставить его тем, кто нас нанял.

- Ну конечно! - воскликнула Лотта. - А дальнейшее вас уже не касается.

- К чему эти упреки? - мирно произнес старший наемник. - Нам нет никакого смысла ссориться. И мы, и вы провалили задание. Вы вернетесь и получите то, что, по мнению вашего начальства, заслужили: вас понизят в должности или отправят смотрителями в такие же захолустья. Может, кто-то из вас получит место как раз здесь, на Грете... Но нам тоже достанется. И побольше, чем вам. У нас другие условия контракта. Поэтому, пожалуй, мы не вернемся. Поищем что-нибудь поспокойнее. Брант, вы не возражаете, если мы отправимся после вас?

- Да как хотите, - сказал Брант. - Мне плевать. Какая теперь разница.

Он шагнул к машине, ткнул пальцем в одну из выпуклостей и повернулся к Лотте.

- Все готово, мы можем уходить.

Никто из них не счел нужным попрощаться ни со мной, ни с Гораном. Лотта лишь смотрела мне в глаза и не отрывала взгляда, пока не пропала вместе с Брантом в неяркой вспышке.

Я отвернулся и обнаружил, что оба наемника наблюдают за мной то ли с сожалением, то ли с иронией.

- Ты будешь долго ее вспоминать, капитан Якоб, - сказал старший.

- Вас я тоже не забуду, - буркнул я.

Они переглянулись и засмеялись.

- Вот и хорошо. Нам пора уходить. Жаль, что так и не удалось отведать моллюсков на вертеле. Желаю тебе выбраться живым с острова. Прощай, капитан!

Они подошли к машине и исчезли. А светлая полоса на теле машины погасла, и в тот же миг мы с Гораном поняли, что в зале постепенно начал меркнуть свет.

Я подошел к распахнутой двери в тоннель и негромко окликнул:

- Гемм! Они убралась отсюда.

* * *

Было холодно, но солнечно. «Клео» плавно покачивалась на мягких волнах бухты, сверкая свежей заплатой на боку. В трюме методично чавкала помпа: Гемм старательно откачивал воду. С берега доносились запахи: где-то там, спрятавшись от ветра, Горан жарил на костре последний для нас на этом острове обед.

То, что я шепнул Гемму, когда в зале Станции происходила схватка между бандитами Локуфы и пришельцами, он услышал, понял и выполнил точно. Добежал до пропасти и спрятался в расщелине. Швырять вниз свою куртку я ему не советовал - это он сам придумал. А потом, когда все утихло, Гемм вернулся к нам.

Из того, о чем говорили Брант и наемники, я понял: когда-нибудь Гемм вспомнит, что завещал его отец. Если захочет. Если ему это понадобится. Только решать будет он сам. И пока он займется лишь тем, что ему нравится. А нравится ему плавать вместе со мной и Гораном на лучшем судне побережья. Вот так мы с Гораном приобрели неплохого юнгу, из которого когда-нибудь, возможно, получится капитан.

Туп-туп, туп-туп - стучала помпа и вдруг смолкла. Крышка трюмного люка откинулась, и над палубой показалась голова Гемма.

- Капитан Якоб! - позвал он. - Воды в трюме больше нет.

На берег вышел Горан. Забравшись в ялик и осторожно пристроив меж банок вертела с дымящимся мясом молодой каракатицы, он оттолкнулся веслом от берега и развернул лодку носом в сторону «Клео».

- Юнга, на борт! - крикнул я. - Принять шлюпку! Готовиться к отплытию!..

Гемм выскочил из трюма и побежал встречать Горана.

НИКОЛАЙ РОМАНЕЦКИЙ

ТРЕТИЙ ВИРАЖ

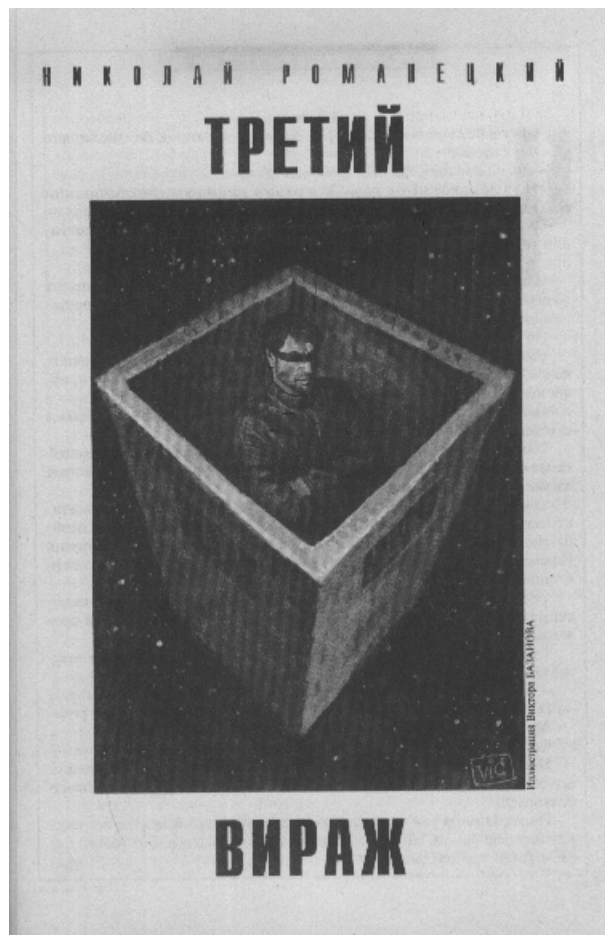

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

1. Симон

Челнок пристыковался к борту «Нины» мягко, без малейшего толчка. Слава богу, финиш! Все-таки удалось!

Симон перевел корабль в режим ожидания и отключился от интерфейсам На. предыдущих маршрутах, финишировав, он неторопливо выбирался из кресла и удовлетворенно потягивался.

Но не сегодня...

Пассажиры лежали в ячейках и в ус не дули. Если можно так назвать пребывание в транспорт-коме... На всех предыдущих маршрутах пассажиров ждало скорое пробуждение.

Но не сегодня...

Симон разблокировал люк кабины пилота, навялил на глаза очки и, не сходя с места, принялся ждать гостей. И когда люк распахнулся, облегченно вздохнул.

Парамонов разберется, что случилось с его воспитанником. Небось сам явился на борт, собственной персоной...

Однако вместо академика Парамонова в кабине появились пятеро неизвестных. Широкие плечи, резкие движения, целеустремленные

взгляды... Люди явно военные, хотя и в штатском.

Следом за ними через комингс переступил незнакомый парень в такой же, как у Симона, синей форме с шевроном на правом рукаве, изображающим стилизованную Галактику. Физиономию его, как положено, украшали черные очки. Такие же, как у Симона. Знак принадлежности к касте.

Свой брат, соратник... Значит, решили повторить рейс сразу, без перерыва. Ну и правильно. Пассажиры даже ничего не заметят. Ни претензий не будет, ни скандалов, ни исков. Шито-крыто...

Симон поднялся из кресла. Один из штатских гостей шагнул к хозяину и отчеканил:

- Пилот Перминов, сдайте корабль пилоту Иванову. И следуйте за нами. Вы арестованы!

В руках его были силовые браслеты.

Симон ждал чего угодно, но только не ареста.

Недолгая передача управления прошла под строгим приглядом штатско-военных. Покидая кабину с браслетами на запястьях, Симон оглянулся.

Пилот Иванов уже включил кормовой монитор. В центре его сиял голубой шар Земли. Штатско-военные тоже видели его. Вот только для этого им не требовались очки.

* * *

Симон сразу понял, что ошибся. Рейс «Сол-Альциона» он совершал не впервые, и обнаружить, что на финише отсутствуют знакомые реперные точки, не составило большого труда. Ярких белых звезд, какими в фи-пространстве кажутся черные дыры, не было и в помине. Как не наблюдалось и той разноцветной картинки, которая предстает взгляду пилота, оказавшегося внутри Плеяд...

К счастью, он не запаниковал. Хотя именно от него теперь зависела судьба четырех сотен человек, пребывающих в транспорт-коме. Нет, их он не видел - они слишком мелки для пилотского взгляда, живущего в фи-пространстве, - просто знал, что они рядом. Как знает всякий пилот, проводящий пассажирский корабль сквозь фрактальное отражение Галактики. Будить их не имело никакого смысла. Во-первых, они оказались вовсе не там, где собирались. А во-вторых, ничем не могли помочь.

Сейчас помочь могла разве только инструкция, которая требовала в случае ошибки вернуться в точку старта, да собственное самообладание. Впрочем, о необходимости сохранять его в инструкции тоже говорилось.

Симон считал, что инструкцию создавали весьма

предусмотрительные люди, ибо он никогда не слышал, чтобы пилот ошибся. Да и сам всегда попадал, куда требовалось. До этого случая...

Однако если инструкция создавалась на основе реальных случаев, значит, совершившим ошибку пилотам удавалось выбраться из нештатной ситуации, и это понимание вдохновляло Симона.

Сия уверенность сопровождала его, пока он вновь переключал биоинтерфейс в транспортный режим, пока проводил корабль сквозь фрактальные ковры обратного маршрута. И он не удивился, когда отыскал единственное сочетание фи-множеств, присущее только одному месту во Вселенной - родимой Солнечной системе.

* * *

Впервые Симон увидел доктора Парамонова еще в приюте для сирот, из которого мальчишкой сбегал пять раз. Много позже он узнал, что эти побеги и привлекли к нему внимание Константина Сергеевича.

Тому перевалило за девяносто, но он был весьма крепким стариком с ясным взглядом. Впрочем, тогда Симон не задумывался ни о возрасте доктора, ни о его взгляде - семилетних пацанов, потерявших разом и отца, и мать, такие мысли не посещают. Константин Сергеевич был просто старым дядькой, приласкавшим Симона. Результатом этой ласки стало зачисление в Школу пилотов.

Потом была учеба. Классическая математика. Сложить, вычесть, дифференциал, квадрат гипотенузы равен... Фрактальная алгебра... Множества Мандельброта и Жюлиа, бассейны Ньютона... Фрактальная геометрия... Снежинка Коха, кривые Леви и Гильберта, треугольник и ковер Серпинского... И прочее, и прочее, и прочее... Классическая физика... Архимед, Ньютон, Эйнштейн... Физика фи-пространства... Кантор, Ди Джорджио, Грэм... И прочие, и прочие, и прочие...

Доктора Парамонова Симон встретил снова, когда будущему пилоту начинали переливать наноциты. Процесс реформации только-только пошел, и Симон увидел Константина Сергеевича еще собственными глазами. Очки пока не требовались.

- Вас ждет блестящее будущее, молодой человек, - сказал доктор Парамонов. - Вы станете лучшим пилотом человечества.

Прозвучало это безо всякого пафоса, голос доктора был усталым и будничным. Наверное, поэтому Симон и поверил ему. Сразу и навсегда.

Эта вера и сделала его хозяином фрактального континуума.

* * *

Куда именно штатские доставили арестанта, Симон не имел ни малейшего представления - без корабельного интерфейса он был почти обычным человеком. Почти...

Камера оказалась одиночной, но какого пилота взволнует собственное одиночество!

Тем не менее душу Симона сжимало предчувствие большой беды. И ощущение гигантской несправедливости. В конце концов, он вовсе не намеревался привести «Нину» туда, куда привел. К тому же никто в результате инцидента не пострадал. Иначе одного пилота не заменили бы другим. Да и Симон стал бы первым, кому медицинская система корабля доложила о гибели пассажиров. Фрактал-пилот - он не только пилот, он капитан судна и отвечает за все, что происходит на борту. И обо всем, что случилось, узнает немедленно. Ибо в фи-пространстве только он способен существовать без вреда для здоровья. Потому всех - и пассажиров, и стюардов, и корабельных инженеров - отправляют в транспорт-кому...

В придачу, пока об ошибке пилота не прознали средства массовой информации, ничто не грозит и репутации родной компании. А какой пилот захочет облажаться настолько, что проболтается журналистам о собственном промахе. После этого путь во фрактал-конт ему заказан...

Так с какой стати его... как это называется?.. изолировали от общества!.. Ладно, надо думать, скоро... как это называется?.. вызовут на допрос. Вот там наверняка все и прояснится - и в чем его обвиняют, и что грозит...

Однако до отбоя его на допрос так и не вызвали. А потом точно так же, в полном одиночестве, прокатился по арестанту и следующий день.

* * *

Корабль, который Симон водил по Галактике, имел официальное имя «Змееносец». Но пилот называл его «Ниной». Он и сам не знал почему.

С Ниной он встретился в самом начале реформации.

Константин Сергеевич к тому времени уже сказал будущему пилоту, что ему незачем заводить знакомство с женщинами. Жизнь пилотская - это просторы фрактал-конта, и ему совершенно не нужны обычные человеческие отношения. Однако девушка настолько понравилась Симону, что он позволил себе познакомиться с ней.

И было несколько дней, наполненных удивительным чувством единения с другим человеком. А потом оно закончилось. Но не потому, что он надел черные очки (наноциты делали положенную работу, и глазные яблоки уже превратились в субстанцию, совершенно не отражающую свет, сделав глаза абсолютно черными, не способными

более улавливать фотоны, но зато прекрасно различающими «краски», наполняющие фи-пространство), а девушка, стянув очки с носа парня, перепугалась не на шутку его новому виду. Перепугаться-то она перепугалась, но вовсе не собиралась расставаться с ним, о чем сразу и заявила.

Они встретились еще несколько раз, но с каждым разом чувство единения уменьшалось, а потом и вовсе исчезло. Наноциты закончили реформацию человека во фрактал-пилота, которому женщины вовсе не требовались. Ни для каких целей...

А потом пилот покинул Землю, чтобы никогда уже на нее не вернуться. Но корабль, к которому его приписали, в душе называл «Ниной».

* * *

Помещение, в котором заперли Симона, оказалось невелико по размерам - не больше четырех квадратных метров. У стены - койка, на которой он, вытянувшись во весь рост, едва помещался, да крохотный столик. В туалет выводили нечасто. Но не это оказалось самым тяжелым в новой жизни. Хуже всего была неизвестность. На допрос по-прежнему не вызывали. Возможно, анализировали контрольные записи, полученные с интерфейса «Нины»...

Часы у Симона отобрали еще при аресте, и потому он представления не имел, как долго уже длится заключение. Ведь пищу могли приносить не через каждые шесть часов, а гораздо реже. Впрочем, от голода он не страдал, ибо неизвестность прекрасно отбивала аппетит.

Очень скоро Симону стало казаться, что с момента ареста прошел уже не один месяц. И хотя он понимал, что такого не может быть, но как часто собственные измышления кажутся нам реальнее любой реальности!..

Время шло. Постепенно арестанта совершенно перестали волновать причины случившегося с ним в последнем рейсе, а на первый план вышла жажда свободы. Вырваться из этих стен - любой ценой вырваться! А там будь что будет! Даже если больше не позволят летать!

Хотя что значит «не летать» он не очень себе представлял. Кому нужен нелетающий пилот?..

И снова время шло.

Безделье изматывало не меньше неизвестности. Оказывается, сидеть в четырех стенах тюремной камеры - совсем не то, что в пилотской кабине. И настал момент, когда с Симоном осталось только одно желание - снова подключиться к интерфейсу.

После очередного завтрака за ним пришли.

2. Нина

- Перминов улетел, - сказал Константин Сергеевич. - К Альционе. А потом вернулся назад, в Солнечную систему. Так что кризис миновал. Пилот пошел на второй вираж...

- Его специально снова отправили в Плеяды? - спросила Нина.

- Да, конечно. Чтобы он обрел уверенность, поняв, что преодолел оказавшийся неудачным маршрут.

Нина чувствовала себя ответственной за происшествие, ибо именно она курировала результаты периодических медицинских обследований пилота Симона Перминова. И академик, судя по всему, прекрасно понимал ее состояние, потому что сказал:

- В случившемся нет вашей вины, Ниночка. Хотя мы и занимаемся фрактальным континуумом более ста лет, но наука далеко еще не во всем разобралась. А главная проблема - в самих наших подопечных. Слишком мало рождается людей, способных реформироваться в пилотов, и мы вынуждены держаться за каждого. Будь их больше, Перминова просто списали бы, и вся недолга. Но в нынешней ситуации, если мы примемся списывать каждого, с кем случился кризис, у нас очень скоро не останется пилотов. И это будет катастрофа для человечества... А ваше предложение по выбору психологического лечения прекрасно сработало. Временное заключение под стражу привело к тому, что у Перминова возникла неутолимая жажда свободы, и его способности ориентироваться в фи-пространстве вернулись к нему в прежнем объеме.

Нина поморщилась.

Так-то оно так... Но заключить под стражу невиновного человека!

- Я знаю, что именно вам не нравится, - продолжал Парамонов. - Вам кажется, будто пилот пострадал, что его права были нарушены. - Академик мягко улыбнулся. - Но если бы мы поставили во главу угла его гражданские права... Пилот был бы потерян. А я думаю, что возвращение пилотских возможностей гораздо важнее. В том числе и для самого Перминова.

Конечно, по профессиональной логике академик был прав. Но чисто по-человечески арест все же был явным перебором.

- И не забывайте вот еще о чем, дорогая Ниночка... Все-таки пилоты - не совсем люди.

Этого он мог бы и не говорить. Уж кому-кому, а Нине было прекрасно известно, что пилот - не совсем человек. Существо в мужском обличье, но совсем не мужчина.

Она вспомнила свою первую встречу с Симоном Перминовым.

Встреча только для пилота была случайной. Но Нина-то знала, что это не так. Для того и организовали знакомство, чтобы куратор могла оценить глубину и течение реформации. Куратор шла выполнять профессиональную работу. Но влюбилась в своего подопечного. И на себе испытала происходящую с будущим пилотом реформацию. Она понравилась этому парню - любая женщина чувствует это. Как и то, что вскоре перестала нравиться. Впрочем, тут было иное. Наноциты очень быстро сделали так, что ему перестала нравиться любая женщина, он попросту перестал ощущать то, что в просторечии называют словом «нравиться»...

И еще тогда Нина испытала вину перед ним.

Конечно, она была слишком молода, чтобы справиться со своими чувствами. С ними совладало только время. И слава богу! Не зря говорят, что время лечит. Любовь оно излечило. Но не вину...

- Константин Сергеевич, - Нина немного поерзала на стуле, поправила на коленях юбку, - а что если с ним случится новый кризис?

Академик ответил честно:

- Не знаю, Ниночка. С большинством пилотов и первого-то не происходит. А уж второй - явление исключительно редкое.

- Но, как я понимаю, такие случаи происходили.

Теперь поморщился Парамонов. Как будто его в чем-то обвинили...

- Происходили. За целый век около двухсот пятидесяти раз. Точнее - двести сорок семь...

- И?..

- Третьего виража не последовало. Возможности у пилотов не восстановились. Их пришлось списать.

«Списать, - подумала Нина. - Обычно так говорят о материальных ценностях. А тут люди, дьявол нас всех возьми!»

- Скажите, а почему же об этом мне ничего не известно?

- Потому что это закрытая информация. - Парамонов снова поморщился. И перешел на «ты». - И тебе, Ниночка, не стоит в ней копаться. На войне существует закон: если для спасения ста человек требуется принести в жертву десять, этих десятерых необходимо отправить на смерть.

- Так то на войне, Константин Сергеевич.

Лицо академика стало строгим.

- А мы и есть на войне, девочка! Человечество всю свою историю воюет с природой, и никогда тут не обходилось без жертв.

Нина не удержалась и фыркнула:

- Но ведь пилоты не гибнут, потеряв свои способности.

- Все равно что гибнут, - оборвал ее академик. - Потерявший способности пилот недолго задерживается на белом свете. Он даже не в состоянии учить молодых. Осознание бессмысленности такой жизни быстро сводит его в могилу.

- И тем не менее они не погибшие воины. Скорее, раненые. А раненых положено лечить.

- Что ты имеешь в виду?

- Неужели никому не приходило в голову, что если существует прямая реформация, то должна существовать и обратная? По крайней мере, теоретически.

Академик неожиданно улыбнулся:

- Ты права, теоретически должны существовать наноциты, способные вернуть пилота в состояние обычного человека.

- А почему мы этим не занимаемся?

- Потому что такую работу никто не станет финансировать. Она экономически необоснована. Гробить миллионы на то, что может потребоваться считаному количеству людей. Экономика - тоже наука, и мы вынуждены подчиняться ее законам. Иначе с нас спросят за волюнтаризм. - Академик снова улыбнулся. - Я это к чему говорю... чтобы ты поняла: официально заниматься этой проблемой тебе никто не разрешит.

- Да откуда вы знаете, Константин Сергеевич? - не выдержала Нина. - Грош цена экономике, если из-за этой науки человек не имеет права на спасение...

Парамонов жестом заставил ее замолчать.

- Тише, тише, не заводись... Я знаю оттуда, что когда-то сам пытался привлечь внимание руководства к проблеме потерявших способности пилотов. Однако мои задумки реализовать не удалось. - Он поднял руку с оттопыренным указательным пальцем. - Тебе же повезло. У тебя совсем другое руководство! Готовь план исследований! Только не болтай об этом на каждом углу, а то у тебя закончится тем же, чем и у меня.

И Нина поняла, что академик прикроет ее своим авторитетом. Болтать же и в самом деле ни к чему. Вот когда будут первые результаты... Победителей, как известно, не судят!

3. Двадцать лет спустя

Профессор Нина Матвеевна Круглова летела к орбитальному городу Гагарину, на новую встречу с пилотом Перминовым. Вернее, теперь уже с бывшим пилотом...

Нине Матвеевне в общем-то в жизни везло. Хотя для успеха было приложено немало собственного труда. В юные годы Нина с отличием окончила специальный факультет Медицинской академии, где преподавал сам академик Парамонов, светило мирового масштаба, автор трудов по проблемам человеческого организма во фрактальном

континууме. Отбор на спецфакультет был жесточайшим, но абитуриентка прошла все рогатки и препоны. За время учебы Нина проявила незаурядный ум и трудолюбие, в результате академик взял ее работать в стены своего главного детища - Института космической медицины. А потом, много лет спустя, разрешил заняться проблемой обратной реформации.

Проблему в конце концов удалось решить. Наноциты соответствующего характера были созданы. Одна беда - проверить их действие было невозможно. Никто бы не позволил профессору Кругловой рисковать жизнью работающего фрактал-пилота.

И потому пришлось ждать, пока кто-либо из этих «ласточек Вселенной» сделается неработающим. Да не просто неработающим, а настолько, что опробованные методы психологического воздействия будут бессильны! Кому нужна фрактал-химия, если работает психология!

И вот, наконец, нашелся раненый, которому опробованные методы лечения уже не помогали.

Перминов снова потерял свои способности, и никакого выхода у него не оставалось. После чего академик Парамонов выдал профессору Кругловой карт-бланш на применение обратной реформации.

Дело теперь за малым...

За ним она и летела к Гагарину.

* * *

Перминов выслушал профессора молча. Даже понять, слышит ли он ее объяснения, было невозможно. Глаза пилота скрывались за черными очками. Да и не будь очков - толку нет, поскольку под очками прячется вовсе не человеческий взгляд. Уж ей-то это известно!

- Так что вы скажете, Симон? - спросила Нина Матвеевна, когда молчание стало невыносимым. - Согласны?

- Нет, - коротко ответил пилот.

- Но почему?!

- Мне это не нужно.

- Но почему? - повторила Нина Матвеевна.

Симон пожал плечами, и это движение подсказало Кругловой, что в сидящем перед ней существе еще осталось что-то человеческое. А значит, можно применить опробованные методы психологии. Пусть не к лечению, а всего лишь к подготовке лечения. Что называется «надавить на совесть».

- Послушайте, Симон... Если вас не волнует собственная судьба, подумайте о других. Кроме вас в мире существуют и другие пилоты. То, что случилось с вами, может произойти с кем-нибудь из них. Такие

вещи бывали. Хоть и крайне редко...

- Никогда не слышал ни о чем подобном! - сказал Перминов.

- Разумеется. Это вообще закрытая информация. Да и... э-э... заболевшие не рассказывают никому. Они просто умирают от безысходности. А вы можете дать им шанс выжить. - Профессор не удержалась и добавила: - И станете героем науки. Не побоюсь этого слова!

Перминов снял очки, как будто больше не хотел видеть собеседницу. Впрочем, бездонно-черные глаза уже не пугали Нину Матвеевну.

- Плевал я на вашу науку, - голос Перминова по-прежнему оставался равнодушным. Голос, но не он сам. - Для любого пилота главное - летать. И если фрактал-конт недостижим, то и жизнь такая не нужна.

Разговор между пилотом и профессором длился еще с четверть часа. А потом Перминов встал из кресла:

- Это вы хотите стать героем науки. Не побоюсь этого слова... Простите, но нам не о чем больше разговаривать!

Он снова спрятал глаза за очками. И пошел прочь.

«Что ж, - подумала Нина Матвеевна, стискивая пальцы. - Хоть я тебя и любила когда-то, но ты - нечеловек. А значит, с тобой вполне можно поступать по-особому. Чего не добиться доброй волей, то доступно с применением силы. Для блага других можно взять на себя такой грех».

И она связалась с командиром специального подразделения, ожидающего исхода переговоров.

- Действуйте, капитан!

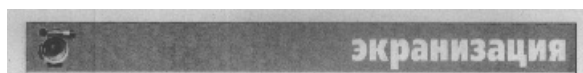
- Есть, профессор!

Нина Матвеевна снова стиснула пальцы.

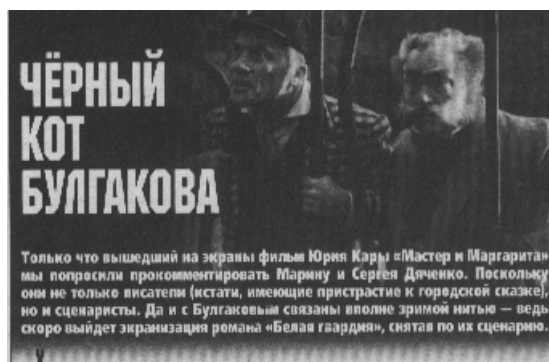
Ей было жаль Перминова. Но познание требует жертв. Тем более от нечеловека.

Видеодром

экранизация

ЧЕРНЫЙ КОТ БУЛГАКОВА

Только что вышедший на экраны фильм Юрия Кары «Мастер и Маргарита» мы попросили прокомментировать Марину и Сергея Дяченко. Поскольку они не только писатели (кстати, имеющие пристрастие к городской сказке), но и сценаристы. Да и с Булгаковым связаны вполне зримой нитью - ведь скоро выйдет экранизация романа «Белая гвардия», снятая по их сценарию.

Хорошее вино, как известно, от хранения приобретает глубинный букет, Картины и статуи, покрываясь патиной, обретают дополнительную ценность.

История отечественного кино знает немало примеров, когда от зрителя прятали фильмы, а они и через годы вспыхивали сверхновой. Язык кино развивается стремительно, актуальное быстро стареет, но великие фильмы способны, подобно Бенджамину Баттону, молодеть с годами.

И вот на экраны вышел фильм Юрия Кары - с отсрочкой в 17 лет. Он затаился не из-за цензуры: коммерческие споры между режиссером и продюсерами фирмы ТАМП, иски наследников... Не будем говорить об этом, ибо до конца не ведаем. Может, и мистика тут замешана, Михаил Афанасьевич - он такой, он может...

С каким же чувством отправляется зритель в поход на фильм, который наконец-то вышел на экраны? Скорее всего, надежды. Ведь известно, что в фильме представлен непревзойденный актерский состав, а композитор - сам Альфред Шнитке, и снималась картина не только в Москве и Крыму, но и в святых местах Израиля.

Правда, вызывала опасения фигура режиссера, снявшего фильм «Воры в законе», получивший на одном из кинофестивалей «Премия трех К» (конъюнктура, коммерция, китч). Но тот же Кара знаком нам и по картине «Завтра была война» - волнующей, светлой и трагичной.

Информированный зритель помнит, что об этой экранизации мечтали большие режиссеры - Климов, Рязанов, Быков, Наумов, Тарковский, - но так и не смогли скомандовать «Мотор!». Гениальный Анджей Вайда снял картину «Пилат и другие»... и провалился, превратив мистику в

политику. На той же mine подорвался Владимир Бортко в «Мастере и Маргарите». Режиссер, сумевший передать тончайшие нюансы булгаковской прозы в «Собаьем сердце», перегрузил свой сериал бериевскими красками, дописав их за автора. Не затронул сердце и польский телесериал режиссера Войтышко (1990). Из всей «киномастериады» запомнился лишь давний фильм Александра Петровича «Мастер и Маргарита» (1972). Югославский режиссер соединил в фильме собственно «Мастера...» и «Театральный роман», изобразив в виде Мастера-Максудова самого Булгакова, описав его травлю, проникновенно передав гнетущую атмосферу 1930-х годов. После этого режиссера Петровича подвергли остракизму, он вынужден был переехать в ФРГ, фильм же запретили в России на долгие годы. Сейчас этот шедевр, с потрясающими ролями Уго Тоньяцци и Мимси Фармер, с музыкой Эннио Морриконе, несправедливо заперт в гетто «авторского кино»...

Но вернемся к Юрию Каре. В прокат он согласился выпустить двухчасовую версию, вместо трехчасовой авторской - та ждет своего срока на DVD. Так что будем судить о фильме по сокращенному варианту.

* * *

Сразу после сеанса между авторами этих строк случился раскол. Поэтому лучше не пытаться усреднить их мнение, а предоставить слово каждому.

- Вот что значит великие актеры! Как играет Ульянов: почти весь фильм у него закрыты глаза. Мутно глядит на Иешуа, но проходит головная боль - и вдруг открываются глазищи, да какие... На Гафта можно смотреть часами, даже когда он молчит. Хорош и Бурляев - спокойный и просветленный еще со времен «Андрея Рублева».

- Пожалуй, лишь Ульянов показался мне убедителен, монументален, несмотря на дешевизну костюмов, сшитых для игемона в студийных ателье. А вот любимый мною Гафт хорош, конечно, но почему он похож в начале фильма на какого-то базарного жулика с молдавским акцентом? Переживает он и далее... Что за нелепый смех в кадре и за кадром? А что до Бурляева... Да, это Иешуа, ему веришь. Но уж слишком чистеньким висит на кресте, возникает мысль о бутафории, и не веришь в его страдания... Театральщина - даже в лучших ролях. Особенно в массовках: такое впечатление, что какой-то капуста самодельного театра, да еще с выпившим режиссером. Сцены театра Варьете или бала Сатаны просто стыдно смотреть. И не из-за обилия голых унылых баб, а из-за вульгарщины.

- Хорош Раков в роли Мастера - таким он и должен быть, и жаль, что

этот образ выпал из творческой истории актера. А как эмоционален Гармаш в роли поэта Бездомного!

- Гармаш - он играет и в «Белой гвардии» - замечательный актер. Но почему он в роли Бездомного? Тому в романе 23 года, а Гармашу было уже 36, и возраст отпечатан на лице. А ведь Бездомный - «сквозной персонаж» романа. Его пролетарская и пылкая наглость происходит от молодости, от невежества; он способен задуматься, одуматься, стать как бы учеником Мастера... А зрелый персонаж Гармаша не меняется, это глубоко испорченная личность, какая уж тут эволюция... Может, поэтому он внезапно исчезает из сюжета, так и оставшись для зрителя в сумасшедшем доме. Но главная пробоина в теле этого «кинотитаника» - образ Маргариты. Что ты об этом скажешь?

- Не самая лучшая роль Анастасии Вертинской.

- Это потрясающая актриса и театра, и кино. Вспомним Ассоль, Офелию, Лизу Болконскую... Вполне допускаю, что она даже 50-летней могла сыграть 30-летнюю Маргариту, а потом и сбросившую десяток лет ведьму... Ведь есть в ней внутренний аристократизм, благородство, потаенная страсть. Но режиссер невероятно сузил ее роль. Она появляется в середине фильма, за кадром сбивчиво звучит малопонятный рассказ Мастера об их отношениях, далее она впопыхах соглашается на предложение Азazelло - и вот она уже фурия, и вот уже бал. Нет ее истории, нет колебаний, нет очень важного разговора с Воландом перед балом... Ничего нет. И с грустным смехом она будет рассказывать о полете колдуньи над Арбатом в длинном-длинном шлейфе. Троса не видно, как в полете Геллы, но он ощущается. Везде ощущается этот трос,

- Согласись, что тот же Арбат, та же Москва переданы хорошо,

- Да, режиссер сумел уловить атмосферу 30-х годов прошлого века... Талант. Это у него еще от фильма «Завтра была война». Что, впрочем, не спасает картину... Чтобы закончить об актерских работах, давай вспомним о коте Бегемоте, Какая он прелесть в романе! А что в фильме?

- А как его можно было снимать? «Камень преткновения» для всех режиссеров, кто думал об экранизации!.. Но в образе человека он - ничто. Виктор Павлов справился с этой ролью, хотя у него преступно мало реплик,

- Так потому и мало, что, видимо, и сам режиссер понимал: такой Бегемот может выступать только на утренниках в детском садике... Не решив художественной задачи, Кара кастрировал если не кота, то его незабываемый образ. Где Торгсин, где «сцена разоблачения» в Варьете? Так! вместе с любимыми сценами, уходит важнейшая составляющая романа - его блистательная ирония. Вместо «фирменной» булгаковской иронии возникает низкопробная комедия. Обман - как и с заявленной музыкой Шнитке. В важнейших сценах

картины, скажем, пролете ведьмы над Москвой, звучит вполне ожидаемый Вагнер с «Полетом валькирий», а на балу Сатаны - почти не обработанное «Болеро» Равеля. Во многих эпизодах, когда музыка необходима, ее попросту нет, в других же местах она звучит набатом, заглушая диалог... Но вернемся к главному. О чем этот фильм?

- А о чем роман? Здесь можно спорить бесконечно, и у каждого будет своя правота. Этому фильму семнадцать лет, и его нельзя судить по законам сегодняшнего времени, Молодежи он может понравиться хотя бы своими аттракционами, комедийностью. И если это будет позывом к чтению романа - уже хорошо.

* * *

- Помню, на экзамене по литературе во ВГИКе мне как раз попался билет по анализу жанра «Мастера и Маргариты» - роман только вошел в программу изучения. Была жаркая дискуссия, длилась около часа: наша сценарная мастерская забыла о времени. Говорили о том, что это философский роман, меннипея - по определению Бахтина, философский жанр литературы, «экспериментирующая фантастика» для художественного анализа метафизических идей, жанр, включающий в себя «смеховой элемент», сновидения, мечты, безумие, скандальность... Сложнейший вид искусства, гармония несочетаемого... Однако в основе все же анализ «последних вопросов бытия»: что есть жизнь? смерть? воля? любовь?

- Но это ведь присутствует и в фильме Кары.

- Формально - да, режиссер так гордится присутствием в фильме всех сюжетных линий романа... Но разве хоть одна из них раскрыта? Тот, кто не читал книгу, вообще ничего не поймет. Сюжет изобилует смысловыми провалами - и, напротив, многие второстепенные сцены растянуты. Какая уж тут философия: ее место занимают гэги в виде шествующих на бал Сатаны таких персонажей, как Ленин, Гитлер, Сталин...

- И все же финал картины хорош. Мастер... сидящий в отдалении Понтий Пилат со свои псом... проходящий легкой походкой Иешуа... Ты же говорил: это трогает.

- Да, в этот момент действительно испытываешь какие-то элементы катарсиса. Но это идет не от Кары, а вопреки Каре, потому что это любимые наши образы, наполненные поэтикой Булгакова. По мне, лучше бы этот фильм оставался на полке, вместе с его DVD-версией... Был бы легендой. А так он стал просто трэшем. Кара не смог увидеть черного кота в черной комнате... А ведь он там есть.

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

Рецензии

ИСХОДНЫЙ КОД

(SOURCE CODE)

Производство компаний The Mark Gordon Company, Vendome и Vendome Pictures (США - Канада - Франция), 2011.

Режиссер Дункан Джонс.

В ролях: Джейк Джилленхол, Мишель Монахэн, Вера Фармига, Джеффри Райт, Майкл Арден, Кэс Анвар, Расселл Питерс, Brent Skagford, Крэйг Томас, Гордон Мастен и др. 1 ч. 33 мин.

Котлер Стивенс, пилот военного вертолета, внезапно обнаруживает себя в теле другого человека в несущемся поезде, Напротив Котлера сидит симпатичная девушка, принимающая его за другого. За окном проносятся пригородные американские пейзажи, Котлер пытается разобраться, как он очутился в поезде, далеко от Афганистана, но времени оказывается преступно мало. Спустя восемь минут поезд взрывается, а сам пилот вертолета оказывается в мрачном коконе, где ему, толком ничего не объяснив, предлагают опять вернуться в поезд. Чтобы за те самые восемь минут найти террориста...

«Исходный код» - это фантастический триллер от режиссера «Луны 2112». Причем триллера в новой ленте Дункана Джонса гораздо больше, чем фантастики. Конечно, количество фильмов, которые эксплуатируют идею перемещения во времени, уже не поддается исчислению. Но авторы «Исходного кода» выбрали правильный подход. Возможность героя попадать в те самые восемь минут служит лишь завязкой картины. Основное внимание сфокусировано вокруг Котлера, его переживаний, его драмы, его цели. Сможет ли он обезвредить бомбу? Сумеет ли спасти девушку? Узнает ли правду о том, при каких обстоятельствах он оказался в антитеррористическом проекте «Исходный код»? И что с ним произойдет, если он не сумеет выполнить задание? А если сумеет? Спустя полчаса генеральная сюжетная линия, то есть поиск террориста при помощи перемещения во времени, отходит на второй план. Создатели фильма «Исходный код», все время подкидывая новые загадки, держат зрителя в постоянном напряжении. Ну, а исполнитель главной роли Джейк Джилленхол в который раз подтверждает, что он превосходный актер.

И ведет себя именно так, как вел бы человек, вынужденный погибать каждые восемь минут.

Динамичный и напряженный фильм Дункана Джонса вырос из знакомой НФ-идеи. Однако все, что требуется для настоящего кино, в нем присутствует.

Алексей Старков

ПОЛ: СЕКРЕТНЫЙ МАТЕРИАЛЬЧИК

(PAUL)

Производство компаний Big Talk Productions, Relativity Media, Studio Canal и Working Title Films (США- Великобритания), 2011.

Режиссер Грег Моттола.

В ролях: Саймон Пегг, Ник Фрост, Джереми Оуэн, Джеффри Тэмбор, Дэвид Хаус, Дженнифер Грэйнджер, Нельсон Асценсио, Джейн Линч, Дэвид Кокнер и др.

1ч. 44 мин.

Два английских великовозрастных болвана приезжают в Америку, чтобы посетить известный фестиваль фантастики, комиксов, а с недавнего времени и видеоигр - «Comic-Con». Исполнив мечту детства, друзья решают прокатиться по культовым для любого уфолога местам и на пути к «Зоне-51» встречают пришельца, Инопланетянин отзывается на имя Пол, носит джинсы, сквернословит, дымит, как паровоз, и просит помочь ему скрыться от агентов секретной службы...

«Пол: Секретный материалчик» (в украинском прокате «Пришелец Паша») - фантастическая комедия с элементами типичного дорожного приключения. То есть с перестрелками, идиотскими ситуациями, в которых непременно оказываются герои, и, конечно, погонями. При этом, несмотря на атмосферу вселенского безумия, у фильма есть внятный сюжет, обладающий четкой структурой, а слово «комедия» в графе указания жанра в кои-то веки соответствует содержанию.

Первые двадцать минут экранного времени целиком и полностью отданы актерам Саймону Пеггу и Нику Фросту, которые уже в третий раз («Зомби по имени Шон» и «Типа крутые легавые») встречаются на съемочной площадке. И в третий раз продолжают валять дурака, теперь изображая отчаянных гиков, свихнутых на комиксах, Но с появлением пришельца Пола опытным комедиантам приходится потесниться. Пришелец, озвученный в русской версии Павлом Волей, ведет себя очень естественно, и в какой-то момент забываешь, что это всего лишь один большой спецэффект, трехмерная модель. Анимация

и мимика пришельца превосходны. Он чувствует, он реагирует на изменение обстановки. А еще - обладает чувством юмора, не переставая на протяжении картины давать едкие комментарии к происходящему.

Единственная претензия к фильму - обилие ненормативной лексики.

Степан Кайманов

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ

(SUCKER PUNCH)

Производство компаний Legendary Pictures, Lennox House Films и Warner Bros. Pictures (США - Канада), 2011.

Режиссер Зак Снайдер.

В ролях: Эмили Браунинг, Эбби Корниш, Джена Мэлоун, Ванесса Энн Хадженс, Джеми Чунг, Карла Гуджино, Оскар Айзек, Джон Хэмм, Скотт Гленн, Ричард Цетрон и др. 1 ч. 50 мин.

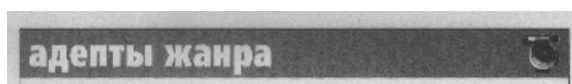
Если бы «Запрещенный прием» сняли в России, то отечественный зритель непременно исторг бы лавину критики в духе: «Что за чушь?! Опять вместо фильма - огромный видеоклип». Если бы «Запрещенный прием» предъявил, к примеру, Дэвид Линч, то публика одобрительно покивала бы: мол, все в порядке, безумие в его духе. Но «Запрещенный прием» предложил зрителю Зак Снайдер, а он после выпуска «300 спартанцев» и «Хранителей» вроде бы обрел статус неприкасаемого, и любая критика в его адрес воспринимается поклонниками в штыки.

Собственно, что можно увидеть в последней картине Зака Снайдера? Посмотреть, как в вихре снежинок гигантский демон-самурай с шестиствольным пулеметом пытается расстрелять милую, хрупкую девчушку. Наблюдать, как в дыму и пламени двуногий робот на паровом двигателе взмывает к небесам, а после с грохотом падает на головы механическим фашистам. Или как на фоне осажденного замка, под тяжелыми тучами свирепый дракон откусывает хвост самолету. Наконец, полюбоваться, как затянутые в латекс агенты спецслужбы будущего на огромной скорости пробираются в несущийся поезд и крушат в нем все подряд. Все эти эпизоды сняты с размахом, с бюджетом и стильно. И все эти эпизоды - плод воображения юной пациентки психиатрической лечебницы. Чтобы оградить себя от боли и отчаяния, главная героиня выдумывает свой мир, в котором начинает планировать побег...

Нет, вне всякого сомнения, после просмотра «Запрещенного приема» кто-то из зрителей и критиков найдет в фильме и философию, и идею

(хотя она проста и звучит прямым текстом в финале картины), и аллюзии, и еще что-нибудь. Ну а коли не найдет, то выдумает - как героиня фильма. Но если по чести: Зак Снайдер, пока еще не испорченный Голливудом, решил похулиганить и выпустил на широкие экраны набор нескольких неплохих видеоклипов под видом полнометражного фильма.

Степан Кайманов

адепты жанра

ВЕНГР В ГОЛЛИВУДЕ

Голливуд, как и Америку, сделали эмигранты. Венгрия подарила американской кинофантастике, как минимум, две культовые фигуры: «графа Дракулу» Лугоши и нашего героя.

В палате

Фрэнк Дарабонт мог бы стать просто одним из венгерских режиссеров, и его знали бы и ценили только на родине. Судьба распорядилась иначе. Он родился в 1956 году во Франции, в лагере для перемещенных лиц, Его родители оказались там после печально известных событий в Будапеште. Но во Франции пробыли относительно недолго и через несколько лет эмигрировали в Америку, поселившись в Лос-Анджелесе. Мальчик даже школу закончил в Голливуде. Вполне закономерным шагом стал и выбор будущей карьеры.

В 1981 году двадцатипятилетний Дарабонт приступил к работе над своим первым фильмом. Правда, в качестве ассистента - низшая должность в американском кинопроизводстве, «на побегушках». Фильм тоже был не из разряда блокбастеров: малобюджетный «ужастик» под

названием «Адская ночь», повествующий о том, как маньяк охотится за студентами. Таких поделок в жанре «слэшер» в то время снималось множество. Зато на съемках Фрэнк подружился с исполнительным продюсером Чаком Расселом. Впоследствии Рассел поставил «Маску» с Джимом Кэрри и «Стирателя» со Шварценеггером. А пока друзья пробовали писать сценарии. Дарабонта в качестве автора текстов никто признавать не торопился, и еще несколько лет он работал на съемочных площадках декоратором и ассистентом художника-постановщика.

Сделать шаг к более значимой работе помогло увлечение литературой, а точнее - произведениями Стивена Kinga. Дарабонт заинтересовался ими еще в школе. А будучи начинающим сценаристом, прочел рассказ «Женщина в палате» о проблеме эвтаназии и решил написать его автору. King сделал широкий жест - в ответ на просьбу Дарабонта уступил права на киноадаптацию рассказа за символическую цену в 1 доллар. К слову, в начале восьмидесятых «король» еще не был самым экранизируемым из живых писателей, в его фильмографии насчитывалось только четыре полнометражных картины. Теперь King утверждает, что именно после инициативы Дарабонта он взял за правило поддерживать молодых независимых режиссеров и отдавать им права на постановки своей короткой прозы по стандартной однодолларовой таксе. Справедливости ради нужно заметить, что первый такой короткометражный фильм по рассказу Kinga «Бугимен» увидел свет годом раньше картины Дарабонта.

Так Фрэнк Дарабонт воплотил свой режиссерский дебют. Интересно, что в тридцатиминутной ленте он сумел показать суть, «ядро» творчества Kinga. Здесь и напряженный психологизм, вырастающий из небольших бытовых деталей, и натуралистические подробности, и непременный пугающий эпизод с мертвецом. Причем Дарабонт многое добавил от себя в простой линейный сюжет. В частности, сцену в тюрьме: ее не было в рассказе, но она превратилась в своеобразный лейтмотив творчества, а сыгравший заключенного Брайан Либби - в постоянного дарабонтовского актера.

Одновременно в фильме мы видим зерно всей кинематографии Дарабонта, Режиссера привлекают ситуации, когда самый обычный человек встает перед жестким моральным или просто жизненно важным выбором, и этот выбор кардинально меняет его самого. При этом Дарабонт всегда обостряет ситуацию излюбленным приемом: помещает героя в замкнутое пространство, откуда нет выхода, и потому от выбора тоже нельзя уйти. В дебютном фильме это больничная палата, в дальнейшем - тюрьмы и другие не слишком приятные места, Ситуацию выбора Дарабонт стремится распространить на всех персонажей. Знаменательно и то, что

попавший в такие обстоятельства герой далеко не всегда изменяется к лучшему. Так, «Женщина в палате» рисует превращение порядочного адвоката в убийцу собственной матери. Но, как потом скажет Дарабонт в интервью, его всегда привлекают герои, которые стремятся поступить правильно, даже если это приводит к отрицательным последствиям.

Новоявленный режиссер отправил кассету с фильмом в подарок Стивену Кингу. Лично они встретились только десяток лет спустя.

В «ужасе»

Через четыре года после короткометражного дебюта на экраны наконец-то вышел полнометражный фильм, в титрах которого значилось имя сценариста Фрэнка Дарабонта. Им оказалась третья часть «Кошмаров на улице Вязов», имевшая подзаголовок «Воины сна». После оригинального фильма Уэса Крэйвена эта серия походов Фредди Крюгера стала одной из наиболее примечательных во всем цикле. Правда, сценаристов было несколько, включая самого Крэйвена, поэтому трудно сказать, какой вклад внес он сам.

«Воины сна» были режиссерским дебютом его давнего друга Чака Расселла. Сразу после этого они вдвоем написали сценарий НФ-хоррора «Капля». Это был ремейк фильма ужасов 1958 года об организме из космоса, похожем на желе, который терроризирует маленький городок, поглощая его жителей одного за другим. В основе - типично дарабонтовский поворот: герой - на этот раз подросток-хулиган - под влиянием опасности резко меняется. Он принимает на себя ответственность и спасает весь город, превращенный военными в закрытую зону.

Эта постановка Расселла с дорогостоящими спецэффектами провалилась в кинопрокате. Однако карьера режиссера и его соавтора все равно шла вверх. На следующий год появилось продолжение знаменитого хоррора Дэвида Кроненберга «Муха», в число сценаристов вошел и Фрэнк Дарабонт.

До оригинала «Мухе 2» было не долететь. К тому же упор сделали на спецэффекты, а не на саму трагическую историю; даже режиссером выступил специалист по гриму и визуальным ухищрениям первого фильма Крис Уолас. Зато в сюжете опять видны типично дарабонтовские «узлы»: главный герой заключен в лаборатории, словно в тюрьме, и вынужден претерпеть нравственную метаморфозу, подчеркнутую его мутацией в насекомообразную тварь.

Но скоро Дарабонт осуществил и свой полнометражный режиссерский дебют. Он поставил для телевидения малобюджетный фильм ужасов «Заживо погребенный» (1990). Несмотря на заявленный жанр, ужасов

как таковых в картине было немного, а фантастический, вернее просто нереальный, элемент всего один.

Неверная жена владельца строительной фирмы запланировала убийство мужа. Ее любовник-доктор дает сообщнице яд тропической рыбы. Но доза оказалась недостаточной, муж только впадает в кому. В могиле он приходит в себя, выбирается из ветхого гроба и устраивает жене и доктору изощренную месть, перестроив собственный дом в смертельный лабиринт. Характерные мотивы налицо: и экстремально замкнутое пространство, где все герои вынуждены делать жесткий выбор, и неоднозначное перерождение человека. Дарабонт поднял едва ли не «грайндхаусный» сюжет до впечатляющей драмы с экзистенциальной «пороговой» ситуацией. Спустя семь лет исполнитель главной роли Тим Мэтисон лично поставил продолжение фильма, повторив фабулу практически один в один.

Телевизионные успехи Дарабонта (а он также написал сценарии двух фильмов комедийного хоррор-альманаха «Байки из склепа») заметил сам Джордж Лукас и пригласил в свой проект «Хроники молодого Индианы Джонса». В общей сложности Дарабонт написал сценарии для пяти эпизодов этого популярного сериала. Наконец, в очередной раз адаптировал для кино классический роман Мэри Шелли «Франкенштейн». За два года до того по экранам прошел «Дракула Брэма Стокера» Фрэнсиса Форда Копполы. Но мэтр отказался от первоначального замысла снять целую серию готических фильмов (он тоже когда-то начинал с «ужастиков»). Режиссерское кресло занял Кеннет Брана, и его версия с Робертом Де Ниро в роли Чудовища получилась одним из самых впечатляющих образцов «новой готики» в кино. Дарабонт как сценарист оказался в родной стихии, ибо весь фильм повествует о последствиях рокового выбора главного героя. Но к моменту выхода «Франкенштейна» он уже готовил собственный кинопроект.

В тюрьме

Дарабонт снова задумал экранизировать Стивена Кинга. На примете были две повести - «Мгла» и «Рита Хэйворт и спасение из Шоушенка». С одной стороны, режиссера тянуло к хоррору и напрашивалась «Мгла». С другой - он хотел сделать нечто принципиально новое для себя, к тому же чувствовал в реалистичной «тюремной» прозе Кинга мощный драматический потенциал. И выбрал последнее.

По логике его же собственных фильмов, выбор оказался судьбоносным. К тому же из всех картин Дарабонта «Спасение из Шоушенка» - одна из немногих с несомненным хэппи-эндом. Историю жизни несправедливо осужденного Энди Дюфрейна, сохранившего

человеческое лицо в нечеловеческих условиях, часто переводят как «Побег из Шоушенка», но правильнее более емкое слово «спасение», ибо речь идет и о духовном аспекте.

В своей жесткой ленте Дарабонт не избежал и типично голливудских компромиссов: так, ирландец Рыжий у него превратился в чернокожего. Зато Морган Фримэн за эту роль был номинирован на «Оскар», Всего фильм удостоился шести номинаций на позолоченную статуэтку, включая номинации за лучший фильм и лучшую сценарную адаптацию. Правда, ни одной не выиграл. Любопытно также выдвижение на премию «Сатурн»: на нее претендуют фильмы в жанре научной фантастики, фэнтези или хоррора, а «Спасение из Шоушенка» не содержит ни одного из этих элементов, будучи чистой тюремной драмой.

У этого фильма Дарабонта подлинно «народная» слава: с 2008 года он устойчиво занимает первую строчку в хит-параде лучших фильмов всех времен крупнейшей интернет-базы imdb.com, основные пользователи которой - американцы. Здесь картина обошла многолетнего фаворита - «Крестного отца» Копполы.

Вкусивший настоящего успеха Дарабонт решил его повторить и развить в новой тюремной драме по Кингу - «Зеленая миля». Здесь уже присутствует элемент фантастики в образе необычных способностей одного из главных героев. Кроме того, в ход была пущена «тяжелая артиллерия» - явные библейские мотивы, любимец американцев и в те годы гарантия повышенного зрительского внимания Том Хэнкс плюс откровенная мелодрама со «слезодавильным» финалом. Но Дарабонт помнил и о своем «ужасном» прошлом: многих потрясла жуткая сцена казни на электрическом стуле. Кстати, на этом же бутафорском электрическом стуле отметил свой пятидесятый день рождения Стивен Кинг, посетивший съемочную площадку. Дарабонт наконец-то встретился с ним лично еще на этапе подготовки к своему «визиту» в Шоушенк.

Если первый из тюремных фильмов Дарабонта был о духовном спасении, то второй - об ответственности. Сделавший роковой выбор герой Тома Хэнкса, отправляя на казнь невиновного, поступает по велению долга и превращается в нового Понтия Пилата, а дарованная ему жизнь оборачивается проклятием из-за мук совести.

«Зеленая миля» во многом повторила счет в «оскаровской» гонке предыдущего фильма Дарабонта: четыре номинации, включая «лучший фильм»; и «лучшая сценарная адаптация», и ни одной победы.

Режиссер сделал еще одну попытку добраться до награды Американской киноакадемии, выпустив в 2001 году очередную ретродраму - «Мажестик» с Джимом Кэрри. Тюремной тематики картина почти не касается, герою только грозит заключение по

несправедливому обвинению в коммунизме - речь идет о событиях времен «охоты на ведьм». Выбор здесь тоже иного свойства: потерявший память сценарист, принятый жителями маленького городка за внешне очень похожего ветерана Второй мировой, даже вспомнив, кто он такой, решает остаться с этими людьми навсегда. Вместе с тем Дарабонт пропел одну из самых проникновенных од искусству кино, демонстрируя, как маленький кинотеатрик морально возрождает к жизни целый город.

Но «Мажестик» провалился в прокате и не удостоился внимания киноакадемиков. Трудно сказать, что повлияло - слащавый и абсолютно нереалистичный финал или же имидж Кэрри, которого американская публика не захотела воспринимать в серьезной драматической роли.

Во мгле

После неудачи с «Мажестиком» Фрэнк Дарабонт несколько лет ничего не снимал. Одно время его имя связывалось с экранизацией романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», от которой отступился Мел Гибсон. Но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. По старой памяти Дарабонт написал и сценарий для четвертой серии походов «взрослого» Индианы Джонса, но его вариант был отвергнут продюсером Джорджем Лукасом.

На экраны режиссер вернулся только в 2007-м, зато выстрелил сразу на большом и малом. Для телевидения он поставил пилотные эпизоды криминальных сериалов «Щит» и «Детектив Рэйнс». Последний любопытен необычной фабулой. Его главный герой, полицейский в исполнении Джеффа Голдблюма, использует для раскрытия преступлений... свою шизофрению. Он может разговаривать с умершими насильственной смертью, прекрасно осознавая, что они не более чем плод его воображения. Но такое «общение» помогает Рэйнсу восстановить картину убийства и разоблачить виновного.

А в театральном прокате с успехом прошла новая экранизация Кинга - давно вынашиваемая «Мгла». Автор повести даже специально придерживал права для своего младшего друга. Но воплотить фильм оказалось не так легко, как прежде. Дарабонт опять сам написал сценарий. Не удовлетворенный открытым финалом повести, он придумал свой, более трагичный. Кинга такая версия вполне устроила, тем более что в оригинале были намеки на возможность подобного исхода. Однако привлечь инвесторов для фильма с «плохим» концом в Голливуде сложно. Наконец, сценарий заинтересовал известного независимого продюсера Харви Вайнштейна, и тот согласился дать фильму «зеленый свет» без изменения концовки.

Дарабонт обошелся скромным бюджетом, вспоминая молодость на площадках дешевых фильмов ужасов. И снова провернул любимый трюк: поднял фантастическую «страшилку» о нападении монстров на заштатный городишко до уровня экзистенциальной драмы. Это своеобразный пик в его творчестве, потому что выбор здесь делают уже все без исключения герои, поставленные в пороговую ситуацию, даже маленький мальчик. «Мгла» выступает как бы зеркальным отражением «Спасения из Шоушенка», она словно от противного доказывает ту же идею: «Чтобы выжить и остаться человеком, нужно постоянно бороться». Неоднозначный, многими не принятый финал как раз и нужен был для того, чтобы обострить эту мысль до предела. Главный герой, хотя и выжил физически, морально уничтожен именно потому, что дрогнул, перестал бороться всего лишь на один короткий миг - и это перечеркнуло, все его усилия.

После «Мглы» Дарабонт поначалу вновь хотел обратиться к неисчерпаемому творчеству Кинга и выбрал для новой постановки роман «Долгий путь», опубликованный в свое время под псевдонимом Ричард Бахман. Однако потом его увлек проект иного свойства.

В магазине комиксов Дарабонт наткнулся на свежий выпуск черно-белой серии Роберта Киркмана «Ходячие мертвецы». Она выпускалась уже с 2003 года. Комикс о группе людей, выживающих посреди необъяснимого зомби-апокалипсиса, настолько захватил режиссера, что он немедленно купил права на создание одноименного телесериала.

Шесть эпизодов первого сезона вышли осенью 2010 года. Дарабонт совместил несколько занятий: выступил продюсером, сценаристом и лично поставил пилотную серию. В русле его творчества «Ходячие мертвецы» оказались логическим продолжением «Мглы». Только место плотного тумана с монстрами заняла эпидемия, поднимающая мертвых. Хотя здесь, в отличие от фильмов Джорджа Ромеро, мертвецы не вылезают из могил, зомби можно стать только вследствие заражения. Но герои опять поставлены в ситуацию выбора и ограничены неким замкнутым пространством, хотя его локации время от времени меняются - лагерь в горах, здание, осажденное ходячими трупами, или военная лаборатория. Это снова общество в миниатюре, которое должно вырабатывать свои законы взаимодействия и противостоять не только внешней угрозе, но и внутренним порокам. А в центре снова персонаж, движимый простыми мотивами выжить и защитить семью, но чувствующий ответственность за многих.

Не забывая о своих корнях и увлечениях, Дарабонт отдал должное и бескомпромиссному «ужастику». Как и во «Мгле», за спецэффекты и грим отвечал известный мастер Грегори Никотеро, и телемертвецы различной степени разложения по натурализму дадут сто очков вперед своим «широкоэкранным» коллегам.

Сочетание человеческой истории характеров и эффектной хоррор-составляющей обеспечило сериалу небывало высокий рейтинг. В то время, когда критик пишет этот материал, Дарабонт активно снимает второй сезон. И можно не сомневаться: за что бы он впоследствии ни взялся, от выбора его персонажам не уйти.

Аркадий ШУШПАНОВ

ПОЛ КОРНЕЛЛ

ИСЧЕЗНУВШИЙ ПРУССАК

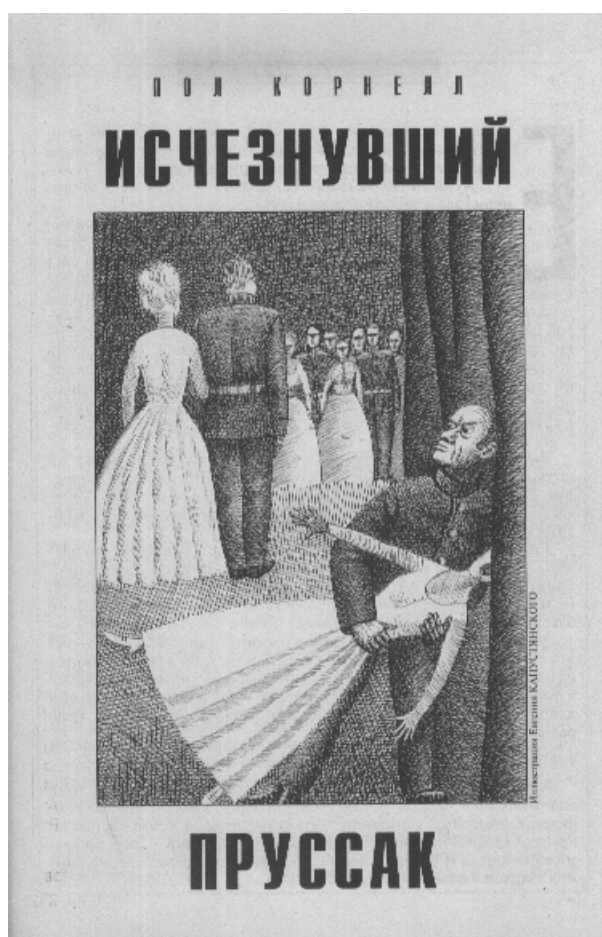

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Если вы живете на краю Солнечной системы и однажды захотите побывать на Земле, вам придется получить как минимум три штампа в паспорте: польский, русский и турецкий. А может, и еще нескольких великих держав - все зависит от времени года и расположения планет.

Но вот цель близка, ваша карета - над Землей, в постоянно

меняющейся транспортной зоне, и дальнейший полет будет проходить уже без особых проблем, а то и вовсе как по маслу. Для того-то она и предназначена, удобная нейтральная орбита. Глядя с нее вниз, четко понимаешь: давно не существует полностью замкнутых на себе государств. Над земным торцом каждой страны поднимается сегмент освоенного космоса, и эти отростки пронизывают Солнечную систему, перемежаясь гигантскими объемами ничейной пустоты. Государства не равны между собой, но они мирно сосуществуют благодаря системе сдержек и противовесов. Все они - винтики и шестеренки хрупкой мудреной машины, вынужденные без остатка отдавать свою политическую энергию вечному замкнутому циклу.

Вы можете вывести на экран карту любого участка Земли, но эти штуковины гораздо лучше приспособлены для умственного созерцания. И до чего же они благолепны, просто словами не передать. Такими их и создавали - прекрасными и способными маломальски заботиться о вечной сохранности своей красоты.

Если же вы захотите полюбоваться не картой, а поверхностью планеты, этой опорой множества государств, быть может, ваш взор приманит старая добрая Англия с ее изумрудными лугами, темными лесами и белыми инверсионными следами карет. Чураясь ослепительного блеска Лондона, взор обогнет столицу и затем поползет долиной Темзы, усеянной особняками, виллами и охотничьими поместьями - все это памятники величия и славы. И, быть может, он даже задержится на одном из этих поместий, на особенно пышной хоромине с крышей в форме согнутого по диагонали квадрата, с прилегающими угожьями для стрельбы по куропаткам, зелеными лабиринтами, садами трав, рынками и тому подобным.

* * *

В тот день поместье украшали информационные баннеры, тоже видимые с орбиты. Еще можно было различить причаленные на реке рядом с военными кораблями элегантные яхты, а подле дворца на круглых гравийных площадках и в воздухе над ними - рои всевозможных карет. И распределенное по периметру подразделение конной гвардии в полной боевой готовности.

Чтобы попасть туда, вам пришлось бы преодолеть сложную систему проверок. И одного паспорта не хватило бы - понадобились бы очень крутые привилегии.

Потому что в тот день там справлялась королевская свадьба.

* * *

Вид поместья, открытый гипотетическому взгляду с высоты, всегда хранился на задворках сознания Гамильтона. Но сейчас все его внимание было отдано принцессе. Придворный куафер уложил ее волосы в высокую прическу; при этом оголилась шея, но Гамильтон такую моду всецело одобрял - она соперничала с французской да к тому же выполняла официальную функцию. Справедливости ради надо сказать: сей имидж не был личным изобретением Лиз, его придумали расчетливые советники в кулуарах Уайтхолла. Елизавета оделась в белое - впервые увидев наряд нынче утром в соборе, Гамильтон не удержался от восхищенной улыбки. Здесь же, в гигантском зале для торжеств, она уподобилась солнцу; всем прочим - многочисленным вельможам, послам и высшим военным чинам - оставалось лишь кружить вокруг нее.

Даже король, сидевший в отдалении на помосте за столом меж собравшимися со всей Европы сановными старцами, не привлекал к себе стольких взглядов. Уж такова была эта церемония - на ней Елизавета, сопровождаемая членами корпуса герольдов, непринужденно, но при этом совершенно безошибочно перемещалась от группы к группе, уделяя совершенно равные доли шарма каждой из великих держав. Ей хорошо объяснили, как надо себя вести, что делать и говорить. Впрочем, и она, и Гамильтон, и все такие, как они, прекрасно понимали и сами, чего от них требует повседневная служба. Сохранять равновесие!

«Такие, как мы. Как она и я». Абсолютно ненужная мысль. Гамильтон выбросил ее из головы.

Лишь один-единственный раз ее взгляд задержался на столике, за которым сидел майор. Улыбнувшись едва заметно, она отвернулась. Не следует делать то, чего не одобрит Уайтхолл. Гамильтон жестко приказал себе больше не пялиться на принцессу.

Якобы случайно доставшийся ему столик между чиновниками дипломатического корпуса позволял держаться особняком. Гамильтону осточертело притворяться обходительным и любезным.

- А ведь это брак по расчету, - прозвучало рядом.

Из шелковых рукавов кафтана, подобно большим распустившимся цветам, торчали расстегнутые манжеты сорочки. Галстук отсутствовал; на широкий блин воротника беспорядочно падали длинные волосы. Пальцы лорда Кэрни по обыкновению были унизаны перстнями.

Секунду-другую Гамильтон обдумывал ответ, но все же решил промолчать. Лишь встретив взгляд Кэрни, мысленно задал вопрос: «И почему бы вашей светлости не перебраться за другой столик, не поискать более интересных собеседников?».

- А вы как считаете?

Гамильтон встал, намереваясь отойти. Но Кэрни тоже поднялся,

удержал его в нескольких шагах от столика, там, где их никто не мог услышать. От лорда пахло в точности как в магазине восточных сластей. Он заговорил в притворном покаянии:

- Ну да, я такой. Всегда подначиваю, провоцирую, выпытываю. И когда я появляюсь, все почему-то сразу прячет глаза.

Гамильтон, подавляя раздражение, нашел свободный столик и опять сел. Кэрни устроился рядом и указал на Елизавету и ее жениха с аккуратной бородкой, с шеренгой орденов на мундире шведской дворянской кавалерии. Жених беседовал с папским посланцем. Речь, без всякого сомнения, шла о скорейшем визите Лиз в Рим, там намеревались устроить знатное шоу из матча между протестантами и папистами. Если Бертил тоже притворялся обходительным и любезным, то, надо признать, принцу эта роль удавалась куда лучше, чем майору.

- А ведь я отвечаю за свои слова, черт возьми! У меня наметились интрижки с парой курочек из его свиты. Во всем, знаете ли, есть не только минусы, но и плюсы.

Кэрни поцокал языком и погрозил пальцем семенившей мимо шведской служанке. Та с улыбкой присела в книксене и поспешила дальше.

- Но что же тут поделаешь, если все наши отношения складываются только равновесия ради и под его диктовку. Ужас в том, что никто даже не пытается вообразить себе мир, устроенный иначе.

Гамильтон спросил, тщательно выбирая слова:

- И вы, ваша светлость, именно поэтому стали таким?

- А то почему же? Всё служанки, компаньонки, чьи-то младшие сестренки... Мне дозволена лишь та любовь, которая не вредит равновесию. Что будет, если вдруг я захочу вступить в длительную связь с женщиной или даже, не приведи господь, жениться? Да ничего, кроме жуткой мороки! Там, «наверху», очень глубоко и надолго задумаются, и прежде чем они дадут ответ, мне успеет надоесть моя избранница. Знакомая проблема? То-то же, любой из нас может с ней столкнуться. А пар все копится да копится, и некуда его выпустить. Эх, если бы только у нас была альтернатива!

Гамильтон скептически хмыкнул. Лишь чуть-чуть приоткрыв свои карты, лукавый собеседник мигом вернулся в привычную роль провокатора. Впрочем, вести себя иначе он не мог, и Гамильтон это прекрасно понимал. Но понимать умом - не то же самое, что принимать душой.

- Вы о чем это, ваша светлость? Не угодно ли развить мысль?

- Да я всего лишь...

И тут весь зал ахнул.

Гамильтон сорвался со стула и шагнул к Елизавете. Рука нырнула вправо, в воздух, в тот узелок пространства, где лежал наготове

«уэбли-корсар» калибра ноль шестьдесят шесть, выхватила, подняла на изготовку... Но в кого стрелять?

Вот стоит и озирается ошеломленная принцесса. Вокруг нее военные в парадных мундирах, бородатые сановники.

Влево, вправо, вверх, вниз...

Гамильтон не обнаружил того, что могло ее так напугать. Ничего похожего на опасность рядом. Ничего угрожающего в отдалении.

Лиз попятилась, выставив перед собой руки. Все следили за ней, пытались понять, на кого она указывает.

Гамильтон отыскал взглядом людей из своей команды. Почти все застыли в той же позе, что и майор. В нелепой позе телохранителя, не понимающего, кого надо взять на мушку.

Вперед вышел папский посланник и громогласно заявил:

- Вон там стоял мужчина! И он исчез!

Тут воцарился суший бедлам. Со всех сторон летели крики:

- Оружие! Оружие!

Но Гамильтон знал: нет на свете оружия, под воздействием которого человек, кем бы он ни был, исчезнет в мгновение ока.

Стайки телохранителей - кто в мундире, кто в строгом костюме - устремились к своим начальникам, взяли в кольцо. Завизжали дамы. Гамильтона не удивила такая истерия. Вроде бы все как всегда, каждый на своем месте, но при этом творится нечто непостижимое. То есть нарушено равновесие. Власть имущие этого боятся, как черт - ладана.

Какой-то баварский князек завопил, что в защите не нуждается, и ринулся в сторону принцессы. Гамильтон успел заступить дорогу и как бы случайно толкнуть плечом, отчего баварец не удержался на ногах. Сам же Гамильтон встал рядом с Елизаветой и Бертилом.

- Вон в ту дверь, - указал он. - Пошли.

Жених и невеста кивнули и зашагали с приклеенными улыбками. Лишь на миг принц задержался, чтобы оглянуться на шведских офицеров, устремившихся к нему со всех сторон, и остановить их взмахом руки.

Августейшую пару уже окружили люди Гамильтона, расчистили проход сквозь зал, помогли беспрепятственно выйти через дверь, сопроводили по коридору для слуг, а позади хлынула в помещение лейб-гвардия, отчего там прибавилось толкотни и возмущенных воплей, и майор всей душой надеялся, что не услышит вдруг выстрелов припрятанного кем-то оружия...

Не услышал. За спиной хлопнула дверь, клацнул замок. Его помощники не зря ели свой хлеб.

* * *

Порой Гамильтон слегка жалел, что не существует организации по надзору за теми, кто способен натворить бед. Но что будет, если подобная организация однажды появится? Наверняка изменится мир - а вот каким образом он изменится, этого даже лорду Кэрни с его любовью к искусственным умпостроениям не предугадать. Во всяком случае, от свободы, которой нынче пользуются Гамильтон и другие офицеры, мигом останутся рожки да ножки. А он свободой очень дорожит. Именно в ней коренится чувство долга, которое заставит майора рискнуть собственной жизнью ради будущего мужа Елизаветы, если вдруг возникнет такая необходимость.

Больше он на эту тему не рассуждал.

- Я его толком не рассмотрела, - объясняла по пути Елизавета, сдерживая голос и выбирая слова, как всегда делала на людях. - Но мне кажется, он из какой-то иностранной делегации...

- На пруссака похож, - уточнил Бертил. - Мы как раз с прусскими дипломатами разговаривали.

- И он вдруг исчез, - добавила Лиз. - Просто взял да и растворился в воздухе прямо передо мной.

- В складку ушел? - предположил Бертил.

- Это исключено, - возразила принцесса. - Ведь зал проверен и перепроверен.

Она взглянула на Гамильтона, ожидая подтверждения. Тот кивнул.

Они уже приблизились к библиотеке. Гамильтон вошел и отдал необходимые приказы насчет охраны. В центре поставили жениха с невестой, заперли дверь и связались с техслужбой.

Техники времени зря не теряли, действовали по чрезвычайной процедуре - но в громадном зале торжеств ничего чрезвычайного не происходило. Так, мелочи: вздорные требования, битые посуды, притворные обмороки (а какими еще они могут быть, если уже давно не делают корсетов без потайных глубин?). Но в целом паника улеглась, и больше никто не пропал.

Бертил ходил у стеллажей, сцепив пальцы за спиной, и разглядывал книжные корешки; всем своим видом он демонстрировал отвагу и презрение к опасности. Елизавета сидела и обмахивалась веером, улыбаясь помощникам Гамильтона. Наконец улыбка досталась и ему.

Они ждали.

Вскоре техслужба сообщила о приближении гостя.

Отъехала в сторону стена с книгами, и вошла королева-мать. Она все еще носила траур. Свита старалась не отставать.

Королева-мать пошла напрямик к майору, и все кругом повернулись и напрягли слух. Это же явный фавор! Теперь в их глазах Гамильтон не просто офицер, а важная персона.

- Мы продолжим, - сказала она. - Отнесемся к случившемуся как к пустяковой заминке, а значит, это и будет всего лишь заминкой. В

бальном зале все уже готово, сейчас же перебираемся туда. Елизавета, Бертил, ступайте. Джентльмены, вот вы двое, пойдете впереди, а остальные - сзади. Извольте смеяться, входя в зал. Ведь это веселый розыгрыш, забавное недоразумение, типично английская тонкая шутка.

Елизавета кивнула и взяла Бертила под руку. Гамильтон хотел было сопровождать их, но королева-мать остановила:

- Нет, майор Гамильтон. Вы поговорите с техниками и найдете другое объяснение этому «забавному недоразумению».

- Другое, ваше величество?

- Да, - кивнула она. - Случилось вовсе не то, о чем нам говорят.

* * *

- Сэр, мы на месте, - доложил Мэтью Паркес.

Он командовал техподразделением в том же четвертом драгунском, где служил Гамильтон. Парадные мундиры лейтенанта и его людей в сумраке отведенной для них кладовки смотрелись нелепо. Но отсюда можно было эффективно контролировать сенсорную сеть, что опутывала дворец с окрестностями и пронизывала Ньютоново пространство в радиусе нескольких миль. Группа техников прибыла первой несколько дней назад и последней должна покинуть усадьбу.

Лейтенант показывал на экран, где застыл крепко сбитый мужчина в строгом костюме. Он почти целиком заслонял собой принцессу Елизавету.

- Вы знаете, кто это?

Гамильтон визуализировал все делегации, собравшиеся в зале торжеств. И облегченно вздохнул - исчезнувший принадлежал к одной из них. Слава богу, это не сверхъестественное, а самое что ни на есть земное существо.

- Он из прусской дипгруппы, один из шести охранников. У парня отменная мускулатура, как будто его специально растили телохранителем. В зале он действовал строго по канону - никакой пустой болтовни со своими, только короткие кивки. Обычно так зажимаются новички, вот только...

Вот только в поведении этого человека было нечто хорошо знакомое Гамильтону.

- Нет. Напротив, парень совершенно уверен в себе. И даже демонстрирует это. Так вы не думаете, что он нырнул в складку?

- Вот карта аномалий.

Паркес наложил на пруссака картину обнаруженных в зале искривлений пространства. Там и тут виднелись микрополости и узлы, в них многочисленные британцы прятали свое оружие. Иностранцы

тоже могли бы прятать, если бы не боялись создать дипломатический конфликт. В углу, где стояла Елизавета, проглядывала только сила гравитации под ее прелестными ножками.

- Сэр, если что найдем, обязательно доложим.

- В этом, Мэтти, я не сомневаюсь. Ищите.

Паркес убрал с экрана карту и дотронулся до него. Пошла прокрутка записи.

Гамильтон проследил за исчезновением таинственного незнакомца. Только что он был, и вот его уже нет. И видно, как отреагировала Елизавета, как внезапно изменилась ее поза.

Не сказать, что Гамильтон был в ладах с техникой.

- Какая тут кадровая частота? - кивнул он на экран.

- Никакой. Постоянно идет реальное изображение, с предельно малым интервалом - это буквально Ньютонов момент, меньшего отрезка времени физика просто не знает. Сэр, мы тут весь день гостей подслушивали.

- И о чем же они говорят?

- Говорят, это нечто изящно-невероятное.

* * *

Когда королева-мать велела найти другое объяснение случившемуся, Гамильтону вспомнилась карикатура, увиденная в какой-то газете несколько лет назад. Премьер-министр стоит перед раскрытым портфелем и изумленно таращится на свою руку, не вынувшую никаких бумаг. Ниже текст:

Что хотите говорите про мистера Патела,

Но он вполне достоин своего титула.

Он готов принести самые изящные извинения

За невероятную пропажу всех успехов без исключения.

Даже ребенок знает, что выражение «изящно-невероятно» принадлежит Ньютону. Как-то раз у себя в саду он целый день наблюдал за продвижением крошечного червячка по поверхности яблока. Великий ученый, размышляя об очень малом, предположил, что предметы могут вдруг исчезать и столь же загадочно появляться на свет, когда Господь по каким-то неисповедимым причинам прекращает следить за ними. Один француз уверял: это-де может происходить и при отсутствии человеческого надзора... ну, да на то он и француз. За века набралось несколько задокументированных случаев, вроде бы подтверждающих постулат Ньютона. Гамильтон был склонен во все это верить, он вообще интересовался подобными темами, охотно читывал статейки, приходившие на газетный планшет. Но чтобы чудо произошло здесь? И сейчас? На мероприятии государственного

значения!

* * *

Майор вернулся в зал торжеств, к этому времени опустевший. Осталась только группа лейб-гвардейцев и его помощников, набранных из нескольких полков; кое с кем он был знаком еще по армейской службе. Гамильтон опросил этих людей. Все они заметили пруссака, всем запомнились его гипертрофированная мускулатура и суровая целеустремленность, и у многих при его появлении сработал внутренний детектор опасности.

Гамильтон отодвинул в сторону парочку экспертов и, не внемля их протестам, прошел и встал на то самое место, где случился феномен. Прислушался к ощущениям - вроде ничего необычного; его внутренние сигнальные устройства, механические и интуитивные, не среагировали. Он посмотрел в тот угол, где тогда пребывала Лиз, и нахмурился. Перед своим исчезновением пруссак эффективно заслонял принцессу от публики. Стоял перед ней на линии едва ли не каждого взгляда. На этом месте находиться бы телохранителю, знающему, что в зале есть убийца и он намерен стрелять.

Но это же абсурд! Пруссак не вбежал в зал, чтобы спасти принцессу. Он ни с того ни с сего оказался на нужной позиции; он стоял и оглядывался, и если кто-то ухитрился принести в зал оружие новой, неизвестной охране системы, он бы не смог поразить цель, не дождавшись, когда крепыш отойдет.

Злясь на себя, Гамильтон покачал головой. Что-то упущено. Что-то, выходящее за рамки очевидного.

Он позволил экспертам вернуться к работе и направился в бальный зал.

* * *

К тому времени огромное помещение успело заполниться людьми. Играла музыка, кружились в вальсе пары. Но напряжение чувствовалось. Очень уж аккуратно двигались танцоры, не дай бог кого задеть. Если и звучал где-то смех, то смех фальшивый. По делегациям великих держав уже разосланы бальные карты, а значит, намеченным танцам быть. И представители малых царств-государств в грязь лицом не ударят, ведь тут собрались исключительно храбрые и решительные, по крайней мере такими они должны казаться. Если и имеются сомнения-опасения, высказывать их можно только шепотом и только между своими. Так надо для сохранения равновесия. И тяжесть этого

равновесия была ощутима физически, она лежала у каждого гостя на благородном челе.

На возвышении за длинным столом сидела королева-мать, справа и слева от нее - придворные. Она одаривала гостей величавой благословляющей улыбкой, будто пытаясь внушить, что событие минувшего часа не более чем сон.

Гамильтон шел и оглядывал зал, как, бывало, оглядывал поле боя, готовый встретить атаку в любую минуту и с любой стороны. Замечал незнакомых людей в мундирах - офицеры великих держав медленно вальсировали среди своих и временами по спиральному курсу выходили на его орбиту. Отношение военных к посольским было три к одному (и куда только смотрит дипкорпус?) для всех стран, кроме двух. Французы, разумеется, прислали комиссаров, которые на службе всегда носили одинаковое платье, а между собой различались по сложному протоколу. Ватиканские же иерархи обоих полов, как и их помощники, были облачены в церковное. Эти пронизывали бал, подобно осколкам при направленном взрыве. И Гамильтон напрягал слух, когда на пути попадался священник, успевший ненадолго встрять в чужую беседу. Все разговоры - только о недавнем происшествии. Люди из Ватикана называли его божественным явлением; всё новые подробности разбегались по залу, как круги по воде. И был свет, и был глас! Да неужто его больше никто не слышал?

Некоторые соглашались с церковниками. Гамильтон с возражениями не лез: без профессиональной дипломатической подготовки это чревато. Ведь католики совсем недавно, какую-то пару десятилетий назад, договорились о том, что именно следует считать «нежданной милостью Господней», и папской буллой было объявлено: по мнению Иоанна XXVI, концепция имеет право на жизнь, однако требует дальнейших научных исследований. Но теперь клерикалы не сомневаются в том, что случилось чудо; впрочем, им свойственно в любом событии усматривать Божий промысел. И как же, интересно, они трактуют сегодняшней инцидент? Господь посмотрел на свадьбу с небес и одобрил ее, но решил кого-то лишнего убрать со сцены?

Да не «кого-то». Прусского офицера. Протестанта, чей народ время от времени притязает на различные шведские территории: им-де прусская юрисдикция пойдет только на пользу.

Гамильтон волевым усилием прекратил эти бесполезные размышления. Гадать на кофейной гуще - только время терять. Сейчас надо действовать.

Майор весьма смутно представлял себе облик Бога, но зато ясно понимал Его суть. Вполне возможно, рассуждал он, что Господь пожаловал августейшую свадьбу одобрительным кивком. Но почему выбран такой способ, опасный для предначертанного Небом равновесия наций? Разве не во благо оного равновесия вершатся все

добрые дела на свете?

Нет. Гамильтон более не сомневался: Божественная воля ни при чем. Нет тут ничего сверхъестественного, мистического. Это просто враждебная акция.

Он двигался вдоль стены в обход зала, пока не нашел прусскую делегацию. Взбешенный посол набрасывался на британских придворных, чего-то требовал - вероятно, немедленного расследования. Вполне натурально выглядели страх и возмущение других пруссаков, дипломатов и военных: похоже, они и впрямь были убеждены, что исчезновение их соотечественника - дело рук злокозненных англичан. За спинами этих гостей в баре, на который Гамильтон привычно кинул взгляд, сидели несколько дюжих приятелей пропавшего, остальные пятеро - из группы охраны делегации. В отличие от других европейских народов Пруссия сохранила старинный принцип обеспечения своих военных. Если Гамильтон и его сослуживцы получали деньгами лишь часть довольствия, то личному составу гард-дю-кора, то бишь прусской лейб-гвардии, даже обмундирование не выдавалось.

Эти офицеры не могли значиться ни в одной бальной карте. Они не прочесывали зал, а держались кучкой вблизи начальства - понятное дело, телохранители охраняют «тела».

Но и в этом занятии они не выказывали особого рвения. И держались на удивление спокойно. Ни тревоги на лицах, ни злости. Похоже, их ничуть не волновала судьба исчезнувшего товарища. Не тряслись они и за собственную шкуру.

Гамильтон отступил на шаг, позволяя красивым знатым парам увлеченно протанцевать между ним и пруссаками. Он желал удержать за собой позицию привилегированного наблюдателя.

Складывалось впечатление, что пруссаки ждут. И все-таки немножко нервничают. «Им просто хочется отсюда поскорее убраться», - предположил Гамильтон.

Неужели и правда в гард-дю-кор набирают бесчувственных чурбанов? Потеряли при таинственных обстоятельствах своего, так не сидите сложа руки, а возвращайтесь скорее в тот зал, ходите по нему и кричите «ау»...

Он смотрел на них секунду-другую, запоминая лица, затем двинулся дальше. Нашел еще один столик с пруссаками. Эти - нормальные ребята, не орден Черного орла, а гусары, при мундирах и под хмельком. Они негодующе вопили на гогенцоллернском немецком, что если их не допустят к записям техслужбы, не дадут разобраться с пропажей, то будет такое... Даже сказать страшно, что будет.

Гамильтон подцепил со стола бокал и неспешно приблизился к гусарам, по широкой неровной дуге обогнув аристократку, чья свита проявила досадную нерасторопность и приотстала.

Он плюхнулся на стул возле молодца с капитанскими петлицами - виртуальными, в прусском вкусе, дающими понять, что эта великая держава не ровня остальным, потому как воюет с незапамятных времен. Для того же предназначался и ускоренный рост в чинах, в зависимости от заслуг.

- Привет, - сказал Гамильтон.

Пруссаки не ответили, но ощетинились.

Гамильтон, недоуменно хлопая глазами, осведомился:

- А где Хамф?

- Хамф? Майор, фы хто имеют ф фиту? - гусар спрашивал на североморском пиджине, но даже крепкий акцент не помешал Гамильтону разобрать слова.

Он не хотел выдавать, что и сам отменно говорит по-немецки, правда, с баварским акцентом.

- Парня, здоровенного такого. Пойду, говорит, пройду. И с концами. - Гамильтон четко выругался по-голландски и озадаченно покачал головой: - А ну, признавайтесь, куда вы его подевали?

- Потефали?

Пруссаки переглянулись, и Гамильтон понял, что они оскорблены. Двое даже положили руки на пояс, но находившиеся там пространственные складки не таили пистолетов или палашей. Капитан бросил негодующий взгляд на своих людей, и они опомнились. Пошла отповедь на гогенцоллернском насчет так называемого таинственного исчезновения их товарища: несомненно, офицера королевской гвардии похитили ради секретов, которыми он обладает.

Гамильтон замахал руками:

- Нет зря говорить! Хороший парень. Моя даже имя не знать. Он выиграть! В «черный овца». Три раз у моя выиграть в «черный овца». - Он повысил голос: - Отличный парень! Моя должна отдать долг! - Гамильтон выпрямил безымянный палец, предлагая перевести сумму «с кожи на кожу». Он мысленно убрал дополнительные опции, по которым пруссаки могли бы установить его личность. Если будут допытываться, он с легкостью устроит пьяный спектакль: мол, хоть режьте, не помню, куда запрятал. - Долг чести! Такой хороший парень!

Ему не поверили. Никто не потянулся к его пальцу. Но он многое почерпнул из бурной дискуссии на немецком за следующие десять минут, пока рьяно приставал к капитану. Тот все пуще серчал, но не рисковал оскорбить офицера британских вооруженных сил предложением катиться к черту.

Исчезнувшего звали Гельмут Зандельс. Фамилия намекала на шведское происхождение, но такое вовсе даже не редкость на континенте.

Может быть, сейчас, после своего исчезновения, он и хороший парень, но раньше симпатий не внушал. А нечего было ему, пороку не

нюхавшему, нос задирать перед настоящими вояками! И критиковать традиционные для геройских гусар взгляды на правительство, на государственное устройство, на глобальную политику. Гамильтон поймал себя на том, что разделяет эту солдатскую неприязнь. Похоже, Зандельс принадлежал к числу тех, для кого воинский долг - понятие расплывчатое.

Гамильтон поднял руку, призывая к миру и оставляя попытки найти общий язык с капитаном, после чего отошел от стола.

Удаляясь, слышал, как возобновился разговор, причем кто-то из гусар позволил себе нелестные слова в адрес принцессы. Но майор не укоротил шага.

Ничем более не сдерживаемые, пришли воспоминания. О неожиданной милости Господней, свидетелями коей были только он и она.

* * *

Гамильтон проводил отпуск дома, после того как несколько недель отслужил за границей. По своему обыкновению, вместо того чтобы отдохнуть и расслабиться, он перевозбудился и напрягся без видимой причины. Не мог спать по ночам, хандрил, даже плакал тихонько, когда в его холостяцкой квартире из театральной машины звучала любимая песня. Три дня пролетели без толку, в раздумьях, куда бы пойти и как бы развлечься. Наконец он шел, и развлекался, и вечером заглядывал в казарму пропустить стаканчик, и это действовало как лекарство. С четвертого дня и далее отдых доставлял удовольствие, и в собственных глазах Гамильтон выглядел теперь почти нормальным человеком.

Но последние трое суток давались чрезвычайно тяжело. Поэтому Гамильтон старался не считать их «последними», пытался найти какую-нибудь задачу, лучше всего связанную со службой. Хорошо, если удавалось уговорить кого-нибудь из офицеров, от которых зависело получение задач. Впрочем, последнее время офицеры к подобным просьбам относились более чутко.

Тогда, три года назад, ему предстояло маяться в отпуске две недели. Как раз наступил самый мерзкий период, когда ни себе радости, ни другим пользы.

Поутру он решил смести накопившуюся «серую слизь» с каретного двора в дренажную канаву. И тут явилась она, с грохотом и треском. Ее конь на всем скаку прынул в сторону, проломил ограду конюшни и рухнул. Двое спутников галопом скакали за ней на крепких лошадях, и еще несколько с такой же, как у Гамильтона, комплекцией спешили на своих двоих.

Но никто из них не догнал. Никто не успел подхватить.

Зато рядом оказался он.

Как выяснилось, конь не был привит против нанояда. Теперь под его шкурой царил хаос, ее вспучивали, погибая в конвульсиях, разнообразные механизмы, и это сопровождалось чудовищным зловонием. Но Гамильтон уже держал Лиз в объятиях. Пришлось повернуться к бегущему телохранителю и властным взглядом заявить о своем праве на спасение принцессы - иначе бы просто повалили и скрутили. Впрочем, она тоже пришла на выручку, воздела руки: мол, я цела и невредима. А когда оказалась на земле, потребовала, чтобы ее пустили к скакуну. Стянула перчатку, положила руку ему на шею, пытаюсь дать бой микротварям, но даже для ее уровня управления информацией было слишком поздно. Распад быстро сделал свое дело. Как же она бушевала в тот день у дверей его дома, под рев съезжающихся полицейских карет, под топот бегущих солдатских ног... Но потом махнула рукой и заявила: «Да, это превосходный конь, самый любимый из моих коней, и с детства у меня не было друга лучше, но черт возьми, это всего лишь конь. А сейчас мне нужно просто спокойно посидеть, и если этот добрый военный джентльмен окажет такую услугу...»

Он оказал «услугу».

И сделал это еще раз, когда они встретились в Дании, на балу, и кружились на плывущей льдине, покрытой ковром механодревесины, чуткой к давлению их ног и действующим снизу силам. А в небе полыхало северное сияние.

В Дании не было для Елизаветы ничего зазорного в том, чтобы потанцевать с коммонером.

Потом Гамильтон возвратился к столу, за которым ужинал комсостав его полка, и оборвал смешки с ерническими вопросами: здесь вам не казарма. Он тогда здорово наклюкался. Если бы не своевременное вмешательство денщика, остановил бы принцессу - ее, исчерпавшую бальную книжку, провожал с танцпола какой-то юнец из череды претендентов на датский трон.

Впрочем, на другой вечер она увиделась с Гамильтоном в приватной обстановке. Приватность эта стоила ей изрядных усилий. Они проговорили, попивая вино, несколько часов кряду, после чего Елизавета выказала майору большой фавор.

* * *

- Скажите, мистер Гамильтон, разве не в деталях кроется Бог?

Рядом шла женщина. Точнее, высокопоставленная иезуитка лет тридцати пяти, с темными кудрями, свободно падающими на плечи. У нее был шрам на лице (похоже, от нанолезвия) и как следствие -

разные глаза. Член Общества Иисуса никогда себе не позволит операцию по восстановлению лица, ибо сие есть тщета и гордыня. И все же эта монахиня была красива. Гамильтон даже плечи расправил, мысленно делая комплимент мускулатуре и осанке собеседницы. Ее биография, похоже, заслуживала самой уважительной оценки.

- А может, в них кроется дьявол?

- Да, небезынтересно, что говорят и так, и этак. Меня зовут мать Валентина. Отвечаю за проводимую Обществом кампанию «Эффективная любовь».

- Да что вы говорите? - Гамильтон в притворном удивлении всплеснул руками. - Я тоже всей душой за повышение эффективности этого занятия...

- Не будем зря терять время. Вам же известно, чем я занимаюсь на самом деле.

- Да, известно. Вы тоже в курсе моих обязанностей. Я просто ждал, когда мы отойдем за пределы слышимости.

- Теперь мы за пределами...

- А значит, можем начинать разговор.

Они дружно остановились. Губы Валентины приблизились к уху Гамильтона.

- Только что мне сообщили: Святой престол очень даже не прочь объявить случившееся потенциальным чудом. Там кое-кто уверен: вскоре выяснится, что пропавший человек из Черного орла был сверхъестественным образом перемещен на огромное расстояние, возможно в Берлин, и это нельзя будет считать не чем иным, как предостережением против вмешательства Пруссии.

- Да как же это выяснится, если кайзер попросту велит его тихо прикончить?

- Возможно, так и будет.

- Сами-то вы на этот счет какого мнения?

- Едва ли рядом с такими, как вы и я, могут случаться чудеса.

Гамильтон спохватился, что разглядывает ее слишком беззастенчиво. А она, поди, терпит и безмолвно впитывает информацию, чтобы воспользоваться ею лет через двадцать, если понадобится.

Поэтому он обрадовался пришедшему от техслужбы сообщению. Надо к королеве-матери идти, и не в одиночку, а с новой знакомой.

* * *

Королева-мать стояла в кладовой. Предложением присесть она пренебрегла, отчего Паркес и его команда разнервничались еще пуще.

Она кивнула Валентине:

- Я обязана вас проинформировать о том, что мы получили

официальное предложение от Святого престола. Там считают зал, где произошел инцидент, местом возможного чудесного явления.

- Если так, мои предположения о случившемся более никакого значения не имеют. Вам следует обратиться...

- К послу. Пожалуй. Но сейчас передо мной вы. Вам известно, о чем нас просят?

- Догадываюсь. Кардиналам угодно получить полную запись явления, или в данном случае правильнее сказать - исчезновения. Подготовка требуемых материалов займет совсем немного времени, ведь помещение находилось под столь... плотным контролем.

- Вы правы, это можно сделать быстро. Но меня больше заботит, что будет потом.

- Процедура требует полной изоляции помещения. Никаких следственных действий, пока его не осмотрят сами кардиналы. Необходимо свести к минимуму любое воздействие человека на процесс Божественного деяния.

- Да разве от нас тут что-то зависит? - нахмурился Гамильтон.

- Зависит, поскольку для общения с человеком Господь использует физический способ, - пояснила Валентина. - Правда, это зависит еще и от того, насколько человек верит в физику малых частиц.

- Или от того, насколько человек верит в международную политику, - проворчала королева-мать. - Что поделаться, когда нас о чем-нибудь просят из-за границы, сразу возникает сильнейшее желание сказать «нет». И в этом отношении остальные нации несколько не отличаются от британцев. Почему мы должны делать то, чего другие не делают? Но сейчас речь идет о том, что лежит в самом центре равновесия. Я имею в виду снятие охраны. Нам могут сказать, что ведь просьба исходит не от другого народа, а от Бога. Отклонить подобную просьбу сложно. Но мы способны воспринять такую сложность как вызов, и тогда нам еще сильнее захочется дать отрицательный ответ.

- Вы сейчас говорите от имени его величества?

Из горла королевы-матери вырвался кашель. Вероятно, это означало смех.

- Точно так же, как и вы говорите от имени Всевышнего.

Валентина улыбнулась и чуть опустила голову:

- Ваше величество, я думаю, все великие державы понимают: идет празднование, и нужно немало времени, чтобы пригласить премьер-министра и многих других придворных, с которыми вы должны обсудить столь непростой вопрос.

- Все так. Хорошо, я согласна. Это займет три часа. Вы можете идти.

Валентина и Гамильтон вышли.

- Пойду к нашим, послушаю, о чем говорят, - сказала иезуитка.

- Редкая вы птица, как я погляжу. Волосы длинные носите...

Она остановилась и посмотрела Гамильтону в глаза.

- Вы о чем?

- О том, что вы белая ворона и несколько этого не стесняетесь.

Она хихикнула, чем удивила Гамильтона. Он даже подумал: «Ну почему я не лорд Кэрни?».

- Готова биться об заклад, - прошептала она, - что к концу дня все это закончится. И кто-то будет мертв.

* * *

Майор вернулся в бальный зал. К этому времени у него в голове появилась картинка. Всплыла со дна сознания, из потаенного источника догадок и прозрений, - Гамильтон привык ему доверять и никогда не пытался выяснить механику его действий. В тот самый миг, когда исчез Зандельс, Елизавета сделала резкое движение. И было в этом движении что-то знакомое, даже привычное, но что именно?

Вдруг Гамильтон понял. Она как будто пыталась выстрелить, не имея оружия. Импульс явно исходил от мышц, не от разума. То есть Елизавета почему-то не контролировала себя тогда. Однако на нее это совсем не похоже.

Гамильтон встревожился.

А кто-нибудь еще заметил?

Вряд ли.

Что если и сам он способен действовать, не владея собой? Идти, куда ноги несут, и бездумно творить лихие дела?

Он оборвал эту мысль и просто пошел, куда несли ноги. Приблизился к герольду, державшему в руках планшет с бальными книжками, и предъявил фавор королевы-матери - информация, стоило о ней вспомнить, выскочила на безымянный палец.

Герольд вник в то, что передалось его кисти от Гамильтонова пальца, и вручил планшет.

Майор вполне сознавал, какими катастрофическими могут быть последствия его поступка. Поэтому он внимательно просмотрел список предстоящих Елизавете танцев и стер фамилию некоего случайного француза. Вместо которой одним касанием пальца поставил собственную и вернул планшет герольду.

Тот пребывал в полубоморочном состоянии - как будто сама Костлявая прогуливалась у него перед носом.

Пришлось ждать три танца, прежде чем настал черед Гамильтона.

Сначала балаклава. Потом Entree Grave - загадка, как этот танец оказался в списке; не иначе, герольд всю жизнь ждал возможности попрактиковаться во французском. Затем под бурные аплодисменты хорнпайп для моряков, в том числе для Бертила. И наконец, благодарение Богу, простенький вальс.

Первые три танца Елизавета пропустила, так что Гамильтон встретил ее у столика. Вымуштрованные служанки восприняли его появление стоически. Две компаньонки Лиз не на шутку испугались; Гамильтон понимал их и даже сочувствовал. Ему тоже было неудобно под цепкими недоуменными взглядами столь важных особ, находившихся в этом зале.

Елизавета приняла его руку и слегка пожала.

- Джонни, что это бабушка вдруг задумала?

- Она тут ни при чем.

Такой ответ обеспокоил Лиз.

Они встали в ряд с другими танцорами.

Гамильтон очень явственно чувствовал перчатку на ее левой руке. Механоткань скрадывала жар его собственной кожи, желание осязать девичью кисть. Но даже не будь перчатки, рука не выдала бы Гамильтону правду.

И все же он верил, что эту правду добудет. Отыщет, потому что знает Елизавету.

Заиграл оркестр. Начался танец.

Гамильтон не имел никакого плана, действовал по наитию. Он просто позволил своему телу двигаться, позволил вальсу его нести. Сам себе он казался безумцем, отплясывающим на краю вулкана.

- Помнишь тот день, когда мы познакомились? - спросил Гамильтон, когда был уверен, что их не услышат, по крайней мере не услышат другие танцоры.

- Помню, конечно. Бедненький мой Сан-Андреас... И дом твой помню, у конюшни...

- А помнишь, о чем я просил в тот день, когда мы были наедине? И ты согласилась. Помнишь те страстные слова, способные развалить всю эту шараду?

Гамильтон ничуть не хмурился, говорил мягко и при этом иронично. Он всегда так вел себя с Лиз, и она подыгрывала, отвечала шпилькой на шпильку и не обижалась. Понимала: он никогда не держит камня за пазухой; его шуточки - не более чем доброе подтрунивание.

Вот на этом-то абсолютном доверии друг к другу и выстроились их чисто английские отношения. Отношения, которые, по словам Кэрни, не вредят равновесию.

Но женщина, вместе с Гамильтоном кружившаяся сейчас в вальсе, возмутилась и обиделась. Все, что она испытывала, читалось на лице.

- Не понимаю, ты о чем! И даже если я на что-то согласилась, все равно...

У Гамильтона раздулись ноздри. Неужели он все-таки ошибся? Тогда ему конец. Но отступать поздно. Если он сорвется и полетит в кратер вулкана, это будет гибелью во имя долга.

Он убрал ладонь с талии принцессы и схватил ее за подбородок.

Пальцы глубоко впились в плоть.

И все, кто был в зале, закричали от ужаса.

Еще мгновение, и лейб-гвардейцы откроют огонь.

Есть! Он нащупал! Или только показалось? Нет, точно!..

Он уцепился и рванул изо всех сил.

Лицо принцессы Елизаветы полетело на пол.

Хлынула кровь.

Майор выхватил пистолет и дважды пальнул в сплетение мышц и механизмов, а оно скорчилось и выбросило струю защитной кислоты, обесцветив ближайшие мраморные плиты.

Гамильтон повернулся, и очень вовремя. На него кинулась женщина без лица - белые глаза среди красного мяса, на разрывах пузырится механический гной. Из волос она выдернула нож-заколку и теперь целила в горло, желая ему мгновенной смерти, а то и чего похуже.

Ломая ей руку, Гамильтон думал о Лиз. И наслаждался воплем.

Швырнув двойника на пол, хотел было закричать: «Где настоящая Лиз, мерзавцы?». Но набежало не меньше дюжины человек, и его оттащили.

Мельком он увидел перепуганного Бертила. Но не Гамильтон был причиной страха. Швед боялся за жизнь Елизаветы.

Гамильтон вдруг снова почувствовал себя предателем.

Майор прокричал фразы, сложившиеся еще в тот момент, когда он вписывал свое имя в бальную книжку.

- Ее давно подменили! Три года назад! На конюшне!

Поднялся шум. Кто-то рыдал, кто-то кричал: «Мы погибли!».

Грянуло два выстрела в той стороне, где находилась ватиканская делегация. Он повернул голову и увидел стоящую над трупом какого-то священника Валентину. Взгляды встретились. Иезуитка кивнула: она поняла, что значат крики о подмене на конюшне.

Позади нее кто-то запрыгнул на ватиканский стол и кувырнулся назад. Валентина среагировала мигом: развернулась и всадила две пули ему в грудь.

* * *

Гамильтон бежал вместе с толпой участников свадебной церемонии. Прятался среди сановников и их челяди. Кругом орали, толкались, рвались к выходу, прочь от опасности. Он прикинулся очумевшим от ужаса - перекошенное лицо, глаза зажмурены. На отчаянные призывы техслужбы не отзывался. Зато по тайной связи получил кое-что непосредственно от королевы-матери.

Шатаясь, доковылял до двери кладовой. На него оглянулся Паркес.

- Ну, слава богу, вы здесь! А мы все зовем, зовем - офис королевы-

матери требует, чтобы вы немедленно явились...

- Хватит об этом. Вы идете со мной к ее величеству. Это приказ.

Паркес выдернул из ушей плаги и встал.

- Но почему?..

Гамильтон выстрелил в правое колено, и Паркес с воплем рухнул. Все техники в комнате вскинулись, но майор проревел: «Сидеть! Иначе с вами будет то же самое!».

Он упер носок ботинка в коленный сгиб раненой ноги Паркеса.

- Вот что, Мэтти. Ты знаешь, как это неприятно. И ты не из тех людей, кто считает, что во имя долга можно и помучиться. Поэтому отвечай: сколько тебе платят? И давно ли ты продался?

Он все еще кричал на лежащего, когда ворвались лейб-гвардейцы и к каждой голове, включая его собственную, приставили оружие.

Через минуту вошла королева-мать и изменила ситуацию, по крайней мере для Гамильтона - ему вернули свободу. Женщина внимательно посмотрела на Паркеса и несильно, но метко пнула разбитую коленную чашечку. А затем повернулась к техникам.

- Самое лучшее, что вас ожидает, это чистка и переналадка мозгов. Надо узнать, кто в них покопался.

Когда техников выводили из помещения, она взглянула на Гамильтона.

- Очевидно, в бальном зале вы объявили ложную версию.

- Да, ложную. Когда вы его разберете на части, - кивнул Гамильтон на Паркеса, - выяснится, что он подделал карту аномалий. Пруссаки подменили ее высочество двойником. Знали, что в этом помещении принцесса будет двигаться predetermined маршрутом, и при содействии Паркеса установили вон в том углу складку с открытым входом.

- Но это же безумно дорого! Энергии требуется...

- Что ж, на сей раз кайзер обойдется без рождественской елки. Зандельс вошел в складку и исчез, и сделано это было демонстративно. В тот же миг его сообщники щелкнули тумблером и затащили в складку ее высочество; прикрытием послужили зрительные галлюцинации, вызванные перемещением Зандельса. Немного новой технологии, немного старой доброй ловкости рук.

- И немного помощи от прусских агентов в Ватикане. Вместо молодой англичанки, способной влиять на шведский двор, там оказывается кукушонок из Берлина. Молодчина Вильгельм, здорово придумал. Такой успех стоит новогодней елки.

- Держу пари, похитители все еще в складке. Ничего не знают о том, что творится снаружи, ждут, когда зал опечатают по настоянию благочестивых церковников, чтобы выскользнуть и благополучно убраться восвояси. Наверняка едой на несколько суток запаслись.

- Вы полагаете, моя внучка еще жива?

Гамильтон задумчиво потер подбородок.

- На реке стоят прусские яхты весь судоходный сезон. Вряд ли похитители откажутся от премии за доставку принцессы на допрос.

- Да! - вскричал вдруг Паркес. - Замысел именно таков. Умоляю вас...

- Дайте ему обезболивающего, - распорядилась королева-мать и снова повернулась к Гамильтону: - Равновесие необходимо сохранить. Вильгельм, надо отдать ему должное, не вышел за рамки. Пруссаки могут списать Зандельса и его парней как распоясавшихся хулиганов, действовавших на свой страх и риск. Таким образом удастся избежать дипломатического инцидента. И мы, разумеется, пойдём навстречу. По традиции Черный орел получает ровно столько информации, сколько необходимо для выполнения задачи. Да и вообще, эти люди скорее покончат с собой, чем выдадут нам расположение войск или иные стратегические сведения. А вот то, что мы получим от Паркеса и его сообщников, - это потенциальный позор для Пруссии, который нам позволит в ближайшие месяцы давить на кайзера. Да и Ватикан какое-то время будет разговаривать с нами совсем иначе.

Она протянула руку, и Гамильтон почувствовал в безымянном пальце фавор, дополненный несколькими записями, вероятно, лестными для него. Но это можно и позже прочесть.

- Майор, мы распечатаем складку. Войдите туда. Спасите Елизавету. Всех остальных убейте.

* * *

В помощь Гамильтону дали группу офицеров, все четверо были его друзьями. Собрались в зале трофеев, разработали план операции и распределили боевые задачи. В усадьбе нашлось несколько саперов, им приказали заменить Паркеса и его команду. Паркес объяснил, что запершиеся в складке люди оставили тончайший эфирный след, но лишь для экстренной связи. Никаких сообщений по этому каналу отправлено не было. Похитителям неизвестно, что происходит за пределами их убежища.

У Гамильтона никаких чувств, кроме отвращения, предатель не вызывал. Но с ним надо было работать. Майор знал: люди этой породы под нажимом становятся разговорчивыми, Особенно если внятно и доходчиво, во всех подробностях объяснить, какие неприятности могут свалиться им на голову.

Фальшивая Лиз уже подверглась демонтажу, хотя ее настоящее имя выяснить пока не удалось - задача ведь непростая, требующая много времени. В ее голове самым прихотливым образом сплелось и срослось несколько разных личностей, и этот клубок пугал придворных психологов не меньше, чем облик «кукушонка». Существом вроде этого

двойника нужна власть, чтобы жить, как им нравится. Но власть приобретается дорогой ценой - при этом в душе нарушается равновесие. По большому счету, что представляет собой народ, если не скопление душ, знающих, кто они и как бы им хотелось жить? Утрачивая собственную идентичность, ненастоящая Лиз и ей подобные в итоге проигрывают. Они лишают себя будущего и подвергают опасности других. Это даже предательством нельзя назвать. Здесь больше подходит смешанная метафора: когда живую марионетку засовывают в сложную машину равновесия, ее бечевки путаются, обвиваются вокруг тела и пережимают артерии, питающие сердце и мозг.

* * *

Офицеры в боевой экипировке собрались в пустом зале торжеств, где прислуга еще не успела убрать со столов. Да что столы - во всем дворце никто даже не помышлял о наведении порядка. Торжественное мероприятие было безнадежно сорвано. Представители великих и невеликих держав разбежались по своим посольствам и яхтам. Наверное, мать Валентина уже выясняет подробности измены - кто в ее делегации продался и почему. Будет отлучение от церкви *postmortem*³, и не избежать отступникам адских сковородок.

Гамильтон подумал о Лиз. Затем поднял руку и вынул из воздуха свой пистолет.

Один из саперов принес какой-то прибор, включил обратный отсчет, козырнул и вышел.

- Вперед, «зеленые куртки»! - воскликнул за спиной у Гамильтона офицер знаменитого стрелкового полка.

Остальные упомянули свои подразделения, не менее славные.

Гамильтон ждал. В нем рос тугий ком страха и волнения.

Таймер щелкнул на ноле. Открылась полость в структуре мироздания. Гамильтон и его люди бросились вперед.

* * *

Вбежав, они сначала никого не встретили. Пол и сводчатый потолок были покрыты универсальным «пограничным» материалом. Он излучает слабое радужное сияние, отчего все подобные полости вызывают легкое головокружение. Как будтоходишь в пещеру Николая Чудотворца. Или попадаешь в посмертный туннель, тот, что

³ * *После смерти (лат.).*

уносит душу в мир иной.

Во рту у Гамильтона появился знакомый привкус, это хлынул в кровь адреналин. И не ожиданием скорой и неминуемой схватки он был вызван, а тем чувством, что возникает при попадании в другую вселенную, когда ты слишком далек от родины, полностью оторван от своего Бога.

В складке была гравитация. И правда, денег пруссаки не пожалели.

Маленький отряд продвигался вперед, бесшумно ступая по кромке вселенной. Вот уже близок поворот туннеля, оттуда доносятся голоса.

Четверо офицеров посмотрели на Гамильтона. Он сделал еще пару осторожных шагов - как хорошо, что у форменной обуви мягкие подошвы. Услышал голос Елизаветы, правда, слов еще не разобрать, далековато. Она рассержена, но не сломлена. И не дерзит врагам в ожидании пыток. Спорит с ними, убеждает. Гамильтон не сдержал улыбочки. Они ведь даже не догадываются, с кем связались.

Как бы то ни было, в лагере противника еще не поднимали тревогу. Поставить сигнальные мины в конце складки почти невозможно. Наверное, пруссаки часа два сторожили у входа, но не дождались от оставшихся снаружи сообщников тревожных посланий и расслабились. Гамильтон был уверен, что изначальный план предусматривал дежурство по часам, но Лиз ухитрилась втянуть в спор и караульщика. Представилось, как она стоит сразу за поворотом и, горячась, выкладывает довод за доводом; глаза то и дело косятся на выход, на платье сверху расстегнута пуговка-другая. В прическе у нее тоже есть нож-заколочка, но он бесполезен против таких серьезных ребят.

Гамильтон прикинул расстояние. Подсчитал мужские голоса: раз, два, три... Четвертый ниже остальных, и его обладатель говорит не на пиджине, а на чистом немецком. Зандельс. Похоже, его только что разбудили. Он раздражен, спрашивает, какого черта...

Майор выбросил из головы все мысли о Лиз. Посмотрел на товарищей, и они поняли: пора! Сработают сигнальные мины, а может, и не только сигнальные, но все же есть шанс реализовать преимущество внезапности.

Он кивнул.

И все устремились к повороту, готовясь разобрать цели.

Ожидаемо взвыла сирена, но это не остановило англичан. Враги были застигнуты врасплох, да только профи приучены работать на рефлексах - сразу кинулись к оружию, лежащему среди котелков, ящичков, консервных банок...

Гамильтон был готов к тому, что перед ним появится Лиз. «Нельзя на нее реагировать! Ищи цель!»

Он присел и закричал, когда рядом напоролся на взведенную сигнальным датчиком мину офицер. Красный взрыв, клочья мяса по всей пещере... «Зеленая куртка». Эх...

Гамильтон «поплыл», но заставил себя выпрямиться, сфокусировать зрение. Впереди справа и слева двое отлетели как кегли, получив по две пули в корпус, а он двигался слишком медленно, спотыкался - ходячая мишень.

Кто-то из пруссаков успел выстрелить в потолок и тоже рухнул, дважды продырявленный. Взорвался...

Все враги убиты, кроме...

Наконец-то Гамильтон увидел свою цель.

Зандельс. Но перед ним - Елизавета. Закрывает собой каждый сантиметр его тела. А он прижимает к шее принцессы пистолет. На мертвых товарищей не глядит.

Трое пришедших с Гамильтоном офицеров медленно подступали - руки на виду, стволы направлены вниз - и косились на майора.

А тот не опускал оружия. Держал свою цель.

Но на линии огня была принцесса. Все молчали.

Лиз посмотрела в глаза Гамильтону. И в самом деле, две пуговицы расстегнуты. Принцесса ничуть не нервничала.

- Ну что ж, - начала она, - ситуация весьма...

Зандельс что-то пробормотал, и она умолкла.

Тишина.

Пруссаки рассмеялись, и смех этот нельзя было назвать неприятным. С квадратного лица смотрели живые глаза, уголок рта оттянулся в улыбке. Люди его профессии - Гамильтон это знал - склонны смотреть на жизнь с юмором. И на смерть.

Не было ощущения абсурдности происходящего, о которой рассказывали солдаты, выбиравшие однажды между гибелью и альтернативой. Пруссаки, очевидно, обдумывали альтернативу. Просто она всегда кажется дикой военному человеку. В глубине души майор не мог не сочувствовать Зандельсу. Еще неизвестно, как сам поступил бы на его месте.

- Даже не знаю, зачем я это сделал, - Зандельс взглядом показал на Елизавету. - Рефлекс.

Гамильтон понимающе кивнул.

- Тебе надо было выиграть секунду.

- Слишком красивая девчонка, жалко на шведа тратить.

Гамильтон почувствовал, что Лиз на него не смотрит.

- Это не трата, - сказал он мягко. - И ее королевское высочество надлежит называть по титулу.

- Не хотел оскорбить.

- И не оскорбил. Но мы в присутствии августейшей особы, а не в казарме.

- Уж лучше бы в казарме.

- Да, пожалуй.

- Оружие я не отдам.

Гамильтон не нарушил субординацию, не посмотрел на подчиненных вопросительно: одобряете или нет?

- И не нужно. Мы тебя казнить не собираемся.

Зандельс удовлетворенно кивнул.

- Жаль, что так получилось. Мы бы спокойно подождали и ушли. А эту складку убрали бы ваши.

- Надо думать, не в Берлин ушли бы?

- Нет, - подтвердил Зандельс. - Совсем в другую сторону.

Гамильтон ждал.

- Ну хорошо. - Зандельс отошел на шаг от Елизаветы.

Майор опустил оружие, зато его люди взяли свое на изготовку. Держать пруссака на мушке не было необходимости. Его ствол у бедра, для прицельной стрельбы вскинуть не успеет.

Елизавета не сошла с места. Поправила прическу и застыла, глядя на Зандельса так, будто желала сказать ему что-то на прощание, но не находила слов.

Гамильтон внезапно осознал, насколько неестественна эта сцена. Уже было открыл рот, чтобы...

Но Лиз вдруг положила ладонь Зандельсу на щеку.

Между пальцами серебристо блеснула узкая полоска.

Пруссак упал и забился в конвульсиях, зашелся хриплым криком - подчиняясь безжалостной и четкой команде нервной системы, он откусил себе язык. Потом скрытый в ноже-заколке механизм позволил ему умереть.

Принцесса взглянула на Гамильтона и повторила его слова:

- Это не трата.

* * *

Саперы осмотрели туннель, а потом он был уничтожен, как и хотел Зандельс. Гамильтон не возражал. Свою задачу он считал выполненной, а новые распоряжения не поступали.

Не думая о возможных последствиях, он решил найти мать Валентину. Но иезуитка успела покинуть усадьбу вместе с ватиканской делегацией, и даже кровавых пятен не осталось там, где ступали ее ноги.

Майор расположился за столиком, хотел налить себе шампанского. Но бутылка оказалась пустой.

Бокал ему наполнил лорд Кэрни, усевшийся рядом. Вместе они наблюдали за благополучно воссоединившимися женихом и невестой. Счастливые Елизавета и Бертил все кружились и кружились в танце, не замечая никого и ничего. Ими любовалась бабушка принцессы. И улыбалась.

- Мы с вами видим восстановленное равновесие, - изрек Кэрни. - Или, возможно, эти двое восстановят его нынче ночью. Эх, если б только у нас была альтернатива!

Гамильтон осушил бокал.

- Эх, если б только у нас ее не было.

И он ушел, не дожидаясь, когда лорд скажет что-нибудь еще.

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Paul Cornell. One of Our Bastards Is Missing. 2010. Публикуется с разрешения автора.

ФРАНК ХАУБОЛЬД

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

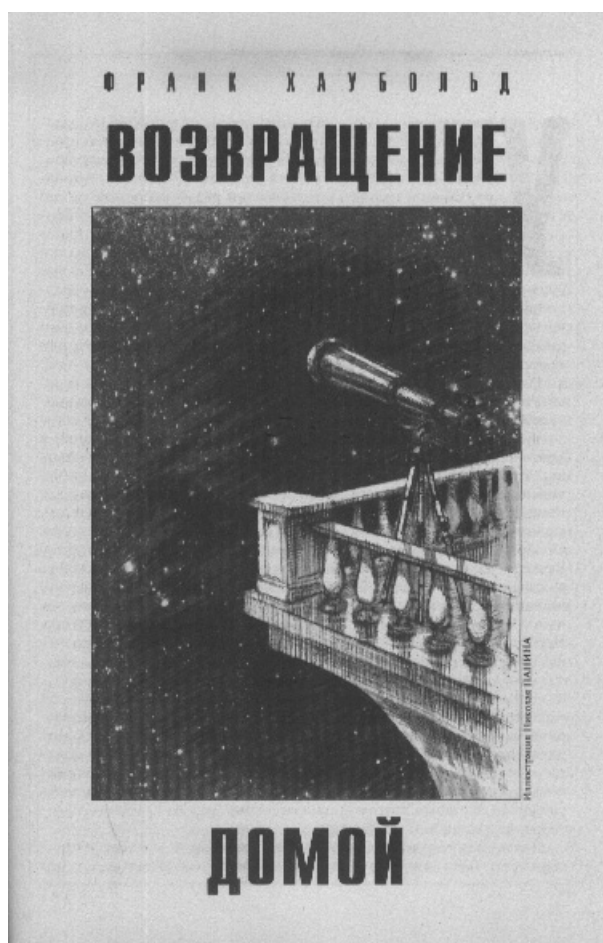

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Уже смеркалось, когда Кравитц свернул с автобана на федеральную

трассу, ведущую в Нидерлар. Он не ожидал встретить на своем пути полицию, особенно перед Рождеством. Пробки на этой дороге были редкостью: собственно говоря, он видел их здесь только один раз - непосредственно после События. И все же он старался вести машину особенно осторожно и аккуратно. Постоянное присутствие полицейских и регулярные проверки были частью «политики разрядки», которую проводило правительство. Когда схлынула первая волна туристов, спешивших полюбоваться на последствия катастрофы, готовых преодолеть сотни километров и перетерпеть сотни часов ожидания, для того чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на таинственный Барьер, обстановка в городе более или менее стабилизировалась.

Разумеется, слова «взглянуть на Барьер» - всего лишь оборот речи, ведь он всегда оставался невидимым. Тем не менее понять, где он проходит, было нетрудно. Кравитц хорошо помнил те первые дни, когда вокруг Барьера был воздвигнут еще один периметр из ограждений и кордонов и сотни парней в униформе следили за тем, чтобы любопытные туристы не подходили слишком близко. В то время фотографии маленького городка в Северных Альпах не сходили со страниц газет, и всякий считал своим долгом высказаться о сущности События и о том, какие последствия оно может иметь для человечества. Множество смельчаков клялись, что измыслили надежный способ проникнуть за Барьер. Однако все они ошибались, и никому до сих пор не удалось разгадать хотя бы физический механизм События, не говоря уже о его причинах и значении. Единственным ощутимым результатом этих попыток были упавший вертолет и несколько обезображенных трупов. Исследования ни на шаг не приблизили людей к пониманию того, что на самом деле произошло в Нидерларе в ночь на 23 декабря 2012 года.

* * *

Когда Кравитц впервые услышал о Событии, журналистская истерика была в самом разгаре. 21 декабря он улетел в Бостон на международную конференцию по планетологии. Конечно, он мог отказаться от участия в конференции и даже, наверное, должен был, поскольку испытания еще шли полным ходом, но ему очень хотелось увидеться со старым другом - профессором Сергеем Комаровым, который был в списке приглашенных.

Друзья одинаково не доверяли средствам связи - и телефонный звонок, и электронное письмо можно легко перехватить. А у них имелась тема для разговора, в которую они не хотели посвящать посторонних.

Участники конференции с интересом выслушали реферат Кравитца о

работе немецких ученых в проекте ANSMET (The Antarctic Search for Meteorites Program). А вечером двое ученых собрались на «военный совет» в номере отеля. К сожалению, им было нечем похвастать друг перед другом: исследования обоих не принесли существенных результатов. Однако их по-прежнему согревали смутные надежды и бутылка «Столичной», которую привез Комаров. Наутро Кравитц проснулся со страшным похмельем и едва не опоздал в аэропорт. В самолете он попросил у стюардессы таблетку снотворного и уже начал проваливаться сон, но тут бросил мимолетный взгляд на монитор. На всю жизнь он запомнил надпись на красном фоне: «Авария ядерного реактора в Исследовательском институте. В Нидерларе введен карантин». Потом по экрану поплыли знакомые пейзажи - городские улицы, церковь, ратуша, корпуса института, вид города с высоты птичьего полета. «Какой ядерный реактор? - удивился Кравитц. - В институте отродясь не было ничего подобного!» Он потянулся к карману за мобильником, но тут же вспомнил, что разговаривать во время полета запрещено. «Как только приземлимся, надо тотчас же позвонить Мириам и выяснить, что это за шутки...»

Позже он не раз спрашивал себя, как удалось ему так долго оставаться столь безмятежным? Почему у него не возникало никаких подозрений? Разумеется, все это были вопросы без ответов. Кравитц с завистью вспоминал свое прежнее, такое наивное «я». Но смог бы он сделать что-нибудь, будь у него второй шанс? Окажись он каким-то чудом снова в 2012 году со всеми своими теперешними знаниями и опытом? Честным ответом было бы: вряд ли.

Дорога вела через лес, и Кравитц включил фары. Яркий белый свет разогнал тени и заставил искриться снег на лапах вековых елей. Кравитц любовался этой рождественской картиной вот уже восемь лет. В этом году, как и обычно, дни перед Рождеством выдались холодными и снежными. Казалось, у погоды есть свой ритуал, подобный тому, какой Кравитц придумал для себя. Столь же бессмысленный. Физиксам не мог понять, что год за годом приводит его в Нидерлар. Взрослые наряжают елки на Рождество, чтобы на несколько часов вернуться в детство. А он едет сюда, чтобы вернуться в прошлое. Домой, хотя дом для него недоступен.

Когда машина вынырнула из волшебного леса, Кравитц увидел город, лежащий в долине. Казалось, здесь тоже ничего не изменилось с 2012 года, но ученый хорошо знал, как ошибочно это представление. Городок в нижнем течении Аарнау с каждым годом терял обитателей. Они уезжали, покидали свои дома, свою прежнюю жизнь. Поток туристов схлынул, новенькие мотели и гостиницы, построенные на пике популярности, теперь стояли пустыми и заколоченными. Но дело было не только в этом. Кравитц подозревал, что жителей заставляет уезжать так называемый синдром Робинзона - одно из таинственных

последствий таинственного События. Так это было или нет, но местные не очень-то любили распространяться о причинах массового исхода, особенно в разговорах с чужаками. А он теперь был здесь чужаком. Может быть, он всегда им был, несмотря на годы, прожитые в городе. Для местных старожилов, все, кто приехал из большого мира, всегда оставались гостями - более или менее желанными. Институт был построен в семидесятые годы прошлого столетия и очень быстро завоевал себе репутацию в научном мире, так что все молодые физики Германии стремились попасть сюда. Кравитц был одним из счастливицков. Параллельно со строительством синхротрона возводились и дома для молодых ученых, каждый - на одну семью. Вскоре они встали на границе институтского городка стройными рядами, похожие друг на друга как две капли воды.

Через годы после События господин Долдингер, владелец «Льва», сказал Кравитцу: «Что-то такое должно было случиться. Мы этого давно ждали. Почитай с самого начала. Просто чудо, что эти ученые не прихватили с собой половину города». Он не знал, что Кравитц сам был из «этих ученых», думал, что перед ним один из приезжих. Обитателей научного городка редко помнили в лицо.

На окраинах города запустение было особенно ощутимо - темные здания мотелей и жилых домов, сплошь занесенные снегом, щиты на окнах, ржавеющие остовы машин. Многие мусорные контейнеры были перевернуты, ветер гонял над дорогой листки бумаги, сорванные с заборов. Печальное свидетельство рухнувших надежд инженеров и бизнесменов, которые хотели подняться на строительном буме в Нидерларе. Ажиотаж оказался кратковременным - он, скорее, истощил силы города, чем принес кому-то прибыль.

Ближе к центру город выглядел более обыденно - на улицах горели фонари, окна и витрины были освещены. Начали попадаться пешеходы и машины. Правда, тех и других Кравитц мог буквально пересчитать по пальцам. И только здание ратуши на главной площади выглядело в точности как в старые добрые времена. Рядом с ним располагался «Золотой лев» - самая дорогая и комфортабельная гостиница в городе. Из окон холла лился золотой свет, фонарь над дверью качался под ветром, играя бликами на двух бронзовых статуях львов, стоявших справа и слева от входа. Кравитц зарулил на стоянку и припарковался рядом с синим внедорожником, на дверце которого можно было различить логотип UNSCET.

«Опять этот Вильямс здесь, - раздраженно подумал физик. - Все ему неймется...»

Профессор Вильямс руководил международной наблюдательной группой, с ходом лет постепенно превращавшейся в мощную и отлично финансируемую компанию, занятую переливанием из пустого в порожнее. Как Вильямсу удалось до сих пор удержаться на плаву,

оставалось для Кравитца загадкой. Было очевидно, что Событие современной науке пока не по зубам. Разумеется, рано или поздно прорыв произойдет, и движущие механизмы явления станут ясны, но сидеть в Нидерларе и ждать, пока на чью-то голову свалится пресловутое Ньютоново яблоко, бессмысленно. Они выложились здесь полностью еще в первые годы. Сейчас необходимо искать обходные пути - так всегда поступали люди науки, когда проблему не удавалось взять с наскока. Поэтому, будь он на месте Вильямса, то украшал бы сейчас елку у себя дома.

«Может быть, он это делает, чтобы казаться самому себе более значимым», - предположил Кравитц.

Он вылез из машины, достал из багажника сумку, захлопнул дверцу и направился к крыльцу гостиницы. Сумка была та же, что и восемь лет назад, и внутри лежали те же вещи. Даже это было частью ритуала.

- Добро пожаловать, господин профессор. По вам можно часы сверять, - поприветствовал его охранник, не выходя из своей будки.

Кравитц печально усмехнулся - наконец его стали узнавать в лицо в Нидерларе.

Кроме него в холле находились двое: Вильямс и его спутник - молодой азиат, то ли японец, то ли кореец. Они сидели в глубине зала за маленьким столиком и о чем-то беседовали.

Завидев Кравитца, Вильямс воскликнул:

- Ваше здоровье! - И поднял бокал с пивом.

Молодой человек пил чай. Он вежливо улыбнулся и кивнул Кравитцу.

- Номер тридцать два, как всегда? - спросил портье.

- Да, если можно, - Кравитц взял ключ.

В «Золотом льве» карточки так и не прижились - все пользовались старомодными ключами с бирочками, на которых был обозначен номер комнаты. Поднимаясь по лестнице, он услышал, как Вильямс говорит своему спутнику:

- И так - каждый год.

Потом звякнул о стол пустой бокал. Кравитц порадовался, что он уже не внизу - иначе точно не удержался бы и нагрубил наглому голландцу.

В коридоре второго этажа было холодно и пахло какой-то дезинфицирующей жидкостью. Запах был знакомым, он вызвал смутное ощущение дежа вю. В интерьере тоже ничего не изменилось - Долингер хорошо знал, что нужно его немногочисленным постояльцам.

Комната номер тридцать два... Открывая дверь, Кравитц почувствовал, что его сердце забило быстрее. Свет включился автоматически, едва он переступил порог, а штора отъехала в сторону, открывая вид на город. Обстановка в комнате осталась прежней - словно Кравитц и не уезжал отсюда. Физик устало опустил в кресло. Поездка вымотала его. Как всегда, он тщательно следил за тем, не преследуют ли его, хотя и сомневался в своей способности заметить

профессиональную слежку - его знакомство с методами шпионов ограничивалось парой фильмов о Джеймсе Бонде. Сейчас бы в душ и поспать... И тут же он понял: нет, не сейчас. Он больше не может ждать ни минуты.

Кравитц достал из сумки футляр, из футляра - прибор ночного видения, активировал микрокомпьютер. Потом выключил свет и вышел на балкон. Все остальные окна на этажах оставались темными: или там никого не было, или постояльцы уже спали. «Значит, за мной никто не наблюдает...» Кравитц тряхнул головой, отгоняя абсурдную мысль. Кто может за ним наблюдать? Кому это нужно? Уж во всяком случае, Вильямс вне подозрений, он изрядно нагрузился пивом еще до приезда Кравитца и сейчас, наверняка, догружается. За восемь лет даже люди из UNSCET могут растерять энтузиазм. Вильямс был здесь с самого начала, когда ученые еще не потеряли надежды «быстренько разобраться» в случившемся, и если бы он в какой-то момент заподозрил, что Кравитц врет или недоговаривает, он еще тогда забил бы тревогу. Нет, скорее всего, он лишь надеялся, что в одно прекрасное мгновение Барьер попросту исчезнет так же неожиданно, как и появился, и тогда он, Вильямс, окажется в нужном месте в нужный момент. «Что-то общее все же у нас есть», - подумал Кравитц с грустной улыбкой. Забавно было сознавать, что оба они лелеют одни и те же мечты, но по разным причинам.

Он пристроил трубу на штатив. Аппарат был цейсовский, дорогуший и лучший, который можно достать за деньги. Гостиницу и Барьер разделяли не более двухсот метров: он начинался сразу за рыночной площадью. С балкона Кравитц видел немногочисленные огни в обитаемой части города - уличные фонари, фары машин. За Барьером царил тьма. Событие произошло в десять часов двадцать три минуты по средневропейскому времени, а в это время обычно все источники искусственного света отключены.

«Почти все», - подумал Кравитц, наводя фокус. В окуляре царил тьма, пока он не поймал слабый отблеск оконного стекла и не запустил программу распознавания. Его глупое сердце заколотилось как сумасшедшее, когда на мониторе появилась картинка: маленький почтовый грузовик, застывший всего в дюжине шагов от Барьера, но уже «по ту сторону», за ним стена дома, угол витрины с косо висящей рождественской гирляндой, окно на втором этаже, переплет, стекло, погруженная в темноту комната - и россыпь слабых, едва различимых огней в дальнем углу. Красный, зеленый, золотой, снова зеленый и индигово-синий. Гирлянда на рождественской елке. Гирлянда, которая горит уже восемь лет. Когда-то он сам купил ее на распродаже, и с тех пор Мириам каждый год вешала ее на елку.

Кравитц прильнул к окуляру. Где-то там, в темноте - Мириам. Он знал, что не увидит ее, но ничего не мог с собой поделаться: он должен был

снова и снова пытаться ее отыскать, иначе вся его жизнь лишалась смысла. Может быть, она ходила в кладовую, чтобы взять пакет с другими елочными украшениями? А может, была на кухне? Или прилегла отдохнуть в спальне? Либо она стоит в двух шагах от его письменного стола и держит телефон, чтобы позвонить ему и сказать что-то важное? Где она находилась в тот момент, когда невидимое поле накрыло ее и заставило застыть навсегда, как мушку в янтаре?

Нет, это бессмысленно. Разве UNSCET не просвечивала весь район приборами, в сравнении с которыми его цейсовский аппарат был все равно что мыльница по отношению к серьезной фототехнике? Они ничего не нашли - почему же он думает, что найдет? Он может провести на балконе всю ночь, и это ни на миллиметр не приблизит его к Мириам.

И все же Кравитц всматривался в окуляр, пока голова не закружилась, а перед глазами не поплыли алые круги. Его руки дрожали, когда он развинчивал трубу и укладывал ее в футляр. Наверное, от холода.

* * *

Примерно через полчаса Кравитц спустился в ресторан. Сначала он думал пропустить ужин, но потом вспомнил, что с утра не ел толком. Контрастный душ быстро вернул ему бодрость - этому трюку он научился еще в студенческие годы. Кравитц твердо пообещал самому себе, что даже присутствие Вильямса не испортит ему аппетит.

Эти двое, разумеется, были там. Кравитц быстро кивнул им и, не глядя больше в ту сторону, сел за свободный столик у окна. На ужин спустились и другие гости: пожилая пара и компания мужчин, которые, судя по их красным лицам и громким голосам, злоупотребляли местным вином.

- Что будете заказывать, господин профессор? - Долингер в белом фартуке замер в почтительном ожидании.

Кравитц изучил меню и заказал, как всегда, суп из белых грибов, отбивную и красное вино - это тоже было частью ритуала. Вино принесли быстро, и Кравитц налил себе бокал, надеясь, что ему удастся поужинать без помех - может быть, у Вильямса достанет такта не тревожить его сегодня. Следом прибыли грибы и отбивная, и в заключение - творожный мусс с ромовыми вишнями, знак любезности хозяина. Кравитц наслаждался едой, и это заставило его забыть на время о Вильямсе и его играх.

Поэтому он вздрогнул, услышав за спиной знакомый голос:

- Простите, у вас не занято?

Прежде чем он успел ответить, Вильямс уселся за стол напротив него. Азиат примостился сбоку, не сводя с Кравитца темных внимательных

глаз. «Обложили, - подумал профессор с неудовольствием. - На что он надеется... старый дурак?»

- Позвольте представить вам мистера Кванга, - начал Вильямс.

Кравитц кивнул и пробормотал свое имя. «Вильямс подтягивает резервы, - думал он. - Боже, как мне все это надоело!»

- Господа что-нибудь желают? - Долингер внимательно отслеживал перемещения своих гостей.

Кравитц покачал головой. Вильямс заказал еще пива, мистер Кванг попросил чашку зеленого чая.

- Надеюсь, поездка вас не утомила? - начал Вильямс, получив свой бокал.

- Нисколько, но вряд ли именно это вас интересует, - ответил Кравитц немного резче, чем собрался. - Может быть, не будете тратить время на расшаркивания и перейдете сразу к сути дела?

- Это довольно любопытно.

- Что именно? - поинтересовался Кравитц холодно.

- Разве вы не хотите узнать, зачем я пригласил мистера Кванга?

- Не особенно. Но вижу, вы очень хотите мне это рассказать.

- Мистер Кванг - специалист по информатике и... по информации, - ответил Вильямс невозмутимо. - Он умеет вылавливать из Сети несвязанные на первый взгляд факты и сопоставлять их.

- Вот как? И что же вы выловили, мистер Кванг?

Но азиат лишь вежливо улыбнулся, предоставив Вильямсу вести разговор.

- Он нашел для нас одно имя, - продолжал голландец. - Комаров. Профессор Сергей Комаров. Вы знакомы с ним, Кравитц?

- Разумеется. Мы работали в смежных областях и часто встречались на конференциях.

- И одна из ваших встреч состоялась как раз накануне События?

- Возможно. Тогда я был на конференции в Бостоне. Думаю, Комаров ее тоже не пропустил, следовательно, вполне вероятно, что мы там встречались.

- Но вас связывало нечто большее, чем мимолетное знакомство, не так ли? У вас есть общие научные интересы.

- Если вы имеете в виду «The Antarctic Search for Meteorites Program», то да, мы оба принимали участие в нескольких экспедициях. Однако это не секрет, вам не нужно было привлекать хакера. Достаточно выйти на официальный сайт проекта.

- У вас также было общее хобби, - продолжал голландец как ни в чем не бывало. - Вы оба собирали осколки метеоритов. В том числе покупали их на интернет-аукционах.

- Ну да, и это тоже не секретная информация, - улыбнулся Кравитц. - Все мои коллеги хорошо знают о моей маленькой слабости. Но каков будет ваш итог? Какое отношение подробности моей биографии имеют

к деятельности вашей конторы?

- Потерпите немного. - Голландец отхлебнул пива. - Мы как раз переходим к этому. Вы в курсе, что не все исследования Комарова... скажем так... имели академический характер.

- Боюсь, не совсем вас понимаю, - отозвался Кравитц.

«У этого типа ничего нет, - думал он. - Просто закидывает удочку наудачу».

- Тогда позвольте я расскажу вам одну историю. - Вильямс открыто усмехнулся. - Факты вам, скорее всего, знакомы, но вся соль в их интерпретации.

- По всей видимости, я не могу вам помешать, - сухо ответил Кравитц.

- Рассказывайте: чем скорее мы закончим с этим, тем лучше.

- О, такой настрой мне по душе! - Вильямс просто лучился энтузиазмом. - Тогда без долгих предисловий - к делу. Итак, однажды ваш друг... о, простите, ваш знакомый профессор Комаров купил на одном полулегальном аукционе нечто особенное. Нечто такое, что показалось ему очень необычным.

- Возможно, хотя и маловероятно. - Кравитц пожал плечами.

- Уверяю вас, это чистая правда. - Вильямс приложил руку к груди. - Благодаря мистеру Квангу у нас есть доказательства.

- Ну хорошо, я вам верю. Что дальше? О каком именно метеорите идет речь?

Кравитцу надоел этот уклончивый разговор. Если им есть, что предъявить, пусть говорят прямо, если нет - пусть проваливают.

- А что если речь идет не о метеорите, а об инопланетном артефакте?

- спросил Вильямс, безуспешно пытаясь скрыть свое жгучее любопытство за нарочитой небрежностью.

Кравитц не мог отказать себе в удовольствии его поддразнить.

- Большая часть метеоритов имеет вземное происхождение, - сказал он. - Некоторые несомненно попадают в космос с других планет. Например, при извержении вулканов.

- Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, - проворчал Вильямс, едва заметно раздражаясь. - Об искусственном артефакте, который был создан не природой, а разумными существами.

- То есть вы говорите о «летающей тарелке», - «догадался» Кравитц. - Очевидно, об очень маленькой «тарелочке»...

- Давайте оставим сарказм, пока я не расскажу историю до конца, - попросил Вильямс. - Обещаю, вы убедитесь, что смеяться тут не над чем. Что касается размеров артефакта, то здесь у нас нет достоверных сведений. Однако нам точно известно, что профессор Комаров не стал публиковать данные о своей находке и предпочел исследовать ее самостоятельно, не ставя своих коллег в известность.

- Звучит интригующе, - согласился Кравитц. - Что же было дальше?

- По неизвестным нам причинам Комарову не удалось добиться

удовлетворительных результатов. И тогда он обратился за помощью к вам.

- Интересно, почему именно ко мне?

- Вероятно, потому что Комаров был минералог, а вы - физик.

- Я не единственный физик, который был знаком с Комаровым, но предположим на минуту, что вы правы. Что дальше?

- Комаров выделил вам часть купленного им материала для исследований, и вы провели некоторые тесты, но тоже предпочли избежать официального оформления протоколов.

«Все правильно, - подумал Кравитц с сожалением. - Мы не хотели лишних свидетелей, пока сами во всем не разберемся».

Вслух же он сказал:

- И все равно я не понимаю, какую связь вы усмотрели между этими гипотетическими фактами и Событием, которое вас интересует.

- А разве не могло быть так, что именно ваши эксперименты вызвали реакцию артефакта, которую мы описываем как Событие? - Вильямс испытующе взглянул на собеседника, но потом тут же отступил. - Разумеется, это только предположение. Мы знаем лишь, что центр образовавшегося временного пузыря находится в районе синхротрона - то есть непосредственно рядом с вашим местом работы. А также, что профессор Комаров бесследно исчез то ли первого, то ли второго января 2013 года. И никто до сих пор не имеет представления о его теперешнем местонахождении. Еще мы знаем, что профессор Комаров встречался с вами за четыре недели до Бостонской конференции на российско-польской границе - вероятно, для того чтобы передать вам образец материала.

Кравитц почувствовал, что краснеет. Черт, откуда Вильямсу известно все это? Они оплачивали билеты и счет за отель наличными и зарегистрировались под чужими именами, полагая, что никто ничего не узнает. Похоже, они с Комаровым оказались никудышными заговорщиками.

Вильямс угадал его мысли.

- Вы тут ни при чем, - сказал он с улыбкой. - Агент ФСБ оказался в отеле совсем по другим делам и сфотографировал вас случайно. Ну разве не ирония судьбы?!

И он вытащил из сумки смазанную черно-белую фотографию, на которой Кравитц и Комаров пожимали друг другу руки в холле отеля.

- А вы случайно нашли информацию в интернете? - сыронизировал физик.

- В Сети, - поправил его Вильямс.

Азиат скупно улыбнулся.

- Что ж, я впечатлен, - признал Кравитц, возвращая фотографию. - Не пойму лишь одного: почему вас это так интересует?

- Но вы еще не дослушали историю до конца, - возразил Вильямс. -

Возможно, вы получите ответ на ваш вопрос, если проявите немного терпения.

- Хорошо, но не могли бы вы сократить ваш рассказ?

- Он уже подходит к концу. Итак, мы полагаем, что в Польше Комаров передал вам часть артефакта внеземного происхождения, изготовленного существами, о научных знаниях и технических возможностях которых мы не имеем представления. Своего рода ящик Пандоры. И вы попытались открыть его.

«Все чертовски верно!» - подумал Кравитц, вспоминая небольшую черную капсулу, которую невозможно было повредить ни алмазным сверлом, ни концентрированными кислотами, ни сверхвысокими температурами, ни жестким рентгеновским излучением. Тогда они решили подвергнуть странный метеорит бомбардировке пучками разогнанных электронов. Для этого и понадобился синхротрон.

- Поначалу у вас ничего не получалось. Но вы были настойчивы, постоянно наращивали энергию, и - вуаля! - артефакт наконец отреагировал. И вы оказались совершенно беспомощны.

- Все это очень интересно, - произнес Кравитц спокойно, удивляясь собственному равнодушию.

Да, Вильямс прав. Ну и что? Он все равно никогда не узнает об этом. Кравитц улыбнулся голландцу и решил, что, пожалуй, того есть за что уважать. Настоящий бультерьер. Другой бы на его месте давно отступился. Это сколько же материалов ему пришлось перекопать! С помощью мистера Кванга, очевидно. Но главное, о чем эти двое не догадываются и никогда не догадаются, - все их открытия абсолютно бесполезны.

...Артефакт был действительно куплен на интернет-аукционе. Это был кусочек знаменитого сихотэ-алиньского метеорита: небесного камня, упавшего в Уссурийской тайге в горах Сихотэ-Алинь 12 февраля 1947 года в 10 часов 38 минут. Общая масса собранных осколков составила 27 тонн, поэтому они не относились ни к редким, ни к дорогим. Однако объявление привлекло внимание Сергея тем, что указанные в нем размеры и вес осколка не соответствовали друг другу. Сихотэ-алиньский метеорит относился к группе железистых, в его состав входило также 6% никеля. Но осколок, купленный Комаровым, оказался неожиданно тяжелым. Комаров связался с продавцом и выехал во Владивосток, где и состоялась сделка. Парень уверял, что осколок достался ему от дедушки. Комаров полагал, что кто-то из них - то ли дедушка, то ли внук - просто стащил метеорит, но это его не слишком интересовало. Он заплатил пятьсот долларов и добавил еще пятьдесят, чтобы продавец забыл его имя.

После возвращения он прямо из аэропорта поехал в свой московский институт, чтобы провести первые тесты и подтвердить свои предположения. Он оказался прав: масса включений в образце

превышала норму в четыре раза. Извлечь включения не представляло труда. И через несколько дней в руках Комарова была капсула очищенного от всех примесей вещества. Восемь сантиметров в длину, двенадцать миллиметров в ширину и ровно двести восемнадцать граммов весом. Плотность вещества составляла 25 г/см³. Даже осмий, самый тяжелый из известных на сегодняшний день металлов, был легче. Радиологические исследования показали, что вещество абсолютно непроницаемо для жесткого излучения. Столь же бесполезной оказалась и спектрометрия. Капсула вообще не реагировала на физические воздействия. Больше всего удивился Комаров, когда попытался расплавить полученное вещество. Ему не удалось нагреть его выше 25 градусов по шкале Цельсия. Оно поглощало энергию без малейших последствий. Позже Кравитц повторил опыт своего друга, воздействуя на вещество плазмой при температуре 2 000 000 000 градусов. И с тем же результатом. Вещество не поддавалось алмазным сверлам и высокому давлению. В конце концов Сергей пришел к выводу, что возможности его лаборатории исчерпаны.

* * *

- Это все, что вы хотите мне сказать? - спросил Вильямс.

- Что?.. Ах да! Очень интересно. Просто фантастическая история. Вам нужно быть писателем.

Вильямс отхлебнул пива и посмотрел на Кравитца.

- Я знаю, о чем вы сейчас думаете.

К чему Кравитц был совершенно не готов, так это к тому, что его оппонент широко улыбнется. Неужели Вильямс был так уверен в своих козырях?

- Вот как?

- Да. Вы думаете: этот голландец может болтать все, что взбредет ему в голову, в конце концов он ничего не докажет. Пока существует Барьер, его слова - всего лишь сотрясение воздуха.

- А это не так?

- Вы убеждены, что я пытаюсь заставить вас в чем-то сознаться?

- Нет, что вы? У меня и в мыслях не было, - усмехнулся Кравитц.

Однако новый поворот, который принял разговор, ему не понравился. Вильямс слишком много выпил сегодня, он может не сдержаться и перейти к непарламентским методам ведения дискуссии. Пожалуй, пора заканчивать.

- Я понимаю, вы мне не доверяете, - сказал Вильямс. - Но вы должны знать: мне очень жаль, что так случилось. Никто не мог предположить подобный исход.

- Спасибо за сочувствие.

- В любом случае мы здесь не для того, чтобы создавать вам трудности. Но необходимо наконец понять, что мы с этим, - он указал рукой в окно, имея в виду Барьер, - можем сделать.

- Как вы это себе представляете? Вы работаете восемь лет и не приблизились ни на шаг к решению.

- Вы совершенно правы: физические основы феномена для нас до сих пор остаются загадкой. Но есть еще вопрос: почему? И я думаю, он имеет ответ. Особенно, если мы примем во внимание таинственное исчезновение вашего друга.

- У вас есть что-то конкретное?

- Ясно только, что профессор Комаров не ударился в бега. По нашим данным, 7 января 2013 года ровно в семь часов пятьдесят минут по московскому времени он миновал проходную своего института, и с тех пор его никто не видел.

- Звучит очень интригующе.

- Может быть, - Вильямс усмехнулся. - Во всяком случае, исчезновение Комарова наделало шума в узких кругах. Предпринимались самые разнообразные попытки отыскать его, и удалось выяснить по крайней мере, что Комаров не покидал территорию института,

- И что вы предполагаете?

- Что исчезновение Комарова связано с артефактом. Это реакция артефакта на воздействие, которому его подвергли в Нидерларе. Рефлекторная защита или, что вероятнее, разумные действия.

- Разумные действия? - Кравитц не сдержал усмешки. - Вы полагаете: чужие среди нас?

- Я так не думаю, - возразил Вильямс. - Но не исключаю никакой возможности. Если ученым не удалось найти физического объяснения случившемуся, мы должны предположить, что столкнулись с внеземным разумом.

- Если мы говорим о маленьких зеленых человечках, то простите, доктор Вильямс, для меня это слишком фантастично. Сегодня был длинный день, и я чертовки устал.

Он сказал правду. Кравитц чувствовал себя совершенно разбитым. Возможно, поездка оказалась трудной для него, или он выпил много вина за ужином. В любом случае сейчас ему хотелось просто закрыть глаза и забыть обо всем.

- Прошу нас извинить за то, что отняли у вас время, - сказал Вильямс сухо. - Спокойной ночи, герр профессор.

- Спокойной ночи, господа, - попрощался Кравитц.

Он встал и покинул ресторан.

С замиранием сердца он вошел в комнату. Следов чужого присутствия Кравитц не обнаружил, что, впрочем, ни о чем не говорило. Но портсигар он по возможности носил с собой и сейчас достал его из кармана. Эта вещь принадлежала его деду Джонатану С.Кравитцу, о чем извещала гравировка на внутренней поверхности. Кравитц был некурящим, и портсигар долгие годы валялся на полке без дела, пока для него не нашлось содержимое. Капсула - серый цилиндр со скругленными концами - была толще обычной сигареты и лежала на специальной подушечке, которую Кравитц сделал из теплоизолирующего материала. При некотором усилии фантазии ее можно было принять за патрон, но, скорее, она была не похожа ни на что, существующее на Земле. Когда Кравитц взял ее из футляра, он поразился реакции своих мускулов и нервов - они все еще ожидали меньшей нагрузки, хотя он носил с собой капсулу не первый год. Металл должен был холодить руку, но поверхность капсулы оставалась теплой. На ощупь она была, как полированное дерево. Кравитцу казалось бессмысленным гадать, что из себя представляет этот материал - у него было слишком мало данных. Инопланетянин, в чьи руки попала бы пепельница, никогда не догадался бы, что это такое, если бы на его родной планете не рос табак. И нет никаких признаков, говорящих о том, что эта «пепельница», возможно, меняет пространственно-временной континуум под воздействием разогнанных пучков электронов в синхротроне...

«Но ты ведь способна на это, - подумал Кравитц с невольным уважением. - Ты можешь останавливать время, если тебя рассердить. Ты можешь заставить людей исчезнуть. И бог знает, что ты еще можешь...»

Он заметил, что последние слова произнес вслух.

«Да, наверное, мы были не слишком осторожны и не обращались с тобой с должным уважением, но мы не думали, что имеем дело с чем-то большим, чем просто образец инопланетного металла».

Он знал, что подобный разговор абсурден, но уже не мог остановиться.

«Мне очень жаль, что мы тебя потревожили, но мы не хотели причинить тебе боль. Только один знак, сигнал - и мы сразу все прекратили бы».

Он остановился и облизнул губы. Ему вспомнилось кое-что, преследовавшее его на протяжении нескольких лет. Просто дурной сон, но необычный. Сон, как правило, видишь. Кравитц же находился в кромешной тьме, не ощущая границ своего тела, но зато остро чувствуя одиночество и беспомощность. Так ярко, как никогда не ощущал их в реальной жизни. Разве что будучи младенцем, но эти

воспоминания милосердно изгладились из памяти. Это было полное, тотальное, абсолютное одиночество. Одиночество без надежды. Кравитц не знал, как долго он оставался в этом состоянии. Возможно, несколько часов, а может, пару секунд. Но в это время он не ощущал собственного тела, не мог думать, где он, что с ним и как он попал в подобную ситуацию. Ощущение затопило его, подобно прибою.

И также мгновенно схлынуло. Кравитц осознал, что стоит у окна, сжимая в руке капсулу. Осторожно он положил ее обратно в портсигар. Странно, но он чувствовал сожаление.

Впервые Кравитц испытал то, что в литературе называли «синдромом Робинзона» два года назад. Это произошло здесь, в отеле, в этой самой комнате. Согласно отчетам UNSCET, этот феномен наблюдался уже в течение четырех лет, иногда сходя на нет, иногда распространяясь как вспышка эпидемии. Его интенсивность ослабевала при удалении от Барьера. Наглядным доказательством служил тот факт, что большинство домов вокруг Барьера опустели. Военных, поддерживавших порядок в Нидерларе, разместили в южном предместье в двух километрах от центра, чтобы уберечь их от нарушений сна и других симптомов невроза. Возможно, дело было во влиянии стасис-поля на психику, но что если речь шла о пресловутых «разумных действиях» Вильямса?

Кравитцу внезапно показалось, что он находится в одном шаге от решения всех загадок, что он уже знает ответ, просто не может подобрать слов.

Капсула... Стасис-поле... Синдром Робинзона... Сихотэ-алиньский метеорит... Обломок... Одиночество...

Ему просто нужно найти связи между этими словами. Возможно, все дело в происхождении метеорита... Кравитц достал из сумки комборд, вышел в Сеть и соединился со своей базой данных. Нужно было уточнить кое-какую информацию. «Состав»? Нет, не то. «Место обнаружения»? Нет. «Возможная орбита»? Ага, это уже ближе.

Первая ссылка вела на статью русского ученого академика В.Г.Фесенкова, который в апреле 1947 года возглавил экспедицию на место падения метеорита. Он первым на основании показаний очевидцев о направлении движения тела попытался вычислить его орбиту. Позже в модель внесли некоторые изменения, и наконец Шепард и Тернер установили, что период обращения составлял 1132 дня и что крушения просто не могло быть - еще за двадцать шесть лет до своего падения на Землю метеорит должен был попасть в поле тяготения Марса и остаться там. Двое британцев предоставили свои данные Фесенкову, и тот пришел к выводу, что ошибки нет, а единственное объяснение заключается в том, что метеорит появился сравнительно недавно - вероятно, в результате столкновения двух небесных тел.

Столкновение, думал Кравитц. И оно произошло совсем недавно. Возможно, в сторону Солнца полетели только мелкие обломки, а более крупные фрагменты продолжают свой путь в глубины космоса.

Железные астероиды были редкостью, но большинство малых планет или планетоидов имели железное ядро. Предполагают даже, что они являются частью некоей планеты, раздробленной мощным полем тяготения Юпитера на миллион осколков. Планеты или... огромного инопланетного космического корабля, части которого обладают своего рода искусственным интеллектом, памятью о своем предназначении и стремлением к восстановлению?

Разумеется, это была только фантазия, но почему бы не пофантазировать? Он один в номере, очень устал, перевозбужден и не может уснуть. Вот в голову и приходят всякие странные картины: сотни, а может, тысячи или миллионы подобных капсул, выживших в катастрофе и мечтающих о воссоединении. Возможно, они в состоянии поддерживать связь друг с другом... Ну конечно же! Кравитц остановился, как громом пораженный. Синдром Робинзона! Вот и объяснение. *Они хотят вернуться!*

Кравитц посмотрел на портсигар, лежавший на столе. Неужели эта вещь может чего-то желать? И если это так, как объяснить ей, что он понял ее стремление? Но он должен это сделать, если хочет снова увидеть Мириам. У него не было никаких доказательств, что он на верном пути, но он не собирался отказываться от надежды, пусть она казалась зыбкой и эфемерной. Кравитц осторожно снова взял в руки цилиндр и поразился тому, какой он теплый.

- Мы отправим тебя домой, - прошептал он, сжимая капсулу в кулаке, слово талисман.

И тут же подумал: «Домой... Но куда?»

В поясе астероидов обнаружены четыре малые планеты: Церера, Паллада, Юнона и Веста. Железно-никелевое ядро найдено у Весты. Это был весьма ненадежный след, но у Кравитца не было другого, а желание спасти Мириам пересиливало скепсис. Он снова взялся за комборд, вызвал портал НАСА и начал контекстный поиск по слову «Веста».

Через несколько минут он уже знал, что в 2011 году космический зонд «Рассвет» прошел рядом с планетоидом и передал на Землю сотни снимков. На них не было следов столкновения с каким-то особенным объектом, но это ничего не значило - катастрофа могла случиться сотни миллионов лет назад. Кравитц нажал на баннер «Виртуальный полет», светившийся на панели. Тут же весь экран заняла неровная поверхность планетоида, испещренная следами от попаданий микрометеоритов. Она, покачиваясь, проплывала перед глазами, как будто физик действительно летел над ней. «Это то самое место? - мысленно спросил он. - Ты узнаешь его?» Но ответа, разумеется, не

дождался. На самом деле это смешно. Даже если капсула обладает своеобразным разумом и стремлением вернуться домой, то как установить с ней контакт? Как она может понять его и ответить?

- Мы вернем тебя назад, - он произнес эти слова вслух, словно давая торжественную клятву. - Тебя и остальных.

В этот момент он понятия не имел, как собирается исполнить свое обещание, но твердо знал, что если понадобится, посвятит этому всю жизнь.

Капсула никак не отреагировала. Чего и следовало ожидать. Кравитц внезапно почувствовал страшную усталость и, не раздеваясь, повалился на кровать. Это был трудный день. Трудный и бессмысленный.

«Мириам, - думал он, засыпая. - Мириам, прости... я не смог... ни тогда, ни теперь...»

Внезапно он понял, что все еще сжимает капсулу в руке, но уже не было сил вставать и искать портсигар. Кравитц засунул ее под подушку, как ребенок любимую игрушку.

Его разбудил телефонный звонок.

Кравитц с трудом приподнялся на постели, тряхнул головой, приходя в себя.

«Если это Долингер, он подождет... Что за манера будить постояльцев, когда они об этом не просят?»

Но это был голландец. ,

- Вильямс, что, черт побери, вам еще нужно? Неужели вы до сих пор не поняли... Что вы сказали?.. Барьер?.. Вы серьезно?.. Да-да, конечно. До свидания.

Кравитц выбежал на балкон как был - босиком. За ночь изрядно потеплело, небо обложили низкие тучи. Весь центр города тонул в белесом тумане. Кравитц бросился назад, в спешке вытащил прибор ночного видения, собрал, стараясь не уронить и не растерять детали. Это было нелегко - руки дрожали от волнения. Он вынес прибор на балкон, настроил, приник к окуляру. Все, как обычно - никакого движения. Или... Кравитц затаил дыхание. Грузовик исчез. Восемь лет он простоял без движения в дюжине метров от Барьера, восемь лет он вез утренние газеты и рождественские открытки тем, кто так и не прочитал их, его фото обошло все журналы мира, а теперь он исчез... Нет, не исчез, а уехал. Кравитц увидел, что грузовик стоит в сотне метров в стороне, а водитель вылез из кабины и растерянно оглядывается вокруг - недоумевает, наверное, почему так неожиданно рассвело.

«Это случилось, - подумал Кравитц. - Это наконец случилось».

Раздался истошный звук сирены, и на площадь одна за другой стали выезжать полицейские машины. Но Кравитц этого не видел - он был уже на лестнице. Ботинки он надел, а пальто брать не стал. Вместо

этого он сжимал в руке, словно величайшее сокровище, старинный портсигар.

- Подожди еще немного, Мириам, - шептал он. - Я скоро буду дома.

И ему казалось, что он слышит тихое эхо собственных мыслей. «Буду дома... Скоро...»

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Frank W. Haubold. Heimkehr. 2007. Печатается с разрешения автора.

МАЙК РЕЗНИК

ШЕСТЬ СЛЕПЦОВ И ЧУЖАК

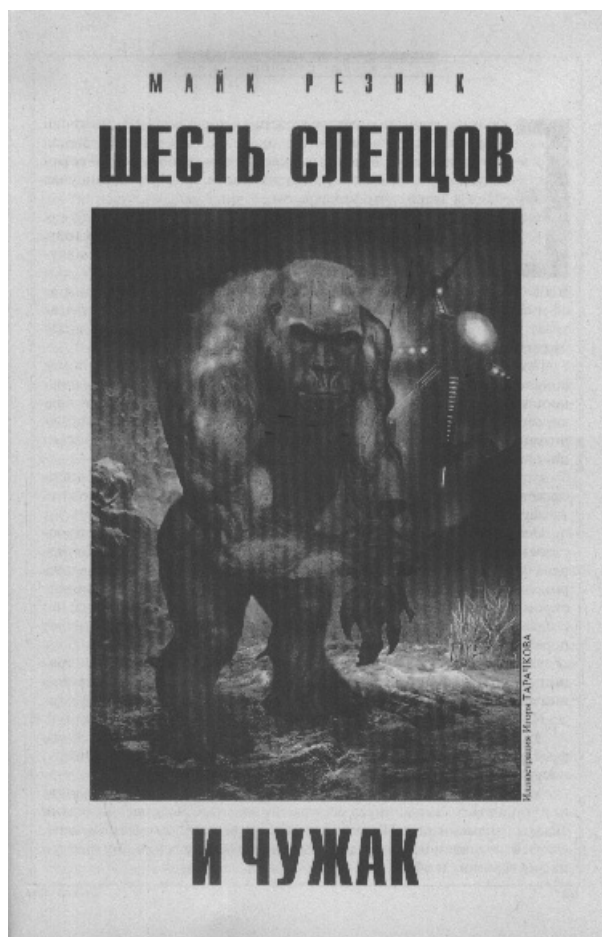

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Есть такая притча о четырех слепцах и слоне. Первый слепец ощупал хобот и заявил, что слон - это змея. Второй ощупал ногу и пришел к выводу, что слон - это ствол дерева. Третий ощупал бивень и сказал,

что это копье, а четвертый ощупал хвост и заявил, что это веревка...

Знаете, если бы Папа Хемингуэй побывал здесь в 2038 году, он написал бы «Слякоть Килиманджаро», потому что обнаружил бы на горе именно это.

В 1900 году гора сияла красотой. Снег и лед на ней были видны за 80 миль. К 2000 году девяносто процентов его исчезло. И никто не знает почему. Или, наверное, подобно тем слепцам, каждый знает причину, но каждый не прав.

Правительство Танзании начало паниковать в 2015 году. В конце концов, после резкого уменьшения численности диких животных в национальных парках в результате уничтожения среды обитания и браконьерства туристы, посещающие Килиманджаро, были главным источником твердой валюты. Танзанийцы даже пробовали засыпать склоны искусственным снегом, как это делают на горнолыжных спусках.

Разумеется, ничего у них не получилось. Ведь они попытались восстановить основную часть грандиозного ледника, а не проложить трассу для нескольких лыжников.

Поэтому льда и снега становилось все меньше, и к 2038 году его осталось с гулькин нос. Но то был особый год - ровно сто лет назад Эрнест Хемингуэй написал классический роман «Снега Килиманджаро», и мой спонсор, журнал «Джиографи мэгэзин», решил профинансировать последнее восхождение на эту гору, «чтобы пройти по следам Хемингуэя и в последний раз испытать благоговейный трепет перед Килиманджаро».

Задумка казалась неплохой, даже если Папа не заходил выше границы леса и не поднимался на ледник. Во всяком случае, так в редакции считали все.

Нас было шестеро плюс носильщики.

Джим Донахью, фотограф. Он завоевал несколько наград, и его фотографии опубликованы почти во всех престижных журналах мира, посвященных путешествиям и природе.

Адриан Горман, проводник. Он поднимался на гору раз двадцать или тридцать и даже написал об этом две книги. Среди нас он, можно сказать, знаменитость. Горман это знал и вел себя соответственно. Особой симпатии ни у кого не вызывал, но мы доверили ему отвести нас на вершину и обратно.

Чарлз Нджобо представлял правительство Танзании. В каждой экспедиции есть такой представитель, что создает дополнительное рабочее место в этой нищей стране. Он никак не хотел верить, что мы пошли на все эти трудности и расходы, лишь бы взглянуть на то место, где давно умерший писатель нашел труп леопарда. Нджобо упрямо считал, что тут замышляется нечто злое, и твердо решил

докопаться до истины.

Бонни Херрингтон, видеооператор. Крепкая, как гвоздь, надежная, как швейцарские часы. Я никогда не пойму, как она смогла подняться на гору, приклеившись глазом к видеоискателю, а ведь большинство из нас едва одолели подъем, не обременяя руки и зрение. Но Бонни сумела.

Рэй Гловер, звукооператор Бонни, электрик и мастер на все руки. Огромный человек-танк, выполняющий любое ее желание. Когда я спросил его - почему, он объяснил, что Бонни уже заработала ему два состояния, и он ожидает третье, когда документальный фильм о нашем восхождении будет готов к выходу в эфир.

И я, Энтони Тарика. Имею ученые степени по биологии млекопитающих и ботанике. Предполагаю, меня выбрали по той простой причине, что так было дешевле, чем посылать биолога и ботаника.

Я должен также упомянуть Муро, главного носильщика из племени чагга. Он немного говорит по-английски и чуть-чуть по-немецки, а потому слишком горд, чтобы есть и спать с остальными носильщиками. Муро всегда разводил себе костерок на полпути между ними и нами, что соответствовало его положению в нашей экспедиции. Ему предстояло сыграть одну из основных ролей в нашем приключении.

Природные условия ниже бывшей границы снегов изменились мало. Когда поднимаешься на две тысячи метров, даже в тропиках по ночам стоит страшная стужа - и это лишь треть пути до вершины.

Три четверти деревень уже остались ниже, но вы еще в густом лесу и надо соблюдать осторожность. Даже сейчас в лесу еще бродят несколько носорогов, буйволов и слонов, но заметить их очень трудно. Ярких черно-белых обезьян колобусов глаз ловит намного легче. Бедняжки - наверное, именно поэтому их осталось так мало.

На высоте трех километров появляется пар от дыхания, когда солнце начинает садиться, и если идти, напрягая силы, то увидеть его легче, чем отдышаться. Здесь все еще можно время от времени заметить слона, а иногда и леопарда, но почти вся живность на такой высоте или закапывается в грунт, или пускает в ход крылья.

На четырех километрах дышать лучше через нос, потому что воздух становится очень разреженным и сухим.

Чуть ниже пяти километров вы набредете на деревушку Кили, где живет племя чагга. Говорят, тут все было покрыто снегом полвека назад. Женщины обрабатывают поля. Для разведения скота здесь слишком высоко, поэтому мужчинам почти нечем заняться, и они большую часть времени бездельничают.

У Донахью на высоте началась серьезная одышка. Он стоял, согнувшись, и ловил ртом воздух. Один из носильщиков направился к нему с кислородным баллоном, но когда Донахью заметил, что Бонни нацелила на него камеру, махнул ему, чтобы тот отошел.

- Что вы думаете, мистер Горман? - спросил он.

- Думаю, что сегодня подниматься выше не стоит, - ответил Горман. - Через час темнота уже не позволит фотографировать. Предлагаю разбить здесь лагерь, а на рассвете выступить.

Донахью наконец-то перевел дыхание и кивнул:

- Как, черт побери, этот толстый пьяница Хемингуэй сюда поднялся?

- А он, наверное, и не поднимался, - предположил Горман.

- Мне все-таки хочется думать, что поднимался, - упрямо возразил Донахью.

- А будет ли разница, если вы узнаете, что не поднимался?

- Ни малейшей. В редакции велели пройти по его следам, реальным или вымышленным - все равно. - Он улыбнулся. - И это не самое худшее. Они могли поручить мне пробежаться с быками.

- Во всяком случае, мы делаем это за их счет, - вставила Бонни.

- За их шиллинг, - уточнил Горман. - Вы сейчас на британском Востоке.

Я взглянул на великого Адриана Гормана, легенду своего времени, автора двух книг о собственных приключениях, и искренне ему посочувствовал. «Бедный сукин сын, - подумал я, - ты даже не знаешь, чья это теперь страна. Господи, да она перестала быть британским Востоком или чьим угодно еще до твоего рождения».

- Значит, мы остановимся здесь на ночь? - спросил Донахью.

- Поднимемся еще метров на пятьдесят. Там есть шесть хижин, их построили для альпинистов. Внутри кое-какие припасы, и в них намного теплее, чем в палатках. Нас шестеро, и хижин шесть. Как раз то, что надо.

Мы подошли к хижинам через полчаса.

- Где разместятся носильщики? - спросила Бонни, оглядываясь.

- В палатках.

- Им же будет ужасно холодно.

- Они чагга, - ответил Горман. - Привычные.

Я повернулся к Муро:

- Это так?

- О да, - заверил он. - Чагга не боятся ничего.

- Кроме занаке, маконде и масаев, - с усмешкой добавил Горман. - Как думаете, почему они забрались так высоко на эту чертову гору?

Муро угрюмо взглянул на него, но промолчал.

- Нам все равно, почему чагга забрались на гору, - вмешался Рэй Гловер. - Нам важнее узнать, почему сюда поднялся леопард.

- Не совсем так, - поправил его Донахью. - Нам важнее узнать, где этот леопард. Это Хемингуэю хотелось понять - почему.

- А вот интересно, ваших читателей это действительно волнует? - осведомилась Бонни, когда носильщик обошел нашу компанию, наливая каждому горячий чай.

- Надеюсь, что так, - заметил Рэй, потирая руки. - Командировка в Сахару мне сейчас показалась бы весьма привлекательной.

- И станет еще более привлекательной, когда мы доберемся до границы снега, - добавил Горман.

- И когда это произойдет?

- Когда-нибудь завтра утром. Сто лет назад мы бы уже вчера шли по снегу.

- Мне довелось увидеть только фотографии, - сказал Рэй, - но все равно трудно представить старину Килли без ее роскошной ледяной шапки.

- Еще труднее это будет сделать всем десяткам тысяч людей, которые живут на нижних склонах горы, - добавил Горман. - Это очень много воды, которая перестанет к ним течь.

- А я лишь надеюсь, что к ним не потечем мы, - пробормотала Бонни. - Тут склон гораздо круче, чем в фильмах, которые я видела.

- Вы видели тех, кто поднимался по тропе Марангу, - пояснил Горман. - Там более легкий путь к вершине.

- Тогда почему мы не пошли тем путем, черт возьми? - спросил Донахью. - Ведь нам поручили описать и заснять не восхождение, а то, что мы найдем.

- По тропе Марангу до сих пор ходят каждый день, и никто там ничего не нашел, - пояснил Горман. - Мы первые за более чем пять лет, кто выбрал тропу Мвека. Если леопард существует, мы найдем его здесь. Снег на горе тает таким образом, что леопарда наверняка нашли бы, лежи он где-нибудь возле тропы Марангу.

- Вы понимаете, - сказал Чарлз Нджобо, заговорив впервые за несколько часов, - даже если вы найдете этого леопарда, вам не разрешат его перемещать?

- Вы говорите это дважды в день, - раздраженно огрызнулась Бонни. - Разве вам кто-нибудь возражал?

- К тому же, - добавил Рэй, - если он там есть, то оттаивал уже несколько лет. И кому захочется тащить его домой?

- Я лишь должен убедиться, что вы это понимаете, - повторил Нджобо.

- Они понимают, - заверил Герман и похлопал по своей винтовке. - Кстати, я пристрелю первого, кто попытается смяться с леопардом.

- Что, и ты тоже? - удивился Рэй. - Да никто не захочет мараться. Он наверняка так воняет, что мы почуем его намного раньше, чем увидим.

- Если он вообще там есть, - добавил Донахью.

- И на этой оптимистической ноте я предлагаю всем поужинать и немного поспать, - сказал Горман. - Завтрашний день обещает стать долгим.

Повар приготовил нам какое-то очень сухое и волокнистое мясо, которое носильщики принесли с собой - кто-то сказал, что это

антилопа-прыгун, - а после ужина мы разошлись по хижинам.

Я принял лекарства - я лет на десять старше любого в экспедиции, у меня повышенное давление и уровень холестерина до небес - и попытался заснуть. Конечно, мышцы у меня настолько устали, что я проспал бы всю ночь даже без судорог, но не мог унять возбуждение. До сих пор большую часть работы делали Донахью и Бонни, но мы поднялись на высоту, где наконец-то понадобятся мои знания специалиста. Если там замерзший леопард, то где он, вероятнее всего, может оказаться? Этот вопрос порождает следующий: чем он там питался? Очевидно, травоядными. А это означало, что там должны были водиться травоядные до того, как ледник превратился в слякоть. Если так, то чем эти травоядные питались? Какие виды растений там росли и какие виды травоядных они могли прокормить? Леопард не стал бы отходить слишком далеко от добычи, особенно когда его так легко заметить на фоне белого снега, поэтому знание привычек его добычи приведет меня туда, где он жил и умер.

Я начал вспоминать увиденные сегодня растения, мысленно сортируя их и стараясь понять, какие из них новички на этом склоне, а какие могли здесь расти и в те времена, когда ледник был большим... И вдруг я открыл глаза - было уже утро, а в лагере кипела бурная деятельность.

- Доброе утро, профессор, - поприветствовал меня Горман, руководивший приготовлением завтрака.

- Доброе утро. И я доктор, а не профессор.

Горман пожал плечами:

- Что в лоб, что по лбу.

Не успел я ответить, как он подошел к костру и принялся выговаривать одному из помощников.

- Надеюсь, мы наткнемся там на каких-нибудь слонов или львов, - негромко сказала Бонни. Она подошла, наблюдая за очередной вспышкой раздражения нашего проводника. - Иначе станет лишь вопросом времени, когда он использует носильщиков вместо мишеней.

- У него репутация лучшего, - заметил Рой, подходя к нам.

- Что ж, в следующий раз надо будет сперва выяснить, лучшего в чем, - отозвалась Бонни. - Лет сто или двести назад он расхаживал бы с плетью и лупил каждого носильщика.

- А потом гадал бы, почему мы морщимся всякий раз, когда он проходит мимо, - с улыбкой добавил Рэй.

- Хочу вам сообщить кое-что, - сказал я, и все повернулись ко мне. - Мне он нравится не больше, чем вам, но готов поспорить, что каждый член нашей экспедиции вернется домой в целостности и сохранности. На мой взгляд, он не похож на проводника, теряющего много клиентов из-за паники или беспечности.

- Наверное, вы правы, - согласился Рэй и неожиданно улыбнулся. -

Скорее всего, он теряет их намеренно.

Мы быстро позавтракали яичницей с колбасой. Затем Горман встал, дважды хлопнул в ладоши и объявил, что пора выступать.

- У меня тут мысль появилась, - сказал Джим Донахью. - Почему бы нам не объявить награду в тысячу долларов тому, кто первым заметит леопарда? Это нам ничего не будет стоить, если только кому-нибудь не повезет.

- Плохая идея, - возразил Горман, и я заметил, что Чарлз Нджобо кивает, соглашаясь с ним.

- Почему?

- Носильщики здесь для того, чтобы нам помогать. Они тащат палатки, провизию, чай, камеры и все прочее. Если предложите тысячу долларов тому, кто найдет леопарда, которого, возможно, здесь и вовсе нет, то они разбредутся по всей горе, и их потом не соберешь, а ведь они нам нужны.

- Хорошо, я все понял, - признал Донахью. - А что если мы лишь попросим их поглядывать по сторонам, не обещая ничего?

Горман ухмыльнулся:

- Что ж, можете попробовать.

Тут к нам подошел Муро и сообщил, что палатки сложены в хижинах, носильщики нагружены камерами и звуковой аппаратурой, про аптечку тоже не забыли, и экспедиция готова продолжать восхождение на Килиманджаро.

- Кому-нибудь нужно еще время на сборы? - спросил Горман. - Нет? Тогда в путь.

Мы начали восхождение, и хотя снега едва хватило бы, чтобы слепить снеговика, здесь было холодно. Воздух разреженный, и через несколько минут все стали задыхаться. Ну, кроме Муро и носильщиков, которым наши мучения, похоже, казались забавными.

У Гормана хватило ума - никогда не спишу это на сочувствие - устраивать через каждые полчаса привал, чтобы мы отдышались. На третьем привале, около половины десятого, Муро устоялся куда-то вдаль, затем достал бинокль.

- Как думаете, что он там увидел? - спросила Бонни и, прищурившись, посмотрела в ту же сторону.

- Нашего леопарда? - с надеждой уточнил Донахью.

Я покачал головой:

- Вряд ли.

- Почему?

- Нет укрытия, - пояснил я. - Тут крутой склон, а леопарды прячутся среди деревьев, но не среди камней. А на этом склоне никогда не росли деревья. Кстати, большая часть флоры появилась здесь уже после таяния снегов. А того, что росло здесь сто лет назад, не хватило бы на прокорм достаточного количества добычи.

- Вы уверены?

- Это моя специальность.

Муро повернулся к Горману с торжествующей улыбкой на узком лице.

- Чуй! - воскликнул он.

- Чую? - переспросил Рэй. - Он что, что-то учуял?

- Чуй, - повторил я. - Это «леопард» на суахили.

- Вы, кажется, говорили, что это не мог быть леопард, - напомнил Донахью.

- Я сказал, что вряд ли. - Я побрел в направлении, указанном Муро. - Давайте взглянем, что там такое.

Муро обогнал меня и буквально пробежал оставшиеся полмили, затем принялся вопить на своем языке нечто такое, что даже Горман не смог разобрать.

Мы заторопились вперед, задыхаясь, не обращая внимания на острую боль в груди, и несколько минут спустя окружили покрытый мокрой грязью холмик. Под ним, несомненно, лежало тело. Одна нога торчала наружу - жесткая и замерзшая, покрытая коричневой шерстью.

- На мой взгляд, это точно не лапа леопарда, - сказала Бонни.

- Наверняка, - поддакнул я.

- Согласен, - сказал Горман. - На этой лапе никогда не было когтей. Ни вытягивающихся, ни любых других.

- Это человек? - спросил Рэй.

Тело было настолько очевидно не человеческим, что никто не потрудился ответить.

- Что ж, давайте вытащим его и осмотрим свою находку, - предложила Бонни.

- Это собственность правительства Танзании, - заявил Нджобо. - К нему никто не имеет права прикасаться.

- Согласен, - кивнул я. - Тело могут загрязнить наши ДНК и микробы, которые мы принесли на себе. Мне надо послать за подходящим оборудованием, чтобы переместить объект в безопасные условия.

- У вас нет права перемещать тело, - не унимался Нджобо.

- Я не говорил о том, чтобы переместить его с горы. Но тело необходимо перенести туда, где его сможет осмотреть группа экспертов. Наверху должна отыскаться надежная пещера, где температура все еще ниже нуля.

- Я настаиваю: оно останется здесь.

- Вы действительно хотите прославиться как человек, из-за которого погиб первый экземпляр... чем бы это ни оказалось? - спросил я. - Что скажет ваше начальство?

Нджобо помолчал.

- Я над этим подумаю, - вымолвил он в конце концов. Потом добавил: - Если кто-либо прикоснется к нему без моего разрешения, я отправлю его вниз в одиночку.

Горман долго рассматривал находку.

- Я думал, что знаю каждое животное, когда-либо жившее на Килиманджаро, - сказал он и повернулся к Муро: - Приведи сюда пару носильщиков, пусть они очистят тело от грязи. - Он сделал паузу и взглянул на Нджобо: - С вашего разрешения, - добавил он.

Нджобо вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул:

- Только осторожно.

Муро передал приказ, и двадцать минут спустя два носильщика тщательно очистили тело от грязи. Существо оказалось двуногим, ростом около полутора метров. Это точно не был человек или антропоид, и я никак не мог вспомнить других двуногих животных такого размера. Я не назвал бы его лицо мордой, но все же оно было чуточку вытянутым. Мех его - фактически, пух - был рыжевато-коричневого оттенка и не таким густым, как у обезьян.

- Ну, профессор? - обратился Горман. - Должен признать, я в замешательстве.

- Джим, Бонни, - попросил я, - сфотографируйте все, что только сможете. Снимайте его со всех углов. Сделайте крупные планы каждой части тела. А когда закончите, я скопирую все в свой компьютер и перешлю по электронной почте кое-кому из коллег.

- Но что это за животное? - спросила Бонни.

- Не хочу высказывать свое мнение, пока не проконсультируюсь с теми, кому отправлю фотографии.

- Недостающее звено? - спросил Рэй.

Я покачал головой:

- Мы никогда не эволюционировали от этого. Взгляните на него. Глаза расположены ниже ноздрей. Бедренные суставы совершенно не такие, как у человека или любой обезьяны. И еще у него противостоящие большие пальцы. - Я помолчал и обдумал сказанное. - Я не встречал ни одного существа с противостоящими большими пальцами... Судя по структуре челюстей и видимых зубов, это всеядное существо.

- Разумное? - спросила Бонни.

- Возможно. Череп достаточно большой.

- Но на нем нет одежды или каких-либо побрякушек, - заметил Рэй.

- Не все люди носили одежду или побрякушки. Во всяком случае, пока не столкнулись с другими людьми, у которых были лучшие проповедники или лучшее оружие.

Донахью восторженно завопил, и мы повернулись к нему.

- Настоящий человек с Марса! - радостно орал он. - Мы станем миллионерами - первая экспедиция, нашедшая инопланетянина!

- Мы пока не знаем, кто это, - возразил я. - Это существо необходимо долго изучать. Вечером я свяжусь с коллегами и попрошу их срочно прилететь - обследовать тело на месте. Потом найду людей,

обладающих должной квалификацией и снаряжением, чтобы перенести находку в надежную пещеру.

- А знаете, - задумчиво проговорила Бонни, - к нам в руки попала тайна куда серьезнее, чем была у Папы. Ему нужно было лишь понять, что делал леопард выше границы снега. А нам необходимо понять не только, что это существо здесь делает, но и кто это.

Они начали высказывать догадки, спорить и фотографировать, но каждый из них думал об одном и том же.

Может ли это существо оказаться инопланетянином? И если да, что оно делало на Земле? Почему никто не знал о нем до сегодняшнего дня? И самое главное, почему он оказался похоронен в снегу возле вершины могучей Килиманджаро?

Что увидел фотограф

Джим Донахью подошел к телу, склонился над ним и начал фотографировать его маленькими участками, сделав более сотни снимков, пока не запечатлел каждый квадратный сантиметр. Он сфотографировал лицо и снял крупным планом ноздри. Опустился на колени, нагнулся и сфотографировал ладони и пальцы. Столь же тщательно прошелся по всем остальным частям тела. А затем, когда участники экспедиции начали скучать и стали менее внимательными, быстро сделал еще четыре кадра, запечатлев почти невидимую деталь, которую заметил на левой лодыжке.

Конечно, эти фотографии принесут ему богатство. Но он может стать еще богаче, когда продаст эксклюзивную статью, объясняющую, что здесь делал инопланетянин. Даже если кто-то из остальных и заметил легкую потертость на левой ноге, он не фотографировал людей с аналогичными потертостями. Людей за решеткой.

Людей в цепях.

Преступников...

Джим Донахью был первым слепцом.

* * *

Будь его воля, он не выбрал бы Землю. Кислорода в атмосфере содержалось слишком много, а сила тяжести оказалась слишком велика. Но разве у него были варианты? Он убил охранников, когда они готовились перевезти его в тюрьму строгого режима на Бареймусе, где он стал бы одним из всего лишь шестидесяти трех живых существ во всей системе. Тюрьма была полностью автоматизирована. Пищу готовили машины, не способные перемещаться и никогда не

покидающие кухню. Решеток там не было, но каждую камеру окружали три смертельных силовых поля - одно всегда включено, а два в постоянной готовности на случай, если первое отключится. Ни посетителей, ни прогулок, ни охранников, ни религиозных служб, ни медиков - только шестьдесят три заключенных, которые останутся там, пока последний из них не умрет.

Он знал, что сбежать с Бареймуса не сможет никогда. Тюрьма существовала уже 364 года, и за это время не произошло ни единого побега. Банды - по сути, армии - пытались вломиться в нее, чтобы освободить своих. Все попытки провалились, и лишь считанные везунчики выживали, когда на единственном посадочном поле срабатывала автоматическая защита, запрограммированная уничтожать все, кроме транспортного корабля тюрьмы. Значит, если ему и удастся сбежать, побег должен произойти до того, как его доставят в тюрьму.

Он не мог ждать, пока корабль на Бареймус взлетит. Хотя там будут всего два охранника, пилот не предусмотрен. Корабль запрограммирован приземлиться в тюрьме, и даже если он убьет охранников во время полета, то не сможет изменить программу. Он не пожалел половины своего богатства, накопленного преступным путем, чтобы заплатить сообщнику, который убил одного охранника, пока сам он приканчивал второго. Произошло это в космопорту, когда они шли к кораблю.

Его ноги все еще оставались скованными, а охранники уже не могли сообщить коды замка, поэтому он взял у одного из них импульсный пистолет и разбил цепь выстрелом. О том, как снять с ног цепи, можно подумать позже. Главное - он вновь обрел свободу движений.

Со стороны центра управления послышались выстрелы. Сообщник завопил и упал, истекая кровью, но ему удалось добежать до корабля невредимым. Во входном люке стоял владелец, предупреждая его не приближаться. Он выстрелил в хозяина, не дав тому договорить, отодвинулся, когда тело падало на поле, вбежал в корабль и приказал люку закрыться и запереться.

Ему понадобилось меньше тридцати секунд, чтобы взломать код безопасности корабля. (В конце концов, это его специальность.) Корабль попросил назвать имя. Он знал, что не может использовать настоящее имя, ведь любой корабль на планете сразу отключит все системы, едва он его произнесет, поэтому он вспомнил детство и назвал имя друга, которого не видел уже двадцать лет.

- Мачти, - сказал он.

- Пункт назначения?

Беглец посмотрел на экран и понял, что охранники космопорта настигнут корабль секунд через тридцать.

- Где находится ближайшая планета, у которой содержание кислорода

в атмосфере близко к нашему?

- Уточните «близко».
- В пределах десяти процентов.
- Третья планета в системе Сол.
- Взлетай немедленно.

Корабль не ответил, но беглец ощутил ускорение, когда корабль поднялся в стратосферу.

- В твоей базе данных есть какой-либо из языков этой планеты? - спросил он, когда корабль начал разгон до субсветовой скорости.

- Нет. Я никогда там не был.

- Но ведь тебе известен процент кислорода, - возразило существо, теперь ставшее Мачти.

- Эти данные есть в моей базе, а туземных языков нет, - ответил корабль. - Весьма вероятно, что ни один аппарат там никогда не садился.

Пока Мачти размышлял над ответом, корабль сообщил, что их преследуют.

- Замечательно, - пробормотал Мачти. - Сколько?

- Два.

- Они смогут нас догнать?

- Со временем.

- До того, как мы окажемся в системе Сола?

- Нет.

- Ладно. Мы там приземлимся, я спрячусь до тех пор, пока они про меня не позабудут или хотя бы решат, что я не стою таких хлопот, а потом мы отыщем более гостеприимный мир. - Он на секунду задумался. - Сколько нужно времени, чтобы туда долететь?

- Через нормальное пространство - семь лет и...

- Не через нормальное пространство, - прервал он.

- Через червоточину Джакстоплин - три дня.

- Следуй этим путем.

- Это три наших дня, - продолжил корабль. - Если считать по скорости вращения планеты назначения, это будет 3,4983 их дней.

- Да выполняй же! - рявкнул Мачти.

Корабль направился к червоточине, а Мачти провел следующий час, экспериментируя с остатками кандалов, пока не подобрал код, отпирающий правый браслет. Но, как ни пытался беглец, замок левого открыть не удалось - он повредил чип, когда стрелял в цепь. Мачти обшарил корабль, отыскал лазерный пистолет и направил его на браслет. Тот нагрелся, потом раскалился, становясь все горячее. Мачти вопил от боли, но не отводил луч, ослабляя нагревом структуру металла. В конце концов ему удалось взломать замок одним из столовых приборов, найденных на камбузе.

Он дохромал до корабельной аптечки, отыскал подходящие мази,

натер ими лодыжку и провалился в сон на пятнадцать часов. Проснувшись, он обнаружил, что полицейские корабли все еще сидят у него на хвосте и вошли в червоточину всего на минуту-другую позже его корабля.

- Лети быстрее! - приказал он.

- Понятие скорости не имеет смысла внутри червоточины, где не действуют законы Вселенной, - ответил корабль.

- Они могут нас поймать?

- Нет, если этого не пожелает червоточина.

- Червоточины не способны мыслить и чего-либо желать, - раздраженно бросил Мачти.

- Мой словарь концепций ограничен. Нет причин полагать, что враг может настигнуть нас внутри червоточины. Как нет причин опасаться погони в области без времени и пространства за пределами Вселенной.

- Ты узнаешь, если они подберутся близко?

- Уточните «близко».

- В пределах радиуса поражения.

- Если вы назовете оружие, которое теоретически хотите использовать, я отвечу на вопрос.

- Да твое оружие! - гаркнул Мачти.

- Я не оснащен оружием.

- Тогда на что ты годен? - прорычал Мачти. - Не отвечай на этот вопрос.

Остаток путешествия он провел, изучая то немногое, что было известно о географии планеты, залечивая лодыжку и отсыпаясь. Корабль разбудил его и сообщил:

- Мы вышли из червоточины, находимся в системе Сола, приближаемся к третьей планете, мне нужны посадочные координаты.

- Насколько далеко полицейские корабли? В минутах, а не в расстояниях.

- Три и четырнадцать минут.

- Я думал, что они вошли в червоточину одновременно.

- Очевидно, мне придется еще пояснить отсутствие известных законов Вселенной внутри червоточины, - сказал корабль.

- Не утруждайся.

- Координаты, пожалуйста, - напомнил корабль, выведя голографическое изображение Земли, медленно вращающейся вокруг оси.

- Широту и долготу? Я их не знаю. - Мачти указал на Африку. - Похоже, это самый незаселенный континент. Во всяком случае, там меньше всего признаков цивилизации. - Поскольку не прозвучало ни вопроса, ни команды, корабль промолчал. - Три минуты, говоришь?

- Если точно, 2,9276 минуты.

- Дай подумать... Если ты сядешь в городе, сохранить мое присутствие в секрете будет невозможно, а паника и возбуждение подскажут преследователям, где я нахожусь. Если высадишь меня на плоской равнине, они тебя засекут, просканируют район, куда я мог уйти за три минуты, найдут меня с помощью датчиков, и мне конец. - Он еще раз всмотрелся в глобус и внезапно прищурился. - Идея! Где самая высокая гора на этом континенте?

- Здесь, - ответил корабль, и на голографическом глобусе ярко засветилась Килиманджаро.

- Хорошо. Если я выпрыгну из люка, когда ты будешь пролетать над ней, имеется ли на борту нечто, способное затормозить или ослабить падение?

- Да.

- Отлично, тогда сделаем так. Входи в атмосферу почти сразу над горой, снижайся над ней, открывай люк, и я выпрыгну. Есть шанс, что они меня не заметят, а если ты не станешь притормаживать, у них не будет причин полагать, что меня уже нет на борту. Затем лети к южной оконечности континента, приземлись в пустынной местности на тридцать секунд, потом взлетай и возвращайся на свою родную планету. Они предположат, что я там выпрыгнул, и потратят время на поиски. А когда поймут их бесполезность, вернуться домой... Где это?

- Где - что?

- То, с помощью чего я заторможу падение? - Часть переборки отодвинулась, Мачти увидел маленький парашют. - Ты уверен, что этого хватит? Уж больно хлипким он выглядит.

- Он был испытан в полевых условиях.

- Ладно. Мне сейчас не до споров. Насколько далеко ближайший корабль - с точностью до секунды?

- Две минуты пятьдесят восемь секунд.

- Твоя главная задача - не дать себя догнать.

- Он не сможет меня догнать, - ответил корабль.

Мачти больше ничего не говорил, пока они не вошли в атмосферу Земли. Тогда он подошел к люку.

- Сколько еще лететь до горы?

- Примерно четыре минуты.

- Опустись как можно ниже, потом открой люк.

Мачти нетерпеливо ждал, пока корабль приближался к горе и выравнивался. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем люк распахнулся и он выпрыгнул. Парашют вычислил его вес, обнаружил датчиками приближающуюся гору и раскрылся как раз вовремя, чтобы Мачти не пострадал при контакте с грунтом.

Он коснулся ледяного склона, дважды перекатился и заскользил по льду, пока не наткнулся на большой ледяной выступ. Посмотрев вверх, он не увидел ни своего корабля, ни двух преследователей.

Освободившись от парашюта, он закопал его в снегу, потом осмотрелся. Он находился примерно в трехстах метрах от вершины горы и, пожалуй, в шести километрах над саванной. Ниже склоны покрывал густой лес, за ним он разглядел реку и даже деревушку из глинобитных хижин.

И тут он его увидел - полицейский корабль, зависший над вершиной Килиманджаро. Второй корабль он заметить не смог. Возможно, его он одурачил или же тот еще не успел долететь. Но один из них все же не поддался на его уловку.

Беглец укрылся за большим камнем, надеясь, что полицейские все-таки погонятся за его пустым кораблем. Но преследователь оставался на месте, и Мачти понял: вражеские сканеры шарят вокруг в поисках преступника. Они ищут именно его, и сигнал сканера будет резко выделять Мачти на фоне прочих обитателей этой планеты.

Мачти знал: корабль не может оставаться здесь долго, иначе его заметят. А поскольку туземцы еще не освоили космические полеты, находящиеся на корабле не захотят, чтобы их обнаружили и допросили или, что более вероятно, обстреляли. Так что ему нужно просидеть в укрытии еще не больше часа, а то и вовсе несколько минут...

Он услышал рычание прежде, чем увидел его источник - одинокого леопарда метрах в пятидесяти от себя. Зверь медленно приближался, Мачти встал и повернулся к нему. В ответ на очередной рык леопарда он тоже зарычал. Похоже, это удивило и встревожило зверя - его добыче не полагалось рычать в ответ.

Долгую минуту инопланетянин и леопард смотрели друг другу в глаза. Наконец леопард развернулся и медленно направился по снежной шапке вниз, к пышному лесу на склоне.

Мачти облегченно выдохнул и посмотрел вверх. Корабль все еще был там. Очевидно, его пока не заметили, потому что на корабле имелось оружие, способное как снести верхушку горы, так и уничтожить крошечную мишень на расстоянии мили. Он сидел, укрывшись за каменным выступом, в полной уверенности, что корабль вскоре исчезнет. Но тот все не улетал, и Мачти неожиданно осознал истинную ситуацию. Это примитивная планета, и он сам выбрал наиболее отсталый район. У туземцев нет не только космических кораблей, но и сенсоров, а если и есть, то в городах, а не на этой горе, где, похоже, обитают лишь дикие животные и кучка туземцев в хижинах. А это значит, что корабль может висеть здесь неделями, а то и месяцами, пока его кто-нибудь не заметит.

Он провел ночь под выступом скалы, понадеявшись, что пушистый мех на теле защитит его от холода. Но к утру Мачти замерз и понял, что если хочет выжить, то ему надо спуститься ниже границы снега.

Он начал осторожно спускаться, высматривая под снегом полосы льда и скрытые камни... и вдруг импульс корабельной энергетической

пушки ударил всего в трех метрах от него. Он побежал было к укрытию - огромному снежному холму, наверняка скрывающему большую каменную глыбу, - но второй выстрел уничтожил холм прежде, чем Мачти до него добрался.

Он посмотрел вниз. Покрытый снегом и льдом склон был слишком крут. Он понял, что не сможет пробежать вниз по склону, потому что наверняка поскользнется и упадет. А если при падении сильно ударится или что-либо сломает, то станет идеальной мишенью для полицейского корабля. Тогда он развернулся и пошел обратно. Чем выше он поднимался, тем больше валунов и скальных выступов служило ему укрытием, и вскоре он достиг высоты, где его впервые заметил корабль.

Стрельба прекратилась. Какими бы примитивными ни были обитатели этого мира, полицейские наверняка поняли, что после выстрелов кто-нибудь их увидит. Корабль висел метрах в пятидесяти над снегом, и его команда решила ждать, пока беглеца не выгонит из укрытия голод.

Мачти просидел под выступом скалы еще три часа после захода солнца. Потом снова начал спускаться, но в него мгновенно выстрелили. Он выругал себя за глупость. И как только сразу не сообразил: полицейским даже не нужно его видеть - их оружие может реагировать на движения или тепло тела жертвы. Мачти вернулся в укрытие и решил, что у него нет иного выбора, кроме как дожидаться отлета корабля.

Вскоре после восхода он решился быстро выглянуть и проверить, не улетел ли корабль... и обнаружил, что его ноги и суставы замерзли и он почти не в состоянии двигаться.

Теперь Мачти запаниковал. Он уже почти два дня не ел, лежал на морозе на вершине горы и вот теперь не способен двигаться. Он заставил себя встать, потом, морщась от боли, сделал короткий шаг. Скальный выступ был почти шесть метров длиной, поэтому Мачти может сделать несколько шагов под его прикрытием, потом развернуться и пойти обратно, и ходить так, пока конечности немного не разогреются.

Он сделал шаг, опираясь рукой о скалу, затем второй, третий... и тут нога скользнула по льду, он тяжело упал и начал движение по заснеженному склону. Каждую секунду он ожидал выстрела с корабля, но там его или не заметили, или, что вероятнее, решили, что встать самостоятельно он уже не способен.

Он проскользил двадцать метров, потом - тридцать, потом - пятьдесят. Наконец склон стал более пологим, и движение прекратилось. Мачти попытался встать, но не смог. Попробовал подползти к другому выступу, но тоже не смог. Он смутно осознавал, что снова пошел снег. Он лежал, на спине, глядя на чужое солнце, мечтая о его животворном тепле, и неожиданно улыбнулся.

«Во всяком случае, - подумал он, - вы не увезете меня на Бареймус. Через несколько минут меня полностью накроет снегом, и я буду вечно лежать на этой странной планете на вершине негостеприимной горы. И может быть, когда-нибудь в далеком будущем кто-то из потомков обитателей тех хижин найдет мои останки и попытается убедить своих друзей, что на этой планете побывал инопланетянин... а они станут над ним смеяться, дразнить и так унижать, что он снова засыплет меня снегом и никогда больше не упомянет обо мне».

2038 год

Бонни взглянула на тело.

- Как думаете, он был мясоедом?

- Чтобы ответить, мне надо осмотреть его зубы, - сказал я. - А один из моих коллег изучит содержимое его желудка.

- Если только он не умер от голода, - заметил Рэй Гловер.

- Даже если так, все равно останутся какие-нибудь следы пищи.

- На вид он не очень-то мохнатый, - продолжил Рэй. - И если он провел здесь какое-то время, то посреди ледника, а не возле его нижнего края. Если он не охотился, то какого черта здесь делал? Я что хотел сказать: здесь ведь не его естественная среда обитания?

Услышав это, Горман усмехнулся:

- Люди уже сотни лет забираются на Килиманджаро. А то и тысячи. Но никто и никогда не видел здесь таких существ. Так что, думаю, можете смело утверждать: здесь не его естественная среда обитания. На мой взгляд, главные вопросы звучат так: кто он такой и что он здесь делал?

- Это мы и надеемся выяснить, - сказал я.

Джим Донахью любовно похлопал рукой камеру:

- Кем бы он ни был, мы нашли его первыми, а я первым его сфотографировал!

- Вероятно, - согласился я.

- Что значит, вероятно? - переспросил он. - Это чертово существо пролежало здесь во льду все время после смерти. Никто и никогда его прежде не видел.

Что увидел правительственный чиновник

Чарлз Нджобо смотрел на тело. Он знал, что люди из этой экспедиции не были первыми, кто его обнаружил, потому что возле тела не нашлось никакого оружия. Он еще мог поверить, что за многие годы сгнила одежда существа, но только не оружие. Кто-то его забрал.

Почему он был настолько в этом уверен? Потому что принадлежал к

племени занаке и потому что родился в Танзании. А до образования Танзании здесь жили просто племена - народ занаке эксплуатировали арабы, потом немцы и британцы, его завоевывали масаи, найди и полдюжины других племен. Затем они стали танзанийцами, и кенийцы доминировали над ними экономически. Потом произошло вторжение угандийцев Иди Амина, и могучие силы Европы все еще командуют здесь. Поэтому существо это, разумеется, было инопланетянином, явившимся, чтобы покорить его народ. Разве не для этого появлялись здесь все прочие?

Чарлз Нджобо был вторым слепцом.

* * *

Его звали Жонд Матока, и это был его континент. В смысле, континент, за который отвечал он. На прочих участках суши вели разведку другие члены его расы - нащупывали слабые места, наносили на карты населенные пункты, оценивали способность к обороне. Но Африка, как называли континент его обитатели, оставалась за ним.

Поначалу его смутило физическое разнообразие разумных существ, потому что на его планете, как и почти на всех, где он проводил разведку для военных, в случае незначительных вариаций - цвет кожи, количество конечностей, текстура кожи, что угодно, - одна раса становилась доминантной и уничтожала конкурентов. Для Матоки это был естественный порядок вещей. Однако здесь, хотя доминантной вариацией (или видом) был черный цвет кожи, имелись существа красные и коричневые, горстка желтых и один тип с кожей от розовой до смуглой, и все они жили на одном континенте.

Такой порядок вещей противоречил его опыту, и он решил, что следует узнать больше об этой расе, называющей себя людьми, и лишь потом посылать отчет на материнский корабль.

Он провел неделю в Египте, переходя из города в город лишь по ночам, закутанный в арабскую одежду и тюрбан. Как и любого туриста, его поразили пирамиды и развалины в Карнаке и Луксоре. Но как Матока ни старался, он не смог найти никаких признаков расы, которой требовались бы такие массивные двери или гигантские троны. Он добрался до Абу-Симбела, где увидел двадцатиметровые статуи Рамзеса II и почти такого же размера статуи Нефертари, и в конце концов пришел к заключению, что эта раса гигантов или вымерла, или покинула Землю, чтобы поселиться на другой планете (или завоевать ее). С учетом их размеров, для него была невероятна сама мысль, что гигантов победили относительно маленькие существа, населяющие теперь этот континент.

Вдоль Нила он проследовал до Уганды, потом отошел от реки и стал

осматривать города, анализируя их оборонительные возможности. Кампала не представляла угрозы для сил вторжения, и он связался с материнским кораблем, спросив, куда ему следует направиться дальше. На орбите не знали названий городов или стран, но там могли разглядеть искусственные сооружения и измерить нейтринную активность, а на основе этой информации послать его в те города, которые, как им казалось, обладали наибольшими возможностями для отражения согласованной атаки.

Из Кампалы его направили на восток, через гору Элгон и мимо огромной рифтовой долины - в Найроби. Как и во всех обследованных городах, днем он отсиживался в укромном месте и вышел только после полуночи, когда почти весь город спал, а тех, кто не спал, можно было с уверенностью разделить на злоумышленников и полицейских.

Он отыскал дрыхнувшего в переулке пьянчужку, избавил его от племенной одежды и напялил ее на себя. Он видел, что другие мужчины ходят в шляпах и тюрбанах, и тоже не отказался бы от головного убора, но пришлось обходиться тем, что удалось раздобыть.

Самым высоким зданием, возвышающимся над всеми прочими, был недавно завершённый конференц-центр «Кениятта», начатый в 1969 году и достроенный лишь в 1973-м. Он осмотрел его как можно тщательнее, не входя в здание, но не смог заметить каких-либо признаков датчиков, радаров или орудий - и все же он знал, что они должны быть. Для разумных существ война - естественное состояние, а это здание наверняка станет ценнейшей добычей для армии завоевателей.

Он настолько увлекся поисками замаскированных оборонительных устройств и вооружения в этом здании, что не заметил двух людей в форме, вышедших из бара отеля «Нью-Стенли» всего в квартале от того места, где он затаился в темноте.

- А это еще что за чертовщина? - спросил один из них.

Матока обернулся, увидел их и застыл.

- Господи! - воскликнул второй. - Надеюсь, это все-таки человек, просто слишком много выпил.

- Это не человек!

- Я боялся, что ты это скажешь.

- Доставай пушку и давай выясним, что это такое, - сказал первый, вытягивая пистолет из кобуры.

Не дождавшись выстрела, Матока понял: они достали оружие, чтобы его запугать или для самозащиты. Он знал, что может убить обоих быстрее, чем они выстрелят, но признавал также, что тогда туземцы поймут - против них действует раса, обладающая более совершенными технологиями. Вряд ли они смогут что-либо противопоставить его оружию, но Матока не собирался пускать его в ход против двух пьяных людей, рискуя ошибиться в своих

предположениях.

Он метнулся за ближайшее здание. Полицейские бросились в погоню. Он слышал, как они его нагоняют, огляделся в поисках двери, но не увидел ни одной, явно не запертой, - а он не мог рисковать и дергать двери в поисках открытой, - и тогда в последний момент нырнул в огромный металлический мусорный бак. Наверное, он принадлежал ресторану, потому что был наполнен кое-как завязанными пластиковыми мешками с остатками человеческой еды. Воняло там тошнотворно, но он замер, услышав, как полицейские подбежали, остановились и затеяли разговор.

- Куда он подевался? - спросил один.

- Может быть, нам померещилось? - с надеждой отозвался другой.

- Я его видел. Ты его видел. Не могло же нам померещиться одно и то же.

- А может, и могло. Какого цвета был твой?

- Ну... вроде бы темно-серый.

- А мой был бурый.

- И то, и другое очень похоже, когда смотришь издали в два часа ночи.

- Сколько ног?

- Две руки, две ноги, как у нас.

- Во что он был одет?

- Не знаю. Когда я его четко увидел, он уже бежал со всех ног к этому переулку. - Пауза. - Так что будем делать? Если сообщим, то надолго загремим к психоаналитику, и если он нам не поверит - а у него не будет причин нам верить, - то можем схлопотать срок за пьянку.

- Сам знаю. Пожалуй, лучше обо всем забыть. Он ведь нам не угрожал.

- Значит, договорились?

- Заметано.

И полицейские направились обратно к отелю.

- Как думаешь, что же мы все-таки увидели?

- Не знаю.

- Может, шимпанзе? Или гориллу?

- В одежде? - рассмеялся напарник. - Тогда это будет первая одетая обезьяна, замеченная в Кении, не говоря уже о Найроби. Кстати, а что шимпанзе или горилле делать в Найроби?

- Точно. Пожалуй, лучше нам договориться прямо здесь и сейчас, что мы ничего не видели.

Когда их голоса стихли, Матока выждал еще пять минут, убеждаясь, что люди не вернуться, а затем выбрался из бака. Хотя объедки и были в мешках, ему все же пришлось стряхнуть с себя обрывки салатных листьев и апельсиновые корки.

Он шагал на юг, пока не миновал коммерческий сектор города и не

оказался в районе обшарпанных и убогих зданий. Остановившись в переулке между двумя рядами лачуг, отчаянно нуждавшихся в ремонте, он прижал большой палец к вживленному в шею чипу.

- Да? - раздался голос в его голове.

- С сожалением докладываю, что меня сегодня ночью заметили.

- Очень плохо, Жонд Матока, - отозвался голос с корабля.

- Прошу указаний. Я нахожусь в городе с населением около шести миллионов. Двое людей, заметивших меня, решили не сообщать об инциденте. Следует ли мне оставаться здесь?

- Нет.

- Куда мне направиться?

- На юге от тебя есть большой город. До него чуть больше 400 миль. И раз уж ты начал на севере континента, логично и дальше продвигаться на юг.

- Понято и подтверждено, - сказал Матока, снял палец с чипа и прервал связь.

Он снова зашагал на юг. Несколько человек увидели его - или его силуэт, - но было очень темно, а обитатели трущоб не имели привычки вызывать полицию. Через час он наткнулся на велосипед, даже не привязанный цепью. Поколебавшись секунду-другую - пришелец никогда еще не ездил на велосипеде, - он его позаимствовал. Матока знал, что в подобных районах о кражах не заявляют, равно как и о незнакомцах, бродящих глухой ночью по улицам. Бывший владелец, скорее всего, украдет велосипед у соседа.

Матока знал, что не может двигаться по дорогам или рядом с ними, а по кочковатым и перегороженным частыми изгородями полям далеко не уедешь, поэтому он бросил велосипед, добравшись до южной окраины города за час до рассвета.

Оглядевшись, он увидел большое здание, перед которым выстроились грузовики. Он осторожно подошел к нему и присмотрелся. Кажется, это была какая-то фабрика, но что здесь делали, он понять не мог, потому что со своей точки видел лишь отгрузочную площадку, забитую сотнями огромных деревянных и картонных ящиков.

Машины стояли с откинутыми задними бортами. Какой-то старик, сидя за рулем погрузчика, устанавливал коробки в кузов. Других людей он здесь не увидел. У Матоки возникла проблема - как определить, какой из грузовиков поедет на юг, но в конце концов он с ней справился. У каждого автомобиля имелась номерная табличка. Машин он насчитал шестнадцать. У тринадцати таблички были одного цвета, у двух - иного, а еще у одного - третьего.

Логика подсказывала, что все эти тринадцать грузовиков из Найроби, или как минимум из страны, где находится Найроби и которая называется Кения. Найроби расположен в южной части страны, поэтому, вероятно, два грузовика с одинаковыми табличками приехали

из соседней южной страны, а еще один - из страны на севере или западе.

Матока посмотрел на небо. Через полчаса рассветет, и он уже не сможет забраться в один из грузовиков незамеченным. Тогда Матока терпеливо дождался, пока водитель погрузчика отъедет подальше от выбранной им машины, и быстро забрался в кузов. Там он передвинул несколько ящиков, освободив место, где можно сидеть и даже лежать, если поездка окажется слишком долгой и утомительной. Затем убедился, что никто не стоит позади грузовика, и приготовился ехать.

Словно по заказу, на рассвете пришел водитель, поднял задний борт, сел в кабину и тронулся в путь. Всю дорогу Матока размышлял, как ему поступить, когда его транспорт остановится и начнется разгрузка ящиков.

Спустя два часа машина замедлила ход и остановилась, но кузов никто не открывал, и через двадцать минут грузовик покати́л дальше. Конечно, Матока не мог этого знать, но водитель всего лишь остановился на границе с Танзанией.

Еще через час он притормозил снова, на этот раз в городе Аруша. Матока съехал в угол, сжимая оружие. В тот момент он пожалел, что не отправился в путь пешком, шагая по ночам, - но явно запоздал: задний борт уже откинули.

- Что ты нам привез? - послышался голос.

- Две кровати и пять стульев, - ответил водитель. - Вот накладная.

- А бронзовую лампу?

- Насчет лампы ничего не знаю.

- Ладно, зайди, а я пока позвоню твоему шефу и выясню, что там с лампой. Если ты голоден, можешь перекусить, а потом разгрузим мебель.

- Вот и хорошо, - согласился водитель, и Матока услышал, как двое уходят. Он подождал пару минут, потом осторожно высунул голову. Вокруг - ни души. Он быстро выбрался из кузова и спрятался за небольшой хижинкой. Но и это убежище показалось ему ненадежным: оглядываясь по сторонам, он перебежал грунтовую дорогу и оказался на пустом поле, заросшем высокой, по пояс, травой. Там он улегся на живот и стал ждать темноты.

С наступлением ночи он опять связался с кораблем и доложил обстановку.

- Оставайся в укрытии еще два дня, - приказал голос, звучащий в его голове. - Ситуация может измениться.

- Каким образом? - спросил Матока.

- Не знаю. Мне только известно, что поступил приказ остановить все операции и ждать дальнейших указаний.

- Когда выйти на связь?

- Через три дня.

Разговор завершился, и Матока осмотрел окрестности. Возвышаясь над всем и заполняя горизонт, вдали стояла Килиманджаро, сияя в лунном свете снежной шапкой. Кроме снега, он сейчас ничего разглядеть не мог, но еще днем заметил, что ее склоны заросли густым лесом. Значит, он сможет прятаться между деревьями, сколько понадобится. Матока предположил, что там могут оказаться какие-нибудь городки или деревни, но на такой огромной горе обойти их не составит труда.

И он отправился в путь, прибавив шагу, чтобы добраться до леса у подножия еще до рассвета, и это ему удалось - даже с запасом в час. Он свернул с дороги - Матока не сомневался, что она пройдет через несколько деревень на склоне, - и теперь неторопливо двигался в направлении вершины, оставаясь в густом лесу.

Поднявшись примерно на тысячу метров, он услышал низкое рычание, обернулся и увидел перед собой льва. Тот был почти лысым: колючие кусты выдрали ему большую часть гривы, а на теле виднелось несколько шрамов. Лев чуть заметно прихрамывал, и хотя Матока ничего не знал об этих животных, но понял, что зверь слишком слаб, чтобы одолеть крупную добычу, а потому охотится на все, что сможет отыскать, включая людей.

Матока медленно достал оружие. Он не собирался пускать его в ход без крайней необходимости. И не только из экономии зарядов. Он не хотел, чтобы местные, наткнувшись на труп льва, поняли, что тот убит незнакомым оружием. Матока медленно пятился, лев неторопливо приближался и вдруг, взревев, набросился на человека. Матока нажал на спуск, и лев рухнул замертво.

Матока хотел было оттащить труп на каменистый участок и спрятать его там, но лев оказался слишком тяжелым - килограммов под двести. Оставив его на месте, Матока продолжил подъем.

На высоте двух тысяч метров на него напал носорог, а еще через полкилометра едва не застал врасплох леопард. Матоке стало ясно, что лес таит слишком много опасностей и надежнее будет еще подняться. Чуть выше трех тысяч произошла стычка с одиноким слоном, но потом на него уже никто не нападал, хотя следы леопардов виднелись вплоть до нижней кромки снега.

Вечером третьего дня пребывания на Килиманджаро, бредя по голому склону чуть ниже снежной границы и кутаясь в теперь уже драную одежду, он прижал палец к чипу на шее и послал вызов на материнский корабль.

- Говорит Матока.

- Я знаю, кто ты, - услышал он ответ. - Ты все еще прячешься?

- Да. Но у меня кончаются заряды, а местная пища, которую я могу усвоить, растет ниже по склонам, где меня могут заметить. Когда я смогу или продолжить путь на юг, или вернуться на корабль?

- Мы пока не знаем.
- А в чем проблема?
- Ситуация не ясна. Очевидно, наши колонии на Мальпуре и Самангиаре подверглись нападению. Они должны защититься самостоятельно, не вызывая на подмогу корабли Центра, но пока нам приказано оставаться наготове.
- Когда мне выйти на связь снова?
- Через пять дней.
- Пять дней?!
- Если какие-либо новости появятся раньше, мы с тобой свяжемся.
- Только не забудьте. Я замерз и проголодался, к тому же у меня осталось очень мало зарядов.

И тут Матока встретился взглядом с леопардом. Видимо, зверя привлек звук его голоса. Он знал, что может выстрелить всего три или четыре раза, поэтому остался неподвижным.

Запах чужака отличался от запаха любой добычи, на какую леопард когда-либо охотился, и Матока надеялся, что это собьет с толку большую кошку. Но на такой высоте у хищника было очень мало потенциальной добычи, и он все же начал приближаться к своей жертве. Матока потянулся к оружию, его внезапное движение спровоцировало атаку, и он едва успел убить леопарда.

В следующие два дня он уложил еще двух леопардов и убедился, что зарядов у него больше нет. Он пробовал есть листья и кору разных деревьев, но не смог их переварить и усвоить. Ослабевший, мучимый тошнотой, он сознавал, что не выдержит атаки еще одного хищника, и тогда поднялся на снежную шапку.

Он сомневался, что протянет еще три дня, и попытался вызвать корабль. Но в ответ услышал лишь записанное сообщение: «Мы свяжемся с вами, когда ситуация изменится. Существует вероятность, что за нами следят. Не нарушайте радиомолчание».

Связь прервалась. Матока взглянул вверх, на ледовую шапку. Там должны быть какие-нибудь пещеры. Хоть что-нибудь, где можно укрыться от этого жуткого холода. Может быть, и что-нибудь съедобное отыщется. Тут и там сквозь пелену снега торчало дерево или куст. Возможно, хоть какое-нибудь из них окажется съедобным.

А может, и нет. Он с тоской посмотрел вниз - на лес, который столь торопливо покинул. Пусть у него теперь нет оружия, но может быть, на дереве он окажется в безопасности. Матока попытался вспомнить, умеют ли леопарды лазать по деревьям.

Он сделал несколько шагов вниз по ледовой шапке. Затем посмотрел вперед. Там стоял леопард, как раз на границе снега, и смотрел на него голодными глазами.

Вздыхнув, Матока развернулся и снова полез по снегу на гору. Там должны быть пещеры, а сейчас он был готов позабыть о голоде, если

сможет укрыться от пронизывающего ветра.

После часа подъема он понял, что слишком слаб, чтобы двигаться дальше. Впереди могли отыскаться пещеры, но он уже знал, что никогда их не найдет. Его единственной надеждой остался корабль. Он сел на снег, машинально отметив, что ноги утратили чувствительность от холода, и нажал на чип.

На этот раз ответа он не дождался, даже приказа хранить радиомолчание.

Теперь ситуация выглядела столь же унылой, как вершина горы. Он пытался не спать, но ощущал, как ускользает сознание.

- Они со мной свяжутся, - пробормотал Матока, медленно опускаясь на бок. - Я один из них. Они меня здесь не бросят. - И, в последний раз закрыв глаза, он еще раз прошептал: - Они со мной свяжутся.

2038 год

- Вы эксперт, - сказал Рэй Гловер, поворачиваясь ко мне. - Как долго он мог протянуть здесь, на горе?

- Это зависит от многих факторов, - ответил я.

- Ну почему вы, ученые, никогда не можете дать определенный ответ? - буркнул он.

- Я не знаю объем его легких. Чем он питался. Каков процент кислорода в воздухе его родной планеты. И еще...

- Неважно, - прервал он.

- Кстати, есть гораздо более интересный вопрос, - вставил Адриан Горман.

- Да ну? - удивился Рэй. - Какой?

- Единственный ли он на этой горе?

- Черт побери! - возбужденно произнесла Бонни. - Думаете, здесь могут быть и другие?

- Почему бы и нет? - пожал плечами Горман.

Рэй снова взглянул на меня:

- Вряд ли у вас есть мнение на этот счет?

Я покачал головой:

- Нет, пока не получу дополнительных данных.

- А знаете, - задумчиво проговорил Горман, - во времена Хемингуэя - ну, когда он якобы побывал здесь - лед лежал гораздо ниже по склону, а лет двести назад еще намного ниже. И кто знает, сколько здесь валялся этот инопланетянин? Может быть, нам надо лишь прогуляться туда, где прежде был ледник?

- Вы ничего не найдете, - сказал я.

- Почему?

- Падальщики. Тут водятся гиены и шакалы, а также стервятники и

марабу. Даже муравьи всего за пару дней могли очистить тело до костей.

- Ну, не знаю, - задумчиво протянул Горман. - Этот парень все еще здесь.

- Потому что муравьи по льду не бродят, - ответил я. - И он до сих пор замерзший. Пока не начал оттаивать, не было запаха, привлекающего падальщиков. Чуть ниже по склону таких условий уже нет.

- Логично, - признал Горман и пожал плечами. - Тем не менее идея неплоха. Есть ли приборы, способные обнаружить тело сквозь снег и лед?

- Да, - ответил я.

- Может, стоит подумать о том, чтобы раздобыть такой. Когда мы расскажем миру об этом парне, думаю, любая фирма-изготовитель согласится одолжить нам парочку приборов бесплатно - в обмен на упоминание ее названия.

- Можете попробовать, - сказал Джим Донахью, до сих пор молчавший.

- Но я сомневаюсь, что вы найдете кого-либо еще.

- Почему? - спросил Горман.

- Он был одиночкой, - пояснил Донахью.

- Почему вы так думаете?

- Просто интуиция, - ответил Донахью.

Горман смотрел на инопланетянина и пытался догадаться, что тот делал на горе, в световых годах от дома, дыша чужим воздухом и питаясь чужой едой. Какова бы ни была причина, ради которой он покинул родную планету, в одном Горман был уверен: он улетел с нее не один. Гораздо вероятнее, что он прилетел сюда по той же причине, по какой в Африку являлось так много других чужаков: чтобы колонизировать ее. А это задача не для одиночки. Поэтому, что бы там ни полагали Донахью и остальные, это существо было членом экспедиции, шестеренкой в машине...

Адриан Горман был третьим слепцом.

Что увидел проводник

Жизнь на планете Фарачин стала невыносимой. Перенаселенная, скверно управляемая, с разграбленными природными ресурсами и грязным воздухом. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни здесь падала с каждым годом. И в конце концов фарачины решили колонизировать другие планеты.

Они прекрасно понимали: не следует складывать все яйца в одну корзину, поэтому выбрали двадцать наиболее перспективных планет. Требования были достаточно просты: они должны обращаться вокруг звезды класса G на расстоянии от шестидесяти до ста шестидесяти

миллионов километров, иметь атмосферу с содержанием кислорода от пятнадцати до тридцати пяти процентов, соотношение площади воды к суше не менее двух к одному, защитный слой в атмосфере для смягчения ультрафиолетового излучения звезды и быть населенными. Не обязательно разумными существами, но какими-нибудь, что послужило бы доказательством реальной пригодности планеты к обитанию.

Ниболанте и его семья попали в четырнадцатую группу, которой предстояло колонизировать третью планету желтой звезды класса G, расположенную далеко на краю одного из спиральных рукавов Галактики. Они упаковали самые необходимые вещи, после чего их доставили на огромный корабль в назначенный день вылета.

До планеты предстояло лететь почти четыреста дней. Во время полета было запланировано обучение, и не только детей, но и колонистов - им предстояло научиться различным методам выживания до тех пор, пока они не смогут заложить и построить процветающий город. Зарегистрированная нейтринная активность явно указывала, что на планете имеется промышленная цивилизация.

Корабль уже вошел в систему этой звезды, и Ниболанте вместе с женой Марбови отработывали с двумя детьми очередное упражнение на борту маленького посадочного катера, когда произошла катастрофа. В корабль врезалось что-то большое - то ли метеор, то ли комета. Чем бы это ни было, оно пробило в корпусе огромную дыру, сквозь которую утекал воздух. Корабль затрясло, и автоматический голос объявил, что корпус развалится через тридцать секунд.

Ниболанте знал, что за это время никто не успеет добежать до посадочного катера. Фактически, большинство несостоявшихся колонистов уже умерли от шока и удушья. Он бросился к панели управления, отчалил и посмел обернуться как раз в тот момент, когда корабль развалился. Произошло это еще за орбитой самой внешней планеты системы.

- Это могло произойти с нами, - сказала Марбови.

- Вот и радуйся, что не произошло, - бросил Ниболанте, пытаюсь вспомнить лекцию о том, как пилотировать катер в случае крайней необходимости, а таковая, безусловно, наступила.

- Что нам теперь делать? - не унималась жена. - Ведь нас всего четверо.

- Значит, наша колония будет меньше запланированной. И у нас нет иного выбора, кроме как и дальше лететь к месту назначения.

- Я не собиралась становиться матерью новой расы, - с горечью произнесла Марбови.

- Все не так уж и плохо. Они разумные, и хотя бы не навредили своей планете так, как это сделали мы.

- А там будет, с кем играть? - спросил Салласин, его сын.

- Со временем, - ответил Ниболанте. - Я уверен, большинство разумных рас настроены рационально и дружелюбно.

- Что это значит? - не понял Салласин.

- Это значит, что скоро тебе будет, с кем играть.

- И мне тоже? - с надеждой спросила дочь Чинапо.

- И тебе, - ободряюще улыбнулся он.

У них ушло три дня, чтобы долететь до планеты. Они вышли на высокую орбиту и стали изучать новый мир, пытаясь решить, где садиться. Ниболанте и Марбови обедали, когда их позвал Салласин:

- Идите сюда, быстрее!

Родители, в полной уверенности, что кто-то из детей заболел, бросились в кабину. Чинапо была занята с любимой игрушкой, а Салласин сидел перед экраном.

- Что случилось? - спросил Ниболанте.

- Смотри, - ответил сын, показывая на дисплей.

Ниболанте посмотрел и нахмурился. Мощная камера продемонстрировала огромный взрыв на острове в восточной части крупнейшего океана планеты.

- Авария на каком-нибудь заводе? - спросила Марбови, разглядывая грибовидное облако.

Ниболанте подрегулировал изображение и покачал головой:

- Война.

- Ты уверен?

- Это была атомная бомба. А это... - он увеличил изображение и показал на точку на экране, - воздушное судно, которое ее сбросило.

- Почему... война? - спросила она.

- Не знаю. Честно, не знаю.

- Мы можем вернуться домой?

- Только не на этом катере. У нас не хватит ни топлива, ни воздуха. А даже если бы хватило, то здесь двигатель другого типа. Хотим мы этого или нет, но мы застряли.

- И что нам теперь делать?

- Оставаться на орбите и изучать планету, пока не найдем решения.

Когда через три дня была сброшена вторая бомба, они прослушали достаточно радиопередач, чтобы узнать названия уничтоженных городов - Хиросима и Нагасаки, но так и не поняли, кто развязал войну. Им лишь стало ясно, что она идет почти на всех континентах планеты.

- Мы сядем там, где вероятность наткнуться на туземцев будет минимальна, - объявил Ниболанте еще через два дня.

- Похоже, это будет южная полярная шапка, - заметила Марбови.

Ниболанте принялся делать измерения и еще через день решил, что южная полярная шапка негостеприимна для жизни: температура там - а в южном полушарии была середина зимы - слишком низкая даже для его вида. И пока он не узнает, как их метаболизм справится с диетой из

морских и летающих существ, высаживаться там слишком рискованно.

Северная полярная шапка, с другой стороны, казалась более пригодной для жизни. Температуры вполне терпимы, имеются разнообразные животные и растения. Если они не сумеют найти пропитание здесь, то, вероятно, не смогут нигде.

Приняв решение, Ниболанте переместил корабль в совершенно безлюдный район примерно в десяти градусах южнее полюса. Они сели, решили жить в корабле, пока не убедятся, что захотят поселиться в этом удаленном месте, и начали его исследовать.

Первые три дня все шло хорошо. Они выяснили, что действительно могут питаться морскими существами, а температура, хотя и была ниже привычной для них, все же оказалась терпимой. Более серьезной проблемой стала атмосфера - содержание кислорода в ней оказалось слишком высоким. На корабле имелись препараты для нейтрализации этого эффекта, но их запас не был бесконечным.

На четвертый день Ниболанте столкнулся лицом к лицу с полярным медведем, доедающим рыбину. Зверь явно был хищником или всеядом, но не вызвал у Ниболанте опасения - на какую бы пищу медведь ни был генетически запрограммирован, его раса в этот список не входила, поскольку они на этой планете стали ее первыми представителями, высадившимися четыре дня назад.

Но медведь почему-то не обратил на сей факт никакого внимания и направился к Ниболанте. Тот попятился. Медведь все приближался, а Ниболанте отступал, и наконец медведь, потеряв терпение, оглушительно заревел и сделал прыжок. Ниболанте развернулся и побежал к кораблю, призывая Марбови и детей укрыться там.

На это у него ушло меньше двух секунд. Медведь не смог вовремя остановиться и, врезавшись головой в обшивку, снова взревел.

- Кто это был? - потрясенно спросила Марбови.

- Я знаю, - вставил Салласин. - Этот зверь называется медведь.

- Чем он питается? - спросил Ниболанте, все еще пытаюсь отдышаться.

- Всем.

- И много здесь медведей?

- Не знаю. Я читал только про полярных медведей.

- Полярных? - уточнил Ниболанте.

- Белых медведей. Полагают, их больше ста тысяч.

- На всей планете?

- Нет, только на севере.

Ниболанте и Марбови переглянулись. Затем Ниболанте включил корабельные видеокамеры и взглянул на экран. Полярный медведь сидел возле люка и терпеливо ждал.

Он проверял каждые несколько часов. Медведь не уходил. К полуночи подошел второй, а к рассвету корабль окружили пять медведей.

- Так не пойдет, - заявил Ниболанте. - Совершенно ясно, что здесь мы жить не сможем. Я не хочу, чтобы мои дети вооружались всякий раз, выходя из корабля.

- Это было бы так здорово! - запротестовал Салласин.

- Пока тебя не съедят, - ответил Ниболанте. - Мне надо поработать с компьютером и решить, куда мы переберемся.

- Только не забывай, что там сейчас идет ужасная война, - напомнила Марбови.

- Знаю. Думаю, по этой причине мы можем исключить континенты, называемые Европа, Азия, Австралия и Северная Америка. На южной полярной шапке мы жить тоже не можем. Остаются два континента - Африка и Южная Америка. Так вот, на севере Африки были сражения, но компьютер сообщает, что война там закончилась.

- На этой планете все такие воинственные? - спросила Марбови.

- Но мы-то нет. И я должен отыскать место, где наша семья будет в безопасности. - Он снова уставился на экран компьютера. - В Южной Америке, похоже, не воюют, но она населена теми же расами туземцев, что и вся планета.

- И Африка тоже? - спросила Марбови.

- Конечно. Сомневаюсь, что на любом континенте нас встретят с распростертыми объятиями. Но, кажется, я нашел место, где мы будем в относительной безопасности.

- Где же?

- В Африке есть гора, самая высокая на континенте. Она расположена в малонаселенном районе, на ней живет относительно мало людей, да и те в основном ближе к подножию. На горе - огромная ледяная шапка, которую видно буквально с восьмидесяти километров, и выше границы леса там никто не обитает. - Он неожиданно улыбнулся. - И там нет полярных медведей.

- Если это вершина горы, то океана там точно нет, - сказала она. - И чем мы будем питаться?

- На горе десятки видов дичи - от огромных животных до совсем мелких. И большинство из них съедобно. Есть реки и ручьи, где полно рыбы. И множество птиц.

- И эти воинственные существа просто так позволят тебе заходить в лес, убивать и есть их добычу? - ехидно осведомилась Марбови.

- Не все имеют атомное оружие, - возразил Ниболанте. - Насколько я понял, обитатели горы, да и всей округи, в основном пастухи, которые охотятся и защищаются с помощью копий и луков.

- Но убить тебя они прекрасно могут и копьем, и стрелой.

Он улыбнулся, подошел к переборке, коснулся особой точки на ней, и участок стены сдвинулся. Он сунул руку в нишу и достал очки.

- Эти очки позволят мне видеть ночью так же ясно, как и днем, - сказал он. - У местных ничего подобного нет, а на горе водятся кое-

какие опасные животные. Я буду охотиться по ночам, пока они спят. - Он присмотрелся к жене. - Ты вроде бы сомневаешься.

- Мы улетаем отсюда, потому что здесь есть опасные животные, а теперь ты хочешь перебраться туда, где водятся другие опасные животные.

- Но есть разница, - пояснил он. - Полярные медведи питаются рыбой и редкими млекопитающими, которые им попадаются. Но на горе буквально десятки тысяч травоядных. А это означает, во-первых, что пищи нам хватит, а во-вторых, что никакие хищники не станут караулить нас возле корабля только потому, что им больше не на кого охотиться.

Итак, она возражать не стала, и он дал кораблю команду взять курс на Килиманджаро. Обитатели планеты уже разработали примитивные радары, но Ниболанте знал, что корабль сможет избежать обнаружения или уклониться от него. Он достиг горы в середине ночи, завис над вершиной, пока сенсоры отыскивали ровную площадку на средней высоте ледника, и мягко опустился на снег.

С помощью корабельных датчиков Ниболанте убедился, что на километр вокруг нет ничего живого, надел очки и выбрался на ледник. Он глубоко вдохнул и с удовольствием обнаружил, что воздух здесь более разреженный и кислорода в нем меньше, чем на полярном севере. Взглянув вниз, он не увидел никаких деревьев, значит, и снизу никто не заметит ни его, ни корабль. Он услышал, как трубит слон и ревет лев, но звери находились далеко.

Он немного побродил вокруг, уже мысленно называя это место своим новым домом, потом вернулся на корабль.

- Тебе здесь понравится, - сообщил он жене. - Воздух великолепный.

- Воздухом сыт не будешь, - намекнула Марбови.

- Этим воздухом будешь, - с энтузиазмом возразил он. - И не так уж здесь и холодно. Думаю, одежда нам совсем не понадобится.

- Ты так рекламируешь это место, что остановиться не можешь, - сказала она. - Но мы уже здесь - к лучшему или к худшему.

- К лучшему. Вот увидишь.

- Зато могу сразу сказать, чего я не увижу. Я не увижу ни одного фараина, кроме тебя и детей. - Она нахмурилась. - Ни сейчас, ни потом.

- Ты неправильно оцениваешь ситуацию, - возразил Ниболанте. - Мы живы. Мы уцелели. Мы станем родителями новой расы на новой планете.

- Мы четыре фараина на планете, обитатели которой убивают друг друга. С чего ты решил, что они примут нас? А если не примут, то долго ли, по-твоему, мы сможем прятаться на этой горе?

- Послушай, я тоже хотел бы, чтобы наш материнский корабль не погиб. Чтобы все друзья были с нами. Чтобы местные жители приняли

нас с распростертыми объятиями. Но мы здесь, живы и должны воспользоваться этим.

- Это не то, чего я хотела бы для своих детей.

- Нельзя всегда иметь то, чего хочешь, - раздраженно ответил он.

Они обменялись враждебными взглядами и улеглись спать в противоположных концах корабля.

Ниболанте поднялся рано утром и вместе с детьми вышел осмотреть окрестности. Марбови осталась в корабле.

- Я изучал местную фауну в компьютере, - сказал Салласин. - И теперь могу назвать все, что мы увидим.

- Тогда попробуй назвать его, - предложил Ниболанте, указав на птицу, парящую в потоках восходящего теплого воздуха в нескольких сотнях метров от горы.

- Это орел-рыболов, - гордо ответил сын.

Ниболанте вдруг улыбнулся.

- Что тут смешного? - удивился Салласин.

- Мне придется тебе поверить, - ответил Ниболанте. - Я-то местную фауну не изучал.

Салласин назвал двух других птиц, затем посмотрел вниз.

- Насколько далеко мы можем спуститься?

- Пока мы не изучим склоны и не увидим точно, где расположены деревни, я прошу вас не уходить дальше пятидесяти метров от границы леса, - ответил Ниболанте. Сын не мог скрыть разочарования, и Ниболанте положил руку ему на плечо. - Когда ты чуть подрастешь, и мы лучше узнаем эту гору, сможешь ходить со мной по ночам на охоту.

- Правда? - переспросил Салласин, сияя от радости.

- Правда.

- А сейчас мы можем спуститься к лесу?

- Да, если будете держаться возле меня.

Они спустились по леднику к лесу, остановились и осмотрелись. Неожиданно Чинапо заметила что-то, прыгнула в сторону и схватила какую-то мелкую живность.

- Что это? - спросила она, показав существо брату.

- Ящерица. Она питается насекомыми - знать бы еще, что это такое. -

Он присмотрелся к ящерице. - Пожалуй, эти насекомые не могут быть большими. - Он долго разглядывал ящерицу, потом нахмурился. - Это или геккон, или угама, точнее не скажу.

- Можно, я ее оставляю? - спросила Чинапо у отца.

Ниболанте нахмурился:

- Можно, но с условием.

- Каким?

- Мы должны выяснить, кто такие насекомые и живут ли они на леднике. В противном случае ящерица будет голодать, если ты возьмешь ее на корабль.

- А можно нам пройти чуть дальше? - спросил Салласин.

- Да, чуть-чуть.

Они спустились всего метров на пятьдесят. Диких животных они не увидели, зато услышали, как трубит слон, чирикают птицы и даже ревет буйвол.

- Мне здесь нравится, - заявил Салласин.

- Я рад, что хоть кому-то здесь нравится, - отозвался Ниболанте.

Они гуляли еще почти час, затем пошли обратно и вернулись к кораблю уже во второй половине дня.

Чинапо играла с ящеркой, а Салласин тем временем узнал из компьютера, что насекомых они на леднике не найдут. Девочка заявила, что хочет ручную зверушку, но ту, которая живет на леднике и не пострадает, если ее лишат привычной обстановки.

- Сестрицу ждет разочарование, - поведал Салласин отцу, когда они остались наедине. - Здесь, на вершине, никто не живет. Кроме нас.

- Да, здесь никто не живет, - согласился Ниболанте, - но, может быть, кто-нибудь сюда заглянет.

- Не понял.

- Всякий раз, добыв на охоте дичь, я буду оставлять кусок мяса на одном и том же месте. Первые несколько раз его могут и не заметить, но рано или поздно кто-нибудь мясо обнаружит. А после этого, думаю, животное начнет снова и снова являться за едой. Оно будет крупнее ящерицы - может быть, какой-нибудь из орлов, поэтому домашней зверушкой его не сделать, но Чинапо хотя бы сможет его увидеть.

- А когда оно придет, я смогу его опознать, - согласился Салласин.

Тем же вечером Ниболанте отправился на охоту, аккуратно положив ящерку под куст, где она пребудет в безопасности хотя бы до утра. Пустив в ход бесшумное оружие, он убил молодого кабана на высоте четырех тысяч метров, а потом остаток ночи волочил тушу к кораблю.

- И что мне с этим делать? - осведомилась Марбови, когда проснулась и обнаружила кабана.

- Отрежем те части, какие захотим съесть, а остальное положу в дезинтегратор.

- Ладно. И какие части ты хочешь съесть?

Он уставился на тушу.

- Наверное, это нам придется выяснить методом проб и ошибок.

- Ты так решил. Ты убил животное. Ты и выясняй.

- Да что с тобой?

- Ненавижу это место.

Ниболанте глубоко вздохнул:

- Пожалуй, мы можем поискать местечко в Южной Америке.

- Я имела в виду планету, а не гору! - рявкнула жена и вышла.

Ниболанте отыскал режущий инструмент, отделил от туши окорока, срезал видимый жир, а остальное сунул в дезинтегратор. Он понимал,

что может заморозить остаток, просто положив мясо на лед, но не хотел привлекать хищников. Он знал, что они редко поднимаются на ледник, но не ведал, каким деликатесом может стать для них кабан.

Когда он закончил работу, то и он сам, и все вокруг оказалось залито кровью. Он мысленно отметил, что в будущем надо выпускать кровь из добычи, прежде чем резать ее на куски.

Так они и жили следующие двадцать дней. Ниболанте спускался в лес по ночам, когда им требовалась пища. Днем он вместе с детьми изучал ледник и область чуть ниже опушки леса. Однажды они увидели носорога, в другой раз буйвола. Марбови оставалась на корабле, мрачная и углубленная в себя.

14 сентября 1945 года началось так же, как и любой из прежних дней. Ниболанте встал и приготовил завтрак для семьи, потом вышел из корабля. Там уже находился Салласин - он копал ямку у основания скального выступа.

- Что ты делаешь? - поинтересовался отец.

- Посмотри! - возбужденно отозвался Салласин. - В земле под снегом!

- Ниболанте наклонился. - Муравьи, - пояснил сын. - Это насекомые. Теперь Чинапо может снова завести ящерицу.

- Верно, - согласился Ниболанте.

- Пойдем искать ящерицу сегодня?

- Почему бы и нет? - ответил Ниболанте.

Он дождался, когда дети позавтракают, и отправился с ними к опушке. Там они почти два часа искали ящерицу, но так ни одной и не встретили.

- Не волнуйся, - утешил Ниболанте дочь. - Не нашли сегодня, попробуем завтра.

- Может быть, нам лучше разделиться? Тогда мы станем искать на большей площади, - предложил Салласин.

- Не хочу терять вас из виду, - возразил Ниболанте. - На горе много хищников.

- Они не поднимаются так высоко.

- Поднимаются, если очень голодны... Ладно, только ходите так, чтобы я вас все время видел.

- Хорошо, - согласился сын и направился влево.

Ниболанте взял дочь за руку и снова принялся заглядывать под камни и кусты. Каждую минуту-другую он всматривался и проверял, видно ли сына.

Они искали ящерицу почти полчаса, и тут Ниболанте услышал крик. Обернувшись, он увидел, как небольшое черное животное рвет тело сына острыми когтями, кусая его в шею и плечо. Он помчался к нему, вопя на бегу, и животное бросилось прочь с такой скоростью, что Ниболанте понял: догнать его он никогда бы не смог. Да он и не собирался его догонять. Салласин был весь изранен, истекал кровью и

вот-вот мог потерять сознание.

- Не шевелись, не пытайся говорить, - велел Ниболанте. - У меня при себе нет ничего, что могло бы остановить кровь. Все лекарства на корабле. Я тебя туда отнесу.

- Я остерегался только львов и леопардов, - прошептал Салласин.

- Помолчи. Не трать силы.

- Это был барсук, - сказал Салласин и потерял сознание.

Ниболанте нес сына так быстро, как только осмеливался, он понимал, что Чинапо не успеет за ним, если он прибавит шагу. И когда он добрался до корабля, дыхание сына стало едва заметным.

- Марбови! - крикнул он, подбежав к люку. - Беда! Скорее неси аптечку!

Жена уже ждала его, когда он вошел и положил сына на стол. Она не спросила, что произошло. Бросив единственный взгляд на сына, она повернулась к Ниболанте.

- Он мертв, - угрюмо проговорила она.

- Всего минуту назад он еще стонал.

- Он мертв, - повторила она. - Он не дышит.

Ниболанте попытался нащупать пульс, но не смог.

- Он так и останется мертвым? - спросила Чинапо.

- Да, - ответила мать. - И он лишь первый. Эта планета убьет всех нас.

- Он его не заметил, - пробормотал Ниболанте. - Это было такое маленькое животное.

- И ты его тоже не заметил, - сказала Марбови. - Но разница в том, что ты должен был его увидеть. - Она ненавидяще взглянула на мужа. - Ты и эта планета убили моего ребенка. Уходи и до обеда не возвращайся. Видеть тебя не могу!

Ниболанте хотел что-то сказать, но передумал и вышел на ледник, терзаемый чувством вины. Едва он оказался снаружи, люк за его спиной захлопнулся.

- И зачем? - пробормотал он. - Я ведь не собирался возвращаться прямо сейчас.

Но, едва вымолвив это, он понял, что жена запускает двигатель. Он помчался к люку и забарабанил в него.

- Что ты делаешь? - завопил он.

Разумеется, она не ответила. Через несколько секунд корабль взлетел, и Ниболанте понял: тот никогда больше не сядет на Землю.

Он обвел взглядом ледник. Оружие осталось на корабле. И любая защита от холода тоже. И все лекарства.

Он задумался - не спуститься ли с горы в одну из деревень, но он еще не был готов умереть, а наблюдения по поводу доброжелательности людей не внушали ему оптимизма. Впрочем, это мало что значило. Он остался один на чужой планете - последний из своего народа.

Ниболанте побрел по льду, высматривая укрытие от поднявшегося

ветра и гадая, сколько дней он протянет до того, как станет второй жертвой на этой чужой горе.

2038 год

- Я себя ощущаю каким-то бесполезным, - сказал Рэй Гловер. - Да, это сказочное открытие, и мы, наверное, разбогатеем, возможно, даже станем знаменитыми, но факт есть факт - я звукооператор фильма о покойнике.

- Скоро у тебя работы будет выше крыши, - заметила Бонни. - Прежде чем уйти с горы, мы снимем интервью со всеми участниками экспедиции.

- Да, знаю. А пока сосредоточусь на правильном дыхании.

Ко мне подошел Чарлз Нджобо:

- Когда вы планируете связаться с вашими экспертами?

- Через несколько минут. Чем скорее, тем лучше.

- Не делайте этого, пока я не свяжусь с моим правительством, - предупредил он.

Меня это не обрадовало, но мы находились в его стране, поэтому выбора не оставалось.

И тут я заметил опускающуюся снежинку, потом еще одну и еще. Через три минуты нас окутала метель. Посмотрев вниз, мы могли разглядеть, что метрах в пятистах ниже идет дождь. Потом ненастье прекратилось столь же внезапно, как и началось.

- Что ж, теперь вы знаете, как он оставался незамеченным все это время, - сказал Джим Донахью, показывая на инопланетянина, припорошенного снегом.

К Нджобо подошел Муро и негромко с ним заговорил. Наконец Нджобо кивнул, и Муро ушел. Минут через пять он вернулся с найденной веткой, на которой еще остались листья. Подойдя к телу существа, он присел рядом и стал осторожно сметать снег с туловища и головы.

Нджобо как-то враждебно взглянул на меня, словно ожидая возражений, но это был, вероятно, лучший и самый безопасный способ избавиться от снега.

Я увидел, как кто-то из носильщиков приближается к телу. Остановившись, он какое-то время рассматривал его, но тут его заметил Муро и приказал вернуться к остальным носильщикам.

- Что тут у вас за проблема? - спросил я.

Горман поговорил с Муро на непонятном для меня языке, затем повернулся ко мне:

- Муро не знает этого носильщика, и не захотел, чтобы тот ошивался возле тела.

- Как он может его не знать? - удивился Донахью. - Разве они все не из

одной деревни?

Горман покачал головой:

- Они из одного племени, но не из одной деревни. Муро почти все время работает старшиной носильщиков у альпинистов, поэтому нет ничего странного в том, что он прежде не видел этого парня.

Гловер зашатался и неожиданно тяжело опустился на снег.

- Ты в порядке? - заботливо спросила Бонни.

- Голова немного закружилась. И еще легкая одышка.

- Тогда посидите спокойно, не напрягайтесь, - посоветовал Горман. - Высота по-разному влияет на людей.

Гловер долго смотрел на существо, а потом пробормотал:

- Интересно, а как он с этим справлялся?

А если точнее, то зачем он подверг себя такому испытанию? Мы делаем вид, будто он может оказаться и не чужаком. Но ведь совершенно ясно, что он инопланетянин. Так что удерживало его на этой горе, когда перед ним лежала вся планета? Он прятался? От кого-то спасался? Или на этой горе имелось нечто, привлекавшее его больше всего остального на планете? Местные племена добились больших успехов, но они все еще примитивны по стандартам остального мира. Может быть, у него имелся какой-то план их развития? Но что в них могло настолько его восхитить и увлечь, чтобы он решил остаться на этом негостеприимном склоне?

Рэй Гловер был четвертым слепцом.

Что увидел звукооператор

Его звали Бнум Бнарр, и большую часть взрослой жизни он провел в тюрьмах на родной планете. Он не был вором или убийцей, мошенником или садистом. По мнению правительства, он был подстрекателем черни и мятежником. По его собственному определению, он был высоконравственным существом, запертым в совершенно аморальном мире. Судья считал, что его исправление невозможно, а поскольку на планете Графипо действовал мораторий на смертную казнь, то после ареста и седьмого приговора ему предоставили выбор: пожизненный срок или высылка на другую планету.

Он выбрал изгнание.

Первые три предложенные ему планеты он отверг. Потом власти сообразили, что с проблемой выбора не стоило церемониться - куда вышлют, там он и останется. Впрочем, зная характер приговоренного, они решили выслать его на планету, с которой прежде никогда не имели контактов. Местные обитатели называли ее Землей, и там изгнаннику было бы очень трудно спровоцировать те же проблемы, что

он создавал на Графипо. На Земле не было видео. Там не было компьютеров. Принципы полетов открыли всего два-три десятка лет назад. Но власти прекрасно знали, на что способен Бнарр. Поэтому его следовало высадить в необитаемом (или хотя бы почти незаселенном) районе, где его талант создавать неприятности не смог бы проявиться в полную силу.

Планету тщательно обследовали три автоматических зонда, которые обнаружили несколько огромных и протяженных пустынь. Но оттуда рано или поздно он смог бы добраться до цивилизованных мест. А местной цивилизации точно будут ни к чему дополнительные проблемы, которые он притащит с собой.

Они снова изучили результаты обследования и в конце концов нашли приемлемое решение. Преступника высадят на склоне горы, предварительно имплантировав ему в тело опознавательный чип. Затем основание горы полностью окружат невидимым барьером, распознающим сигнал чипа, но свободно пропускающим любое другое живое существо.

Теперь предстояло выбрать гору. Наиболее впечатлял Эверест, но дальше всего от крупных населенных центров, похоже, находилась Килиманджаро.

И вскоре небольшой корабль уже вошел в атмосферу и приблизился к увенчанной снежной шапкой горе.

- Запомни, - предупредил один из полицейских. - Ты никогда не сможешь уйти с горы.

- Полагаю, вы не станете возражать, если я попробую это сделать, - ответил Бнарр.

- Ничуть. Мне от этого хуже не будет.

Корабль завис над поросшим травой уступом, примерно на половине высоты горы.

- Здесь ты нас и покинешь, - сказал другой полицейский, открывая люк.

- Через двадцать секунд у меня будет больше свободы, чем вы можете себе вообразить, - заявил Бнарр. - И я ни за что не поменялся бы с вами местами.

- Наверное, хорошо, что ты так считаешь, - сказал первый, - потому что тебе суждено жить и умереть на этой горе, в глуши и одиночестве.

Бнарр подошел к люку, и вскоре его спустили на склон. Через секунду после того, как его ноги коснулись тверди нового мира, люк закрылся, и корабль, разгоняясь, помчался в стратосферу.

Уперевшись руками в бедра, Бнарр долгим взглядом обвел гору, где ему предстояло жить и умереть. Он знал, что какие-нибудь местные плоды и мясо животных окажутся съедобными - власти не стали бы выбрасывать на ветер миллионы, доставив его сюда только для того, чтобы он умер от голода в первые же недели. Посмотрев вниз, он

увидел следы слона. Он понятия не имел, как это животное выглядит, но с учетом размера следов понадеялся, что это не хищник.

В кронах деревьев пели птицы. Он долго к ним присматривался, пока не убедился: пичуги не представляют для него опасности. Примерно в двух километрах он увидел деревню, но решил не идти на контакт, пока не узнает о туземцах побольше. Вряд ли власти решили бы высадить его на индустриальную или продвинутую планету, и не было смысла показываться людям, которые, вероятно, даже не знали о существовании других разумных существ. Он должен узнать их лучше и обрести уверенность, что его встретят мирно.

Внезапно он услышал рев. Звук донесся издалека, но прозвучал достаточно громко, чтобы убедить - первым делом нужно подыскать укрытие, где можно спать в безопасности.

Он зашагал по склону. Ему попалось несколько пещер, но он не мог знать наверняка, что в них не обитают хищники. Он задумался: может, взобраться на дерево и переночевать на большой ветке? А если хотя бы один вид местных хищников умеет лазить по деревьям?

Поэтому он все шел, осматриваясь. Еще через два часа стало темно, и он вспомнил, что не знает скорости вращения планеты и поэтому не имеет представления о продолжительности дня и ночи. Он посмотрел на вершину горы. Чем выше, тем реже становилась растительность, а на границе ледника она и вовсе исчезла.

Решение оказалось простым. Пока он досконально не изучит гору и ее обитателей - как разумных, так и всех прочих, - ему лучше держаться возле ледяной шапки, где меньше растительности, потому что чем меньше травы - тем меньше травоядных, а чем меньше травоядных - тем меньше плотоядных. Возможно, они совсем не заходят на ледник.

Он побрел к вершине, ловя каждый звук и движение, и добрался до цели, не увидев ни единого животного. Возле ледника оказалось холодно, но вполне терпимо, и он принялся искать убежище.

Он обнаружил пещеру, убедился, что внутри нет следов иного жильца, и вошел. На такой высоте воздух был гораздо более разреженным, но его организм уже приспособился, и больше он на это внимания не обращал.

Проснувшись наутро после первой ночи в этом новом мире, он вышел из пещеры и спустился к опушке леса. Первой его задачей стали поиски пропитания, и он попробовал орехи какого-то дерева. На вкус они оказались не очень, но вреда организму не причинили, и он стал пробовать разные фрукты, траву, кору и орехи, запоминая их вкус. Насытившись, он решил, что второй задачей станет самооборона. Отыскав несколько плоских камней у кромки ледника, он выбрал два самых острых, отломал прямую ветку и часа два обрабатывал ее камнями, пока не получилось внушительное копьё. Один из камней был почти нужной формы, чтобы послужить ножом, и он, сплетя из травы

бечевку, повесил нож на шею наподобие ожерелья.

Он заметил в лесу мелких антилоп и разных грызунов - они были очень осторожны. Значит, хищники все же забираются на такую высоту. Уже в сумерках ему удалось убить копьем зайца. Он принес добычу в пещеру, где съел мясистые части тушки, а остальное зарыл в снегу, чтобы не привлекать хищников.

Примерно так изгнанник прожил следующий месяц. Каждый день он уходил чуть дальше от пещеры, или на той же высоте, или немного ниже. К концу месяца ему довелось увидеть слона, носорога, буйвола и леопардов, не считая более мелких животных, но ни единого человека он так и не встретил. Тогда Бнарр решил, что это и станет его следующей задачей.

Примерно в трех километрах от его пещеры располагалась деревня - прямо на юг и на полкилометра ниже. Если бы там по вечерам не разводили костров, он не смог бы сказать точно, живет ли там кто-нибудь, потому что никакого шума из деревни не доносилось, а выше по склону никто из ее обитателей никогда не поднимался. Бнарр решил, что приблизиться к ней лучше всего в сумерках. Днем ему будет трудно спрятаться, а поздним вечером он не сможет наблюдать за жителями, когда они погасят костры.

Поэтому он очень осторожно подобрался к деревне из примерно тридцати хижин и спрятался за большим деревом, пока женщины готовили еду на огне. С самого появления здесь он ел пищу сырой и, хотя никаких вредных последствий это не вызвало, теперь решил попробовать приготовить еду над огнем, по примеру туземцев. Может быть, так она окажется вкуснее.

К костру подошел мужчина и что-то сказал женщине. Та ответила. Мужчина нахмурился и снова заговорил. Она что-то визгливо прокричала в ответ, мужчина пожал плечами и ушел. Бнарр не отказался бы от лингвистических и образовательных дисков для обучающей машины, к которой он мог бы подключиться и за день-другой выучить во сне местный язык и обычаи. Но на этой планете их, разумеется, не было, поэтому такие знания придется обретать тяжелым способом. Уж если ему предстоит жить с туземцами на одной горе, то без умения общаться с ними никак не обойтись... А если они отреагируют на него враждебно, то он хотя бы сможет объяснить им, что тоже является разумным существом.

Задача оказалась нелегкой. За первые две недели он выучил всего двадцать семь слов. Но он прятался возле хижин каждый вечер, и через несколько месяцев смог понимать уже почти половину разговоров. После года наблюдений и подслушиваний он решил, что сможет говорить достаточно бегло, хотя из-за удлинённых лицевых костей не мог произносить слова, как люди.

Настал день, когда Бнарр решил, что готов им показаться. Это надо

будет сделать до заката: он не хотел, чтобы в темноте кто-нибудь принял его за большую кошку, особенно после того, как за последние несколько месяцев он увидел на горе несколько черных леопардов.

Бнарр дождался, пока почти все жители деревни собрались вокруг костров и сели ужинать. И заговорил громко и отчетливо.

- Я приветствую вас, - сказал он на суахили. - Я пришелец, одинокий и беззащитный. Я не желаю вам зла.

- Где ты? - спросил один из мужчин, озираясь.

- Я сейчас выйду к вам. Но сперва должен предупредить, что выгляжу не так, как вы. Прошу вас, не пугайтесь. Я хочу только одного - стать вашим другом.

- Покажись, - потребовал другой мужчина, - и тогда мы сами решим.

Бнарр прислонил копье к дереву, за которым прятался, затем снял с шеи нож, надеясь, выйдя безоружным, убедить местных, что он не представляет для них угрозы. Потом он подошел к окраине деревни.

Три женщины завизжали, а все мужчины схватили копья или луки и повернулись к нему. Какая-то малышка лет двух, совершенно голая, бесстрашно направилась к чужаку. Прежде чем ее кто-либо успел окликнуть или остановить, она подбежала к Бнарру и обняла его ногу. Бнарр наклонился и нежно погладил девочку по голове.

- Кто ты? - спросил мужчина, который, похоже, был здесь главным. - Или что ты?

Наблюдая за аборигенами весь год и слушая их разговоры, Бнарр понял, что они ничего не знают о планетах своей звездной системы, не говоря уже о других, и никогда не смогут осознать правду. Поэтому он ответил:

- Я был рожден нормальными родителями, как и вы. Но они бросили меня, потому что я совсем на них не похож. С тех пор я жил там. - Он показал на ледник. - Но там очень мало пищи, и я решил, что мне пора снова жить с людьми... если вы меня примете.

- Мы обсудим твою просьбу, - ответил вождь.

- Я подожду.

- Приходи завтра. К тому времени мы уже примем решение.

Бнарр осторожно высвободил ногу из рук девочки, повернулся и направился туда, где осталось его оружие. Девочка заплакала, догнала его и снова обняла ногу. Наклонившись, он протянул к ней руки. Она отпустила его ногу, Бнарр взял ее на руки, отнес к ближайшей женщине и передал ей ребенка.

«Это может сыграть в мою пользу, - подумал он, уходя из деревни. - Теперь они хотя бы знают, что дети меня не боятся, а я не собираюсь причинить им вред или украсть».

Взяв оружие, он пошел наверх, к пещере. На рассвете он проснулся, но теперь не стал дожидаться сумерек, а открыто вошел в деревню около полудня.

Вождь вышел из хижины и подошел к чужаку.

- Меня зовут Гору, - сказал он. - Это моя деревня. Если ты никому не причинишь вреда, мы разрешим тебе жить с нами.

- Спасибо, - поблагодарил Бнарр.

- Бира думает, что ты демон, и будет внимательно за тобой наблюдать.

- Кто такой Бира?

- Наш мундумугу.

- Мундумугу? - не понял Бнарр.

- Тот, кто создает законы, - пояснил Гору.

К ним приблизился морщинистый старик.

- Ты Бира? - спросил Бнарр.

- Я Бира, существо. И я знаю, кто ты такой.

- Я хочу лишь стать другом вашим людям и помогать им, - заверил Бнарр.

- Если это так, то мы спрячем тебя, когда придут немцы, - сказал Гору.

- Или, если мы узнаем об их приходе заранее, ты вернешься туда, где жил, пока они не уйдут.

- Кто такие немцы? - спросил Бнарр.

- Европейцы.

- А кто такие европейцы?

- В отличие от тебя, они люди, - пояснил Бира.

- Они белые, и у них есть могучее оружие, - продолжил Гору. - Они пришли на нашу землю много лет назад, когда я был еще ребенком, и заявили, что теперь она принадлежит им.

- И они вытеснили вас на этот склон?

Вождь покачал головой:

- Нет. Мое племя всегда жило на Килиманджаро. Но много племен живет в Серенгети и возле Нгоронгоро и Олдувая, а немцы правят всеми нами.

- А много ли там немцев?

Гору пожал плечами:

- Откуда нам знать? Они приходят из очень далекой страны.

- Значит, здесь живут лишь немногие из них? - уточнил Бнарр.

- Да, так.

- И сколько их?

Снова пожатие плечами.

- Не знаю. Сотня. Тысяча. Больше. Достаточно много.

- А сейчас на горе есть кто-нибудь из них?

- Думаю, нет, - сказал Гору. - Но Килиманджаро - большая гора.

- Пожалуй, нам нужно будет поговорить об этих немцах, - решил Бнарр.

- Так мы о них и говорим, - не понял Гору.

- Я имел в виду всех, кто живет на Килиманджаро.

- Зачем?

- Потому что это наша гора, а не гора немцев, - ответил Бнарр. - И нам надо придумать, как сделать так, чтобы и немцы это поняли.

- Мы не можем воевать с ними, - возразил Гору.

Бнарр улыбнулся - очень не по-человечески.

- Есть разные способы, - сказал он. - Поговорим о них завтра.

- Моя магия не может их одолеть, - заметил Бира. - А если твоя может, то это лишнее доказательство того, что ты демон.

- Я не демон, - возразил Бнарр. - И еще я не мундумугу. Ты единственный такой в деревне. Мне твоя работа не нужна.

- Полагаешь, что она тебя недостойна? - процедил Бира.

- Я всего лишь пришелец, который хочет помочь.

Бнарр провел в деревне час. Он спрашивал, как кого зовут, кто в какой хижине живет, узнал, где расположены другие деревни на этом склоне и какие племена там расселены. А потом вернулся в пещеру с чувством глубокого удовлетворения.

Они нуждались в нем.

Так что никакое это не изгнание. Теперь он знал, что его отправили сюда намеренно. И он неожиданно вновь ощутил себя полноценной личностью.

На следующее утро он вернулся в деревню. Он надеялся, что там соберется примерно полсотни вождей из других деревень, но их оказалось всего восемнадцать плюс Гору и Бира. Впрочем, это его не смутило. Надо же с чего-то начинать.

- Я рад встрече с вами, - сказал он вместо приветствия. - И еще до ее конца я узнаю все ваши имена.

- Кто ты такой? - спросил самый высокий из вождей.

- Я думал, Гору вам это уже объяснил.

- Бира прав, - подтвердил вождь. - Твоими родителями были не люди.

- Я понимаю, что в такое трудно поверить... - начал было Бнарр.

- В такое невозможно поверить. Из какого ты племени?

- До вчерашнего дня я жил сам по себе - с самого детства, так что мое племя состояло из одного меня. Но сейчас я объявляю себя членом племени людей, живущих на склонах Килиманджаро.

- Он мне не нравится, Гору, - сказал высокий. - Он не отвечает на мои вопросы.

- Я ведь предупреждал, что он не станет, - резко проговорил Бира.

- Это не так, - возразил Бнарр. - Я ответил на твои вопросы. Просто тебе не понравились мои ответы, а это совсем разные вещи. - Он взглянул на остальных вождей. - Но когда мы начнем говорить о немцах, думаю, мои ответы вам понравятся.

- А откуда нам знать, что ты не заодно с ними? - спросил другой вождь.

- Да как я могу быть с ними заодно? всю жизнь я прожил на горе, еще

выше этой деревни. Разве немцы когда-нибудь поднимались настолько высоко?

- Нет, - признал вождь. - Но если ты никогда не видел немцев, то почему настроен против них?

- Потому что каждый, кто живет на горе - мой брат. А у немцев нет права командовать моими братьями.

- Ты мне не брат! - огрызнулся Бира.

- Бира боится, что я собираюсь заменить его и стать мундумугу. Но я этого не хочу. Он маленький и ревнивый человек. А я хочу лишь показать вам, как избавиться от немцев.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем высокий вождь сказал:

- Можешь говорить. Мы будем тебя слушать.

- Это все, о чем я прошу, - согласился Бнарр. - Но на это уйдет много времени. Почему бы вам всем не присесть?

Просьба их удивила, но все же они уселись, кроме Биры.

- Давайте начнем с того, как не выполнять требований немцев, - начал он. - Они призывают ваших юношей в свою армию?

- Нет.

- облагают налогами?

- Одна свинья с хижины.

- Раз в год?

- Всякий раз, когда они приходят.

- Раз вы не можете противостоять им силой оружия, то должны стать умнее их, - заявил Бнарр. - И должны действовать сообща. Пусть каждая деревня назначит двух-трех мальчиков в гонцы.

- Гонцы? - переспросил другой вождь.

- Подумайте сами. Мы ведь не хотим, чтобы немцы заявили к нам неожиданно. Поэтому мы разместим семь или восемь мальчиков возле тропинок, ведущих к деревням. Когда они увидят, что немцы приближаются, они побегут на гору и сообщат об этом в нижних деревнях. Гонцы из этих деревень передадут весть дальше - каждый в назначенную ему деревню. Так про это узнают все, и большинство - еще до того, как немцы подойдут к горе. - Бнарр обвел взглядом слушателей, теперь вожди слушали его очень внимательно. - Далее: с завтрашнего дня мы начнем строить укрытие в самой густой части самого высокого леса на горе. И всякий раз, когда мы узнаем о приближении немцев, дети из каждой хижины погонят свиней в это укрытие.

- Не все свиньи туда пойдут, - возразил кто-то.

- Еще как пойдут, потому что как только загон в укрытии будет готов, дети под вашим руководством начнут гонять туда свиней раз в неделю, пока эта дорога не станет для них привычной. И когда немцы войдут в деревни, вы им объясните, что все свиньи заболели и сдохли. - Он

неожиданно улыбнулся. - Вы даже можете попросить немцев дать вам новых свиней, потому что они сами заявили, будто правят страной.

Гору ухмыльнулся - мысль ему понравилась.

- Немцы тогда захотят что-то другое и заберут это, - сказал высокий вождь.

- Тогда и мы станем действовать иначе, чтобы не давать им того, что они захотят, - сказал Бнарр. - Но это еще не все. Мы пошлем гонцов во все деревни поблизости от горы, чтобы они рассказали о наших действиях, и попросим передать эти идеи дальше, чтобы о них узнала вся страна.

- На равнине прятать свиней будет гораздо труднее, - заметил другой вождь.

- Мы поможем им придумать, как спрятать скот.

- Рано или поздно, но они их найдут... или потребуют что-то другое. Может быть, наших женщин.

- Это лишь первый шаг, - заверил Бнарр. - Вы сказали, что у них могучее оружие?

- Да.

- Они объявили своими владениями всю Африку?

- Что такое Африка? - спросил кто-то из вождей.

- Они объявили своими владениями все земли вокруг? - переформулировал вопрос Бнарр.

- Нет. Только Танганьики.

- Но почему, если у них такое оружие?

- У британцев такое же оружие.

- И где эти британцы? - улыбнулся Бнарр.

- Не знаю, откуда они пришли, - пояснил вождь, - но они правят Кенией.

- Где эта Кения?

- Там. - Вождь показал на север.

- Далеко в ту сторону?

- День ходьбы. Может, чуть меньше.

- Вот вам и ответ, - заявил Бнарр.

Вожди непонимающе нахмурились.

- Немцы изобрели свое могучее оружие не для того, чтобы завоевать вас. Значит, они его сделали, чтобы воевать с другим племенем, а вы сказали, что это племя - британцы. После первого нашего шага, когда мы спрячем свиней, немцы потребуют что-то другое. Тогда вы пошлете представителей к британцам - это всего день пути - и пожалуетесь им на то, как с вами обращаются немцы. И скажете, что лучше бы вами правили британцы. И одновременно уговорите кенийские племена на другой стороне границы пожаловаться немцам, что им невыносимо жить под правлением британцев.

Неожиданно слушатели расплылись в улыбках.

- Вы пойдете добровольцами помогать каждой стороне - лагерной прислугой. Будете для них готовить еду, стирать и выполнять всяческую работу, которую вам поручат. И всякий раз, когда солдат любой из сторон погибнет в бою, вы захватите его оружие и боеприпасы. Если отряд, где вы прислуживаете, небольшой - отравите их еду. Если большой, то через детей - они всегда вне подозрений - сообщите противнику, где он находится. А когда они поубивают друг друга и один из противников будет полностью уничтожен или понесет такие потери, что уже не сможет претендовать на какую-либо территорию, у вас уже будет достаточно оружия и опыта, чтобы уничтожить победителя. - Он помолчал. - Такое не случится за день-другой, и это будет нелегко. Но если у вас хватит решимости, все это свершится.

- Ты похож на монстра, - сказал высокий вождь. - Но мыслишь как лайбон или мундумугу. - Он вонзил холодный взгляд в Бира. - Почему наши мундумугу никогда о таком не думали?

Бира не ответил, лишь с ненавистью посмотрел на Бнарра.

- У меня вопрос, - сказал Гору.

- Да? - отозвался Бнарр.

- Чего ты захочешь за все это? Чтобы тебя признали джумбе ква киджумбе?

- Вождем вождей? - переспросил Бнарр и покачал головой. - Нет, у меня нет желания кем-либо править. Я хочу только одного - чтобы справедливость восторжествовала.

- Честно?

- Честно.

- Тогда о тебе трудно думать, как о мужчине, - заключил Гору.

Вожди рассмеялись шутке. Все, кроме Биры.

- Мы будем встречаться каждый день, пока не продумаем все до мелочей, - сказал Бнарр. - Мы должны точно знать, где построить укрытие. Должны убедиться, что для свиней из нижних деревень на пути нет непроходимых препятствий. Должны решить, каким мальчикам можно доверить задачу гонцов. Надо наметить для них тропы не только на горе, но и на равнинах возле нее. Мы должны быть готовы к любой неожиданности. Я дал вам много пищи для размышлений. Советую вернуться в свои деревни и подумать над моими словами. А завтра встретимся здесь в это же время.

Вожди разошлись, а Бнарр вернулся на ледник. Он уже прикидывал, не построить ли себе хижину - он видел, как их здесь строили всего за несколько часов, - и не обосноваться ли в деревне, но решил, что его слова будут авторитетнее, если он не поселится в какой-либо конкретной деревне.

Они встретились на следующий день, потом еще и еще. Они построили укрытие в таком месте, что уже за полсотни метров его

нельзя было заметить, и стали тренироваться, как загонять туда свиней. Мальчиков посылали снова и снова.

А потом настал день, которого они ждали. На гору поднялся отряд немецких солдат и потребовал «свиной налог». В одной за другой деревнях им объясняли, что все свиньи заболели и сдохли. Немцы обыскивали каждую хижину, уверенные, что свиней прячут там... а потом один из немцев собрал своих на лужайке возле деревни.

- Смотрите! - воскликнул он, указывая на кучку навоза. - Он свежий! Туземцы нам солгали!

Со своего наблюдательного пункта на леднике Бнарр видел, как немцы поднялись на гору. Это его не удивило. Но потом он услышал винтовочные выстрелы. А вот это его озадачило. Он слышал по выстрелу примерно каждые десять минут, часов с десяти утра до полудня.

Он решил не рисковать и дожждаться, пока немцы уйдут, поэтому остался на леднике до рассвета и лишь потом спустился в деревню Гору. К его удивлению, там его ждали все вожди.

- Как все прошло? - спросил он.

- Пока ты отсиживался на леднике, немцы убили по ребенку из каждой деревни! - прорычал Гору. Его лицо исказилось от ярости и ненависти.

- Мы поступили, как сказал ты, а не Биру, - добавил высокий вождь. - Больше мы этой ошибки не допустим.

- Но что произошло? - спросил Бнарр.

- А то, что мы сами виноваты - послушали существо, которое лишь притворяется человеком. Теперь я скажу, что будет. Ты вернешься на ледник и останешься там до конца жизни. Если, начиная с завтрашнего дня, любой из нас увидит тебя ниже ледника, мы тебя уьем. Ты умрешь медленно и мучительно.

- Но как немцы обо всем узнали? Разве вы не спрятали всех свиней в укрытии?

- Я сейчас начну считать до пятидесяти, - пригрозил высокий вождь. - Если ты все еще будешь здесь, когда я закончу, то я сам тебя прикончу.

Бнарр переводил взгляд с одного лица на другое, но встречал лишь ненависть и гнев. Он повернулся и побежал к ледяной шапке. Его никто не преследовал, и через несколько минут он перешел на шаг.

Когда беглец вышел на опушку, там его уже ждал Бира.

- Я ведь говорил им, что ты демон, - молвил он. - И в конце концов моя магия оказалась сильнее твоей.

- Магия тут совершенно ни при чем, - устало возразил Бнарр.

- Я назову это магией, когда стану говорить со своим народом. - На его лице мелькнула злобная усмешка. - Магия перенесла свиней навоз туда, где немцы его обязательно найдут, или что-то другое, но результат оказался таким же.

- Но почему? - спросил искренне озадаченный Бнарр.

- Потому что я мундумугу, а этой горе и этому племени еще одного не надо.

Бнарр собрался было ответить, но тут заметил бегущих к нему вооруженных аборигенов, и ему пришлось отступить на ледник.

На следующее утро он спустился к опушке, чтобы добыть себе что-нибудь на завтрак, но путь ему преградили туземцы с копьями.

- Уходи, чудище! - крикнул один из них. - Тебе сюда нельзя!

Изгой вернулся на ледник, и за следующие пять дней обошел его по окружности. Всякий раз, когда он полагал, что ушел достаточно далеко, и пытался спуститься к лесу, его останавливали воины.

Бнарр не сдавался. Он регулярно обходил ледник, но всякий раз при попытке спуститься ему преграждали путь.

Ослабев от голода и усталости, Бнарр в конце концов вернулся в пещеру. «Моей вины тут быть не может, - подумал он. - Я организовывал гораздо более трудные операции. Это местные все испортили. Но в чем была ошибка?»

Он пролежал в пещере три дня. Бнарр знал, что умирает, но эта мысль почему-то не вызывала у него внутреннего протеста. Если ему запретили делать то, ради чего он был рожден, то жизнь потеряла смысл. Но перед смертью он должен выяснить, что же пошло не так.

Он с трудом поднялся; тут же подкатили головокружение и тошнота. Несколько секунд он простоял, опираясь на стену пещеры, потом вышел на ледник. Минут десять он брел вниз, с трудом удерживая равновесие на льду. Солнце казалось ему чересчур ярким, глаза начали слезиться. Он поднял руку, чтобы вытереть слезы, но потерял равновесие и рухнул на лед.

Бнарр попытался встать, но обнаружил, что не может. Он ощущал, как из него вытекает жизнь. Дышать стало труднее. Он попытался сфокусировать взгляд, но перед глазами все расплывалось.

«Все должно было кончиться иначе, - с горечью подумал он. - План был безупречным. Что бы там ни случилось, неудачу потерпел не я. Сейчас местные должны были бы радостно кричать, петь и восхвалять меня».

Он понял, что через несколько секунд умрет, и в голове у него мелькнула последняя мысль: «Надеюсь, немцы всех вас уничтожат».

2038 год

- Я начинаю думать, что Хемингуэй никогда не поднимался на такую высоту, - заметил Рэй Гловер. - В конце концов, он был пьяницей и далеко не атлетом. Я в отличной форме, а все равно страдаю одышкой.

- Он же писатель, - сказал Джим Донахью. - И вполне возможно, все выдумал. В конце концов, в «Зеленых холмах Африки», до сих пор продающихся как документальная книга, он обязательно наткнулся на кого-нибудь, желающего подискутировать о литературе, всякий раз, когда прятался где-нибудь в кустах и ждал, пока мимо пройдет животное. Но никто еще не назвал его за это брехуном.

- Если проедетесь вдоль побережья, то до сих пор найдете с полдюжины отелей, похваляющихся, что «Хемингуэй здесь ночевал», - вставил Горман. - Судя по тому, что о нем рассказывают, он приходил выпить в бары этих отелей, а потом засыпал прямо за стойкой.

- Все равно, разве не станет сенсацией, если мы найдем того леопарда? - спросил я.

- Мы уже нашли нечто в тысячу раз более существенное, - ответил Донахью. - Может, десятку профессоров литературы и важно, был тот леопард настоящим или Папа его выдумал. Но если это, - он указал на замороженное тело, - то, о чем мы все думаем, мир ожидает настоящая сенсация.

- А может, это снежный барс? - спросил Гловер. - Помню, как-то видел такого в зоопарке. Вполне правдоподобная версия, разве нет?

- Найдите здесь снежного барса - вот вам и сенсация, - ответил Горман. - Они обитают только в Азии.

- Это так, профессор? - спросил меня Гловер.

- Доктор, - поправил я. - Или просто Тони. Да, это так. Снежных барсов в Африке нет.

- Если бы они тут водились, Папа не стал бы утруждать и сочинять эту историю, - добавил Горман.

- А я вот думаю, - протянул Донахью, - не мог ли он увидеть издали нашего инопланетного приятеля и принять его за леопарда?

- Даже если предположить, что тело пролежало здесь так долго... Если Папа оказался настолько близко, что разглядел тело, то почему он не прошел последнюю сотню метров, чтобы проверить, кто это? - спросил Горман.

- Был слишком пьян? - предположил Донахью.

- Будь он так пьян, он бы его не увидел. Или не запомнил, - возразил Горман.

Я заметил, что Бонни не прислушивается к нашему разговору (хотя ничего интересного в нем и не было), а пристально разглядывает тело.

«Все они ошибаются, - думала она. - Важно не то, что он делал на Килиманджаро, а что он вообще делал на Земле. Я не вижу никакого оружия. Даже сумки или кобуры, где оно могло находиться. И уж конечно, он пришел сюда не для того, чтобы полюбоваться вершиной горы - а даже если так, то почему не Фудзи, Эверестом или хотя бы пиком Пайка? Почему эта гора? Какой секрет он пытался раскрыть? И никто из нас еще не сказал ни слова о том, что его правая рука словно

тянется вперед. К чему? Что могло привлечь сюда безоружного пришельца?»

Бонни Херрингтон стала пятым слепцом.

Что увидела оператор

Его звали Квачама, и он посвятил жизнь поискам бога. Не того, кого ищут телепроповедники и верящие в воскрешение христиане. Нет, они были не ближе к богу, чем любой человек на улице. Фактически, если они неправильно поняли его знамения и распространили их в массы, то были еще дальше.

На его родной планете бог не упоминался никогда. Его раса верила в самодостаточность и упорный труд, они отвергали дары, прекрасно обходились без симпатии или прощения. И понятие о верховном божестве в их обществе никогда не удерживалось, даже если когда-либо и возникало.

Впервые на идею о боге он натолкнулся в школе, когда изучал разумные расы других планет, и она его восхитила. Если бог есть, то почему он создал эту Вселенную только для того, чтобы наполнить ее такими страданиями и столь многочисленными трудностями? Было ли его целью, чтобы каждый разумный вид преодолел эти препятствия? Если да, то почему столь многие терпят неудачу? А если нет, то зачем он вообще создал разумные существа? Почему он позволил одним расам расщепить атом, одолеть болезни и овладеть космическими полетами, в то время как другие так и остались привязанными к своим планетам, жалкие и примитивные?

Тогда самый очевидный вопрос, который следует задать верующим: если бог не проявил себя полностью, если ваши братья до сих пор страдают и умирают, то почему вы продолжаете в него верить? Но Квачама продвинулся дальше этого вопроса. Он понял, что искренне верит в бога или в какое-то его проявление и хочет встретиться с ним лицом к лицу, чтобы спросить, почему он позволяет кому-либо страдать, терпеть в чем-либо неудачу, голодать или умирать.

И всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы отыскать бога, встать перед ним и потребовать ответа.

Первой планетой, которую он посетил, стал Белларнус, расположенный в самом центре звездного скопления Немактон. Это был водный мир, покрытый океаном с редкими точечками островов. Здесь доминировала раса разумных морских млекопитающих, похожих на дельфинов. Они утверждали, что их бог обитает в подводном замке на глубине двух миль под северным магнитным полюсом. Квачама вывел свою лодку в точку над замком, облачился в подводное снаряжение, прыгнул в океан и поплыл к замку. Осторожное

погружение заняло почти четыре часа, но когда он достиг места, где должен был находиться замок, то увидел лишь песок и камни. На подъем к поверхности ушло втрое больше времени: Квачама опасался кессонной болезни. Забравшись в лодку, он рассказал о пережитом дельфину, плававшему неподалеку.

- А! - последовал ответ. - Бог не пожелал, чтобы ты его отыскал. Он может перемещать свой замок по всему миру, куда захочет.

- Но почему он не захотел, чтобы я его нашел?

- На это может ответить только сам бог. Оставайся здесь. Я уверен: как только бог решит, что ты не причинишь ему вреда, он вернется.

- Если он бог, то я по определению не могу причинить ему вреда, - возразил Квачама.

- Тогда, наверное, у него имелась иная причина, чтобы переместить свой замок.

- А ты лично этот замок видел?

- Я не религиозен. И у меня никогда не возникало причины его искать.

- А ты знаешь кого-нибудь, кто его видел?

- Возможно. Но в приличной компании такие темы не обсуждаются. Он же бог, в конце концов.

Приняв решение, Квачама начал снимать водолазное снаряжение.

- Спасибо, что просветил меня, - сказал он дельфину.

- Так ты не будешь ждать бога?

- Нет.

- Ничего. Он сам знает, как тебя найти.

- Посмотрим.

То был первый из двадцати семи миров, которые он посетил. Он искал в джунглях Селамуна, в бескрайней пустыне Тиланбо, в подземных пещерах Джебба и всегда приходил к заключению, что на этой конкретной планете бог не живет.

Его веру это не поколебало, но Квачама стал гораздо циничнее относиться к утверждениям самопровозглашенных представителей божества, равно как и верующих. Тем не менее у него не имелось иной альтернативы, кроме продолжения поиска. Каждое утро и каждый вечер он молился, но бог никогда не давал ему знать, что слышит его молитвы, и никогда не являлся Квачаме. Однако это лишь сделало их встречу лицом к лицу еще важнее.

Он едва не погиб в поясе астероидов между шестой и седьмой планетами в системе Аматиро. Ему показалось, что он на мгновение увидел бога на Цинтрепе, но заблудился в лабиринте коридоров и туннелей под Великим храмом. А к тому времени, когда он отыскал дорогу обратно в тронный зал Всемогущего, тот был уже пуст. Никто так и не появился в зале все двенадцать дней, которые он там прождал.

Квачама осознал, что неотвратимо стареет, что у него нет

неограниченного запаса времени на поиски бога в бесконечном числе миров. И решил, что отныне будет делать выбор тщательнее, как следует изучать каждую новую планету и посещать ее только в случае высокой вероятности присутствия бога.

По этим критериям Гретеп, Промандиос, Човност и Литания выглядели весьма обещающе. Увы, ни одна из этих четырех планет не оправдала его ожиданий. Теперь его все больше охватывало отчаяние - у него кончались деньги, силы, истекало время.

И тут он обнаружил Землю.

Он давно слышал об этой планетке, обитатели которой вели между собой бесконечные войны, но оставались изолированными от остальной Галактики, потому что все еще пребывали в технологическом младенчестве. Впрочем, сама планета была очень симпатичной - зеленой и золотой, с приемлемой силой тяжести и атмосферой.

Но больше всего его восхитило иное. На всех других планетах была или единственная религия, или вовсе никакой. А на Земле их существовало множество, и в книгах описывались личные встречи с богом (в одной из главных даже имелись свидетельства очевидцев о смерти распятого бога). Это и стало для него ключевым доказательством: разве могли бы адепты стольких религий утверждать, что бог обитает здесь, если бы в этом не было хотя бы толики правды?

Он провел неделю, корпя над священными книгами, и еще столько же изучал географию и культуру планеты. Квачама сознавал, что не может сойти за человека, но выяснил на практике, что его внешность легко маскируется перчатками и плащом с капюшоном. В таком виде его примут за служителя культа, и он сможет беспрепятственно перемещаться в большинстве святых мест.

Он записал из архивов кое-какие аудиофайлы, надеясь выучить местный язык, и с ужасом обнаружил, что языков здесь сотни. Компьютер посоветовал ему овладеть, пусть и в минимальном объеме, английским, французским, испанским, арабским и китайским - тогда он сможет хоть как-то объясняться и понимать других обитателей планеты. К счастью, языки давались ему легко, и с помощью компьютера он осваивал их все шесть недель полета к Земле.

К тому времени у него уже был готов список мест, где следовало побывать, отсортированных по степени важности. Включив маскировочное устройство корабля, он сел на Синае, надел заранее подготовленный плащ с капюшоном и, путешествуя пешком по ночам и прячась днем, в конце концов добрался до Голгофы. Там не было никаких указателей на конкретное место, где столько людей видели бога или его земное воплощение, но Квачама хорошо подготовился и сумел определить, где когда-то стоял крест. Он пришел туда глухой

ночью. Осмотревшись и убедившись, что подслушать его некому, он спросил:

- Бог, ты здесь?

Ответа не последовало, и он сообразил, что задал вопрос на родном языке. Тогда он повторил его на английском и арабском, но снова не услышал ответа. Квачама задумался: может, к богу следует обращаться только на арамейском, древнем языке, на котором разговаривали во времена распятия? В итоге он решил, что вряд ли, иначе на арамейском все говорили бы до сих пор.

Он был разочарован, но не обескуражен и через два дня уже стоял на склоне Олимпа, обращаясь и к богу вообще, и к Зевсу. Оба, если и существовали, проигнорировали его.

Далее он направился в Рим. Похоже, тут не имелось единого мнения о том, где живет Юпитер, поэтому он ходил от развалин одного храма к развалинам другого, обращаясь к богу из руин зданий, существовавших еще до того, как Юпитер вышел из фавора, а в сердцах людей его заменил Иисус.

Спустя две недели и еще одиннадцать фальстартов он оказался в Африке - последнем континенте, где еще мог рассчитывать на успех. Когда он увидел размеры египетских руин, у него возникло ощущение, что он приближается к цели - ведь храмы в Карнаке, Эдфу и Ком-Омбо наверняка были построены как жилища всевышнего. Он побывал в каждом из них, взывая к богу солнца Ра, чтобы тот заговорил с ним. Ра так и не отозвался, но Квачама уходил не сразу, а пытался вызвать на разговор Анубиса, Гора и Осириса - с тем же успехом.

Он все больше ощущал, как стареет и слабеет его тело, и знал, что это его последняя планета, его последний шанс задать те вопросы, ответы на которые он жаждал получить всю свою жизнь. Квачама попытал удачи в Абу-Симбеле, не получил ответа и пошел на юг.

Имелось много вариаций ислама, но Квачама уже побывал в Мекке и других святых городах. Поскольку он не получил там божественного отклика, а времени оставалось немного, он решил больше не искать бога Мухаммеда в Африке. Но компьютер сообщил ему о некоторых других религиях, у каждой из которых имелся свой бог, или собственная интерпретация того же бога, и Квачама решил, что они достаточно отличаются от тех религий, с которыми он уже ознакомился, поэтому имеет смысл потратить на них несколько из оставшихся у него попыток.

Первой в списке значилась гора Кириньяга, известная поселенцам и туристам как гора Кения. Но его не интересовали туристы и поселенцы, большинство которых поклонялись богу христиан и евреев, уже отвергшему попытки общения. Кириньяга была священной горой народа кикуйю, потому что на ее вершине жил их бог Нгаи.

Отыскав ровный и пустой участок на высоте трех с половиной тысяч

метров, он посадил там корабль и включил маскировку. Антилопа бонго и ее жеребенок с любопытством взглянули на пришельца, когда он спустился из люка. Квачама посмотрел вверх и увидел покрытую льдом вершину примерно в двух километрах над собой. Да, подъем не будет прямым или легким, особенно в темноте (он по-прежнему принимал меры, чтобы никто его не увидел, поскольку эта планета еще очень долго не будет готова к межзвездным контактам), но с этим он уже примирился. Раньше он совершил бы такой подъем за ночь, максимум за две. Но это «раньше» было тридцать пять лет назад. А сейчас у него уйдет почти шесть дней, если подниматься ночью, а днем прятаться.

На высоте четырех километров растительность стала редеть, и скоро ее совсем не останется. Но Квачама устал, ему не хватало воздуха, и он пошел даже медленнее. Вершины он достиг лишь на восьмой день и огляделся, отыскивая признаки того, что здесь живет бог.

- Нгаи, ты здесь? - спросил он. - Я должен поговорить с тобой, а времени у меня осталось мало.

Но если Нгаи и находился здесь, то решил не отвечать.

Квачама провел возле вершины еще день - и чтобы набраться сил, и чтобы дать Нгаи шанс передумать, если он все же здесь, но прячется.

Ничего не дождавшись, он начал спускаться. Добравшись до корабля, он рухнул на койку и проспал двое суток. А проснувшись, понял: следующая попытка станет последней, поэтому место надо выбрать особенно тщательно.

Компьютер считал, что лучший из оставшихся ему шансов - бог зулусов. Но еще до того, как оправиться в Наталь, Квачама понял, что есть религия, похожая на религию кикую - в племени, много раз воевавшем с кикую и никогда не проигрывавшем. Племя называлось масаи, а их бог Эн-Каи жил на вершине самой большой горы континента - Килиманджаро.

Он стал собирать дополнительные сведения, но его разум уже опережал компьютер. Нгаи и Эн-Каи. Киринаьяга и Килиманджаро. Чем больше он размышлял, тем больше склонялся к мысли, что в религиозном плане кикую были лишь бледной тенью масаев. Он велел компьютеру дать ему раскладку религиозных предпочтений кикую. Двадцать один процент были приверженцами традиционной религии, а семьдесят девять - обращены в одну из форм христианства. Потом запросил те же данные по масаям. Девяносто три процента верили в Эн-Каи, и лишь семь оказались христианами.

Теперь он знал, почему не получил ответа на Киринаьяге. Как масаи покорили кикую, так и Эн-Каи победил ложного бога Нгаи, который даже пытался украсть его имя. Значит, он отправится на Килиманджаро и в конце поисков, растянувшихся на всю жизнь, наконец-то найдет бога и получит ответы.

Квачама посадил корабль на одном из нижних склонов, включил маскировку и зашагал к вершине. Когда он пересекал лужайку, на него напал слон, и Квачама едва успел забраться на дерево. Слон простоял под деревом четыре часа, но в конце концов потерял к нему интерес и побрел по своим делам. Тогда Квачама слез с дерева и опять направился к вершине.

Он увидел леопарда, затащившего добычу в развилку древесных ветвей, но зверь не обратил на него внимания, и Квачама пошел дальше. Его энергия иссякала, тело постоянно болело, и Квачама было уже все равно, увидят его или нет. Он решил, что будет подниматься и ночью, и днем, останавливаясь лишь, когда усталость или боль станут настолько сильны, что идти дальше без отдыха он уже не сможет. А как только сумеет, пойдет дальше.

За три дня он поднялся до границы леса. Там он последний раз обернулся и ступил на ледник.

Вскоре силы опять его покинули, и он присел отдохнуть. Съежившись, посмотрел на склон горы, потом обвел взглядом саванну. «Тут должно находиться жилище бога, - подумал он. - Кто еще мог бы сотворить такую потрясающую гору или такое величественное окружение для нее? И все прочие его создания живут на Килиманджаро вместе с людьми. Наконец-то я нашел место, которое искал все эти годы».

Он решил, что пора двигаться дальше, приготовился встать... и обнаружил, что не способен. Попробовал снова, однако ноги отказывались ему повиноваться.

«Я умираю, - подумал он. - Наверное, даже хорошо, что я останусь на горе бога, которого наконец-то отыскал».

И когда его зрение начало затуманиваться, ему показалось, будто он видит, как к нему приближается нечто ослепительно яркое.

«Я ждал тебя, - услышал он в голове слова этого сияния. - Теперь мы наконец-то поговорим».

У Квачама не хватило сил встать, но он протянул к Эн-Каи руку.

2038 год

Джим Донахью закончил фотографировать и убрал камеру в футляр. Но Бонни Херрингтон еще работала: вместе с Рэем Гловером они подходили к каждому члену экспедиции и брали у него интервью, интересуясь не только реакцией на обнаруженное тело, но и тем, как опрашиваемые идентифицируют данное существо.

Я заметил, что Чарлза Нджобо раздирают внутренние противоречия. Он хотел заявить, что это создание с другой планеты, но мучительно осознавал и то, о чем нам постоянно напоминал: он представляет правительство Танзании и не хочет делать заявления, которое не

понравится правительству, если окажется не соответствующим истине.

Я снова обошел тело и попытался сообразить, какого черта оно делает выше границы леса на самой высокой горе континента.

Инопланетный альпинист, поднявшийся на Килиманджаро из спортивного интереса? Но у него нет горного снаряжения (во всяком случае, я его не вижу рядом с телом), и уж если он сумел проделать путь до этой горы из какой-нибудь звездной системы, то мог пролететь и еще дальше, до Гималаев. Эверест километра на три выше.

Может, охотник? Если он прилетел на Землю более семидесяти пяти лет назад, Танзания в то время просто кишела дичью. Стада антилоп исчислялись миллионами, зебры были почти столь же многочисленными, а большая пятерка - слоны, носороги, львы, буйволы и леопарды - водилась в изобилии как в саванне, так и на горе.

Но у него нет оружия, рядом никаких следов лагеря, а если он и добыл какие-нибудь трофеи, то их мог позаимствовать кто-либо из постоянных жителей горы или случайный альпинист. Однако, если бы они нашли трофеи, то почти наверняка обнаружили бы и труп.

Весь мой опыт и знания указывали: он не был уродом или мутантом, рожденным на Земле. Ни человек, ни обезьяна, ни любое иное существо из нашего мира не могло породить то, что сейчас лежало передо мной. Он наверняка из мира, относительно сходного с нашим. Будь там сила тяжести намного выше, он имел бы более толстые конечности и, наверное, ходил бы на четырех ногах, а если тяготение ниже, его тело оказалось бы тоньше и длиннее. Его мир должен быть кислородным - он не прошел бы и двух шагов, не говоря уже о подъеме на гору, если бы не мог дышать нашим воздухом. Я предположил, что он способен усваивать какую-нибудь местную растительную или животную пищу, поскольку не видел никаких признаков того, что он прибыл с достаточным запасом своей еды - хотя этого я не узнаю наверняка, пока мы его не разморозим и не изучим зубы и содержимое желудка. Уши у него чуть крупнее наших, глаза закрыты, но примерно такого же размера, как у людей. Вытянутое вперед лицо намекает, что запахи для него важнее, чем для нас, но даже это останется лишь предположением, пока мы не начнем изучать его в лаборатории.

Ко мне направлялись Бонни и Рэй.

- Ваша очередь, профессор, - радостно заявила Бонни.

- Называйте меня доктором, - сказал я. - А еще лучше, Энтони или Тони.

- А как насчет док?

Я пожал плечами:

- Не возражаю.

Рэй протянул руку и закрепил микрофончик на воротнике моей куртки.

- На этот счет не волнуйтесь, - успокоила Бонни. - В кадре его не

будет видно.

«С какой стати меня это должно волновать?» - подумал я, но лишь улыбнулся в ответ.

- Итак, давайте перейдем сразу к главному, док, - начала она. - Что вы думаете о нашем открытии?

- Оно может оказаться очень важным, - осторожно ответил я. - Разумеется, нам придется исследовать материал в лаборатории, прежде чем мы сможем прийти к каким-либо определенным заключениям.

- Джим Донахью упорно называет его «человеком с Марса». Не хотите ли это прокомментировать?

- У Джима богатое воображение, - улыбнулся я. - Пришелец не с Марса.

- Откуда же он?

- Понятия не имею!

- Есть ли у вас предположения о том, что он здесь делал?

- Ждал, пока его обнаружат и изучат.

- А кроме этого? - уточнила Бонни с легким раздражением в голосе. - Почему это существо, кем бы оно ни было, забралось на самую высокую гору Африки?

«Потому что оно здесь», - захотелось ответить мне.

- Честно, Бонни, не знаю. Ученые не делают скороспелых заключений. Через минуту она завершила интервью, откровенно разочарованная, и направилась к Нджобо.

А я смотрел на инопланетянина, и в голове моей снова и снова вертелась фраза: «Потому что он здесь».

Я был шестым слепцом.

Что увидел ученый

Его звали Маворин, и он ощущал себя повелителем Вселенной, стоя на вершине высочайшей горы на Неффертине-4 и взирая на гористую поверхность планеты. Это достижение внесет его имя в книги рекордов. До сих пор ни одному представителю его расы не удавалось подняться на вершину горы, стоящей на планете с хлорной атмосферой.

То был долгий и тяжелый месяц. На горе почти негде было укрыться от яростных ветров, а на последнем участке восхождения он с большим трудом находил опору для рук и ног. Но теперь он стоял на вершине, уперев руки в бедра, описывая все увиденное в крошечный диктофон, смонтированный в шлем, и включив нашлемную камеру. Он медленно поворачивал голову, запечатлевая на камеру поразительный вид.

Весь этот день и ночь он провел на вершине, потом начал осторожно спускаться. Преодолев половину пути, он уже планировал следующее путешествие, свой новый шаг на пути к бессмертию, обеспеченному его рекордными достижениями. Он не ограничивал их восхождениями на горы - то была недавняя страсть. А первого крупного триумфа он добился девять лет назад, преодолев мутный океан на Балинопе-2 и совершив это кругосветное путешествие не на корабле, а пешком по океанскому дну, поднявшись на поверхность всего восемь раз, чтобы пополнить запас кислорода.

Вернувшись с Балинопа, уже через три дня он снова отправился в путь, на этот раз на Перрадон, где обитали самые крупные хищники в Галактике. Они не представляли серьезной проблемы для охотника, вооруженного импульсным энергетическим ружьем или чем-то наподобие, но никто и никогда еще не охотился на них только с копьем, чье острие было смазано ядом.

Потом он провалялся четыре месяца в больнице, залечивая раны... зато хищник проведет вечность в облике чучела, выставленного в Большом музее его родной планеты Тандор-4.

Затем последовали покорения других гор и океанов, в книгах рекордов появились новые записи. Он наносил на карты и делал снимки планет, на которые до него никто не ступал, и стал героем своего народа, идиолом для молодежи.

И пока взрослые создавали развлечения, в которых он был главным персонажем, дети боготворили его, мужчины завидовали, а женщины обожали, он провел несколько дней в своем уединенном жилище. Чем дальше, тем более незнакомым оно становилось, потому что он очень редко проводил в нем дольше одной ночи.

Компьютер перебирал базу данных, предлагая варианты следующего приключения. Все варианты Маворин отверг.

- Это всего лишь еще одна гора, - говорил он. - Выше, чем последняя, но всего лишь гора.

Или:

- Я уже пересек океан по дну. Нет смысла такое повторять.

Вскоре он отдал компьютеру новый приказ:

- Просто показывай мне планету за планетой и называй самые опасные или трудные особенности. Посмотрим, сможем ли мы найти что-нибудь по-настоящему интересное.

Следующие два часа компьютер демонстрировал ему метановые планеты, хлорные, аммиачные, кислородные и безвоздушные.

- Хватит, - сказал он наконец. - Все это повторение пройденного.

- Может быть, следует поставить задачу иначе, - предложил компьютер.

- Но чего я еще не пробовал?

- Я имею в виду разницу в подходе.

- Поясни.
- В каждом прежнем приключении вашей целью было добиться триумфа, достичь цели, завершить.
- А чего я еще не пробовал?
- Выживание.
- Не понимаю.
- Забудьте о книгах рекордов, - предложил компьютер. - Поставьте себе такую задачу, чтобы абсолютным триумфом стало простое выживание. И не заявляйте о своих намерениях публично, пока не выживете и не вернетесь на родную планету.
- Почему?
- Потому что иначе кто-то наверняка захочет вам подражать и, несомненно, погибнет.
- А почему машину заботит жизнь разумного существа?
- Скорее всего, в этом обвинят вас. А если вас заставят расплачиваться за просчеты конкурента, то велика вероятность, что меня отключат.
- С каких это пор у тебя появилось чувство самосохранения?
- Оно у меня такое же сильное, как и у вас, - здраво ответил компьютер. - Только я не подвергаю непрерывному риску свое существование.
- Дискуссия получилась весьма интересной, - признал Маворин. - Я подумал над твоим предложением.

Он так и поступил, и к утру новая идея увлекла его полностью. Осталось лишь выбрать планету, способную предложить ему не только самый трудный вызов для одиночки, но и самое большое разнообразие таких вызовов. В течение дня он сократил список до трех планет, а к следующему вечеру уже знал, что полетит на Землю.

Он отправится туда голый и безоружный, без запаса пищи, без аптечки - словом, без всего, что могло бы ему помочь. Затем настало время придумать задания.

Он решил, что поднимется на горы под названием Фудзи, Эверест и Килиманджаро. Переплывет Индийский океан. Оружием, изготовленным из подручных материалов, он убьет тигра на одном континенте, льва - на другом и ягуара - на третьем. Проплывет по реке, кишасей пираньями. Пересечет пустыню Сахару. И поручил компьютеру составить ему график, чтобы переходить от одного подвига к другому с минимальными промежутками.

О своих планах он не поведал никому. Когда график был готов, Маворин отправился на корабль, велел навигационному компьютеру проложить курс на Землю и стартовал глухой ночью.

Он понимал, что вряд ли сможет завершить путешествие, если станет переходить с места на место, одинокий и обнаженный, по планете, где не знают о существовании других разумных рас. Поэтому решил, что

задействует маскирующее устройство корабля еще до входа в стратосферу и оставит его включенным, перелетая незамеченным от одной точки старта до другой.

Начал он с Эвереста. На других планетах Галактики он поднимался и на более высокие и внушительные горы, поэтому восхождение на Эверест стало лишь первым шагом. Находясь в Азии, он смастерил лук и стрелы и без труда убил тигра в Индии.

Маворин вернулся на корабль, перелетел на необитаемый берег Индийского океана и дал кораблю указание взлететь и приземлиться южнее Момбасы на холмах Шимба. Когда корабль взлетел, Маворин нырнул в океан. Большую часть пути он проплыл вместе со стаей китов. Те, похоже, не возражали против его присутствия и ограждали его от интереса акул, патрулирующих воды в поисках добычи. Маворин выяснил на практике, что его организм способен усваивать сырую рыбу, и питался ею все двадцать три дня, пока плыл к побережью Африки. Там он обнаружил, что находится между Малинди и Момбасой, и еще день плыл на юг, пока не добрался до точки, где его ждал корабль.

Здесь он решил, что со следующими двумя задачами справится в одной местности. На нижних склонах Килиманджаро водятся львы. Значит, он убьет льва, а затем поднимется на гору. Он взял старт на юго-восток и летел, пока не увидел заснеженную вершину. Посадив корабль у подножия горы, он дождался темноты и лишь затем вышел.

У него остались лук и стрелы, которыми был убит тигр, и он задумался, будет ли честно ими воспользоваться. Хотя он сам устанавливал для себя правила, возникло чувство, что на каждом новом континенте оружие следует мастерить заново. Размышляя над этой моральной проблемой, он успел подняться на шестьсот метров и решил, что раз этот вопрос не дает ему покоя, то и в самом деле следует изготовить новое оружие. На это ушли две следующие ночи.

Тут у него возникла иная проблема - у львов не имелось природных врагов. Днем они спали, почти всегда на открытой местности, но Маворин не мог к ним подойти: а вдруг его заметят разумные обитатели горы. А по ночам, когда было очень плохо видно даже при полной луне, хищники прятались в засаде, готовые напасть на застигнутую врасплох дичь.

В конце концов Маворин решил, что если бы он охотился на лесистом склоне горы, то спрятался бы возле водопоя и ждал добычу там. Поэтому он выбрал небольшой водоем, куда приходили многие животные, устроился за колючим деревом и стал ждать свою добычу, когда она выйдет на охоту.

Через час к водоему осторожно подошла одинокая антилопа. Она явно беспокоилась, и Маворин решил, что это очень необычное поведение, ведь, как правило, травоядные утоляют жажду при свете,

чтобы заметить приближение хищников. Но это животное просто-напросто так хотело пить, что не могло дожидаться утра.

Антилопа тщательно принялась, не обнаружив опасности, подошла к воде и опустила голову. Она пила, не отрываясь, почти полминуты. Затем раздался жуткий, оглушительный рев. Антилопа едва успела поднять голову, чтобы увидеть врага, как на нее из засады бросилась львица и стиснула шею жуткими челюстями. Антилопа сопротивлялась, но все слабее и слабее, пока не затихла окончательно.

Маворина устроило бы, если бы львица начала кормиться на месте, превратившись в неподвижную мишень, но та поволокла добычу в кусты. Охотник мгновенно встал, наложил стрелу и выстрелил. Львица высоко подпрыгнула, яростно рыча, и принялась кусать торчащую из ее бока стрелу. Маворин выпустил в нее еще две стрелы, и через несколько секунд львица разделила судьбу своей жертвы.

Маворин неожиданно осознал, что истекает кровью, и понял: поранил бок и плечо колючками, когда вставал. Никаких лекарств у него, разумеется, не имелось. Он подошел к водоему, смыл кровь, чтобы запах не привлекал львов или леопардов, и прикрыл раны тонким слоем земли. Он весь день не утолял жажду, поэтому опустился на колени и вдоволь напился из водоема.

Стрелы из тела львицы он вытащил. Он не планировал использовать их снова, даже для самообороны: если возникнет необходимость, у него в колчане есть новенькие стрелы. Однако он не сомневался, что живущие на горе туземцы метят свое оружие, и вовсе не хотел, чтобы они принялись искать чужака, чьи стрелы они не могут опознать.

Он задумался - не вернуться ли на корабль, но решил, что в этом нет смысла. В конце концов, он здесь не только для того, чтобы убить льва, но и чтобы подняться на гору.

Напоследок он взглянул на львицу и антилопу и пожалел, что нет ножа - он мог бы отрезать кусок бедра антилопы и поесть.

Поразмыслив, он подошел к антилопе, опустился на колени и потянул в тех местах, где на шкуре остались дырочки от зубов львицы, когда она душила антилопу. Шкура надорвалась, и он сумел оторвать кусок мяса. Поднявшись, охотник осмотрел антилопу. Да, тот, кто ее найдет, наверняка решит, что львица вырвала у антилопы кусок плоти перед тем, как ее убили.

И Маворин зашагал на гору, держась подальше от деревень и жуя на ходу мясо. К рассвету он был уже на высоте тысячи восьмисот метров и более чем в трех километрах от ближайшей деревни. Смысла останавливаться он не видел и пошел дальше, к вершине.

В полдень он прилег под густым кустом, решив встать в полночь и продолжить подъем. Но в сумерках проснулся от ужасной боли в животе. Маворин встал на колени, согнулся, и его стошнило.

Он решил, что причина, скорее всего, в мясе, и сделал мысленную пометку: не есть антилопу. Поднявшись, он двинулся к вершине, ощутил новый приступ тошноты, подавил его и ускорил шаг. Он достиг высоты трех с половиной тысяч метров, прежде чем тошнота и боль вынудили его остановиться.

Маворин попытался снова очистить желудок, но тот был пуст. Он лег и попытался уснуть, но желудок начало сводить спазмами, и Маворин никак не мог найти удобную позу. Он вертелся с боку на бок и в конце концов провалился в тяжелый сон. Проснулся перед рассветом, еще раз попытался очистить желудок и пошел дальше. Голова кружилась все сильнее, и тогда он подобрал более или менее прямую палку, очистил ее от веток и листьев и стал на нее опираться, как на трость.

Остаток дня ушел на то, чтобы добраться до верхней границы леса. Наконец он вышел к леднику и вдруг понял, что ему совсем не холодно, а наоборот - неприятно жарко. Он прошел еще метров двести и рухнул.

«Да что со мной такое? - гадал он. - Я за всю жизнь и дня не болел. Я покорил тридцать планет. Что происходит?»

Он припомнил все свои действия после того, как вышел из корабля, и тут до него дошло: стоячая вода и мясо антилопы. Или там, или там (а возможно, везде) имелись местные паразиты, не очень опасные для обитателей горы, но ставшие серьезной проблемой, против которой у его организма не имелось иммунитета. Он не знал, смогла бы помочь в такой ситуации аптечка, но ответ не имел значения, потому что она осталась на Тандоре-4.

А поскольку лекарства у него не было, оставалось лишь надеяться, что рано или поздно организм сможет найти какой-то способ борьбы с паразитами или же они сами покинут его тело. Но в любом случае, сидя здесь, он эту проблему не решит. Он с трудом встал и продолжил восхождение, хотя с каждой минутой головокружение и слабость усиливались.

И настал момент, когда он уже не мог идти дальше. У него не осталось сил даже на то, чтобы плавно сесть на лед. Маворин отбросил палку и немедленно рухнул, неуклюже растянувшись на льду.

«Во всяком случае, я не замерзну, - язвительно подумал он. - Лихорадка буквально сжигает меня изнутри».

Прошел час, потом еще час, и он понял, что здесь и умрет.

«Какая ирония, - подумал он, пока вытекала жизнь. - Покорить величайшие горы и океаны, убить огромных хищников, а в конце концов умереть из-за чего-то настолько маленького, что я это даже увидеть не могу».

Он попытался улыбнуться, но было уже поздно.

Бонни Херрингтон подошла ко мне, снова с видеокамерой в руке.

- Вы уверены, что не хотите сообщить что-либо конкретное о нашем марсианине? - спросила она. - Все остальные уже высказали предположения.

- Все остальные - это фотограф, звукооператор, правительственный чиновник, проводник и толпа носильщиков. Вряд ли они обладают достаточными знаниями, чтобы делать конкретные суждения на этот счет.

- Вы ведь не думаете всерьез, что он родился на Земле? - не унималась она.

- У вас камера выключена?

- Камера выключена, а до звукооператора пятнадцать метров, - кивнула она в сторону Рэя.

- Ну, хорошо. Нет, это существо родилось не на Земле. И, разумеется, не на Марсе. Это дает нам примерно десять миллиардов других планет только в нашей Галактике.

- И вы не хотите предположить, где именно?

- Только в общих чертах. Это должна быть планета с кислородной атмосферой и гравитацией, близкими к нашим. Не такими же, а близкими.

- Тогда почему вы не желаете заявить это перед камерой?

Мне хотелось сказать: «Потому что мое слово весит больше, чем ваше, и нет смысла добавлять веса таким предположениям, пока мы не узнаем, с чем имеем дело». Но я не хотел обидеть ее, поэтому лишь пожал плечами:

- Потому что это предположения. Я не эксперт по условиям на других планетах. Надо подождать, пока выскажутся специалисты.

Она задала еще несколько вопросов, явно разочаровалась ответами и медленно направилась к Гловеру. Затем Джим Донахью попросил нас встать возле тела, решив сделать групповые фотографии.

Наконец Горман предположил, что мы уже бесполезны, пока я не свяжусь с экспертами.

Я похлопал по карману, где лежал телефон:

- Позвоню им через несколько минут.

- Предположительно, они могут появиться здесь завтра, - сказал он. - Если смогут зафрахтовать чартерный рейс и прилететь в Арушу, скажем, в полдень, то прибудут на вертолете. Тут много ровных площадок для посадки.

Нджобо кивнул:

- Я свяжусь со своим начальством в Додоме, - тут он впервые признал, что у него есть начальство, - и оно решит, когда и куда можно будет переместить тело.

- Часа через два уже стемнеет, - заметил Горман. - Нет смысла всем

сидеть и мерзнуть. Нам нужен доброволец охранять тело, а в помощники ему я пришлю одного из носильщиков: мало ли, вдруг придется отгонять гиену или шакала? Остальные могут вернуться к хижинам, где мы оставили палатки, и быть на месте с утра пораньше.

На несколько секунд все замолчали. Думаю, все ждали, что Горман вызовется добровольцем. Когда стало очевидно, что тот не намерен оставаться на леднике, я решил: Бонни, Рэй, Джим и даже Горман сегодня уже поработали и будет логично, если я предложу в охранники себя.

Я поднял руку и без особой радости произнес:

- Я останусь.

- Вот и хорошо, - отозвался Горман с облегчением.

Муро поговорил с носильщиками, и крупный парень, которого я успел приметить, кивнул, подошел и заговорил с Горманом на суахили.

- Профессор, это Джака. Он останется с вами. Мы дадим вам еды и термические одеяла. Будет не так удобно, как в отеле «Риц», но насмерть не замерзнете.

- Меня это устраивает.

- Тогда мы пошли, - попрощался Горман. - Увидимся утром.

Они ушли вниз, а я достал телефон и принялся названивать своим коллегам. Почти все они жили в Америке или Европе, но Ральф Галлер находился относительно близко, в Найроби. Он сказал, что за ночь доберется до Аруши на машине, наймет вертолет в местном маленьком аэропорте, попросит пилота пролететь над ледником и отыщет нас по сигналу моего телефона. Он пообещал, что прибудет вскоре после рассвета.

Я попробовал было начать разговор с Джакой, но быстро пришел в отчаяние. Его знания английского для этого просто не хватало. Тогда мы завернулись в одеяла, взяли по несколько кусков вяленой говядины из припасов экспедиции и молча поели.

Когда окончательно стемнело, я наломал веток на ближайших кустах и попытался развести костер, но ветер задувал его быстрее, чем пламя успевало как следует вспыхнуть. Тогда я поплотнее завернулся в одеяло и попробовал не обращать внимания на ледяной ветер. Чтобы не заснуть, я позвонил друзьям в Англию и Америку. Затем, когда почувствовал, что вот-вот провалюсь в сон, убрал телефон и несколько раз обошел существо, пока холод не развеял мою сонливость.

- Долго еще осталось ждать вертолета? - спросил я Джаку, исчерпав все способы стряхнуть сон.

- Солнце поднимется через час.

- Хорошо. А то я уже начал думать, что утро никогда не наступит.

- Увы, это неизбежно, - сказал он, вставая.

Я уставился на него, нахмурясь:

- Твой английский внезапно стал лучше. И где носильщик из племени

чагга, живущий на Килиманджаро, мог узнать слово «увы»? И почему ты его использовал?

- Потому что устал притворяться, а очень скоро ты все равно узнаешь правду.

- Правду? Какую еще правду?

- Я надеялся, что ты все-таки заснешь. Так было бы легче для нас обоих.

- Хватит говорить загадками! - рявкнул я. - Что было бы легче?

- То, что я должен сделать.

- Да что ты несешь? - сказал я, пятясь.

- Успокойся, Тони. Можно называть тебя Тони? Я не причиню тебе вреда.

Я уставился на него:

- Ты здесь, чтобы украсть нашу историю?

- Нет, Тони. Я здесь, чтобы убить вашу историю.

- Кто ты такой?

- Неправильный вопрос, Тони. Лучше спросить так: что я такое?

Если бы я целый день не разглядывал нашу находку на леднике, мне было бы намного труднее поверить в существо передо мной.

- Ладно. Что ты такое?

- Позволь для начала сказать, кем я не являюсь. Я не твой враг.

- Может, назовешь свое настоящее имя?

Он печально улыбнулся, когда над горизонтом показались первые рассветные лучи:

- Ты не сможешь его произнести.

- Это твой настоящий облик? - спросил я.

- Только когда я его выбираю.

- Ты умеешь менять облик? Не верю.

- У меня только одно обличье. То, что ты видишь - это образ, который я проецирую.

Неожиданно я осознал вею серьезность ситуации и попятился еще на несколько шагов.

- И теперь, когда я знаю, что ты такое, ты меня убьешь? - спросил я.

- Конечно, нет, Тони.

- Значит, ты лишь пришел забрать своего друга?

- Он мне не друг.

То, чего не увидел никто

- Тогда почему ты здесь? - спросил я. - Он был преступником?

- Нет, Тони, - улыбнулся Джака. - Он был моим зверьком.

- Кем?

- Ты ведь знаешь, что ваши шахтеры берут с собой в шахту птичку -

кажется, они называются канарейки? Если в воздухе появляется ядовитый газ, птичка теряет сознание первой, а для шахтеров это становится сигналом: пора выбираться. Здесь был такой же принцип. Мы - раса, летающая от звезды к звезде. Но хотя мы дышим кислородно-азотной смесью, очень близкой к вашей, не все планеты для нас обитаемы. Есть некоторые инертные компоненты, определенные ультрафиолетовые лучи, некоторые микробы, с которыми наши организмы не могут справиться. В этом нет ничего необычного. Когда и ваша раса станет летать к звездам, вы столкнетесь с той же проблемой. Мы можем анализировать любые образцы, но самым надежным способом остается использование нашей версии канарейки. - Он грустно улыбнулся. - Мой зверек продержался всего четыре месяца. Я должен доставить его домой и точно выяснить, что его погубило и сможем ли мы создать меры противодействия.

- Но для чего он - и ваша раса - прилетали на Землю?

- А для чего вы заводите детей? Мы хотим рассеять своих потомков по всей Галактике, но только по планетам, где нас не встретят враждебно, где мы сумеем жить в мире с их обитателями. Земля могла бы стать такой планетой, если бы мой зверек выжил.

- И давно он здесь лежит?

- Почти столетие.

- И ты только сейчас за ним прилетел? - спросил я, нахмурившись.

- Нам запрещено оставаться здесь больше трех месяцев подряд, - пояснил он. - Более того, лишь я побывал здесь более одного раза, потому что это действительно мой зверек. С тех пор как он умер, один из нас был в каждой экспедиции в этой части горы. Но в те времена экспедиции снаряжались очень редко, а снега выпадало намного больше, чем сейчас. Мы знали: он здесь и укрыт снегом и льдом, поэтому и не опасались, что его найдет какой-нибудь одиночка. Для этого нужна целая экспедиция. А поскольку его никто не искал и не собирался откапывать из снега и льда, мы понимали: он наверняка не окажется на поверхности, пока из-за очередного потепления ледяная шапка не начнет таять.

- И что будет сейчас? - спросил я.

- Сейчас я отвезу его домой. Нам нужно узнать, почему он умер. Не исключено, что причиной смерти оказалось нечто для нас не опасное. Мы надеемся, что когда-нибудь сможем встретить здесь дружественный прием, если вы будете чуть лучше готовы к визиту гостей.

Он достал из кармана небольшой прибор и начал проводить с ним какие-то манипуляции.

- Я вызываю корабль, - пояснил он. - Он на горе, только намного выше. Если бы наша экспедиция поднялась настолько высоко, мне

пришлось бы его переместить. - «Носильщик» замер на несколько секунд, глядя на приборчик. - Теперь корабль здесь. - Он снова что-то нажал, и в сотне метров от нас внезапно появился корабль.

- Магия какая-то! - воскликнул я.

- Маскировочное устройство искривляет свет вокруг него, и воздушное судно становится невидимым. Но любой металлоискатель его обнаружит. - Он убрал приборчик в карман. - Мне искренне жаль, что ты не спал и все это видел. У меня нет способа стереть эти воспоминания из твоей памяти, но я тебе настоятельно рекомендую ни о чем не рассказывать. Тебе никто не поверит, а деловая репутация пострадает.

Не имело смысла с ним спорить. Он был прав.

- А как же твои следы? Они покажут, что ты взял тело и отнес его в корабль.

- Здесь сотни следов. И каждый из вас успел постоять возле тела. Мои следы лишь добавятся к остальным. Кстати, - с улыбкой добавил он, - о каком корабле ты говоришь? Его никто не видел, а через несколько минут меня здесь не будет.

- Но у нас есть фильмы!

Он достал из другого кармана еще один приборчик.

- Уже нет, - сообщил он, поднимая предмет. - Бонни Херрингтон и Джим Донахью обнаружат, что стояли рядом с очень мощным магнитным полем. Где и когда, они не узнают. Зато поймут, что стерло и фильм, и фотографии.

- Но зачем? Ты ведь получил тело. Почему бы не оставить нам доказательства его существования?

- Если я их оставлю, и этим доказательствам поверят, то ваша раса забросит все остальное и сосредоточится на полетах к звездам. Когда-нибудь вы добьетесь успеха, но сейчас у вас есть более насущные дела.

- А разве это не нам решать?

- Уже нет.

- Но мы-то знаем правду. И расскажем остальным.

- Вам не поверят, - возразил Джака. - Но я смягчу удар.

- О чем это ты?

- Сейчас увидишь.

Он поднял тело существа - настоящий Джака был явно сильнее проецируемого образа - и отнес его в корабль. Я не пытался остановить пришельца. Да и как я мог это сделать? Это был его зверек, а Джака гораздо сильнее меня.

Вскоре он вернулся, неся мумифицированное тело мертвого леопарда. Он принес его туда, где лежало тело существа, и положил мумию на снег.

- И что это значит?

- Поздравляю, - с улыбкой ответил он. - Ваша экспедиция достигла поставленной цели и нашла леопарда Хемингуэя.

- Мы нашли инопланетянина, - упрямо возразил я.

- Одна версия сделает вас знаменитыми, а вторая выставит на посмешище. И что ты им расскажешь - решать тебе.

Несколько минут спустя его корабль взлетел.

Я посмотрел вниз и увидел приближающихся коллег. Они оставили здесь инопланетное существо, а сейчас обнаружат вместо него леопарда. Я могу рассказать им, как он здесь очутился, но вряд ли они мне поверят, пока не поймут, что любое иное объяснение станет еще более невероятным. Нджобо, наверное, еще не связывался со своим начальством: уж очень ему нравилась роль единственного представителя власти. А Бонни, Рэю и Джиму заплатили, чтобы они сделали снимки леопарда Хемингуэя, так что они лишатся сенсации, зато не потеряют ни цента. Единственным, кто рассказал о нашей находке посторонним, оказался я. Но я могу снова позвонить тем немногим, с кем вчера связывался, и сказать, что меня разыграли, или что я был пьян, или еще что-то. Они, возможно, на меня разозлятся, зато не усомнятся в моих объяснениях. Все зависит от остальных участников экспедиции - станут ли они упорствовать, желая рассказать правду. А если да, то насколько сильно?

Я услышал вдалеке рокот вертолета - к нам летел Ральф Галлер - и отключил телефон, чтобы выиграть еще несколько минут. Надо принять совместное решение, пока вертолет не приземлился.

И пока остальные шли ко мне, страстно желая снова взглянуть на самое выдающееся открытие в своей жизни, я стоял и гадал, какую же историю мы расскажем, когда прилетит вертолет.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Mike Resnick. Six Blind Men and an Alien. 2010. Публикуется с разрешения автора.

Вл. ГАКОВ

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Так называлась новелла Мюррея Лейнстера, чье 115-летие со дня рождения фантастический мир отмечает в этом месяце. Рассказ зачислен в классику жанра. Хотя «вехой» произведение стало не в Америке, а у нас. Потому что именно с него, тогда еще даже не переведенного, а только обсуждаемого, начался наш собственный «первый контакт» - с дотоле неведомой и во многом загадочной американской Science Fiction.

Вообще, следовало бы с самого начала писать и произносить имя автора правильно - Марри. Но в нашей фантастике он навсегда остался Мюрреем Лейнстером - легендой, как легендарным стало и само его явление советским любителям НФ-прозы.

Все началось с публикации в журнале «Юность» в 1959 году научно-фантастической повести Ивана Ефремова под интригующим названием «Кор Серпентис» (хотя ничего загадочного: всего-то написанное кириллицей латинское астрономическое обозначение звезды Сердце Змеи). В том же году повесть перепечатали в знаменитом сборнике «Дорога в сто парсеков». Публикация вызвала полемику в прессе, усиленную тем обстоятельством, что и сама повесть Ефремова представляла собой открытый спор автора с тогда еще абсолютно не известной нам американской SF.

На дворе стоял 1959-й. Всего два года прошло с запуска первого спутника, и ровно столько же оставалось до полета Гагарина. Недавний триумф «Туманности Андромеды» сделал ее автора не просто живым классиком жанра, но почти непререкаемым авторитетом в этой области, властителем дум и Учителем. Время других наставников было впереди: в тот же год вышел первый роман Стругацких, и всякий, кто читал «Страну багровых туч», вероятно, согласится, что братья тогда еще выступали в роли вдумчивых (хотя и весьма своенравных) учеников.

Короче, ко всему, что тогда писал Ефремов, читатели относились предельно серьезно. Поэтому сразу же запомнили и того, с кем писатель полемизировал.

В повести рассказывалось о встрече земного звездолета с инопланетным кораблем, экипаж которого, как выясняется в процессе знакомства, составляли разумные существа с фторной планеты. И, стало быть, в данном случае контакт двух цивилизаций исключался «с порога»: что для нас - животворный кислород, для братьев по разуму - яд.

Но нельзя же было просто взять и разбежаться в космической

пустыне! Тем более после стольких лет отчаянных поисков космических братьев! Поэтому экипажи - в духе уже озвученных Ефремовым идей Великого Кольца - обмениваются знаниями, демонстрируя друг другу достижения своих цивилизаций (в том числе прелести представительниц прекрасного пола) и, так сказать, взаимно обогатившись, мирно расходятся восвояси.

Важнее другое. Земляне, вволю порассуждав о единстве законов эволюции во Вселенной и о неизбежности прихода разумной жизни к идеям гуманности, дружбы и интернационализма в масштабах Галактики, познакомились сами и познакомили нас, советских читателей конца пятидесятых, с прямо противоположной точкой зрения. А именно: в бортовой библиотеке случайно обнаружился научно-фантастический рассказ некоего древнего «англоязычного автора» под названием «Первый контакт». Там описывалась схожая ситуация встречи, но происходила она совсем не так, как у Ефремова. В рассказе «буржуазного» писателя обе контактирующие стороны, одержимые взаимной подозрительностью и ксенофобией, чуть было не начали «махаться» своими ядерными пушками! И разошлись по своим курсам, лишь обменявшись кораблями - чтобы не давать друг другу возможности проследить за маршрутом возвращения на родные планеты. И, стало быть, скрыть от «чужаков» свое местонахождение...

Фамилия автора рассказа не сообщалась, но название «Первый контакт» позволило тогдашним знатокам англо-американской фантастики (таковых в то время насчитывались единицы, точнее, всего два - Евгений Брандис и Владимир Дмитриевский) сообразить, какое произведение имел в виду советский писатель. Таким оказался классический рассказ Мюррея Лейнстера, вышедший аж в 1945 году. А позже и сам Иван Антонович в статьях и интервью неоднократно подчеркивал, что именно этот образец НФ вызвал в нем страстное желание вступить с американским автором в полемику.

Так, еще до знакомства с творчеством Лейнстера - две его новеллы появились в переводах уже в следующем, 1960 году, - любители НФ в нашей стране узнали, что есть на свете такой американский фантаст. Автор знаменитого рассказа «Первый контакт».

Рассказ и вправду оказался классическим. Он неоднократно включался в антологии и даже занял свое место в «Зале Славы научной фантастики» - списке произведений, вышедших до начала 1950-х годов и выбранных читателями в качестве возможных лауреатов «Хьюго» (если бы эта премия тогда существовала)... Но о том, что в творчестве Лейнстера есть произведения не хуже, мы в те далекие времена, естественно, не ведали.

Будущий писатель родился 16 июня 1896 года, в самой глубинке американского Юга - городе Норфолке, штат Вирджиния. Фамилия отца была Дженкинс, и младенца записали в метрику как Уильяма Фитцджеральда Дженкинса; Мюрреем Лейнстером он стал в двадцать один год.

Предки Уильяма происходили из Ирландии, из графства Лейнстер, жители которого по сей день гордятся тем, что последними из ирландских графств уступили свою «самостийность» супостатам-англичанам. Впоследствии Дженкинсы из Лейнстера перебрались в Новый Свет и осели на тогда еще колониальном американском Юге.

Систематического образования Уилл Дженкинс не получил: в восьмом классе бросил частную школу, решив тем не менее стать великим ученым! Уже в пятом классе, выпросив у отца немного денег, мальчик смастерил планер и удачно слетал на нем, получив приз журнала «Fly» - первого в мире журнала энтузиастов воздухоплавания. Это было в 1909 году. Всего шесть лет минуло со дня пионерского полета братьев Райт, совершенного, кстати, неподалеку - в небольшом местечке Китти-Хок в соседней Северной Каролине...

В возрасте 13 лет Уилл Дженкинс написал свое первое произведение - небольшое эссе о знаменитом генерале, главнокомандующем армией южан-конфедератов в Гражданскую войну - Роберте Ли. И отослал статью в местный журнал «Пилот Вирджинии», где ее напечатали. Правда, бесплатно, но автор все равно получил свой первый в жизни литературный гонорар: кто-то из стариков-ветеранов, прочитав о своем генерале, так расчувствовался, что переслал по почте юному журналисту пять долларов!

И все-таки основной заработок юного Дженкинса приносила, как и у тысяч его сверстников, работа мальчика на побегушках в какой-то конторе. Писать приходилось по ночам; за ночь, вспоминая уже много позже Мюррей Лейнстер, он исписывал до пяти страниц, которые, по трезвом прочтении, тут же рвал... Позже он нашел свой первый постоянный литературный рынок в журнале «Smart Set», который слыл даже интеллектуальным; правда, единственное, что у Дженкинса охотно брали в этот журнал, это мелочевка на подверстки и шуточные эпиграммы.

Однако юноша не унывал. И внимательно приглядывался к бурно развивавшемуся новому рынку. Например, к дешевым развлекательным журнальчикам, которые только начали входить в моду и печатали слезливые дамские романы, приключения, детективы и... научную фантастику.

Редактором «Smart Set» был известный американский писатель и журналист Генри Менкен. Он-то и посоветовал начинающему автору обзавестись звучным псевдонимом. Так Уилл Дженкинс стал Марри

(Мюрреем) Лейнстером. К тому времени он работал бухгалтером в страховой компании, и как только гонорары стали приходить один за другим, начинающий писатель решил, что отныне в состоянии прокормить себя литературным трудом.

Чтобы закончить с «внелитературной» жизнью Уилла Дженкинса, следует добавить два любопытных факта.

Во время Первой мировой войны начинающий писатель-фантаст служил в армии и в Комитете общественной информации. А в годы Второй мировой уже состоявшийся писатель - в аналогичном Бюро военной информации.

Кроме того, Лейнстер профессионально занимался изобретательством, приносившим ему основные заработки в промежутке между войнами. Он получил даже несколько патентов, в частности изобрел так называемый метод «фронтальной проекции» в кинотехнике - и до конца жизни регулярно получал положенные по закону отчисления от крупной корпорации, которая так и называлась «Front Projection Corporation».

Умер Уильям Фитцджеральд Дженкинс 8 июня 1975 года в родном штате Вирджиния.

* * *

Он начал писать НФ с конца 1910-х годов и не прекращал до 1970-го. Полвека в литературе - это немало. И хотя наградами и особой славой писатель не был избалован (единственная премия «Хьюго» - в 1956 году, и единственное же приглашение Почетным гостем на Всемирную конвенцию - в 1963-м), имя свое в научной фантастике он оставил. А перу Лейнстера принадлежат еще более двух десятков детективных романов, реалистическая проза, научно-популярные книги, новеллизации кино- и телесценариев...

Когда Хьюго Гернсбек только начинал выпускать первый научно-фантастический журнал, Лейнстер, на зависть многим тогдашним новичкам, уже был писателем-фантастом со стажем! Одним из первых его НФ-произведений стал рассказ «Безумный небоскреб» (1919), в котором нью-йоркская высотка с двумя тысячами обитателей провалилась в прошлое Америки - за столетия до появления там первых европейцев...

В истории жанра Лейнстер остался именно как рассказчик^{*4}. В ранних

⁴ * Романы Лейнстера оказались менее удачны. Исключение составляет лишь цикл, посвященный труженикам космической медслужбы, предваривший знаменитую серию Джеймса Уайта о «Космическом госпитале». (Прим. авт.)

рассказах Лейнстера, как и у большинства его современников, сюжеты строятся вокруг невиданных технических изобретений. Но проскальзывали в этих произведениях и искры того, что со временем стало сутью и едва ли не главным принципом лучшей англоязычной SF. Проблемы столкновения человека - или всего человеческого сообщества - с Неведомым.

Возьмем, к примеру, переведенный у нас рассказ «Проксима Центавра» (1931). Сюжет - банальнее некуда: нашествие космических монстров. Но описано вторжение с точки зрения разумных инопланетных растений-людоедов, движимых не какими-то inferнальными побуждениями, а всем понятным чувством голода. Запас пищи на их родной планете почти исчерпан, и получается, что мотивы завоевателей при всей внешней «неаппетитности» не более аморальны, чем наша любовь к сочным отбивным или вобле! Кстати, в этом же рассказе впервые, кажется, высказана и развита идея о гигантском межзвездном корабле-ковчеге.

Можно также вспомнить другие переведенные на русский язык произведения Лейнстера 1940-1950-х: короткую повесть «Исследовательский отряд» (ту самую, что принесла автору премию «Хьюго»), рассказы «Одинокая планета» - предвосхищение лемовского «Соляриса», «Замочная скважина», «Критическая разница», «Парламентер», «Этические уравнения».

В блестящем рассказе «Логик по имени Джо» Лейнстер одним из первых рассматривает перспективы не человекоподобных роботов (к тому времени уже ставших своего рода клише), а компьютерных систем! Тогда слова «компьютер» и «кибернетика» еще не вошли в повседневную речь, и автор называет эти системы «логиками». Но, по сути, перед нами привычные ныне терминалы, связанные с разветвленными сетями - коммуникационной, информационной и медийной. А ведь опубликован рассказ в 1946 году!

* * *

Мюррей Лейнстер был одним из признанных пионеров альтернативной истории. Он принялся рассуждать - пусть и на специфическом языке научной фантастики - о таких материях, как пространственно-временной континуум, относительность, время как четвертое измерение и прочих откровениях Альберта Эйнштейна, сразу же после того, как идеи последнего были успешно популяризированы.

Первыми пробами пера в развитии данной темы (если не считать упомянутого выше рассказа-дебюта) стали произведения 1930-х, названия которых говорят сами за себя: «Демонстратор 4-го

измерения», «Катапульта в 5-е измерение» и «Время побоку». В последнем Лейнстер одним из первых в НФ выдвинул сам принцип «альтернативных историй», тут же ярко продемонстрировав коллегам неограниченные запасы открытой золотой жилы. В рассказе описан целый веер параллельных миров, или исторических альтернатив: город на реке Потомак (где сейчас расположена столица США), заполненной китайскими джонками (в этой истории Америку открыли и завоевали представители великих восточных культур), другой город - на месте нынешнего Сан-Франциско, жителей которого мы бы поняли без словаря, поскольку это подданные самодержца всея Руси, чьи предки завоевали Калифорнию, вытеснив оттуда испанцев! А еще миры, в которых не вымерли динозавры. И те, где по сей день покоренные народы послушно внимают чеканному шагу рижских легионов...

И снова вызывает изумление не фабула, а дата публикации: 1934 год. Что касается сюжета, то лучше всего его охарактеризовал известный историк фантастики Сэм Московитц: «К несчастью, для описания всего этого исторического бедлама Лейнстеру потребовалось лишь 20 тысяч слов - вместо ста тысяч, которых заслуживал такой богатый материал. В результате получился лишь краткий проспект по альтернативной истории, сжатое руководство, которым не преминули воспользоваться десятки других авторов».

Таким и остался в памяти американской НФ Мюррей Лейнстер. Умелый, изобретательный рассказчик - с чувством юмора и идеями, отдельным из которых была суждена долгая жизнь. А для нас - еще и автором «Первого контакта». Во всех смыслах.

РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Чайна МЬЕВИЛЬ. ЖЕЛЕЗНЫЙ СОВЕТ. Домино - Эксмо

Призрак бродит по Бас-Лагу. Среди людей и переделанных, среди водяных и кактов, среди трудового народа и творческой богемы Нью-Кробюзона зреет недовольство правителями, и в воздухе витают идеи грандиозной социальной Переделки. «Железный совет» - роман, замыкающий нью-кробюзонскую трилогию британца Чайны Мьевия, и одновременно это самое идейное, или точнее идеологическое, произведение автора, известного левыми политическими взглядами.

Думается, в революционном лихолетье из товарища Мьевия вышел бы прекрасный агитатор. Впрочем, и на ниве писательства он не затерялся, обретя славу одного из самых ярких и «странных» (по названию литературной группы, куда он входит, - New Weird) авторов. Между дебютным «Крысиным королем» и «Железным советом» не просто большая дистанция. В известном смысле они являются изоморфными романами, сохраняющими систему координат, которая определяет ландшафт повествования. При этом сами координаты изменяют свое значение на почти противоположное. И библиография Мьевия отражает и демонстрирует историю этих преобразований.

В первом романе сказочные персонажи попадают в современный Лондон, а уже в последующих книгах люди становятся частью мифического пространства Нью-Кробюзона (позднее схожая инверсия будет ярко выражена в романе «Город и Город» и особенно в подростковой книге «Нон Лон Дон»).

Так и индивидуализм, основанный на мыслях и переживаниях главного героя «Крысиного короля», который, как можно предположить, является альтер эго самого Мьевия, в последующих романах рассыпается на поступки и слова многих персонажей, пусть и говорящих обычно в унисон. И в этой многоголосице от текста к тексту все отчетливее слышатся социальные интонации, достигающие своего пика в «Железном совете». Политические высказывания в жанре фэнтези не так часты, как, скажем, в новой космоопере, давно превратившей космические просторы в арену, на которой звездные войны ведут сторонники правых и левых политических убеждений.

Однако отсутствие четко артикулированных высказываний, как заметил в одном интервью Чайна Мьевиль, не означает отсутствия позиции. Писатель прав: книга немислима вне общественного, социального измерения. Как немислима она без читателя, а читатель - вне общества.

«Железный совет» с этой точки зрения является не вызовом закостеневшему в феодализме жанру, а ответом на его пренебрежение социальными реалиями. Роман вообще дает прикурить инфантильным эскапистам, перенося в фэнтези славные традиции Эптона Синклера и других «разгребателей грязи» начала XX века (кстати, знаменитый

«Спрут» Фрэнка Норриса был посвящен разоблачениям злоупотреблений и преступлений крупных железнодорожных компаний). И совсем уж страшно представить, как социалист Мьевиль «переделал» бы (в терминах его трилогии) Айн Рэнд и ее «расправляющих плечи атлантов», окажись они в его власти.

Книга содержит две параллельные линии: историю легендарного «Железного совета» и описание подпольной борьбы и революционного восстания в Нью-Кробюзоне. Сюжет бодро движется вперед по этим рельсам (заметим, что, как водится, эти прямые сблизятся у самого горизонта, но полностью так и не сольются). Не будем заострять внимание читателя на персонажах книги. Давно подмечено, что действующие лица у Мьевивля схематичны и сводимы к функциям. Но зато какую причудливую и выразительную форму эти функции принимают! Например, загадочный революционер, бандит и террорист Торо, скрывающийся под маской быка... Впрочем, последуем авторской воле и сохраним эту тайну для будущих читателей.

Две обозначенные писателем темы - строительство железной дороги и революционное восстание - отсылают нас к реальной истории нашей цивилизации. Речь идет, разумеется, о трансконтинентальной железной дороге, чье строительство было завершено в Соединенных Штатах во второй половине XIX века, и о русской революции 1917 года.

Первый сюжет, объединяющий Америку в прямом и переносном смысле, уже нашел отражение в мировой культуре. Этой теме посвящен, например, вестерн-шедевр великого Серджио Леоне «Однажды на Диком Западе». Второй стал одним из наиболее значительных событий в истории XX века, и нам знаком намного лучше. Впрочем, не стоит недооценивать и познаний Мьевивля в русской истории - убежденного социалиста, выносящего в эпиграф романа цитату из поэмы Велемира Хлебникова и высоко отзывающегося о трудах Александра Богданова. Из романа видно: в отличие от большинства западных коллег, нашу историю он изучал внимательно и не по Голливуду.

Писатель щедро использует возможности жанра, перенося исторические реалии и модели в романную действительность. Здесь и методы Трансконтинентального железнодорожного треста, и раздосадованные военными поражениями солдаты, которые, возвращаясь в Нью-Кробюзон, выступают против городских властей, и революционное подполье с нелегальной прессой и радикальными террористами... Автор почти не вуалирует эти призрачные и прозрачные аналогии, уподобляя романной Коллектив коммуны, а Переделку - революции. И это невольно превращает книгу в развернутую иллюстрацию известных песенных строк о том, что «наш паровоз вперед летит, в коммуны - остановка».

Заметим, что тема железной дороги вообще тесно связана в культуре

с революцией. Достаточно вспомнить и Павку Корчагина, и стоящий на запасном пути бронепоезд... Впрочем, для Мьевиля более вероятным вдохновителем романа стал так называемый «поезд Троцкого», в котором председатель Реввоенсовета провел больше двух с половиной лет жизни, проделав путь свыше ста тысяч километров.

Сюжетная линия, связанная со строительством железной дороги, не избежала влияния вестерна. Нашлось в ней место и ограблениям поездов, и описанию жизни одного из героев среди коренного населения земель, преобразенных появлением железной дороги.

В художественном отношении «Железный совет», пожалуй, уступает предыдущим романам трилогии. Такова цена, заплаченная автором за желание наполнить книгу идеологемами. Писатель не упускает возможности поговорить о глобализации, социальном и расовом неравенстве. Главным, однако, является не столько своевременное, сколько вневременное высказывание о возможности иного социального устройства. «Железный совет» - легендарная коммуна, созданная восставшими рабочими и существующая в виде железнодорожного состава, прокладывающего себе новые пути вдали от городов и цивилизаций Бас-Лага (черта сама по себе весьма примечательная). В описании этой коммуны автор далек от создания утопических миражей. Его задача - предложение альтернативы. Сегодня рассуждения такого рода вытеснены на обочину политических дискуссий, что делает их появление в фантастических текстах особенно многозначительным.

Судя по финалу книги, особых иллюзий автор не испытывает. «Железный совет», спешащий на помощь восставшему Нью-Кробюзону, так и не добирается до города. Потому размышления о его роли в возможной победе революции превращаются в предмет гипотетических разговоров, опасений и надежд. Однако сам «Железный совет», замерший вне времени, как и идеи, которые он олицетворяет, пусть и не одержали победы, но и не потерпели поражения. Они - символ и постоянное напоминание о возможном.

Сергей ШИКАРЕВ

Рецензии

Рецензии

**Дэрил ГРЕГОРИ
ПАНДЕМОНИЙ**

Москва - Владимир: АСТ - Астрель - ВКТ, 2011. - 374 с.
Пер. с англ. А.Бушуева и Т.Бушуевой.
(Серия «Сны разума»).
4000 экз.

Очередная альтернативная история, в которой президент Эйзенхауэр окажется жертвой покушения, а сменивший его Никсон сойдет с ума. Но при этом от поточных «пандемониев» роман отличается радикально. Здесь главная причина возникновения иной реальности - не случайный исторический поворот, а вторжение демонов в сознание множества людей. И демонические сущности манипулируют ими.

Но тем не менее роман остается в рамках НФ-традиции, не вторгаясь на мистические территории. Более того, в нем не дается однозначного ответа об истинной сущности демонов.

В старые добрые времена экономии слов и бумаги Р.Силвербергу для воплощения подобного сюжета хватило небольшого рассказа «Пассажиры». Грегори развернул идею в роман. И не проиграл. Книга получилась умной, интересной и по-настоящему занимательной.

Главный герой дизайнер Дэлакорт Пирс в детстве был одержим демоном по прозвищу Хеллион. Эта метафизическая сущность ведет себя как архетип мальчика-хулигана, вроде Денниса-мучителя из американских комиксов. И сам Дэл, и его родственники долгое время считали, что демон, вволю наиздевавшись, покинул подсознание жертвы. Став взрослым, Пирс неожиданно обнаруживает, что кто-то вновь пытается подчинить себе его разум. Испуганный герой стремится встретиться с доктором Сунилом Рамом, однажды высказавшим предположение о возможности излечения одержимых хирургическим путем. Пирс прибывает на Международную конференцию по одержимости в Чикаго, после чего и разворачиваются основные события книги.

Много неожиданных поворотов припасено автором. Здесь появится даже сам Филип К.Дик, одержимый демоном ВАЛИС. И в кои-то веки в сюжете читатель столкнется с настоящим, а не надуманным концептуальным переворотом, полностью меняющим наш взгляд на все, произошедшее до этого.

Глеб Елисеев

Евгений ЛУКИН
Ё

Москва: АСТ - Астрель, 2011. - 320 с:
(Серия «Звездный лабиринт»).

4000 экз.

Ёмок и ясен слог Евгения Лукина. Подобно появляющемуся в первых строках заглавной повести ясеню, чьи листья не заслоняют солнца, писатель не прячет идеи и смыслы в избыточности изящных словес, но и простые, ладно подогнанные друг к другу слова оказываются глубоки и богаты по содержанию.

Мировоззрение не обходится без слов. Эти говорящие кирпичики мироздания формируют основу современной цивилизации и общества. Таков постулат партии национал-лингвистов. От декретов и манифестов Лукин переходит к художественной форме, к радикальным действиям, а именно - к орфоэпическому терроризму, суть которого излагается одним из персонажей в камере следственного изолятора.

«Ё» - это формально детектив, и раскрывать его сюжетные повороты было бы моветоном. Пожалуй, посетовать можно лишь на стремительный, едва ли не искусственный финал повести. Впрочем, любим мы Лукина совсем не за это. Меткие зарисовки с натуры, живые персонажи, тонкий юмор, а чаще язвительная, даже едкая сатира - характерные черты творчества нашего (перефразируя известное выражение Брайана Олдисса) «Вольтера в сермяжке». В сборнике они представлены в достатке.

Как инь и ян, художественное «Ё» книги дополняют «не-Ё» - эссе, рассказывающие о переплетении людей и книг в жизни писателя, а заодно позволяющие заглянуть в «творческую лабораторию» автора.

Именно этот экскурс по творчеству (совместному и сольному) Лукина наглядно показывает, что в лучших его произведениях сатирические эскизы и экзерсисы, будучи самоценными, не являются самодостаточными, обрамляя и подкрепляя главную идею произведения. Как это сделано, например, в известной читателям «Если» повести «С нами бот».

Вот тогда читателю после прочтения только и остается, что довольно крякнуть и сказать: «Ё-мое! Ай да, Евгений Юрьевич!».

Сергей Шикарев

Алексей ПЕХОВ

АУТОДАФЕ

Москва: Альфа-книга, 2011. - 409 с.

(Серия «Фантастический боевик»).

55 000 экз.

Людвиг ван Нормайенн возвращается.

Новый роман А.Пехова продолжает историю, начатую в прошлогодней книге «Страж». В центре повествования нового произведения снова охотник на темные души. Людвиг ван Нормайенн, как и его коллеги, входящие в так называемое «Братство стражей», истребляет тех греховных покойников, что слишком страшатся посмертного суда. В виде призраков эти существа бродят по земле и высасывают жизненную силу из людей. Стражи отслеживают «темных» и отправляют прямиком в ад.

Новый роман повторяет драматургию предшественника: он разбит на шесть внешне самостоятельных историй. Главный герой побывает в еще более экзотических областях выдуманного мира, вроде острова Темнолесье, населенного преимущественно фантастическими существами, или двора главы местной церкви, находящегося в городке-замке Риापано. Людвигу ван Нормайенну придется противостоять не только темным душам, но и вампирам, злым колдунам и профессиональным охотникам за стражами из ордена «Носителей чистоты». Однако постепенно становится понятно, что внешне изолированные события продолжают развивать сложную интригу, закрутившуюся еще в первом произведении цикла. И уже заметно, что казавшиеся безусловно «белыми» персонажи не такие уж чистенькие, а за благими делами, как водится, частенько скрываются отнюдь не благие помыслы.

Любителям хорошей фэнтези новую книгу Пехова можно рекомендовать без колебаний. Написана она на традиционном для этого автора высоком уровне, «проглатывается» на едином дыхании. Но чтение имеет смысл начинать после знакомства со «Стражем». Тем более что теперь стало очевидно: автор планирует продолжать повествование о темной тайне, отныне угрожающей не только единству «Братства стражей», но и всему экзотическому миру, созданному воображением отечественного фантаста.

Игорь Гонтов

Игорь ПРОНИН

ПИРАТЫ 2. ОСТРОВ ПАУКА

Москва: АСТ - Этногенез, 2011. -256 с.

50 000 экз.

Если в первой книге цикла «Пираты» фирменная сюжетная закваска проекта «Этногенез» казалась лишней, то во второй без нее не обойтись. «Прозрачные», являющиеся героям во снах, уверенно берут ход событий под свой контроль. Чужая борьба захватывает капитана

Кристин и ее команду. Вместо того чтобы отдать должное богатой добыче, пираты вынуждены вновь отправиться в путь, да еще в странной компании пришельцев из будущего, преследующих свои непонятные цели.

Привнесение нехарактерных элементов в давно сложившуюся схему - ход известный, но не всегда выгодный. Подводная лодка в мире парусных судов, автоматическое оружие против мушкетов и пушек - такая эклектика может сбить с толку любого читателя. Естественно, что И.Пронин, создавший вполне жизнеспособную почву для честного пиратского романа, не собирается полностью отказываться от «соленой» романтики. Приключения на море продолжаются - захватывающие и, разумеется, смертельно опасные.

Борьба с внешними трудностями дополнена непростыми взаимоотношениями на борту. Автор от души развлекается, столкнувшись лицом к лицу молодую пиратку из семнадцатого века и польского идеалиста из девятнадцатого столетия.

Повествование ведется от лица Кристин Ван Дер Вельде. Так что у читателей появляется возможность заглянуть в душу юной «бестии». Автору удалось поместить за хулиганским антуражем трогательный женский образ. Переживающая смерть отца, неуверенная в своих силах девушка ищет поддержки, скрываясь под маской отчаянной морской разбойницы. Именно в таких условиях и могли возникнуть искренние, бескорыстные отношения между Кристин и ее друзьями.

Мир, который предлагает читателям Игорь Пронин, - это попытка совместить грезу подростка о пиратской романтике и суровые рамки исторической достоверности. Автору это вполне удалось. И пусть между героями пролегают столетия - корабль все равно идет к горизонту.

Николай Калиниченко

ВСЕЛЕННАЯ В АРЕНДУ

Темы литературных проектов мы касались не единожды. Но популярный московский фантаст повернул ее в иное русло - сугубо писательское: до какой степени готов автор поделиться с коллегами своим миром? Хотя вопрос свой он адресовал все-таки читателям: «Превращение мира известного автора в межавторский проект - насколько это интересно читателю?».

Ответы распределились следующим образом:

С удовольствием почитаю еще о полюбившемся мире - 10%;

Если книга хорошая, то мне все равно, что читать - 17%;

Книгу-продолжение должен писать автор уровня создателя этого мира - 27%;

Продолжения всегда хуже оригинала; особенно, если это делает кто-то другой - 12%;

Если это ныне живущий автор, то он совершает глупость, допуская в свои миры чужаков: а вдруг он сам захочет туда вернуться - 15%;

Все это - лишь проекты по выбиванию бабла, не имеющие к литературе никакого отношения - 18%.

Всего в голосовании приняли участие 1105 человек.

В последние несколько лет рынок отечественной фантастики штурмуют проекты. То, что на Западе уже давно не в диковинку, выскочило в России, как черт из табакерки, и взорвало книжный бизнес.

Истории о бегущих по Припяти сталкерах были лишь первой волной, за которой катился девятый вал серий, циклов и новых авторов. Почти каждое издательство сочло нужным создать свой Проект (а то и не один), и множество авторов совершенно разных весовых категорий встали на этот конвейер, чтобы принять участие в новомодной тенденции, приносящей неплохие тиражи и доход.

В первое время о тему проектов было сломано много копий. Сколько разговоров, постов в блогах, статей в периодике и споров о том, нужны ли они, литература ли это, портят ли они фантастику!..

Сейчас ажиотаж поутих: многие из тех, кто когда-то ругал этот сегмент книжного рынка, успокоились, а некоторые и вовсе изменили свою точку зрения, написали в Проект книгу. Или даже оказались на капитанском мостике и рулят его дальнейшим развитием. Роман из мира Т.О.Ч.Е.К. получил жанровую литературную премию (да не какую-нибудь, а «Золотой Роскон»). Проекты плотно ассимилировались в фантастике, укрепились, прижились, заняли серьезную долю рынка и большие пространства магазинных полок... Короче, стали настолько обыденным явлением, что ими уже никого не удивишь.

И теперь появляется относительно новая тенденция - проекты по популярным книгам известных писателей, которые один за другим стали распахивать двери своих миров.

За примерами далеко ходить не надо. За последний год, не напрягая память, я могу вспомнить сразу пять подобных экспериментов разных авторов. В их мирах есть потенциал, так как создатели отлично поработали, завоевали аудиторию, «подсадили» читателей - и почему бы теперь авторам вкупе с издателями не продолжить повествование?

Многие относятся к подобному явлению резко негативно. Другие - недоверчиво-настороженно. А некоторые пока просто не определились

во мнении...

Скажу честно, идея выдачи делянок на своем поле, куда придут чужаки-старатели в поисках золота и, быть может, вытопчут мне любимый газон с ромашками, лично меня никогда не привлекала. Но я постарался быть объективным в своей оценке. И первым делом провел опрос читателей, чтобы выяснить, а что они думают о подобных литературных новшествах, ведь в конечном итоге книги - хоть проектные, хоть «вечные» - пишутся для них.

Самый большой процент составили те, кто считает, что если уж писатель отдает свой мир на конвейер, то расширять этот мир должен автор, равноценный творцу. Не только по своим возможностям, но и по известности в читательской и писательской среде.

На мой взгляд, это настоящая фантастика. Потому что писатель подобного уровня должен быть другим топовым, известным автором, который изначально желал и умел создавать собственные миры и «кровью и потом» добился признания. И у этого автора полно своих дел, книг, серий и миров. Ему совершенно неинтересно влезать в чужой мир, быть на вторых ролях, когда вокруг полно желающих написать хоть строчку по мотивам его вселенных. И должно произойти нечто действительно невероятное, чтобы он вдруг бросил все свои проекты и кинулся писать роман по чужому миру, исполнять партию второй скрипки, теряя гораздо больше, чем приобретаая.

Второй по популярности ответ: подобные проекты для автора и издательства лишь очередной способ заработать, и никакая это не литература, а книги-однодневки, о которых через год никто и не вспомнит.

Тут я согласен лишь на пятьдесят процентов. Ни для кого не секрет, что издательства (как и любое другое предприятие) продолжают работать до тех пор, пока получают прибыль. Поэтому для них нет ничего естественнее, чем стремление предложить своему потребителю как можно большее разнообразие продукции. И в этом смысле создание новой формы проектов или новой серии - издательское «топливо». Это определенный расчет, возможность получить потенциальную прибыль, но также и желание сделать что-то новое и интересное для читателей. И я не исключаю вероятности, что среди авторов подобных проектов могут попадаться действительно талантливые молодые писатели, которые сумеют создать интересные тексты, пусть даже и в рамках чужого для них мира с чужими героями и «правилами игры». Хотя, конечно, для оригинального творческого развития гораздо важнее реализовать свои мечты, создать своих героев, сотворить свои миры, иначе, завязнув в чужих вселенных мэтров, можно не найти времени и сил для создания своей. И весь талант так и не раскроется, а настоящее творчество никогда не

начнется.

Третье место в моем опросе заняли респонденты, которые признаются, что им все равно, кто это написал, лишь бы книга была интересная.

И, пожалуй, это еще один плюс в копилку доверия к проектам по авторским мирам. Читатель, во всяком случае, купит первую книгу, чтобы понять для себя - интересно это или нет. Значит, здесь автор и издательство не ошибаются в своих расчетах на коммерческий потенциал проекта. В какой-то степени их надежды точно оправдаются.

На четвертом месте в процентном соотношении ответивших читателей оказались «максималисты», утверждающие, что автор совершает большую глупость, пуская в свой мир чужака. И дело тут в твердом убеждении этих читателей: любое вмешательство в уже созданный автором мир приводит к тому, что любимая книга начинает вдруг жить по чужим законам, появляются какие-то «левые» герои, события, правила - все это нарушает выстроенную систему, ее четкость, вносит хаос. И она перестает быть интересной.

Этот взгляд близок и мне. Когда вселенная переходит в разряд мультивселенных, где бродит невесть кто и неизвестно что делает, то большой вопрос: будет ли от этого хорошо создателю оригинального мира, читателю, да и самим издателям.

На пятом месте оказались респонденты, уверенные, что чужое продолжение всегда хуже оригинала.

На мой взгляд, так в большинстве своем и бывает. Но чудеса иногда случаются, и сегодня я склонен верить в них.

И, наконец, лишь на заключительном, шестом месте расположилась небольшая группа опрашиваемых, которые признаются, что с радостью бы прочитали продолжение любимой истории - не важно, какого оно качества, лишь бы там были полюбившиеся герои.

Думаю, что так ответили самые преданные фанаты разных миров и вселенных. А таковые всегда в меньшинстве.

Итак, подведем итоги.

Прежние фанфики (давайте будем называть вещи своими именами), к которым всего лишь несколько лет назад профессиональные писатели относились, мягко говоря, довольно пренебрежительно, не считая литературой и чем-то достойным упоминания, - получили зеленый свет. Издательства теперь не отказываются, а целенаправленно ищут тех, кто готов писать о популярных мирах. И отношение к людям, работающим в этом сегменте, также изменилось. Это уже не неизвестный «негр», окучивающий тростник на плантации владельца фазенды, а практически полноценный партнер, приносящий неплохой доход.

Благодаря читательскому отношению к подобным проектам

коммерческий потенциал ранее никому не интересного эксперимента подскочил на высоту Эльбруса, и отказаться штурмовать его в наше время означает прослыть по меньшей мере чудаком, держащимся за прошлое в тот момент, когда следует двигаться в будущее. Читатель голосует рублем, издатель готов идти на риски, которые всего лишь пару лет назад он счел бы неоправданными, невыгодными и, собственно говоря, никому не интересными.

Если честно, при всем моем отрицательном отношении к сдаче вселенных в аренду я не вижу в этом ничего катастрофического для фантастической литературы. Подобные стандарты коммерческих отношений между автором, издательством и читателем на Западе практикуются с давних пор, и никто не говорит о кончине литературы или писательского ремесла. Это определенный сегмент, отдельная ячейка, ориентированная на тех, кто любит оригинальные произведения топовых писателей и готов почитать еще хоть что-то из любимого мира. Проекты развиваются, идут дальше, а к чему это все приведет - покажет время. Пока же авторы и издательства могут только надеяться, что подобное развитие фантастической литературы в России и спустя несколько лет будет интересно читателю.

Алексей ПЕХОВ

КОНКУРС «РОСКОН-ГРЕЛКА»

В прошлом номере мы опубликовали репортаж об очередном «Росконе». В рамках конвента по традиции состоялся конкурс «Роскон-Грелка» - на тему «Антисталкер». Из 10 лидеров редакция отобрала рассказ, занявший второе места. Представляем его соавторов.

Витер Дмитрий Александрович родился в 1975 году в г. Монино Московской области. Закончил мехмат МГУ им. М.В.Ломоносова (кафедра математической логики). Кандидат физико-математических наук. Работает ведущим менеджером крупной международной компании, ведет бизнес-тренинги. Живет в Москве, женат, воспитывает дочь.

Его стихи опубликованы в ряде сборников поэзии, рассказы - в журналах «Юный техник» (2009) и «Меридиан» (2011). В 2009 году победил на конкурсе короткого фантастического рассказа на сайте lmhonet.ru.

Семенякин Владимир Сергеевич родился в Запорожье (Украина) в 1990 году. Много переезжал, жил в Кривом Роге, Киеве, Днепропетровске и Москве. Учится на пятом курсе Киевского политехнического института. Рассказы опубликованы в областном литературном альманахе «Сборы наших душ», журналах «Полдень XXI век», «Знание - сила», «Фантастика», «Реальность фантастики» и «Радуга».

ДМИТРИЙ ВИТЕР, ВЛАДИМИР СЕМЕНЯКИН

САЛЛИ И САЛЬВАДОР

Эй, Салли! Во имя всех святых, где тебя носит?

Салли предпочел промолчать. Во-первых, он старался как можно меньше говорить вслух, а во-вторых, когда сеньор Эстебан злился, перечить ему вовсе не стоило.

- Немедленно хватай свою швабру и дуй на второй этаж. Святая Мария, эти туристы просто варвары! Разлили какую-то дрянь возле самой «Атомной Леды»! Знаешь, где это?

Салли молча отвернулся и направился в галерею, но не бегом, а медленно, подволакивая правую ногу, не обращая внимания на то, как сеньор Эстебан клянет его вдогонку за неповоротливость. Необходимости в ругательствах не было - может, Салли и не являлся самым быстрым уборщиком в мире, но уж точно был одним из самых исполнительных и аккуратных.

Взяв по дороге швабру в подсобке, Салли поднялся на второй этаж. План зала ему не требовался: «Атомную Леду» он нашел бы с закрытыми глазами, как и любую другую картину в театре-музее Сальвадора Дали в Фигересе.

Посетителям строго запрещалось проносить с собой еду и напитки, но кто-то, видимо, наплевал на правила. Взглянув на грязный пол, Салли вздохнул. Туристы и экскурсовод старательно обходили темную лужу, но следы успели распространиться вокруг, пачкая паркет грязными дорожками.

- Вы, конечно, узнали женщину на этой картине - Гала, муза и вдохновительница Сальвадора Дали. Пропорции тела безупречны, как у античных статуй, а лицо одновременно буднично и божественно. Хотя она на одиннадцать лет старше Дали...

- На десять лет, - машинально поправил Салли шепотом, выжимая тряпку в ведро.

- Художник не уставал воплощать ее образ на своих самых

знаменитых полотнах! Обратите внимание, как гармонично расположены предметы на картине: чтобы соблюсти идеальные пропорции, Дали обратился к венгерскому математику Матиле Гике...

- К румынскому... - пробормотал Салли чуть громче. Туристы начали посматривать на него, впервые заметив скособоченного человека в серой униформе.

Экскурсовод запнулся, метнул в уборщика испепеляющий взгляд, но, не сказав ничего в его адрес, продолжил:

- Посмотрите, сколько труда вложил Дали в эту картину! Как филигранно изображен лебедь, голову которого ласкает Гала...

- Она не трогает лебедя...

Салли не смог удержаться от этой ремарки. Пятно на полу уже исчезло, и нужно было как можно скорее уйти отсюда, но его последнюю фразу услышали, кажется, все. Какой-то турист хихикнул.

- Кто это у нас тут? - экскурсовод лучезарно улыбался, но в голосе его звучал металл. - Вы, кажется, хотели поправить меня, коллега?

Недвусмысленное ударение на последнем слове заставило Салли вжать голову в плечи. Лицо залила краска, но он все-таки сказал:

- «Атомная Леда» написана по принципу «неприкосновения». Ни один предмет не касается другого. Как частицы в атоме: Всё висит в пространстве. Даже море.

Слова давались ему с трудом: правая половина рта почти не двигалась, и речь смазывалась, словно говорил пьяный. У картины воцарилась тишина, нарушаемая приглушенным шепотом и шарканьем ног в других залах.

- Смотрите, и правда! - Девушка, стоявшая к картине ближе всех, показала на нее рукой. - Лебедь находится за Галой, но из-за положения ее кисти кажется, что они соприкасаются!

Туристы завертели головами, посматривая то на картину, то на уборщика, то на экскурсовода.

- Какая похвальная наблюдательность! Это как раз то, что я собирался сказать! Как видите, дорогие друзья, высокое искусство одухотворяет самых... - экскурсовод запнулся, - разных людей. Поблагодарим... как тебя зовут, сынок? - он хищно прищурился, разглядывая табличку с именем. - Поблагодарим Салли, которому стоит вернуться к своей работе, а нам - к своей.

Стиснув зубы, экскурсовод быстро проследовал в другой зал. Туристы засеменяли за ним. Салли поднял ведро с водой и направился в подсобку.

- Стойте! - Девушка, поддержавшая его, оторвалась от группы. - Откуда вы это знали? Про неприкосновение?

Салли пожал плечами. Какое ей дело до того, что эта работа - его последний шанс остаться в мире, который он любил больше всего на свете.

- Нет, серьезно! - Девушка говорила по-испански с легким славянским акцентом. - Вы очень наблюдательны для...

- ...для уборщика, - продолжил он.

- Я не хотела вас обидеть, Салли...

- Меня зовут Сальвадор, но понятно, что уборщики не заслужили полного имени, - Салли улыбнулся. - Не то что экскурсоводы.

Из-за неподвижного правого уголка рта улыбка получилась кривой.

- Сальвадор? Как Дали! Вас называли в его честь?

- Вообще-то, да. Мои родители...

- Таня! - из другого конца зала девушку окликнул высокий молодой человек. Та помахала ему рукой.

- Простите, мне пора идти! - Она очаровательно улыбнулась и протянула руку на прощание, потом вдруг посмотрела на его ладонь, смутилась и исчезла в толпе.

Салли вернулся в подсобку, размышляя о принципе неприкосновения. Девушка не прикоснулась к нему. Как Гала к уродливому лебедю.

* * *

В крошечной подсобке он поставил швабру на место и, тихо вздохнув, присел на стульчик у окна. Откинулся на спинку: ссохшееся дерево закрипело, ножки зашатались, но Салли удержался. Шаркнул кроссовкой по полу, скособочился и замер в крайне неудобной позе.

Диего, добряк-охранник, иногда заходивший к Салли, чтобы тот помог ему с каверзными кроссвордами, как-то заметил, что Салли, уместившийся на стульчике, похож на деформированную фигуру с картины «Предчувствие гражданской войны»: «Салли, ты мог бы стать отменным натурщиком для Усача!» - так в музее называли Сальвадора Дали.

Салли совсем не обиделся тогда на шутку и искренне посмеялся вместе с Диего. Вспомнив эту историю, Салли криво усмехнулся. Сегодня хороший день: голова не болела, и он наслаждался покоем, глядя на стену перед собой. Для кого-то просто стена с четырьмя бумажными прямоугольниками, но для Салли на ней умещалась вся короткая история его жизни. Диплом школы искусств с отличием. С фотографии в простой рамке улыбаются родители, Салли между ними в шапочке выпускника ухмыляется широко и непринужденно; далеко на заднем плане расплывчатым серым пятном виднеется их автомобиль - тот самый, в котором через неделю папа не справился с управлением на скользкой дороге. Незаконченный акварельный рисунок Салли, обезображенный черной кляксой: спустя всего месяц после смерти родителей, прямо за мольбертом, он потерял сознание. А вот прилепленное скотчем заключение врача - инсульт. В его-то возрасте!

В подсобке, которая находилась ниже уровня тротуара, всегда оставалось открытым маленькое зарешеченное окошко у потолка. Шорох автобусных шин, вздорное карканье автомобильных гудков, голоса пронырливых торговцев, которые зазывали иностранцев покупать «подлинные копии великого маэстро», и уродливые безделушки по мотивам музейных холстов, чужая речь - всё сливалось в единый пестрый и бурлящий коктейль звуков, пробуждало к жизни. Фантазия нашептывала: нарисуй! И Салли, закрывая глаза, рисовал в своем воображении. Непослушная рука исцелялась в эти минуты. Он водил ею, набрасывая на холсте эскиз, тут же воплощал в масле улицу, по которой катилась река блестящих на солнце красок, карнавальное шествие (музыканты впереди, а позади - чудаки в масках) - все по колено в краске. По обочинам Салли рисовал деревья, тянувшие ветви к седому от палящего солнца небу.

Потом Салли открывал глаза и видел перед собой дрожащую, скрюченную ладонь - точь-в-точь лапка мертвого цыпленка. В такой не удержать кисть, разве что швабру. В эти минуты он уже не ощущал жгучего стыда, как в первый год после инсульта. Он просто опускал дрожащую руку и задвигал картину в самый темный и пыльный угол памяти, где ее никто не смог бы увидеть.

Даже он сам.

* * *

Сквозь полудрему, как в бреду, он различил голоса. Знакомый женский, мелодичный, со славянским акцентом:

- ...что это у вас?

Другой - мужской, уверенный, судя по всему, ее спутник:

- Нет-нет, спасибо, мы уже купили сувениры!

Следующего участника разговора Салли не знал: низкий, хрипловатый, без акцента. Говорил, несомненно, испанец:

- Посмотрите внимательно, сеньорита! Такого вы не купите в обычной сувенирной лавке!

Снова девушка:

- Ух ты! Невероятно! Они выглядят прямо как на картине! Из чего это сделано?

Салли не привык подслушивать или вмешиваться в чужие дела, но поневоле заинтересовался, тем более что обладатель хриплого голоса не внушал ему доверия. Он не любил крикливых торгашей, ошивающихся возле музея, продающих некачественные, а порой и краденые вещи. Что этот пройдоха пытается продать?

Салли поднялся со стула, привстал на цыпочки и заглянул в окошко. Участники разговора предстали перед ним в виде трех пар обуви:

бирюзовые босоножки, светлые мужские туфли с квадратными носами и, наконец, пыльные сандалии, надетые на босу ногу. Из сандалий на белый свет смотрели толстые пальцы ног с грязными ногтями.

Салли почувствовал беспокойство: ничего хорошего человек с такими ногами предложить не мог.

- Такого вы больше нигде не купите, сеньорита, уверяю вас! - с жаром заговорил нечистоплотный тип. - Разве вы не хотите оставить себе на память об этой волшебной поездке что-то настоящее, а не просто китайскую штамповку?

- Я же сказал: нет! - резко ответили «светлые туфли».

- Так сколько, говорите, это стоит? - спросила девушка.

Салли знал, как разыгрывается этот сценарий. Она готова что-то купить у проходимца, о чем наверняка пожалеет. Салли не стал ждать развязки, а поспешил за помощью.

Диего нашелся в кафетерии; на сбивчивые объяснения о том, что какой-то подозрительный тип облапошивает туристов возле самого входа в музей, ушло драгоценное время. Диего нехотя согласился пойти и проверить: в конце концов, это его обязанность - следить за порядком на прилегающей к музею территории. Салли же заторопился назад к окошку: на то, чтобы обойти здание вокруг и выйти на улицу, ему потребовалось бы гораздо больше времени.

Пыльные сандалии уже исчезли из поля зрения - на виду остались бирюзовые босоножки и светлые туфли. Они говорили по-русски, и Салли их не понимал: разве что в разговоре несколько раз прозвучало имя Дали. Девушка явно чем-то восхищена. Парень, напротив, настроен скептически и раздражен. Кажется, «бирюзовые босоножки» потратили больше денег, чем хотелось бы «светлым туфлям». Назревала ссора.

Внезапно что-то в разговоре изменилось. Девушка вскрикнула - сначала от удивления, а затем от страха.

Салли был готов выломать решетку и выбраться наружу, чтобы помочь. Где же Диего?

- Сеньорита, с вами всё в порядке? - черные лакированные ботинки Диего появились у решетки, и Салли облегченно вздохнул.

В этот момент ноги девушки подкосились, и она рухнула на асфальт. Ее лицо оказалось прямо напротив лица Салли. Прозрачные голубые глаза, в которых еще недавно светились сочувствие и доброта, казались фарфоровыми глазами куклы.

Ее руки конвульсивно подергивались, сжимая что-то отвратительное - темно-синий сгусток, похожий на кусок блестящей резины. Спустя секунду он растекся вязкой массой по асфальту, запачкав руки и платье девушки коричневыми подтеками. Запахло масляными красками и одновременно чем-то гнилым.

За мгновение до того, как опасный предмет потерял форму, Салли

успел разглядеть, что купила обладательница бирюзовых босоножек. Причудливой формы изогнутый циферблат: часы плавилась на солнце. Знаменитые «мягкие часы», точь-в-точь как на картинах Сальвадора Дали.

* * *

Прошло несколько дней, но Салли никак не мог успокоиться. Русскую девушку увезли в местную больницу - Диего оперативно вызвал «скорую». Затем всё еще в бессознательном состоянии ее перевезли в стационар в Барселоне. Дальше Диего ничего о ней не разузнал. Салли рассказал охраннику всё, что видел, но, кроме описания его обуви, ничем не смог помочь.

Отныне Салли начал приглядываться к подозрительным людям возле музея и в галереях, но пыльные сандалии на босу ногу ему не попадались. Зато он нашел кое-что другое. Точнее говоря, потерял.

Те разложившиеся сувенирные часы, так странно подействовавшие на девушку, показались ему очень знакомыми. Картину он нашел. Типичный для Дали сюжет: пустынная местность, обожженная лучами каталонского солнца, чахлые ветви деревьев и свисающие с них, будто мокрое белье, растекающиеся циферблаты. Салли когда-то и сам пробовал рисовать подобные сюжеты (впрочем, предпочитая им живописные пейзажи: морские или лесные). Дали чаще рисовал пустынный мир, но с лихвой компенсировал пустоту немалой толикой безумия, высокопарно названной сюрреализмом. На этой картине «мягких часов» было нарисовано много, но не настолько, чтобы Салли не заметил пропажу.

Один из циферблатов отсутствовал.

Зайдя в сувенирную лавку, он под честное слово взял у сеньора Кортинеса буклет с репродукциями. Пальцы дрожали, когда он открыл нужную страницу и сверил рисунок с оригиналом. Так и есть. В правом нижнем углу картины, там, где с нижней ветки свисал еще один «жидкий циферблат», ничего не было. Салли подошел вплотную и миллиметр за миллиметром осмотрел подозрительный участок. Безрезультатно. Словно Дали никогда не рисовал здесь ничего подобного.

Салли не знал, что делать. Сказать одному из экскурсоводов или сеньору Эстебану он не решился - ему и так хватало насмешек. В конце концов, всё могло объясняться просто. Дали рисовал одни и те же сюжеты по-разному. Экспозицию могли обновить. Предыдущую картину сдали на реставрацию, заменили этой.

Только что-то подсказывало Салли, что дело не в реставрации.

Повинуясь скорее инстинкту, чем логике, Салли начал кружить по

галереям, всматриваясь в знакомые холсты: причудливый балет слонов на паучьих ногах, растекающиеся сгустки желтой плоти на деревянных подпорках, хищные багровые цветы. Ноги сами принесли его к «Атомной Леде», у которой состоялось памятное знакомство. Гала на картине все так же томно протягивала руку к черноклювому лебедю, море за ее спиной парило в пустоте, несколько книг и измерительных приборов кружили вокруг в идеальной гармонии. Салли присмотрелся внимательнее и почти не удивился, обнаружив, что одной из книг не достаает. Более того, на правой ноге Галы виднелась ссадина.

* * *

Салли никому не сказал о своих наблюдениях: у него не осталось людей, с которыми он мог бы поделиться чем-то сокровенным. Даже Диего вряд ли бы его понял. Салли выбрал выжидательную тактику, превратив музей в зону сюрреалистичных боевых действий с неизвестным противником. Между таинственным изменением картин и происшествием с девушкой была связь, и Салли намеревался выяснить какая. Почти всё время он находился в залах, подметая, вытирая пыль, рьяно убирая мусор - сеньор Эстебан даже усмотрел в этом похвальное служебное рвение. Прихрамывая, Салли совершал круговой обход по всем залам музея, начиная с внутреннего дворика с Дождливым Кадиллаком, через центральный зал, мимо гигантского «мозаичного» портрета Линкольна, заглядывая в комнату, где в одной из точек мебель и камин превращались в лицо актрисы Мэй Уэст, и даже наведываясь к могильной плите самого Дали. Салли вглядывался не только в картины: он присматривался к посетителям, восхищенно восклицаящим что-то на всех языках мира. Он видел всех - его не замечал никто. В анонимной безликости уборщика имелись свои плюсы.

Несколько дней Салли провел на этом добровольном дежурстве безрезультатно, но потом один из посетителей привлек его внимание - даже не своим поведением, а тем, что это был вылитый Дон Педро из детских комиксов. Дон Педро был карикатурным маленьким неопрятным человечком, устраивающим всем неприятности. Незнакомец крайне походил на него - и ростом, и плотным телосложением, и недобрым взглядом, сверкающим из-под кустистых бровей. В руках он мял пустой пакет из сувенирной лавки. Салли опустил глаза к полу и обомлел.

Грязные пальцы. Пыльные сандалии.

«Дон Педро» подошел к знаменитой «Сферической Галатее» - портрету Галы, выполненному из десятков сфер, устремленных к

бесконечности. Пройдясь несколько раз вдоль полотна и воровато осмотревшись, мужчина погрузил свою кисть внутрь картины. Салли не мог пошевелиться, ему казалось, что зрение играет с ним какую-то злую шутку, как в первые дни в больнице, когда весь мир кружился перед глазами, превращая знакомое и обыденное в сюрреалистическую картинку. Иллюзия или нет, рука мужчины на несколько секунд погрузилась внутрь полотна, словно пройдя сквозь зеркало. Казалось, «Дон Педро» шарил на ощупь в стенном шкафу: толстое лицо сосредоточено, над верхней губой капельки пота. Наконец он вытащил руку и быстро сунул что-то в сувенирный пакет. Салли не успел разглядеть, что именно.

Быстрым шагом «Дон Педро» направился к выходу из галереи - Салли едва поспевал за ним. Незнакомец прошагал мимо скульптур на постаменте из автомобильных покрышек и свернул вниз по лестнице в одну из маленьких боковых улочек. Салли почти потерял его из вида, когда «Дон Педро» остановился, чтобы поговорить с туристами. Мужчина и женщина походили на американцев - наверное, из-за одинаковых широких улыбок. Они рассматривали то, что «Дон Педро» вынул из пакета. У Салли мучительно заколотилось сердце.

- Не берите это у него! - закричал он по-английски. Возможно, грамматически фраза была выстроена неправильно, но интонация и растрепанный вид Салли сыграли свою роль: туристы вернули предмет «Дону Педро» и, испуганно переговариваясь, скрылись в переулке.

- Ты кто такой? - скривился незнакомец.

- Я работаю в музее, - Салли ткнул пальцем в нашивку на униформе. - Я видел вас. Вы... воруете вещи.

«Дон Педро» расхохотался раскатистым смехом.

- Ворую? И что же, позволь спросить? Картины? Скульптуры? Чертовы книжки?

- Покажите, что у вас в пакете.

«Дон Педро» хищно оскалился:

- Ну, если ты так настаиваешь, держи! - он выхватил из пакета предмет и швырнул его Салли. Тот инстинктивно поймал его здоровой рукой.

Это был шар - один из множества, нарисованных на картине. По размеру и весу он напоминал подарочные шары на Рождество или на праздник Трех Королей, где внутри стеклянной сферы кружился искусственный снег. Только эта переливалась всеми цветами радуги, а вместо снега в ней всплывали фрагменты картины, иногда лицо Галы, иногда усатое лицо самого Дали... Как будто частичка памяти художника отразилась в шаре.

- Как вы это сделали? Как вынули его из картины?

Незнакомец отбросил напускную веселость - ее сменила злость.

- Подсматривал, паршивец? Вместо того чтобы заниматься своими

ведрами и тряпками, шпионил за мной? - он шагнул к Салли, обдав едким запахом пота. - Что ты видел?

- Вы продали девушке часы! Сунули руку в картину! И достали... это. - Салли покосился на шар. Казалось, он нагревается у него в ладони.

- Ну, да, - неожиданно равнодушно согласился незнакомец. - А тебе какое дело? Законов я не нарушал.

Салли на мгновение опешил. Он ожидал, что вор будет оправдываться или попробует напасть на него и отнять магический предмет. Вместо этого мужчина достал из кармана помятый и несвежий носовой платок и вытер себе лоб.

- Можешь представить, как я удивился, когда у меня в первый раз это получилось. Случайно, конечно... Собирался сунуть руку в сумочку одной дамочки, но оступился и угодил рукой в картину... Подумал, что попал в какой-то кисель. Мерзкие ощущения, как и сама картина... Нащупал что-то - и вытащил одни из этих жидких часов. Кстати, они лучше всего продаются.

- Продаются?

- Ну да, туристы просто с ума сходят от всяких штук в стиле Дали. А эти вещи... сам понимаешь... очень в стиле. Я бы даже сказал, они и есть этот стиль. Платят, между прочим, хорошо.

Салли не мог поверить своим ушам. Этот человек говорил о чуде... о волшебстве! И это чудо он попросту продавал?

- Если бы я мог выбирать, - продолжал «Дон Педро», - то вытаскивал бы из картин наличные. Ты не знаешь, Дали не рисовал деньги? Мне все равно, какой он там художник, но с его картинами у меня лучше всего получается. Пробовал работать по Пикассо - одну бесформенную массу добываю, как пластилин. А тут хоть что-то...

У Салли кружилась голова. Шар в ладони нагрелся так, что начал обжигать кожу.

- Я вам не позволю...

Вор сделал шаг вперед - щелкнуло складное лезвие, и Салли почувствовал, как в живот ему упирается острие.

- Я вижу, ты не понял, дружок... Ты мне даром не нужен, но если встанешь у меня на пути или раскроешь рот... - он надавил на лезвие сильнее, - пожалеешь. Видел шрам у той тетки с картины, где лебедь? Она попробовала мне помешать. Пнула ногой. Дура! Только подумай, я же могу ее всю вытащить наружу! Тепленькую. - Вор хищно улыбнулся.

- А что, формы у нее ничего, я бы позабавился. Жаль, что здесь это все надолго не задерживается.

Вор резко отступил назад, и в этот момент шар в руке Салли превратился в бесформенную вязкую массу. Запахло гнилью, кожу как будто обожгло огнем. По рукам и одежде Салли потекли мутные потоки грязной жидкости, которая словно разъедала саму душу. Голова закружилась - точь-в-точь как в тот день, когда его хватил удар, и

Салли упал.

Лежа на спине, он видел только слепящее ярко-синее небо. Его накрыла тень: черный силуэт «Дона Педро» заслонил солнце.

- Как тебе этот маленький сюрприз? Неприятно, правда? Я тоже в первый раз чуть концы не отдал. Теперь предпочитаю долго не держать эти штуки в руках.

«Дон Педро» сместился в сторону, и луч солнца снова ослепил Салли.

- Лучше бы тебе сдохнуть, сынок. Но если оклемаешься, не переходи мне дорогу. Я этого не прощаю. И к той толстухе на картине я еще вернусь, можешь мне поверить!

Веки не слушались, солнечный свет выжигал Салли глаза. В висках застучало, голова раскалывалась от боли. «Второго инсульта я не переживу», - успел подумать Салли и провалился, в пустоту.

* * *

- Чего это с тобой? Эй, Салли... Салли, ты слышишь меня?

Салли открыл глаза и увидел над собой расплывчатое испуганное лицо Диего. Охранник тряс его за плечо:

- Живой? Ох, напугал ты меня. Что случилось?

Салли вяло шевельнул языком:

- Потерял сознание... Приступ...

Язык слушался, но Салли сразу ощутил странный масляный привкус во рту.

- Вставай.

Диего помог подняться на ноги.

- Святая Мария, - воскликнул охранник, отступая. - Да ты грязный как черт! Что случилось?

Салли оглядел себя. Серая форма была перепачкана краской.

Через двадцать минут, лежа на койке в комнате охраны, куда ему помог добраться Диего - правая нога совсем не слушалась, ненужной обузой волочась за телом, - Салли обдумал произошедшее. И чем яснее прорисовывалась сложившаяся ситуация, тем тяжелее становилось на душе. «Дон Педро» превосходил его во всем: крепок, нагл, самоуверен, а главное, обладал волшебным даром, и никто не поверит калеке-уборщику, если только...

Если только «Дон Педро» не совершит ошибку. Если он и вправду настолько безумен, чтобы мстить женщине на картине, - сделать это при свете дня он не сможет.

Салли не мог усидеть на месте и с трудом выбрался из комнаты. Спустился на первый этаж. Туристы недоуменно глядели вслед хрому человеку, измазанному краской.

Диего стоял возле входа в музей, глаза на голубей, которые дрались

за кусок хлеба. По загорелому лицу струился пот.

- Салли? - удивился охранник. - Иди обратно! Я сказал сеньору Эстебану, что ты заболел. Тебе лучше отлежаться.

- Да, - сказал Салли. - Я отлежусь, но... Диего, можно я попрошу тебя об одной услуге?

- Какой?

- Ну, я хочу помочь тебе в ночном дежурстве?

Диего вздернул густые брови. Тихий уборщик впервые за годы службы попросил кого-то об одолжении, а суть просьбы удивляла еще больше.

- Тебе нужны деньги? Поверь, ночным сторожам платят не так много... Какой из тебя охранник?

- У меня все равно бессонница, а лишние деньги не помешают.

Диего пожал плечами.

- Ну, если сеньор Эстебан разрешит...

* * *

Проходя по длинным коридорам ночного музея, рассматривая картины, Салли размышлял о волшебных предметах с картин. Какая же сила заключена в них, что даже простое прикосновение в нашей реальности столь опасно? Нужно быть безумцем, чтобы собирать их ради выгоды. И нужно быть еще большим безумцем, чтобы пытаться противостоять искателю опасных сокровищ.

Салли заскрипел зубами. Это несправедливо! Он столько молился Святой Марии о чуде, об исцелении, так почему волшебный дар достался тому, кто менее всего этого достоин? Хорошо хоть лопнувший радужный шар оставил его, калеку, в живых... А ведь даже та девушка, которая прямо-таки светилась здоровьем, едва жива осталась.

Ему казалось, что это неспроста. Салли воображал, будто музей, который он так любил - со всеми безумными и гениальными загадками, тайнами, искаженной реальностью, - принял его, сломанного человека, в свою странную семью: младшим братом, защитником.

Где-то наверху, на втором этаже, раздался грохот, вскрик, кто-то негромко выругался. Салли замер. Где же Диего? А ведь в этом и заключался план - компенсировать свою слабость поддержкой друга-охранника... «Какой я дурак, - подумал Салли, спеша к лестнице. - Я ведь только услугу сделал вору! Вместо охранника ему придется иметь дело с калекой!»

У подножия лестницы он нашел Диего: охранник дышал, но был без сознания; его пояс с оружием и рацией пропал. В это время со второго этажа раздался отчетливый женский крик. Не раздумывая, Салли рванул вверх по лестнице, не щадя свою больную ногу.

Он подоспел к «Атомной Леде» как раз вовремя. Вор уже засунул руку

в картину по локоть. Поверхность картины покрылась рябью, так что невозможно стало различить детали полотна, но Салли показалось, что на мгновение из глубины возникла женская белая рука. Гала!

Салли секунду колебался, вспоминая холодный укол под ребра, но решительно сорвался с места, налетел на вора и попытался оттащить его от картины. «Дон Педро» отмахнулся от него, как от мухи. Нога подвела Салли, он упал на мраморный пол. Изнутри картины вновь раздался сдавленный женский крик и еще какой-то хлопающий звук... Удары лебединых крыльев?

Вор отскочил от рамы, трясая правую руку.

- Черт, эта тварь меня ущипнула! Ну, держись! - он выхватил складной нож, щелкнул лезвием и ткнул им, как рапирой, в глубь картины. В тот же миг на пол выплеснулось немного красной жидкости - очень похожей на ту, что когда-то Салли вытирал возле картины. Женский крик прозвучал еще пронзительнее... и тут из рамы возникла голова лебедя с иссиня-черным клювом.

Салли только сейчас пришло в голову, что лебедь на картине Дали таких же размеров, как и сама Гала. И, кажется, он рвался наружу.

Огромная птица открыла клюв и издала звук, который Салли никогда не слышал прежде - гортанный, свистящий, грубый. Черные перепончатые лапы заскребли по полу. Лебедь выбрался из картины целиком и бросился на оцепеневшего вора.

«Дон Педро» едва увернулся от хищного птичьего клюва и ринулся в боковую галерею. Салли знал, что второго выхода оттуда нет. Когда он вбежал в зал, кошмарный лебедь уже загнал «Дона Педро» в угол. Вор делал угрожающие выпады ножом, но птица оказалась юркой. А из картин, вывешенных в зале, вразнобой посыпались самые невероятные предметы: жидкие циферблаты, бесформенные сгустки, подпорки-рогатины, пульсирующие сферы. Комната больше не была темной - ее залил ровный оранжевый свет. Музей куда-то исчез: Салли и его противник оказались в совершенно другом месте. словно выполнив свою работу, белый лебедь грузно взмыл в ослепительное синее небо и пропал. Далеко впереди у горизонта проступили высокие утесы. Оглянувшись, Салли увидел, как вдалеке вышагивают на паучьих лапах огромные слоны.

Они оказались в мире Сальвадора Дали.

Вор взвизгнул, когда подпорки-рогатины впились в его тело. Он пытался высвободиться, но лишь крепче увяз в них. Пропорции тела нарушились, приобретя гротескные формы, конечности словно потеряли костяк и провисли на подпорках. Теперь он был похож не на человека, а на бесформенную абстракцию, его глаза и рот стали огромными. Угол зрения Салли сместился немного в сторону, и в ту же секунду «Дон Педро» перестал существовать как единое тело, превратившись в нагромождение абстрактных предметов, в которых

лишь под определенным ракурсом угадывалось подобие человеческой фигуры.

Кто-то тронул Салли за плечо. Обернувшись, он увидел знакомую - худощавую фигуру. Небытие не пощадило Сальвадора Дали: он больше походил на собственный искаженный автопортрет, чем на человека, однако его усы все так же деловито топорщились вверх, как две антенны.

Дали протянул руку к Салли и, к его ужасу, вытащил у него из груди выдвижной ящик! Затем еще один, правее, и еще - из его лба! Салли не ощутил боли - он не чувствовал собственного тела.

Напевая себе под нос, Дали что-то поправил в выдвижных ящиках, торчащих из Салли, затем закрыл их по одному. Салли показалось, что сама его душа встала на место: захлестнуло ощущение полной гармонии, правильности, выдержанности пропорций. Дали удовлетворенно посмотрел на него, словно на удачный эскиз, затем достал из воздуха тонкую кисть и сделал два уверенных мазка по лицу Салли...

* * *

Его разбудили солнечные лучи. Он лежал на полу возле «Атомной Леды», и впервые за многие месяцы у него не болела голова.

Салли встал, с удивлением замечая, как работают мышцы тела - слаженно, спокойно, уверенно. Никакой хромоты, и правая рука не скрючена. Рядом на полу лежала кисточка, испачканная в черной краске. Он поднял ее, легко сжал пальцами, взмахнул в воздухе и широко улыбнулся. Напряжение лицевых мышц вызвало у Салли непривычные ощущения на верхней губе. Он провел по ней рукой и обнаружил тонкие топорщащиеся усы.

Курсор

Курсор

☛ **Компания Paramount** -приобрела права на цикл рассказов Рэя Брэдбери «Марсианские хроники». Продюсировать новую экранизацию одного из самых известных произведений фантастики XX века будет Джон Дэвис, работавший над лентами «Я, робот», «Хищник», «Водный мир» и другими. Если отдельные рассказы из «Марсианских хроник» (1950) экранизировались неоднократно, то сам цикл выходил на

экраны только однажды - в виде мини-сериала в 1980 году. В 1997-м Джон Дэвис вместе с компанией Universal и Стивеном Спилбергом планировал масштабный -игровой проект по «Марсианским хроникам», который так и не был запущен в производство.

📌 **В интернете** уже более полугода существует еженедельная телепередача «Дом фантастики». Ведущий программы журналист и писатель Андрей Щербак-Жуков приглашает в студию известных фантастов, критиков, промоутеров и обсуждает с ними современное состояние литературного процесса, рассуждает о творчестве и перспективах жанра. Хронометраж каждой передачи -30-40 минут. Часть вопросов гостю заранее могут задавать и сами зрители, зайдя на сайт и оставив сообщение. Посмотреть не только новую, но и все предыдущие передачи «Дома фантастики» можно в любой момент прямо на сайте tv.km.ru.

📌 **В Австралии** во время конвента Swancon 36 / Natcon 50, проходившего в Перте, названы лауреаты национальных фантастических премий «Дитмар». Ими стали: Тэнси Рейнер Робертс за роман «Сила и величие»; Торайи Дайер за повесть «Товары компании Эдварда Тича» (последняя признана и лучшим автором-дебютантом). В номинации «Лучший рассказ» первенство поделили Кет Спаркс «Вся любовь в мире» и Кирстин Макдермотт «Она сказала». Вот такое торжество женщин-писательниц на Зеленом континенте!

📌 **Нил Гейман** наконец дождетсся своего триумфа в кино. Канал HBO вплотную занялся экранизацией самого известного романа писателя «Американские боги». Производство осуществит компания Playtone, принадлежащая Тому Хэнксу. Сценарий пилотного эпизода написали Гейман и продюсер Роберт Ричардсон. Тем временем Гейманом заинтересовались в Поднебесной. Ему предложено сделать сценарий для китайского суперблокбастера «Путешествие на запад 3D» - экранизации классического романа XVI века, рассказывающего о путешествии китайского монаха в Индию за священной книгой в сообществе Царя Обезьян. Планируется, что это будет самый дорогой и амбициозный проект в истории азиатского кино: на фильм-трилогию отпущено более 300 миллионов долларов, консультантом по спецэффектам выступит сам Джеймс Кэмерон. Фильм намерены выпустить сразу на английском и китайском, сейчас же идет поиск звездного голливудского режиссера.

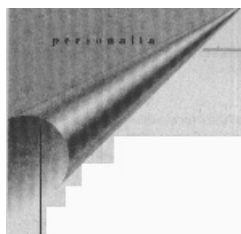
📌 **В том же Китае** Комитет по кинематографии и телевидению издал циркуляр, согласно которому на кино- и телеэкране отныне запрещен

показ фантастических фильмов, рассказывающих о путешествиях во времени. Причина: такие произведения могут спровоцировать у зрителя чувство неуважения к реальной истории. Теперь «до особого распоряжения» увидеть киноклассику вроде саги о «Терминаторе», экранизаций «Машины времени» или трилогии «Назад в будущее» можно только дома на DVD. Был наказан даже советский сериал «Гостья из будущего». Книг запреты не касаются. Пока.

📌 **«Приключения Алисы»** - так будет называться телевизионный мультсериал, выход на экраны которого планируется в 2012 году. Съёмками занимаются студия Тимура Бекмамбетова «Базелевс» и группа компаний Рики (создатели анимационных фильмов «Смешарики»), поэтому планов по поводу Алисы Селезневой - громадье. Планируется и полнометражный 3D-мультфильм, возможна реанимация замороженного игрового проекта «Пленники трех планет». Как будет выглядеть мультфильм, зрителям продемонстрировали в двухминутном ролике «Сколково в 2023 году глазами Алисы Селезневой». Этот ролик был показан Президенту РФ в ходе заседания Комиссии по модернизации.

📌 **Объявлены лауреаты BSFA Awards** - главной британской фантастической премии. Церемония награждения состоялась во время ежегодного британского конвента «Истеркон», проходившего с 22 по 25 апреля в Бирмингеме. Приз за лучший роман получил «Дом дервиша» Иэна Макдональда. В номинации «Лучший рассказ» победил «Кораблестроитель» Алиетт де Бодар. Удивительный факт - приз за лучшую нон-фикшен получил Пол Кинкэйд за статью в своем блоге, в которой анализируются номинации на премию «Хьюго».

Агентство F-пресс

personalia

**КОРНЕЛЛ Пол
(CORNELL, Paul)**

Британский писатель и телесценарист Пол Корнелл родился в 1967 году и более всего известен сценариями эпизодов популярного телесериала «Доктор Кто», а также оригинальными книгами по мотивам того же сериала и комиксами. Всего им написано 10 романов, действие которых разворачивается во «Вселенной Доктора Кто», а также три внесерийных романа и 13 рассказов и повестей, имеющих отношение к фантастике. Дважды произведения Пола Корнелла номинировались на премию «Хьюго», в том числе рассказ «Исчезнувший пруссак», опубликованный в этом номере журнала.

**МИРАБЕЛЛИ Юджин
(MIRABELLI, Eugene)**

Американский писатель, поэт, журналист Юджин Мирабелли родился в 1932 году и после окончания Массачусетского технологического института и Гарвардского университета сменил не одну профессию. Но после защиты диссертации по филологии в Гарвардском университете Мирабелли окончательно переквалифицировался в гуманитария. Он преподавал во многих университетах и вел там литературные курсы для будущих писателей.

Ряд произведений Мирабелли содержит фантастические элементы и сюжетные линии. Таков, например, недавний мейнстримовский роман «Богиня, влюбленная в коня (и что произошло потом)», герои которого указаны в заглавии: это богиня и кентавр, рожденные в семьях итальянских иммигрантов, переселившихся в Бостон. В жанре писатель дебютировал в 2003 году рассказом «Единственный известный прыжок сквозь время». С тех пор Мирабелли опубликовал еще четыре НФ-рассказа, один из которых - «Женщина в волновых уравнениях Шрёдингера» (2005), - известный читателям «Если», был номинирован на премию «Небьюла».

**РЕЗНИК Майк
(RESNICK, Mike)**

Один из видных представителей американской фантастики последних десятилетий Майкл Даймонд Резник родился в 1942 году в Чикаго. Предки его были выходцами из России. Окончив университет, Резник работал клерком в управлении железных дорог, кинологом, редактором в издательстве. Активный поклонник творчества Эдгара Райса Берроуза, Резник дебютировал в литературе романом «Забывшее море Марса» (1965), представлявшим собой откровенное подражание

кумиру. Начав затем писать коммерческую героическую фэнтези в духе того же Берроуза, писатель неожиданно на полтора десятка лет оставил фантастическую литературу, переключившись на иные жанры и успев написать под множеством псевдонимов более 200 книг.

Возвращение Резника в научную фантастику состоялось в середине 1980-х. Сейчас на счету писателя около 190 рассказов и повестей и около 80 романов, многие из которых объединены в серии - такие, как «История будущего», «Рассказы о галактическом Мидуэе», «Хроники дальних миров», «Оракул», «Кириньяга», эротическая тетралогия «Истории бархатной кометы».

Резник девять раз становился лауреатом премии «Хьюго» и по одному разу завоевывал премии «Небьюла» и Skylark (имени Эдуарда «Дока» Смита), а также два десятка рангом ниже. Только на премии «Хьюго» и «Небьюла» произведения Резника номинировались 50 раз!

Кроме того, известность Резнику принесла серия составленных им оригинальных антологий на темы альтернативной истории: «Альтернативные президенты», «Альтернативные полководцы», «Альтернативные преступники», «Альтернативные тираны», наконец, «Альтернативные всемирные конвенции». Всего же на счету Резника более двух десятков составленных антологий.

РОМАНЕЦКИЙ Николай Михайлович

Петербургский писатель, редактор и переводчик родился в 1953 году в Новгородской области. Окончил Ленинградский политехнический институт. В настоящее время - ответственный секретарь журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Член семинара Бориса Стругацкого и выпускник Малеевки Н.Романецкий дебютировал в жанре рассказом «Третье имя», опубликованным в 1987 году в журнале «Энергия». Первая книга - сборник «Убьем в себе Додолу» - увидела свет лишь десятью годами позже. С тех пор выпустил около 20 книг в различных направлениях остросюжетной фантастики - от Science Fantasy до космооперы и НФ-детектива. Наибольшую известность получили романы «Везунчик» (2001), «Искатели жребия» (2002), а также циклы «У мертвых Кудесников длинные руки» (1996-2000), «Экспансия» (2006-2009) и «Избранник» (2006-2011, два последних цикла под псевдонимом Николай Романов). Кроме того, Н.Романецкий активно выступает как переводчик англоязычной фантастики, в том числе произведений Филипа Дика, Роберта Хайнлайна, Эдгара Пэнгборна, Терри Гудкайнда и других.

В премиальный список Н.Романецкого вписаны «АБС-премия»,

«Большой Зилант», «Бронзовая Улитка», Премии имени Александра Беляева и имени Ивана Ефремова, «Интерпресскон».

РУДЕНКО Борис Антонович

Писатель и журналист родился в Москве в 1950 году. Окончил Московский автомобильно-дорожный Институт. Полгода «пылился» (по его собственному выражению) в одном из КБ (пресловутые «закрытые ящики»), а затем перешел на работу в милицию, где прослужил полный срок и уволился в чине подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь». Участник легендарных малеевских семинаров, Б.Руденко свой первый рассказ «Вторжение» опубликовал в 1978 году в журнале «Техника - молодежи». В течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно публиковались в периодической печати и сборниках. Однако в 1989 году писатель неожиданно «эмигрировал» в детективную прозу (дебют - повесть «До весны еще далеко» в «Искателе»). В этом жанре он выпустил книги «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Смерть откладывается на завтра» (1995), «Время черной охоты» (1996), «Мертвых не судят» (1996), «Снайпер» (1997), «Беглец» (1998) и другие.

В 2003 году на страницах журнала «Если» состоялось возвращение писателя к литературным истокам - в жанр НФ (с тех пор Б.Руденко - постоянный автор журнала), а в феврале 2005 года вышла и первая НФ-книга Б.Руденко - роман «Те, кто против нас».

ХАУБОЛЬД Франк (HAUBOLD, Frank W.)

Немецкий фантаст Франк Хаубольд родился в 1955 году в городе Франкенберг (Саксония). Изучал информатику и биофизику в Дрездене и Берлине.

Первое выступление Ф.Хаубольда - рассказ «Пылающее лето» - состоялось в 1993 году. В последующие годы он публиковал романы и сборники рассказов: «На берегу ночи» (1997), «День серебряных зверей» (1999), «Ворота мечты» (2001), «Подарок ночи» (2003), «Волчьи черты» (2007), «Тени Марса» (2007), «Звездная танцовщица» (2009). В 2008 году писатель получил двойную Deutscher Science Fiction Preis. Это уникальный случай в истории премии, когда автор завоевал самую престижную национальную награду сразу за две работы - роман «Тени Марса» (2007) и рассказ «Возвращение домой» (2007).

Сейчас Франк Хаубольд живет с женой в небольшой деревне

Вальдсаксен, вблизи города Мееранте.

ЭЙКЕН Брэд
(AIKEN, Brad)

Американский врач и начинающий писатель-фантаст Брэд Эйкен живет и практикует во Флориде. Писать фантастику он начал еще во время учебы в Бостонском университете и в 2000 году опубликовал свой первый и пока единственный роман «Звездный пейзаж: серебряная пуля». С тех пор в журналах и антологиях вышли три рассказа Эйкена.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уважаемые читатели!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 Форма № ПД-4 ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа) ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа) БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа) КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.
Кассир	
Квитанция	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа) ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа) БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа) КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.
Кассир	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

в _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир	Сумма платежа:	_____ руб.	_____ коп.
	Сумма платы за услуги	_____ руб.	_____ коп.
	Итого	_____ руб.	_____ коп.

ВНИМАНИЕ!

Внимание!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел
распространения.**

**Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)
e-mail: sales@lubkniga.ru**

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Евгения ЛУКИНА
«ПРИБЛУДНЫЕ»**

РАССКАЗЫ

**Николая ГОРНОВА,
Кейт ВИЛЬХЕЛЬМ,
Джейсона СЭНФОРДА,
Генри СТРАТМАННА**

СТАТЬЯ

Глеба Елисеева: музыка в НФ

ОЧЕРК

Вл. Гакова о Джулиан Мэй

**ЧИТАЙТЕ ИЮЛЬСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Стоимость подписки на 1 месяц — 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Евгения ЛУКИНА
«ПРИБЛУДНЫЕ»**

РАССКАЗЫ

**Николая ГОРНОВА,
Кейт ВИЛЬХЕЛЬМ,
Джейсона СЭНФОРДА,
Генри СТРАТМАННА**

СТАТЬЯ Глеба Елисеева: музыка в НФ

ОЧЕРК Вл. Гакова о Джулиан Мэй

ЧИТАЙТЕ ИЮЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и

**«Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.**

**Стоимость подписки на 1 месяц - 87 рублей,
включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.**

The advertisement is for "Poleznoe Video" magazine. At the top left, there is a logo with the text "ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО". To the right, a blue banner contains the text: "Добро пожаловать в интернет-магазин ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО! Здесь вы можете купить самые лучшие обучающие видеоролики и видеокурсы-самучители на DVD, познавательные и документальные фильмы. Удачных Вам покупок!". Below this is a large grid of approximately 60 DVD covers, each with a title and image. Some titles include "ЙОГА", "КОФЕ", "ПИЛАТЕС", "ОРГАНИЗМ", "ЭНГЛИШ", "ДИЕТ", "RиВ", "ХАТХА ЙОГА", "КОРОЛЕВА", "УТРЕННИЙ РАБОТНИК", "ТАЙПО", "ПОНЕ", "МЕДОВЫЙ МАССАЖ", "СТОЯН-ГРЕБАНЬ", "ПОНЕ", "ТАЙПО", "ЙОГА", "КОРОЛЕВА", "УТРЕННИЙ РАБОТНИК", "ТАЙПО", "ПОНЕ", "ТАЙПО", "ЙОГА", "КОРОЛЕВА", "УТРЕННИЙ РАБОТНИК", "ТАЙПО", "ПОНЕ", "ТАЙПО", "ЙОГА", "КОРОЛЕВА", "УТРЕННИЙ РАБОТНИК", "ТАЙПО", "ПОНЕ", "ТАЙПО". Below the grid are several speech bubbles with text, and a row of photos of people. At the bottom, there is a barcode with the ISSN number 1680-645X and the number 11006. To the right of the barcode is the website "poleznoevideo.ru" and phone numbers: (490) 248-7408, (495) 585-7316, (495) 585-7312.

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера